SEAL OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LET THERE BE LIGHT
1868

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

БРЕТЪ-ГАРТА

Томъ второй

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типогр. Высочайше утвержд. Товар. „Общественная Польза"
Большая Подъяческая, № 39
1895

МЛИССЪ.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА I.

Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Сьерра Невада начинаетъ переходить въ мягкіе, волнистые скаты, гдѣ рѣки бѣгутъ менѣе быстро и гдѣ онѣ менѣе желты—на склонѣ большой Красной Горы лежитъ колонія Smith's Pocket—Смитовъ Карманъ. Съ большой дороги, если взглянуть при закатѣ солнца, бѣлые домики поселка, въ красной пыли и красномъ свѣтѣ, походятъ на крупинки кварца на горномъ склонѣ. Красный дилижансъ, съ пассажирами въ красныхъ блузахъ, теряется изъ виду разъ шесть на протяженіи извилистаго спуска, показываясь тамъ, гдѣ его всего менѣе можно было-бы ждать и окончательно исчезая изъ виду ярдахъ во ста отъ селенія. Вѣроятно, благодаря этимъ изгибамъ дороги, первое появленіе пріѣзжихъ въ Смитовъ Карманъ сопровождается иногда удивительными приключеніями. Выйдя изъ дилижанса у почтовой станціи, путешественникъ самоувѣренно готовится вступить прямо въ городъ, но вмѣсто того рискуетъ подъ обманчивымъ впечатлѣніемъ выйти изъ города обратно. Разсказываютъ, какъ одинъ рудокопъ съ золотыхъ пріисковъ встрѣтилъ въ двухъ миляхъ отъ города одного такого самонадѣяннаго пассажира, съ дорожнымъ мѣшкомъ, зонтикомъ, съ послѣдними нумерами газетъ и другими атрибутами цивили-

заціи, который тщетно искалъ признаковъ мѣстонахожденія колоніи.

Впрочемъ наблюдательные и природолюбивые путешественники считаютъ себя вознагражденными за потерянное время, бросивъ взглядъ на живописный фантастическій пейзажъ. Они видятъ громадныя разсѣлины на откосахъ горъ, опрокинутыя глыбы красной почвы, скорѣе напоминающія первобытную борьбу стихій, чѣмъ работу человѣческихъ рукъ. На каждомъ шагу на дорогѣ виднѣются ямы поменьше, тая́ въ своихъ впадинахъ струйки грязной воды, которая невѣдомыми путями стекаетъ въ одинъ большой, общій мутный потокъ внизу, подъ горой. Мѣстами попадаются развалины хижинъ, съ уцѣлѣвшей трубой посреди груды мусора.

Поселокъ Смитовъ Карманъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ тому, что нѣкій Смитъ нашелъ тутъ себѣ «карманъ» *), изъ котораго въ теченіи получаса и безъ всякаго труда вынулъ пять тысячъ долларовъ. Изъ нихъ три Смитъ съ товарищами тотчасъ же употребили на устройство золотопромывальни. А затѣмъ Смитовъ Карманъ обнаружилъ свойство, общее всѣмъ карманамъ вообще—становиться день ото дня пустѣе. И хотя Смитъ насквозь прорылъ большую Красную Гору, первыя найденныя имъ пять тысячъ были и послѣдними. Гора упрямо затаила свои сокровища, а промывальня безпощадно уносила остатки Смитовыхъ средствъ. Смитъ перешелъ къ разработкѣ и размалыванію кварца, затѣмъ къ гидравликѣ и наконецъ сталъ содержателемъ трактира. Вскорѣ стали говорить, что Смитъ запилъ. Слухъ сталъ фактомъ, и многіе даже пришли къ убѣжденію, что Смитъ никогда ничѣмъ инымъ и не былъ, какъ горькимъ пьяницей.

Но поселокъ Смитовъ Карманъ, подобно большей ча-

---

*) Такъ называютъ Калифорнійцы золотоносную шахту.

сти открытій, по счастью не былъ въ зависимости отъ фортуны первыхъ піонеровъ. Другіе, позднѣйшіе искатели понадѣлали новыхъ туннелей и, роясь въ землѣ, нашли новые «карманы». Мало-по-малу Смитовъ Карманъ сдѣлался значительнымъ мѣстечкомъ, съ двумя модными магазинами, двумя «благородными» гостинницами, телеграфомъ и почтовой конторой, и двумя «первыми семействами». Единственная длинная улица городка щеголяла отъ времени до времени образцами послѣднихъ модъ изъ Санъ-Франциско, которые были привезены съ экспресомъ исключительно для двухъ «первыхъ семействъ», составляя вопіющій контрастъ съ грубыми очертаніями изрытой земной поверхности и нанося личную обиду большей части населенія, которой воскресенье давало возможность только развѣ перемѣнить бѣлье.

Была тамъ еще методистская церковь и рядомъ съ ней ссудный банкъ, а немного дальше, на склонѣ горы, кладбище и маленькая школа.

«Учитель»—его маленькая паства знала его только подъ этимъ именемъ—сидѣлъ вечеромъ одинъ въ маленькомъ школьномъ домѣ, передъ ученическими тетрадями, старательно выводя тѣ смѣлыя прописи, которыя во всѣхъ школахъ считаются идеаломъ каллиграфическаго и нравственнаго совершенства. Онъ только-что остановился на изреченіи: «Богатство суетно», округливъ имя существительное съ такою же вычурностью, какая крылась въ духѣ текста, какъ вдругъ въ дверь тихо постучали.

Дятлы цѣлый день возились на крышѣ, и учитель не обратилъ вниманія на легкій стукъ. Но стукъ повторился и дверь пріотворилась. Учитель поднялъ голову и вздрогнулъ, увидѣвъ грязную, оборванную дѣвочку. Однако ея большіе темные глаза, нечесанные матово-черные волосы, низко падавшіе на загорѣлое лицо, руки и ноги въ красной глинѣ — все это было ему хорошо знакомо.

То была Мелисса Смитъ—дочь Смита, давно лишившаяся матери.

— Что ей надо? — мелькнуло въ головѣ учителя. «Млиссъ»—какъ ее называли—знали всѣ, во всѣхъ уголкахъ Красной Горы.

Буйный нравъ, безумныя выходки и непокорность дѣвочки были также извѣстны, какъ пьянство отца, и также философски терпимы односельчанами. На нее давно махнули рукой. Она бранилась и дралась съ школьниками и отличалась въ схваткахъ съ ними отчаянной смѣлостью и почти непобѣдимой силой. Она бѣгала по лѣсамъ такъ-же свободно, какъ дома, не хуже любого охотника отыскивая тропинки, и учитель не разъ самъ видѣлъ ее босоногую и простоволосую за нѣсколько миль отъ поселка.

Искатели золота, жившіе вдоль рѣки, щедро снабжали ее милостыней, кормили и давали ей кровъ. Впрочемъ отъ Млиссъ зависѣло воспользоваться и болѣе высокимъ покровительствомъ: преподобный Іосія Макъ-Снэгли, оффиціальный представитель церкви, помѣстилъ-было ее въ одинъ изъ отелей служанкой и записалъ ее въ число посѣтительницъ воскресной школы. Но она швыряла, при случаѣ, тарелкой въ лицо хозяину, отвѣчала неустрашимо на дешевыя шутки посѣтителей и произвела въ воскресной школѣ впечатлѣніе, несовмѣстное съ чопорной монотонностью заведенія. Изъ уваженія къ накрахмаленнымъ юбочкамъ и безупречному благонравію розовыхъ дочекъ двухъ «первыхъ семействъ», почтенный миссіонеръ изгналъ ее съ позоромъ.

Таковы были прошедшее и характеръ Млиссъ, стоявшей теперь передъ учителемъ. То и другое одинаково сказывалось въ ея оборванномъ платьѣ, нечесанныхъ волосахъ, окровавленныхъ ногахъ, и громко взывало къ состраданію. Оно сверкало изъ ея черныхъ безстрашныхъ глазъ и невольно однако внушало уваженіе.

— Я пришла, — заговорила она быстро и смѣло, не сводя съ него упорнаго взгляда,—потому что знала, что вы теперь одни. Я не хотѣла придти, когда здѣсь дѣвчонки. Я ихъ ненавижу и онѣ меня ненавидятъ. Вотъ, почему.—Вы держите школу, да? Я хочу учиться!

Еслибъ къ своимъ отрепьямъ, нечесаннымъ волосамъ и грязному лицу она присоединила слезы смиренія, учитель былъ бы тронутъ, и только, но вслѣдствіе врожденнаго инстинкта его пола, ея смѣлость вызвала то уваженіе, которымъ безсознательно отзываются одна другой, встрѣчаясь, двѣ родственныя натуры. И онъ взглянулъ на нее пристальнѣе, когда она продолжала, рѣзко отчеканивая слова, держась рукою за дверь и не сводя съ него глазъ:

— Меня зовутъ Миссъ... Миссъ Смитъ, въ этомъ можете ручаться головой. Мой отецъ старый Смитъ. Старый лѣнтяй Смитъ—вотъ все, что можно про него сказать. И я пришла учиться.

— Ну, хорошо, спокойно выговорилъ учитель.

Она привыкла встрѣчать противорѣчіе, часто жестокое, несправедливое, не имѣвшее иной цѣли, какъ только позлить, и она была поражена флегматически-мягкимъ отвѣтомъ учителя. Она остановилась, повертѣла прядь волосъ между пальцами, и суровая линія верхней губы, надъ злыми маленькими зубами, чуть замѣтно дрогнула. Глаза опустились, едва замѣтный румянецъ выступилъ на щекахъ сквозь загаръ и грязь. Она вдругъ бросилась впередъ, громко вскрикнула—упала лицомъ на столъ и неудержимо разрыдалась.

Учитель нѣжно положилъ руку ей на плечо и ждалъ, чтобъ припадокъ прошелъ. Когда, отвернувшись въ сторону, она могла проговорить сквозь слезы mea culpa своей ребяческой исповѣди,—обѣщая быть хорошей, никогда больше не дѣлать и т. д.,—ему пришло въ голову спросить у нея, отчего она перестала ходить въ воскресную школу?

Отчего она перестала ходить въ воскресную школу?— Отчего?—Да вотъ отчего. Оттого что *онъ* (Макъ-Снэгли) сказалъ, что она нехороша для школы. Оттого, что онъ ей сказалъ, что Богъ ее ненавидитъ. Если Богъ ее ненавидитъ, то зачѣмъ же ей ходить въ воскресную школу? Она не хочетъ навязываться никому изъ тѣхъ, кто ее нетерпитъ...

Сказала ли она это Макъ-Снэгли?

Да, сказала.

Учитель засмѣялся. Этотъ громкій, искренній смѣхъ такъ странно прозвучалъ въ маленькомъ школьномъ домѣ, такъ плохо вязался и гармонировалъ со стонами сосенъ подъ окнами, что учитель вдругъ остановился, вздохнулъ, затѣмъ также искренно, спустя минуту серьезнаго молчанія, онъ спросилъ Млиссъ про отца.

Ея отецъ? Какой отецъ? Чей отецъ? Что онъ сдѣлалъ для нея когда нибудь? Почему ее всѣ ненавидятъ? Или— почему люди говорятъ: это Млиссъ стараго пьяницы Смита! — когда она проходитъ мимо? Да, почему? — О, какъ бы ей хотѣлось умереть... и она, и всѣ умерли бы... весь свѣтъ...

И она снова разрыдалась.

Учитель, наклонившись надъ ней, говорилъ ей какъ умѣлъ, что и мы съ вами сказали бы, еслибъ услышали такія неестественныя рѣчи изъ дѣтскихъ устъ; только онъ былъ ласковѣе къ ней, потому что во-очію видѣлъ ея рваную одежду, окровавленныя ноги и вездѣсущую тѣнь пьяницы-отца.

Затѣмъ, поставивъ ее на ноги, онъ обернулъ ее своимъ пледомъ и, наказавъ придти пораньше утромъ, проводилъ ее до узкой тропинки. Тамъ онъ простился съ нею.

Мѣсяцъ свѣтилъ ярко. Онъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ ея маленькая фигурка съ наклоненной головкой мелькала

вдоль узкой тропинки. Онъ подождалъ, пока она перешла черезъ кладбище и добралась до верхушки холма, гдѣ она повернулась и постояла съ минуту,—изображая изъ себя одинъ атомъ страданія сравнительно съ безпредѣльностью терпѣливыхъ звѣздъ.

Затѣмъ онъ вернулся къ работѣ.

Но линейки школьныхъ тетрадей растягивались въ длинныя параллели нескончаемыхъ дорогъ, по которымъ проходили дѣтскія фигуры, рыдая, ломая руки и теряясь въ ночной темнотѣ. Классная комната показалась ему теперь безотрадно одинокой. Онъ всталъ, заперъ дверь и ушелъ къ себѣ.

* * *

На слѣдующее утро Млиссъ пришла въ школу. Лицо ея было вымыто, черные волосы обнаруживали слѣды недавней борьбы съ гребенкой, борьбы, въ которой пострадали сильно обѣ стороны. Что-то вызывающее проглядывало по временамъ изъ ея глазъ, но во всемъ существѣ ея произошла перемѣна: она стала мягче и сдержаннѣе. Затѣмъ начался рядъ маленькихъ испытаній и жертвъ, въ которыхъ учитель и ученица несли равную долю и которыя увеличили довѣріе и симпатію между ними. Покорная на глазахъ учителя, и даже въ часы рекреацій, Млиссъ никогда не могла стерпѣть хотя воображаемой обиды; тогда она приходила въ неописанную ярость, и многіе изъ юныхъ дикарей, думавшихъ или нѣтъ задѣть ее, отыскивали учителя и предъявляли ему исцарапанныя физіономіи и разорванныя курточки съ нескончаемыми жалобами на ужасную Млиссъ.

Жители города рѣзко расходились во взглядѣ на поступленіе дѣвочки въ школу; одни угрожали взять своихъ дѣтей изъ школы, чтобы устранить ихъ отъ такого дурнаго общества, другіе горячо сочувствовали учителю въ его дѣлѣ исправленія.

Между тѣмъ, съ упорной настойчивостью, удивлявшей его самого, когда ему случалось впослѣдствіи думать объ этомъ, учитель постепенно выводилъ Миссъ изъ мрака ея прежней жизни, продолжая какъ будто вести ее впередъ по тому узенькому пути, на который онъ ее вывелъ въ лунную ночь при ихъ первомъ свиданіи. Помня опытъ евангелическаго Макъ-Снэгли, онъ осторожно избѣгалъ подводныхъ камней, о которые этотъ неопытный кормчій разбилъ-было ея неокрѣпшую вѣру. Но если, во время чтенія, ей случалось попадать на одно изъ немногихъ словъ, способныхъ поднять подобныхъ ей надъ уровнемъ старыхъ, мудрыхъ и осторожныхъ,—если она случайно отодвигала завѣсу съ той вѣры, которая символизируется страданіемъ, и если въ глазахъ ея погасалъ, смягчаясь, прежній блескъ,—онъ остерегался останавливаться на этомъ, дать ей замѣтить что-нибудь, остерегался опошлить проблески идеала ходячей моралью.

Добрые люди—не изъ «первыхъ семействъ»—сложились и составили сумму, давшую оборванной Миссъ возможность прилично одѣться,—и часто грубое пожатіе руки и пара признательныхъ словъ, отъ коренастой фигуры въ красной рубахѣ, вызывали краску въ лицѣ учителя и заставляли его задавать себѣ вопросъ, въ самомъ-ли дѣлѣ онъ заслужилъ такую благодарность.

Три мѣсяца прошло со времени ихъ первой встрѣчи. Учитель сидѣлъ по обыкновенію поздно вечеромъ надъ нравоучительными прописями, какъ вдругъ послышался стукъ въ дверь, и передъ нимъ опять, какъ тогда, стояла Миссъ. Она была чисто вымыта, опрятно одѣта, и ничто, кромѣ длинныхъ черныхъ волосъ и блестящихъ черныхъ глазъ, не напоминало въ ней прошлаго.

— Вы заняты? — спросила она. — Можете пойдти со мной?

И когда онъ изъявилъ готовность, она сказала повелительнымъ, обычнымъ тономъ:

— Такъ пойдемте-же скорѣе!

Они вышли вмѣстѣ изъ дверей и пошли темной дорогой. Когда они вошли въ поселокъ, учитель спросилъ, куда она идетъ? Она отвѣчала: — Къ отцу!

Въ первый разъ онъ услышалъ отъ нея это слово. Прежде она не говорила иначе, какъ «старый Смитъ», или просто «старикъ». Вообще въ первый разъ въ эти три мѣсяца она сама заговорила объ отцѣ, и учитель зналъ, что она рѣшительно держалась въ сторонѣ отъ него со времени своего «обращенія». Зная, что безполезно было бы разспрашивать о ея намѣреніяхъ, онъ молча пошелъ за ней.

Въ самыя отпѣтыя мѣста, въ подвальныя распивочныя, трактиры и дешевые рестораны, въ игорныя залы и танцклассы — всюду входилъ и выходилъ учитель, предшествуемый Млиссъ. Въ непроглядномъ дыму, посреди богохульныхъ возгласовъ, дѣвочка, держась за руку учителя, останавливалась, тревожно всматривалась, не сознавая ничего, поглощенная вся интересомъ своихъ исканій. Нѣкоторые изъ кутилъ, узнавая Млиссъ, просили ее поплясать и попѣть для нихъ, и хотѣли заставить ее выпить вина, еслибъ не вступился учитель. Другіе, при видѣ учителя, почтительно разступались и кланялись.

Прошелъ часъ такимъ образомъ. —Дѣвочка шепнула ему на ухо, что по ту сторону рѣки есть изба, гдѣ *онъ* могъ бы быть, какъ она полагаетъ. Они пошли на ту сторону, — переходъ былъ утомительный и продолжался полчаса, — но напрасно.

Они возвращались, поглядывая на огни на противоположномъ берегу, какъ вдругъ въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ раздался рѣзкій сухой выстрѣлъ. Эхо подхватило его и понесло кругомъ Красной Горы. Вдоль всей рѣки залаяли собаки. Огни замелькали и быстро задвигались на

окраинахъ города, съ прибрежныхъ скалъ сорвались нѣсколько камней и скатились въ рѣку съ громкимъ всплескомъ, порывъ вѣтра простоналъ въ печально нависшихъ вѣтвяхъ елей, и наступившее затѣмъ безмолвіе показалось еще тяжелѣе, мрачнѣе, мертвеннѣе.

Учитель оглянулся на Миссъ съ такимъ движеніемъ, какъ будто она нуждалась въ защитѣ, но она исчезла. Подавленный страннымъ опасеніемъ, онъ бросился внизъ. къ рѣкѣ, и перебрался черезъ русло въ бродъ, перескакивая съ камня на камень, потомъ онъ добѣжалъ до подножія Красной Горы и до окраинъ поселка. Въ то время, какъ онъ перебирался черезъ рѣку, тѣнь дѣвочки. казалось ему, скользнула по узкому мостику безъ перилъ, перекинутому высоко надъ его головой надъ водопроводомъ, но тѣнь исчезла безслѣдно во тьмѣ.

Онъ поднялся на берегъ и, руководимый огнями. блуждавшими вокругъ центральнаго пункта на горѣ, скоро остановился, тяжело переводя духъ, около группы встревоженныхъ людей. Среди нихъ была также Миссъ. Она отдѣлилась отъ толпы и, взявъ учителя за руку, молча подвела его къ глубокой впадинѣ въ горѣ. Лицо ея было совершенно блѣдно, но возбужденіе стихло. Она походила на человѣка, съ которымъ только-что случилось что-то ужасное, хотя давно предвидѣнное и ожиданное. Въ тоже время въ ея глазахъ какъ будто видѣлось освобожденіе. Учитель тревожно вглядывался во впадину. Стѣны ея были отчасти подперты полусгнившими балками. Дѣвочка указала рукой на кучку лохмотьевъ, оставленныхъ въ пещерѣ послѣднимъ ея обитателемъ. Учитель подошелъ ближе и нагнулся.

То былъ Смитъ.

Съ пистолетомъ въ рукѣ и пулей въ сердцѣ, распростертый лежалъ онъ у своего пустаго «Кармана».

ГЛАВА II.

Самъ достопочтенный Макъ-Снэгли призналъ «духовное возрожденіе» Млиссъ. Стали говорить, что Млиссъ нашла свое счастье. И когда прибавилась новая могила на маленькомъ кладбищѣ, и на счетъ учителя поставили надъ ней крестъ съ надписью,—«Знамя Красной Горы» не пропустило случая тиснуть красное словцо въ память одного изъ «нашихъ старѣйшихъ піонеровъ», намекнувъ кстати на оставшуюся горсть благородныхъ дѣятелей и припомнивъ, что почтенный собратъ оставилъ ребенка, теперь сдѣлавшагося примѣрной ученицей, благодаря стараніямъ.... преподобнаго Макъ-Снэгли.

Преподобный Макъ-Снэгли мастерски воспользовался обращеніемъ Млиссъ, какъ темой для проповѣди. Косвенно обвинивъ несчастную дѣвочку въ самоубійствѣ отца, онъ не безъ пріятности распространился о благотворномъ вліяніи «нѣмой могилы» и ввергъ слушателей въ безмолвный ужасъ. Бѣло-розовыя дѣти «первыхъ семействъ» отчаянно взвыли и не хотѣли утѣшиться.

*
* *

Наступило длинное, сухое лѣто. Жаркій день, догорая, оставлялъ послѣ себя маленькій клубокъ перлово-сѣраго дыма на горныхъ вершинахъ, а утреннимъ вѣтромъ его красный пепелъ разсыпало по окрестности; травка, которая раннею весною зеленѣла на Смитовой могилѣ, поблекла и высохла. Учитель, бродя по кладбищу въ часы досуга, удивлялся, находя на могилѣ Смита то пучекъ свѣжихъ цвѣтовъ, собранныхъ въ влажной чащѣ сосноваго лѣса, то вѣнки на маленькомъ сосновомъ крестѣ. Вѣнки были по большей части изъ травы, съ примѣсью какихъ нибудь ядовитыхъ цвѣтовъ,

аконита или бѣлены. Странное сопоставленіе ядовитыхъ растеній надъ могилой съ воспоминаніями прошлаго возбуждало въ учителѣ тяжелое чувство.

Разъ, проходя лѣсной чащей, онъ набрелъ на Миссъ. Она сидѣла на ели, опрокинутой бурею, на фантастическомъ тронѣ, образовавшемся изъ корней и вѣтвей. Она держала на колѣняхъ множество разныхъ травъ, цвѣтовъ и еловыхъ шишекъ, и напѣвала негритянскую пѣсенку, заученную ею давно. Узнавъ учителя, Миссъ подвинулась, поподчивала его дикими яблоками и пригласила, съ благосклоннымъ радушіемъ, которое показалось бы смѣшнымъ, еслибъ не было такъ серьезно, присѣсть возлѣ. Учитель воспользовался случаемъ, чтобы указать ей на опасныя свойства аконита и бѣлены, завидѣвъ ихъ мрачные цвѣты, и взялъ съ нея обѣщаніе никогда больше ихъ не собирать. Когда она дала слово, онъ успокоился—онъ уже испыталъ ея честность и твердость раньше,—и странное чувство, овладѣвшее имъ при видѣ этихъ цвѣтовъ въ ея рукахъ, совершенно разсѣялось.

* * *

Изъ домовъ, открывшихъ двери Миссъ, когда ея обращеніе стало извѣстно, учитель предпочелъ домъ мистрисъ Морферъ, принадлежавшей къ типу кроткихъ женщинъ юго-западнаго края; въ дѣвичествѣ она была извѣстна подъ прозвищемъ Розы прерій. Мистрисъ Морферъ долгимъ рядомъ самопожертвованій поборола свою врожденную безпечность и безалаберность и покорила ее принципамъ порядка, которые она, также какъ Попъ, считала первымъ изъ небесныхъ законовъ. Но она не могла вполнѣ подчинить себѣ орбитъ своихъ сателлитовъ, какъ ни правильно были регулированы ея личныя движенія, и по временамъ у нея бывали столкновенія даже съ возлюбленнымъ супругомъ—Джимсомъ. Кромѣ того, ея преж-

няя натура сказалась на ея дѣтяхъ. Ликургъ вскакивалъ изъ-за стола во время обѣда, Аристидъ приходилъ домой изъ школы безъ башмаковъ, оставивъ эти важныя статьи за порогомъ, для того, чтобы насладиться прогулкой босикомъ. Октавія и Кассандра были безпечны въ своихъ одеждахъ. Словомъ, эти дѣти уничтожали всѣ плоды ея работы надъ собой. Единственнымъ исключеніемъ была Клитемнестра Морферъ, дѣвочка пятнадцати лѣтъ. Она была воплощеніемъ материнскихъ идеаловъ—чистенькая, аккуратная и скучная.

Пріятной слабостью мистрисъ Морферъ было воображать, что Клити служитъ утѣшеніемъ и примѣромъ для Млиссъ. Въ силу этого заблужденія, мистрисъ Морферъ тыкала Клити въ глаза Млиссъ, когда та была еще гадкой дѣвочкой, и энергично указывала на ту-же Клити, какъ идеалъ стремленій, въ минуты раскаянія несчастной Млиссъ. И потому учитель не удивился, когда узналъ, что Клити придетъ въ школу, для того, чтобы послужить примѣромъ для Млиссъ и для другихъ, въ видѣ особеннаго благоволенія мистриссъ Морферъ къ учителю.

Клити была маленькой лэди, какъ быть слѣдуетъ. Унаслѣдовавъ отъ матери ея физическія преимущества она въ силу климатическихъ условій Красной Горы, рано развилась и разцвѣла. Молодежь Смитова-Кармана, для которой такіе цвѣтки были рѣдкостью, вздыхали по ней въ апрѣлѣ и томились въ маѣ. Влюбленные юноши заглядывали и въ школьный домъ въ свободные часы. Нѣкоторые изъ нихъ ревновали къ учителю.

Можетъ быть именно это обстоятельство открыло учителю глаза. Онъ не могъ не замѣтить романическихъ наклонностей Клити. Въ школѣ на нее требовалась большая доля вниманія; ея перья были всегда не хороши, и просьбу очинить ихъ она всегда сопровождала выраженіемъ глазъ, несоотвѣтственнымъ степени одолженія;

иногда она, коснувшись своею полной, бѣлой рукой его руки, вся вспыхивала и кокетливо отбрасывала назадъ свои бѣлокурые локоны.

Я не помню, сказалъ ли я, что учитель былъ молодъ; однако, это не могло имѣть большаго значенія, такъ какъ онъ уже прошелъ суровый курсъ въ той школѣ, въ которой Клити брала первый урокъ, и оставался совершенно равнодушенъ къ круглымъ локтямъ и нѣжнымъ взглядамъ, какъ подобаетъ истому спартанцу... Можетъ быть недостаточность пищи способствовала этому аскетизму.

Онъ вообще избѣгалъ Клити, но разъ вечеромъ, она вернулась въ школу, позабывъ тамъ что-то, и искала до тѣхъ поръ, пока наступили сумерки. Учитель счелъ нужнымъ проводить ее; онъ былъ съ нею особенно любезенъ,— отчасти потому, мнѣ кажется, что его любезность прибавляла горечи и желчи въ сердца поклонниковъ Клитемнестры, и безъ того переполненныя.

Утромъ, послѣ этого трогательнаго эпизода, Млиссъ не пришла въ школу. Спросивъ Клити, учитель услышалъ, что онѣ вмѣстѣ вышли изъ дома, но своенравная Млиссъ пошла другой дорогой. Вечеромъ онъ зашелъ къ мистрисъ Морферъ и нашелъ ея материнское сердце въ тревогѣ. Мистеръ Морферъ цѣлый день искалъ дѣвочку и даже не могъ напасть на слѣдъ. Аристидъ былъ заподозрѣнъ въ сообщничествѣ, но успѣлъ убѣдить домашнихъ въ своей невинности. Мистрисъ Морферъ была увѣрена, что дѣвочку найдутъ утонувшею въ рѣкѣ, или, что еще ужаснѣе, выпачканной въ грязи до такой степени, что ее не отмоютъ никакая вода и мыло.

Учитель вернулся въ школьный домъ, съ грустью на душѣ. Онъ зажегъ лампу, сѣлъ къ столу и вдругъ увидѣлъ передъ собой записку и узналъ руку Млиссъ. Она была написана на листкѣ, вырванномъ изъ старой тетрадки, и

запечатана шестью сломанными облатками. Открывъ ее почти съ нѣжностью, учитель прочелъ слѣдующее:

«Уважаемый учитель,—когда вы будете читать это, меня здѣсь не будетъ. И никогда не вернусь. *Никогда*! *Никогда*! *Никогда*! Можете отдать мои бусы Мери Дженнингсъ, а мою Гордость Америки (раскрашенную литографію съ табачнаго ящика) Салли Флендерсъ. Но ничего не давайте Клити Морферъ. Не смѣйте! Знаете, что я объ ней думаю? Вотъ что: она противная дѣвчонка. Вотъ и все.

Мелисса Смитъ».

Учитель задумался надъ этимъ страннымъ посланіемъ, пока мѣсяцъ не взошелъ надъ далекими холмами и не освѣтилъ тропинки къ школьному дому, плотно утоптанной хожденіемъ взадъ и впередъ маленькихъ ногъ. Затѣмъ, придя къ какому-то успокоившему его выводу, онъ разорвалъ записку на маленькіе куски и разсыпалъ ихъ по полу.

На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, онъ шелъ, прокладывая себѣ путь въ чащѣ пальмовидныхъ папоротниковъ и пустаго кустарника, спугнувъ зайцевъ на опушкѣ сосноваго лѣса, и вызвавъ враждебный протестъ нѣсколькихъ воронъ, пріютившихся тамъ на ночлегъ. Онъ пришелъ такимъ образомъ къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ однажды Млиссъ на поваленной ели. Ель была тутъ, но тронъ былъ пустъ. Когда онъ подошелъ ближе, изъ-подъ свода густо-нависшихъ вѣтвей что-то пугливо шмыгнуло въ сторону. Учитель приподнялъ вѣтви и заглянулъ. То было настоящее логовище, и очевидно только-что оставленное. Взглянувъ кверху сквозь перепутавшіяся вѣтви, онъ встрѣтилъ черные глаза бѣглянки Млиссъ. Они посмотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Она первая прервала молчаніе.

— Что вамъ надо?—спросила она отрывисто.

— Дикихъ яблоковъ!—отвѣчалъ онъ смиренно.

— Не получите! Идите прочь! Идите къ Клитемнестрѣ, пускай она вамъ дастъ... О-о-о,—гадкій!

— Я голоденъ, Мисси. Я ничего не ѣлъ со вчерашняго дня. Мнѣ ѣсть хочется!—И учитель съ усталымъ видомъ прислонился къ дереву.

Миссъ была тронута. Въ горькіе дни цыганской жизни ей было знакомо ощущеніе, на которое онъ жаловался. Подкупленная его грустнымъ тономъ, но все еще не довѣряя его добрымъ намѣреніямъ, она сказала:

— Поройтесь подъ деревомъ, у корней, и найдете; но только смотрите, никому не разсказывайте...

У Миссъ были кладовыя, какъ у бѣлокъ и крысъ, и свои запасы провизіи. Но учитель, разумѣется, не съумѣлъ найти; голодъ, должно быть, парализовалъ догадливость. Миссъ засуетилась, выглянула изъ-за вѣтвей и спросила:

— Если я слѣзу и дамъ вамъ яблоки и орѣхи, вы обѣщаете не тронуть меня?

Учитель обѣщалъ.

— Надѣюсь, что вы умрете сейчасъ на мѣстѣ, если обманете!

Учитель согласился на немедленную смерть, если онъ ее заслужитъ обманомъ.

Миссъ скользнула съ дерева... Нѣсколько минутъ ничего не было слышно, кромѣ щелканья орѣховъ.

— Лучше вамъ теперь? — заботливо спросила Миссъ.

Учитель отвѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ себя лучше, и, серьезно поблагодаривъ ее, повернулъ въ сторону дома. Какъ онъ и ожидалъ, не успѣлъ еще онъ отойти нѣсколькихъ шаговъ, какъ она его позвала. Онъ оглянулся. Она стояла блѣдная, со слезами въ широко-раскрытыхъ глазахъ. Учитель понялъ, что наступилъ благопріятный моментъ. Онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за

руку и, глядя прямо въ ея глаза, полные слезъ, проговорилъ серьезно:

— Лисси, помните первый вечеръ, когда вы ко мнѣ пришли?

Она помнила.

— Вы спросили, можете ли приходить въ школу, потому что хотите чему нибудь научиться и сдѣлаться получше, и я сказалъ...

— «Хорошо»,—подсказала проворно дѣвочка...

— А чтобы *вы* теперь сказали, еслибъ учитель пришелъ къ вамъ и сказалъ, что ему скучно безъ его маленькой ученицы, что онъ проситъ ее придти и научить его быть получше?

Дѣвочка опустила голову и помолчала нѣсколько минутъ. Учитель терпѣливо ждалъ. Искушенный тишиной, заяцъ выбѣжалъ, вскинулъ блестящими глазками, выставилъ впередъ бархатныя переднія лапки, присѣлъ и вопросительно поглядѣлъ на нихъ. Бѣлка сбѣжала до половины ствола упавшаго дерева и пріостановилась.

— Я жду, Лисси,—прошепталъ учитель.

Дѣвочка улыбнулась. Затронутыя вѣтромъ, верхушки деревьевъ закачались, и длинная полоса свѣта, прокравшись сквозь густыя вѣтви, ярко освѣтила лицо и нерѣшительную маленькую фигурку. Она вдругъ взяла учителя за руку. Что она проговорила, было почти не слышно, но учитель, отведя черныя пряди волосъ съ ея лба, поцѣловалъ ее. И такъ, рука въ руку, они вышли изъ-подъ влажной тѣни, и изъ атмосферы лѣснаго аромата на открытую, залитую солнечнымъ свѣтомъ дорогу.

ГЛАВА III.

Миссъ стала дружелюбнѣе съ той поры къ своимъ подругамъ, но сохранила оборонительное отношеніе къ

Клитемнестрѣ. Можетъ быть, ревность не совсѣмъ уснула въ этой маленькой страстной груди. Можетъ быть и просто потому, что полное тѣло и округлыя очертанія представляли особенное удобство для щипковъ. Но какъ ни старался учитель сдерживать такіе порывы, ея вражда принимала только новыя, неожиданныя формы.

Учитель, при первой оцѣнкѣ ея характера, никакъ не могъ предположить, чтобы у нея была когда-либо кукла. Но учитель, какъ многіе другіе проницательные наблюдатели характеровъ, былъ сильнѣе въ умозаключеніяхъ a posteriori, чѣмъ a priori. У Миссъ была кукла, и, надо сознаться, это было подобіе ея самой—сама маленькая Миссъ. Несчастное ея существованіе было случайно открыто мистрисъ Морферъ. Кукла была постоянною спутницей прежнихъ раннихъ скитаній дѣвочки и носила очевидные слѣды всѣхъ трудностей кочевой жизни. Первоначальный цвѣтъ ея лица былъ смытъ давно непогодами, говорилъ о пребываніи въ канавахъ и очень напоминалъ Миссъ въ былое время. Ея платьице изъ полинявшаго ситца было также рвано и грязно, какъ бывало у Миссъ. Никто не слышалъ, чтобы Миссъ обратилась къ ней когда-нибудь съ нѣжностью или ласковымъ словомъ. Она никогда не показывала ее другимъ дѣтямъ. Кукла была осуждена на лежанье въ пустомъ дуплѣ, близь школьнаго дома, и пользовалась движеніемъ и развлеченіемъ только во время странствованій Миссъ. Воспитанная въ суровомъ исполненіи долга, кукла ея, также какъ она сама, не знала роскоши.

Мистрисъ Морферъ, движимая состраданіемъ, купила другую куклу и подарила ее Миссъ. Дѣвочка приняла ее серьезно и не безъ любопытства. Учитель, взглянувъ на эту куклу, нашелъ въ ея круглыхъ, розовыхъ щекахъ и нѣжно голубыхъ глазахъ нѣкоторое сходство съ Клитемнестрой. Вѣроятно и Миссъ замѣтила это сходство.

И она колотила ея восковую голову о скалы, когда оставалась одна, волочила ее по землѣ изъ школы, обвязавъ шею веревкой, или превращала выносливое тѣло несчастной куклы въ подушку для булавокъ. Дѣлалось ли это въ отместку за то, что, по ея мнѣнію, ей этимъ подаркомъ хотѣли напомнить превосходство Клити надъ ней, или она воображала, подобно язычникамъ, что врагъ, котораго изображеніе она терзаетъ, испытываетъ тѣ-же муки,—это метафизическій вопросъ, за разрѣшеніе котораго я не берусь.

Не смотря на эти нравственныя замѣшательства, учитель не могъ не замѣтить въ ней проблесковъ быстраго, энергичнаго и сильнаго ума. Ей были чужды колебанія и сомнѣнія дѣтства. Отвѣты ея въ классѣ всегда отличались смѣлостью. Разумѣется, она не была непогрѣшима. Но отвага, съ которой она бросалась въ глубину, устрашавшую маленькихъ пловцовъ, нырявшихъ вокругъ нея, заставляла прощать ей даже ошибочность сужденій. Дѣти въ этомъ отношеніи не лучше большихъ. И всякій разъ, когда маленькая, красная рука поднималась надъ пюпитромъ, въ классѣ водворялось глубокое молчаніе, и даже иногда учитель сомнѣвался, слушая смѣлую ученицу, въ своей собственной опытности и справедливости своего мнѣнія.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя черты, сперва забавлявшія его, начинали его тревожить. Онъ не могъ не видѣть, что Мисссъ мстительна, капризна и совершенно необузданна. Въ ея полудикой натурѣ несомнѣнно хорошее было пока только одно—физическая энергія и отвага, и другое, чисто нравственное свойство, не всегда присущее дикарю—правдивость. Миссъ была безстрашна и правдива; можетъ быть въ такихъ характерахъ эти прилагательныя синонимы.

Учитель много объ этомъ думалъ и пришелъ къ за-

ключенію, свойственному и знакомому всѣмъ думавшимъ искренно, что онъ рабъ своихъ предубѣжденій и рѣшилъ посовѣтоваться съ кѣмъ нибудь, съ преподобнымъ Макъ-Снэгли, напримѣръ. Этому рѣшенію противилась отчасти его гордость, такъ какъ онъ и Макъ-Снэгли не были въ дружбѣ. Но онъ думалъ только о Миссъ и о вечерѣ ихъ первой встрѣчи; и быть можетъ, подъ вліяніемъ извинительной суевѣрной мысли, что не только случай привелъ ея своенравныя ноги къ школѣ, поддерживаемый кромѣ того тайнымъ но пріятнымъ сознаніемъ своего великодушія, но только онъ превозмогъ въ себѣ отвращеніе и пошелъ къ Макъ-Снэгли.

Достопочтенный джентльменъ былъ радъ его видѣть. Онъ, однако, замѣтилъ, что учитель вѣроятно не совсѣмъ здоровъ, и спросилъ—не страдаетъ-ли онъ невральгіей или ревматизмомъ. Самъ онъ въ послѣднее время сильно прихварывалъ, но научился «терпѣть и молиться».

Затѣмъ Макъ-Снэгли, помолчавъ, чтобы дать время учителю хорошо запомнить свой рецептъ, освѣдомился о сестрѣ Морферъ.—«Она украшеніе христіанства и потомство ея подаетъ тѣ-же надежды... дочь такъ прекрасно воспитана, она такъ мило умѣетъ себя держать» и т. д. Совершенства миссъ Клити до такой степени трогали сердце его преподобія, что онъ распространялся о нихъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Учитель чувствовалъ сильное смущеніе. Во-первыхъ, эти восхваленія Клити служили упрекомъ по адресу представлявшей полный контрастъ съ ней бѣдной Миссъ. Во-вторыхъ, въ тонѣ, которымъ пасторъ отзывался о перворожденной мистрисъ Морферъ, было что-то непріятно-фамильярное. Такъ что учитель, послѣ нѣсколькихъ слабыхъ усилій сказать что-нибудь естественное, нашелъ болѣе удобнымъ сослаться на недосугъ и ушелъ, не спросивъ предположеннаго совѣта.

Можетъ быть, эта неудача сблизила учителя съ уче-

ницей еще болѣе прежняго. Дѣвочка замѣтила перемѣну въ учителѣ; послѣднее время онъ былъ съ нею очень сдержанъ. Въ одну изъ ихъ продолжительныхъ послѣ-обѣденныхъ прогулокъ, она вдругъ остановилась и, взобравшись на пенекъ, заглянула ему въ лицо большими, пытливыми глазами.

— Вы не сошли съума? — спросила она, тряхнувъ своими черными косами.

— Нѣтъ.

— Не злитесь?

— Нѣтъ.

— Не голодны? (Голодъ, по мнѣнію Миссъ, былъ болѣзнью, которая можетъ постичь всякаго и во всякое время).

— Нѣтъ.

— Не думаете о ней?

— О комъ, Лисси?

— О бѣлой дѣвченкѣ. (Таковъ былъ послѣдній эпитетъ, придуманный Миссъ для Клитемнестры).

— Нѣтъ.

— Честное слово? (Замѣна прежней формулы: «Надѣюсь, что вы умрете, если!»—предложенная учителемъ).

— Честное слово.

Миссъ крѣпко его поцѣловала, соскочила съ пня и убѣжала. Два или три дня послѣ этого она старалась быть похожей на другихъ дѣтей и быть «хорошей», какъ она выражалась.

Два года прошло со времени водворенія учителя въ Смитовомъ Карманѣ, и такъ какъ его доходы были не велики, и перспектива превращенія Смитова Кармана въ столицу штата была сомнительна, то онъ сталъ подумывать о перемѣнѣ мѣста. Онъ увѣдомилъ о своемъ намѣреніи школьныхъ попечителей; но такъ какъ образованныхъ и нравственныхъ молодыхъ людей довольно труд-

но было найти въ то время, то онъ согласился остаться въ школѣ до весны. Никто не зналъ о его намѣреніяхъ, кромѣ его единственнаго пріятеля, молодаго креола, доктора Дюшена, котораго все населеніе Виндгама знало подъ именемъ Duchesny. Онъ никогда не говорилъ о своемъ рѣшеніи ни мистрисъ Морферъ, ни Клити, и никому изъ учениковъ. Отчасти вслѣдствіе врожденнаго нерасположенія къ болтовнѣ, отчасти вслѣдствіе желанія избавиться отъ праздныхъ и любопытныхъ распросовъ, отчасти потому, что онъ никогда серьезно не былъ увѣренъ, что сдѣлаетъ что нибудь, прежде чѣмъ это было сдѣлано.

Онъ старался не думать о Миссъ. Можетъ быть, эгоистичный инстинктъ побуждалъ его считать свои чувства къ дѣвочкѣ глупыми, романичными и непрактичными. Онъ даже старался увѣрить себя, что она сдѣлается лучше подъ надзоромъ болѣе стараго и строгаго учителя. Скоро ей одиннадцать лѣтъ—возрастъ женщины, по понятіямъ «Красной Горы». Онъ исполнилъ свой долгъ. Послѣ смерти Смита написалъ его родственникамъ и получилъ только одинъ отвѣтъ отъ сестры Мелиссиной матери. Она благодарила учителя, и увѣдомляла о своемъ намѣреніи перебраться изъ Атлантическихъ Штатовъ въ Калифорнію со своимъ мужемъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Учителю казалось, что любящая, симпатичная женщина, съ родственными правами, можетъ быть лучшимъ руководителемъ для такой своенравной натуры.

Когда учитель читалъ письмо, Миссъ слушала разсѣянно, потомъ взяла письмо покорно изъ его рукъ, вырѣзала изъ него ножницами подобіе Клитемнестры, подписала, для большей ясности, «Бѣлая дѣвченка» и наклеила на наружную стѣну школьнаго дома.

Когда лѣто почти прошло, когда послѣднія жатвы были окончены на окрестныхъ поляхъ, учителю вздумалось сдѣлать жатву посѣянныхъ имъ понятій и познаній въ

юныхъ головкахъ, иначе говоря, — сдѣлать экзаменъ. Ученыя и почетныя лица Смитова Кармана были приглашены присутствовать при освященномъ вѣками обычаѣ приводить застѣнчивыхъ дѣтей въ крайнее смущеніе, какъ подсудимыхъ на судейской скамьѣ.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, самые смѣлые и наиболѣе спокойные стяжали наибольшее количество похвалъ. Читатель можетъ догадаться, что въ настоящемъ случаѣ Млиссъ и Клити выдавались и раздѣляли между собой общее вниманіе: Млиссъ — яснымъ пониманіемъ вопросовъ и остроуміемъ отвѣтовъ, Клити— благонравіемъ и невозмутимой самоувѣренностью. Остальныя дѣти конфузились и путали.

Блестящія способности Млиссъ, разумѣется, сразу поразили большинство и вызвали громкое одобреніе. Прошедшее Млиссъ безсознательно возбуждало сильнѣйшія симпатіи въ присутствующихъ, подпиравшихъ стѣны своими атлетическими фигурами или всунувшихъ въ окна красивыя, густо обросшія бородами лица. Но популярность Млиссъ была подорвана однимъ обстоятельствомъ.

Макъ-Снэгли былъ тоже въ числѣ приглашенныхъ и доставлялъ себѣ невинное развлеченіе, запугивая самыхъ робкихъ учеництъ неопредѣленными и безсмысленными вопросами, которые онъ задавалъ съ важностью и внушительнымъ тономъ. Млиссъ, разсказывая о движеніи земли, воображала себя на головокружительной высотѣ астрономическихъ явленій, намекнула на гармонію небесныхъ сферъ и только-что начала перечислять наиболѣе извѣстныя изъ планетъ, какъ Макъ-Снэгли порывисто поднялся съ мѣста:

— Мелисса! вы говорите о революціяхъ нашей земли и о движеніяхъ солнца, и, кажется, вы только-что сказали, что солнце двигалось такимъ образомъ искони вѣковъ?

Млиссъ отвѣчала утвердительно небрежнымъ кивкомъ головы.

— И вы думаете, что это въ самомъ дѣлѣ такъ и было?—спросилъ Макъ-Снэгли, скрещивая руки.

— Думаю,—сказала Миссъ, крѣпко стискивая свои красныя губы.

Красивыя головы въ окнахъ выставились дальше въ глубину комнаты и рафаэлевское лицо съ свѣтлой бородой и небесно-голубыми глазами, принадлежавшее самому безпутному малому, нагнулось къ дѣвочкѣ и шепнуло:

— Держись крѣпче, Миссъ!

Достопочтенный джентльменъ испустилъ глубокій вздохъ и бросилъ сострадательный взглядъ на учителя, потомъ на дѣтей, и наконецъ остановилъ глаза на Клити. Эта юная особа подняла свою круглую, бѣлую руку. Очаровательная округлость ея руки вполнѣ гармонировала съ массивнымъ браслетомъ, подаркомъ одного изъ ея поклонниковъ. Наступило минутное молчаніе. Круглыя щеки Клити были нѣжны и румяны. Большіе голубые глаза Клити были такъ ясны. Бѣлое кисейное платье ловко сидѣло на бѣлыхъ, пухлыхъ плечахъ Клити. Она поглядѣла на учителя, и учитель кивнулъ головой. Тогда Клити проворковала своимъ нѣжнымъ голосомъ:

— Іисусъ Навинъ приказалъ солнцу остановиться, и солнце повиновалось ему!

По комнатѣ пронесся одобрительный шепотъ, лицо Макъ-Снэгли просіяло, по серьезному лицу учителя пробѣжала тѣнь, а на лицахъ, заглядывавшихъ въ окна, отразилось комическое разочарованіе. Миссъ нервно перелистывала книгу и вдругъ шумно захлопнула лежавшую передъ ней популярную астрономію. Макъ-Снэгли, предчувствуя что-то, глубоко вздохнулъ, въ школьной комнатѣ водворилось гробовое молчаніе, въ окнахъ закричали ура, когда Миссъ ударила по столу своимъ краснымъ кулакомъ и закричала:

— Это не правда. Я этому не вѣрю.

ГЛАВА IV.

Длинный дождливый сезонъ близился къ концу. Весна выглянула въ налившихся почкахъ и запѣнившихся горныхъ ручьяхъ. Въ лѣсу запахло смолой. Азаліи уже начинали распускаться. Холмикъ надъ Смитовой могилой подернулся нѣжной зеленью. На крестѣ всякій день мѣнялись свѣжіе вѣнки изъ подснѣжниковъ и ранункуловъ. На маленькомъ кладбищѣ прибавилось нѣсколько новыхъ жильцовъ, но всѣ они боязливо притаились въ сторонѣ, противоположной холмику Смита, всѣ избѣгали суевѣрно этого сосѣдства. Могила Смита стояла одиноко попрежнему.

По городу ходили слухи о скоромъ прибытіи «знаменитой драматической труппы», обѣщавшей почтеннѣйшей публикѣ вмѣстѣ съ фарсами, «отъ которыхъ можно умереть со смѣху», также знаменитыя мелодрамы въ перемежку съ пѣніемъ, танцами и проч. и проч. Расклеенныя повсюду афиши сильно заинтересовали мѣстную молодежь. Въ школѣ обнаружилось волненіе и пошли строить разныя предположенія. Учитель обѣщалъ Миссъ, никогда еще ничего подобнаго не видавшей, сводить ее въ театръ и въ первое же представленіе онъ съ ней «почтили театръ своимъ присутствіемъ».

Исполненіе было ниже посредственности. Мелодрама была не на столько плоха, чтобы смѣшить, и не на столько хороша, чтобы растрогать. Но когда учитель, скучая, повернулся къ дѣвочкѣ, онъ удивился и почувствовалъ что-то въ родѣ укора совѣсти, замѣтивъ потрясающее впечатлѣніе, произведенное на ея живую, чуткую натуру.

Щеки ея горѣли, маленькій, страстный ротъ слегка пріоткрылся подъ напоромъ лихорадочнаго дыханія; длинныя рѣсницы дрожали надъ широко-раскрытыми глазами. Она не смѣялась жалкимъ шуткамъ комика, потому что

она вообще рѣдко смѣялась. Она не прибѣгала къ деликатной помощи вышитаго носоваго платка, подобно мягкосердечной Клити, которая въ тоже время болтала со своимъ кавалеромъ, и старалась привлечь вниманіе учителя. Но когда представленіе кончилось и маленькая сцена задернулась зеленой занавѣсью, Миссъ глубоко и тяжело вздохнула и, обративъ къ учителю свое серьезное лицо, проговорила упавшимъ голосомъ: — «Ну, теперь домой!» И закрыла рѣсницами свои черные глаза, какъ бы для того, чтобы мысленно еще побыть въ томъ мірѣ фантазіи, отъ котораго ее отдѣляла зеленая занавѣска.

По дорогѣ къ мистрисъ Морферъ, учитель счелъ нужнымъ выставить въ смѣшномъ видѣ все представленіе. Онъ выразилъ надежду, что Миссъ не думаетъ, чтобы молодая особа, такъ прекрасно разыгравшая свою роль, была именно тою, за кого она себя выдавала, и серьезно любила джентльмена въ красивомъ костюмѣ. Потому что еслибъ она была въ него серьезно влюблена, то это было бы большимъ несчастіемъ.

— Почему?—спросила Миссъ, вскинувъ рѣсницы.

— Потому, что онъ не могъ бы содержать жену на то, что онъ получаетъ отъ хозяина театра, и при этомъ платить такъ много за такое красивое платье; и кромѣ того они оба не получали бы столько, еслибъ были мужемъ и женой, сколько получаютъ теперь, разыгрывая роли влюбленныхъ, — т. е., если онъ еще не женатъ, или она не замужемъ за другимъ. По всей вѣроятности мужъ хорошенькой графини отбираетъ билеты при входѣ, или поднимаетъ занавѣсъ, или зажигаетъ свѣчи, или дѣлаетъ что нибудь въ такой же степени элегантное и утонченное. А что касается молодаго человѣка въ изящномъ костюмѣ, стоющемъ по крайней мѣрѣ два или три доллара, (я знаю цѣну этой матеріи, изъ которой сдѣланъ его красный плащъ, потому что покупалъ для своей комнаты), —

что касается до этого красиваго щеголя, Млиссъ, то очень можетъ быть, что онъ въ сущности добрый малый, и хотя, несомнѣнно, иногда напивается до-пьяна, но не думаю, чтобы люди хорошо дѣлали, пользуясь этимъ и подставляя ему синяки или прописывая грязныя ванны, какъ это сдѣлали съ нимъ на этихъ дняхъ. Какъ вы думаете?

Млиссъ, держась обѣими руками за его руку, старалась заглянуть ему въ глаза, но учитель упрямо отворачивался. Млиссъ имѣла нѣкоторое понятіе объ ироніи, такъ какъ сама иногда обнаруживала проблески юмора въ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Но учитель продолжалъ говорить въ такомъ же духѣ, пока они не дошли до дома мистрисъ Морферъ. Отказавшись отъ приглашенія мистрисъ Морферъ зайти и выпить чего нибудь и прикрывая глаза рукой, чтобы не встрѣтить вызывающаго взгляда голубоокой сирены, онъ извинился и ушелъ.

Дня черезъ три по прибытіи драматической труппы, Млиссъ не пришла въ школу. Когда классы кончились, учитель прибралъ книги и собрался-было выйдти, какъ вдругъ услышалъ возлѣ себя тоненькій голосокъ:

— Господинъ учитель!

Учитель оглянулся и увидѣлъ лицемъ къ лицу юнаго Аристида Морфера.

— Ну, мальчуганъ,— спросилъ онъ нетерпѣливо.— Что надо? Что случилось?

— Извините, господинъ учитель, но я и Ликургъ, мы думаемъ, что Млиссъ опять дала тягу.

— Что такое?—переспросилъ учитель съ тою несправедливой раздражительностью, съ которою мы всегда относимся къ непріятнымъ новостямъ.

— Да то, что ея нѣтъ дома, и мы съ Ликургомъ видѣли, какъ она говорила съ однимъ изъ пріѣзжихъ актеровъ, и навѣрное она и теперь съ нимъ. И вотъ еще

что, господинъ учитель: вчера она говорила Ликургу и мнѣ, что она можетъ декламировать нисколько не хуже миссъ Целестины Монморенси, и принялась намъ разсказывать! Говорила, говорила.....

Мальчикъ остановился въ смущеніи.

— Съ какимъ актеромъ?—спросилъ учитель.

— Съ тѣмъ, у котораго такая блестящая шляпа. И волосы. И золотая булавка. И золотая цѣпь.... описывалъ справедливый Аристидъ и ставилъ точки вмѣсто запятыхъ, спѣша перевести дыханіе.

Учитель взялъ шляпу и перчатки, чувствуя непріятное стѣсненіе въ горлѣ и груди, и поспѣшилъ выйти. Аристидъ подскакивалъ возлѣ него, стараясь попадать своими коротенькими ногами въ тактъ крупнымъ шагамъ учителя, какъ вдругъ учитель неожиданно остановился, и Аристидъ наткнулся на него.

— Гдѣ они разговаривали?—спросилъ учитель.

— У Аркады.

Когда они вышли на главную улицу, учитель остановился.

— Ступай домой, — сказалъ онъ мальчику. — Если Миссъ тамъ, приди къ Аркадѣ и скажи мнѣ. Если ея тамъ нѣтъ, оставайся дома. Ну, бѣги!

И коротконогій Аристидъ убѣжалъ стрѣлой.

Аркада стояла какъ-разъ поперегъ дороги,—продолговатое зданіе, заключавшее въ себѣ кегли, билліардъ и ресторанъ. Когда учитель проходилъ черезъ площадь, двое или трое встрѣчныхъ оглянулись и проводили его глазами. Онъ осмотрѣлъ свое платье, вынулъ платокъ и отеръ лицо, прежде чѣмъ войти въ кегельную комнату. Тамъ былъ обычный комплектъ праздношатающихся, поглядѣвшихъ на него, когда онъ вошелъ. Одинъ изъ нихъ посмотрѣлъ на него такъ пристально и съ такимъ страннымъ выраженіемъ въ лицѣ, что учитель невольно оста-

новился, и, приглядѣвшись, убѣдился, что то было его собственное отраженіе въ большомъ зеркалѣ. Это заставило учителя подумать, что быть можетъ онъ немного взволнованъ, и потому онъ взялъ нумеръ «Знамени Красной Горы» съ одного изъ столовъ, и старался успокоиться, пробѣгая столбцы объявленій.

Немного погодя, онъ прошелъ черезъ кегельную и другія комнаты ресторана и вошелъ въ билліардную. Дѣвочки нигдѣ не было. Въ билліардной у одного изъ столовъ стоялъ господинъ съ лоснящейся шляпой на головѣ. Учитель узналъ въ немъ агента драматической труппы. Онъ почувствовалъ къ нему отвращеніе съ первой встрѣчи, вслѣдствіе его непріятной манеры носить волосы и бороду. Но тѣмъ не менѣе, онъ сталъ къ нему лицемъ. Господинъ въ глянцевитой шляпѣ узналъ учителя, но прикинулся ничего не знающимъ и неподозрѣвающимъ. Держа кій, онъ дѣлалъ видъ, что прицѣливается въ шаръ на серединѣ билліарда. Учитель остановился напротивъ него, и когда ихъ глаза встрѣтились, подошелъ къ нему ближе.

Онъ рѣшилъ избѣгать ссоры, но когда началъ говорить, что-то сдавило его горло и задерживало слова. Его испугалъ собственный голосъ, такъ онъ звучалъ странно, глухо, дико.

— Мнѣ сказали,—началъ онъ,—что Мелисса Смитъ, сирота и ученица моей школы, уговаривалась съ вами насчетъ поступленія въ вашу труппу. Правда-ли это?

Господинъ въ глянцевитой шляпѣ наклонился надъ билліардомъ и ударилъ безцѣльно кіемъ, такъ что шаръ пошелъ стучать по бортамъ. Обойдя кругомъ стола, онъ вынулъ шаръ изъ лузы и поставилъ на прежнее мѣсто. Затѣмъ, снова намѣтясь, спросилъ небрежно:

— А если и такъ?

Учитель вздрогнулъ, оперся рукой въ перчаткѣ о билліардъ и продолжалъ:

— Если вы порядочный человѣкъ, я скажу вамъ только, что я ея опекунъ и отвѣчаю за ея будущее. Вы знаете также хорошо, какъ я, родъ жизни, который вы предлагаете ей. Спросите и всѣ вамъ здѣсь скажутъ, что мнѣ удалось спасти ее отъ жизни, которая была бы хуже смерти,—уличной жизни. Я считаю себя обязаннымъ и теперь удержать ее отъ погибели. У нея нѣтъ ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры. Можете-ли вы замѣнить ей семью и дать честный образъ жизни?

Господинъ въ лоснящейся шляпѣ поглядѣлъ на носокъ своего сапога, потомъ повелъ глазами кругомъ, желая найти кого нибудь, кто бы могъ позабавиться вмѣстѣ съ нимъ комичностью того, что ему пришлось выслушать.

— Она дѣвочка странная, своенравная,—продолжалъ учитель,—но она лучше, чѣмъ кажется. Я думаю, что имѣю на нее нѣкоторое влiянie. И потому прошу и надѣюсь, что вы не поведете дѣла дальше, но какъ порядочный человѣкъ, предоставите ее мнѣ. Я готовъ...

Но тутъ опять что-то стало поперегъ горла учителя, и фраза осталась неоконченной.

Человѣкъ въ лоснящейся шляпѣ понялъ по своему молчанiе учителя, и поднявъ голову съ грубымъ хохотомъ, сказалъ громко:

— Хочется оставить лакомый кусочекъ про себя? Нѣтъ, молодой человѣкъ... не удастся!

Оскорбленiе было больше въ тонѣ, чѣмъ въ словахъ, больше во взглядѣ, чѣмъ въ тонѣ, и всего больше въ инстинктахъ этого господина. Лучшая реторика съ такими животными—кулакъ. Учитель почувствовалъ это; долго сдерживаемое нервное напряженiе нашло себѣ исходъ,—и онъ ударилъ негодяя прямо въ его усмѣхавшуюся физiономiю. Ударъ отправилъ шляпу въ одну сторону, кiй въ другую и разорвалъ перчатку на рукѣ учителя. Онъ

разсѣкъ уголъ рта нахала и испортилъ на нѣкоторое время своеобразную форму его бороды.

Затѣмъ поднялись крики, проклятія, топотъ множества ногъ. Потомъ вдругъ толпа раздалась и быстро послѣдовали одинъ за другимъ два рѣзкіе, отрывистые выстрѣла. Затѣмъ толпа сомкнулась вокругъ его противника, и учитель остался одинъ. Ему помнилось, впослѣдствіи, что онъ снялъ лѣвой рукой затлѣвшійся лоскутъ съ праваго рукава. Кто-то держалъ его правую руку. Онъ поглядѣлъ на нее и увидѣлъ кровь; кромѣ того увидѣлъ, что его пальцы судорожно сжимали рукоятку блестящаго ножа. Онъ никакъ не могъ вспомнить, откуда взялся этотъ ножъ.

Человѣкъ, державшій его за руку, былъ Морферъ. Онъ велъ учителя къ двери, но учитель упирался и силился выговорить запекшимися губами: «Млиссъ!»

— Понимаю, другъ, понимаю!—шепталъ ему мистеръ Морферъ.—Она дома!

И они вышли вмѣстѣ на улицу. Дорогой мистеръ Морферъ разсказалъ, что Млиссъ прибѣжала домой нѣсколько минутъ тому назадъ и, вызвавъ его, сказала, что кто-то хочетъ убить учителя въ Аркадѣ.

Желая остаться одинъ, учитель обѣщалъ мистеру Морферу не искать встрѣчи съ агентомъ въ эту ночь и простился съ нимъ, повернувъ на тропинку къ школѣ. Онъ удивился, увидѣвъ дверь отворенной,—и еще больше удивился, найдя въ комнатѣ Млиссъ.

Учитель, какъ я говорилъ выше, подобно всѣмъ чуткимъ организмамъ, былъ болѣзненно самолюбивъ. Грубый намекъ, брошенный противникомъ, все еще звучалъ въ его ушахъ. Можетъ быть, не онъ одинъ такъ объясняетъ его привязанность къ дѣвочкѣ, привязанность нелѣпую, граничившую съ донъ-кихотствомъ. Кромѣ того, развѣ она не добровольно отреклась отъ его авторитета и права его

старой привязанности? И что всѣ говорятъ про нее? Отчего онъ одинъ не согласенъ со всѣми? Развѣ не пришлось теперь и ему въ душѣ согласиться съ справедливостью всего, что они предсказывали? И ради кого и чего онъ, въ трактирѣ, затѣялъ драку съ какимъ-то проходимцемъ, и рисковалъ жизнью? Для чего? Что онъ этимъ доказалъ? Ничего. Что скажутъ люди? Что скажутъ его друзья? Что скажетъ Макъ-Снэгли?

И въ эти минуты недовольства и самообвиненія, меньше всего ему хотѣлось бы встрѣтить Млиссъ. Онъ однако вошелъ, но пройдя прямо къ своему письменному столу, сказалъ дѣвочкѣ холодно, коротко, не глядя на нее,—что онъ занятъ и желаетъ остаться одинъ.

Она встала. Онъ сѣлъ къ столу и закрылъ лицо руками. Когда онъ поднялъ голову, она все еще стояла передъ нимъ и смотрѣла ему въ лицо съ тревожнымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Вы убили его?—спросила она.

— Нѣтъ.

— Вѣдь я для этого дала вамъ ножъ!—проговорила быстро дѣвушка.

— Ножъ?—спросилъ удивленно учитель.

— Да, я дала вамъ ножъ. Я была тамъ, подъ билліардомъ. Видѣла, какъ вы его ударили. Видѣла, какъ вы оба упали. Онъ выронилъ ножъ. Я подала его вамъ. Почему же вы его не убили?—проговорила быстро Млиссъ, глядя на него во всѣ свои темные глаза и порывисто взмахнувъ красной рученкой.

Учитель молчалъ и глядѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Да, — продолжала Млиссъ. — Еслибъ вы у меня спросили, я бы сама сказала вамъ, что рѣшилась уйдти съ актерами. А почему ухожу? Вы не хотѣли мнѣ сказать, что вы уходите. Я узнала. Я слышала, какъ вы говорили

доктору. И я не хотѣла оставаться здѣсь одна, съ Морферами. Лучше умереть!

И съ драматическимъ жестомъ, какъ нельзя болѣе подходившимъ къ ея внѣшности, къ ея характеру, она вытащила изъ-за пазухи пучекъ листьевъ и цвѣтовъ и проговорила, задыхаясь отъ волненія, съ тѣмъ страннымъ произношеніемъ, свойственнымъ дикой порѣ ея жизни, которое являлось всегда снова въ моменты сильнаго возбужденія.

— Вотъ, вотъ ядовитое растеніе, которое, вы говорили, можетъ убить. Я уйду съ актерами, или съѣмъ это и умру... Мнѣ все равно. Только здѣсь я не останусь. Я всѣхъ ихъ презираю. Они всѣ меня ненавидятъ. Развѣ вы... вы ушли бы отъ меня, еслибъ тоже не ненавидѣли меня?

Страстная молодая грудь тяжело дышала, крупныя слезы дрожали на длинныхъ рѣсницахъ, но Миссъ смахнула ихъ угломъ передника, какъ будто онѣ были надоѣдливыя осы.

— Если вы меня запрете въ темницу, — говорила лихорадочно Миссъ,—чтобы я не ушла съ актерами,— я... я убью себя. Вѣдь отецъ убилъ же себя? — Почему же и мнѣ не убить себя?.. Вы говорили, что горсти этой травы довольно, чтобы убить, и я всегда носила ее съ собой... И она ударила себя въ грудь крѣпко стиснутымъ кулачкомъ.

Учителю вспомнилось пустое мѣсто рядомъ съ могилой Смита. Онъ поднялъ глаза на страстную маленькую фигурку, стоявшую передъ нимъ. Схвативъ ея руки своими обѣими руками и глядя прямо въ ея честные глаза, онъ сказалъ:

— Мисси, хочешь пойти со мной!

Дѣвочка бросилась ему на шею и крикнула радостно: «О, да!»

*

— Но только сегодня же—сейчасъ!

— О, да, сейчасъ!

И рука-объ-руку они пошли вдоль дороги,—той самой узкой тропинкой, которая однажды привела ея усталыя ножки къ дверямъ учителя, и по которой она уже никогда не пойдетъ одна. Надъ ними ярко свѣтили звѣзды... Урокъ кончился, и двери школы «Красной Горы» закрылись за ними навсегда.

ЖЕНИТЬБА М-РА ТРОТТА.

РАЗСКАЗЪ.

М-ръ Троттъ также былъ піонеромъ. Зимою 1851 г. въ узкую долину, названную впослѣдствіи Ла-Портъ, прибыла партія переселенцевъ и застала его уже на мѣстѣ. Онъ смастерилъ самъ изъ коры и хворосту хижину, и цѣлыхъ три мѣсяца жилъ въ ней, питаясь сухарями да ветчиною; не смотря на всѣ неудобства такой жизни, онъ былъ веселъ, бодръ и имѣлъ видъ настоящаго джентльмена. Впрочемъ, я съ удовольствіемъ предоставлю слово капитану Генри Саймсу, командовавшему партіей.

«Мы явились къ нему неожиданно, изъ-за угла, вотъ изъ-за такой скалы, джентльмены, какъ эта, что торчитъ у васъ передъ самымъ носомъ. Замѣтивъ насъ, онъ вошелъ въ хижину и, спустя недолго, выходитъ оттуда—какъ бы вы думали—въ высокой шляпѣ, въ настоящемъ цилиндрѣ, чортъ возьми! И въ перчаткахъ, клянусь вамъ честью! Видный собой мужчина, только щеки впалыя и лицо блѣдное—ну, натурально, похудѣешь, когда поживешь въ такой собачьей конурѣ. Но онъ ничего, снимаетъ шляпу и говоритъ:

— Радъ познакомиться съ вами, джентльмены! Боюсь, что вы порядкомъ измучились въ дорогѣ. Не угодно-ли сигарку!—И что-же? Достаетъ прекрасную сигарочницу,

гдѣ лежали двѣ настоящія гаваны.—Жаль, что такъ мало, говоритъ онъ.

— Вы сами не курите? спрашиваю я.

— Рѣдко, говоритъ.—И вѣдь вралъ, потому что въ тотъ-же день я видѣлъ, что онъ сосалъ трубку, какъ младенецъ сосетъ соску.—Эти сигары, прибавилъ онъ, я держу для гостей.

— У васъ тутъ очень хорошая компанія, надо думать, говоритъ ему Билль Паркеръ, глядя на его перчатки и подмигивая нашимъ ребятамъ.

— Такъ... какъ бы вамъ сказать... индѣйцы иногда приходятъ...

— Индѣйцы! говоримъ мы.

— Да. Тихій народъ, смѣю васъ увѣрить. Приносили мнѣ раза два разную дичь; я отказался, потому что этимъ бѣднякамъ самимъ вѣдь надо ѣсть.

Это онъ все говоритъ намъ, джентльмены. Ну, вы знаете, мы сами люди смирные, но такъ какъ эти проклятые индѣйцы стрѣляли въ насъ три раза, и съ самаго Билля чуть не сняли шкуру, такъ что онъ теперь носитъ лавровый вѣнокъ, какъ римская статуя, то вы можете себѣ представить, какъ нашимъ ребятамъ понравились слова этого франта. Мы приняли все это за насмѣшку. Билль подходитъ, смотритъ на него въ упоръ и говоритъ вѣжливо, безъ крика:

— Вы говорите, чортъ возьми, что ваши индѣйцы мирные, что они вамъ приносили дичь?

— Да, приносили! отвѣчалъ онъ.

— И вы отказались?

— Отказался.

— Что-жъ, вѣрно вы ихъ этимъ очень разобидѣли?

— Да, они были, повидимому, огорчены.

— Конечно, говоритъ Билль. А вы, смѣю спросить, кто такой будете?

— Извините, говоритъ незнакомецъ,—и чортъ побери мою шкуру, если я вру.—Онъ пошарилъ въ карманѣ, досталъ конвертикъ съ визитными карточками и, подавая Биллю, говоритъ:—Вотъ моя карточка!

Билль прочелъ вслухъ: Джэкъ Троттъ изъ Кентукки.

— Славная карточка,—говоритъ Билль.

— Радъ, что вамъ нравится, отвѣчаетъ тотъ.

— Я думаю, что у васъ тамъ еще много такихъ штучекъ и на всѣхъ написано Джэкъ, Джэкъ, Джэкъ? говоритъ Билль.

Незнакомецъ ни слова на это, только отступаетъ потихоньку назадъ, а Билль лѣзетъ прямо на него и оретъ:

— Ну-ка, гдѣ ваша дичь, мистеръ Джэкъ Троттъ изъ Кентукки?

— Я не совсѣмъ понимаю васъ!—говоритъ тотъ, а щеки у него разгораются, какъ жаровня съ угольями.

— Спрашиваю васъ, напираетъ на него Билль, что это за перчатки? Къ чему этотъ дурацкій колпакъ? Что за насмѣшка надъ нами? И кто вы, говорите честью!

Незнакомецъ выпрямляется и говоритъ:—Я не стану ссориться съ гостями на своей землѣ, а потому позволю себѣ сказать, что я—джентльменъ (такъ прямо и говоритъ). Съ этими словами снимаетъ цилиндръ, низко кланяется и поворачиваетъ намъ спину, вотъ эдакимъ манеромъ. Но Билль, не долго думая, поднимаетъ правую ногу не хуже клоуна въ циркѣ и бацъ—сапогомъ прямо въ цилиндръ.

Что было дальше—не помню! Клянусь вамъ, джентльмены, изъ всѣхъ насъ только одинъ Билль могъ бы разсказать все толкомъ, что̀ и какъ было, но онъ никогда объ этомъ не говорилъ. Помню только что-то вродѣ вихря, не было ни выстрѣловъ, ничего—только пыль и буря, однимъ словомъ взрывъ! Повѣрите-ли, у меня въ карманѣ оказалось три фунта песку и камешковъ, да въ волосахъ

столько же. Смотрю, а мой Билль взобрался на дерево и сидитъ на двадцать футовъ отъ земли.

— Капиташка!—кричитъ онъ мнѣ. Что? Ураганъ прошелъ?

— Какой? спрашиваю.

— Да эта буря или чортъ ее знаетъ что?

— Думаю, что все прошло.

— Видишь, говоритъ онъ,—у меня вышло маленькое столкновеніе съ этимъ франтомъ, а онъ вдругъ подвелъ какое-то электричество... Дѣлать нечего, надо идти извиниться.

Съ этими словами храбрый Билль слѣзъ внизъ и, не долго думая, отправился прямо въ хижину. Вскорѣ они вышли оттуда, держась за руки, и Билль улыбался какъ дитя. Такъ вотъ какъ мы познакомились съ джентльменомъ изъ „Ла-Порта», закончилъ свой разсказъ капитанъ Генри Саймсъ.

Я не ручаюсь, что разсказъ достопочтеннаго капитана не содержалъ нѣкоторыхъ преувеличеній, и вообще исторія объ «электрическомъ взрывѣ» навсегда останется загадочной. Но какъ бы то ни было, я знаю достовѣрно, что джентльмена въ цилиндрѣ всѣ признали чудакомъ и онъ былъ этимъ вполнѣ обезпеченъ отъ какихъ бы то ни было личныхъ нападокъ. Иногда пытались критиковать его, но всегда неудачно.

Разъ какой-то новичекъ, недавно поселившійся здѣсь, осмѣлился держать рѣчь... Надо, впрочемъ, объяснить сперва, что этотъ молодой человѣкъ недавно получилъ извѣстіе о смерти родственника въ «штатахъ», т. е. на родинѣ; въ знакъ траура, онъ надѣлъ широчайшую крепoвую ленту на свою бѣлую шляпу; за это его заставили угостить всю компанію въ трактирѣ или «отелѣ» м-ра Паркера. Итакъ рѣчь была слѣдующая:

«Видите-ли, джентльмены, я, разумѣется, огорченъ

смертью родственника, и вы за это на меня налагаете штрафъ, но справедливо-ли съ вашей стороны позволять этому господину, что сидитъ по правую руку отъ меня, щеголять въ желтыхъ лайковыхъ перчаткахъ! Я не хочу отказать вамъ въ угощеньи, джентльмены, но надо соблюдать во всемъ справедливость».

Это воззваніе «къ народу», конечно, закрыло ротъ м-ру Тротту, но за то развязало языкъ председателю собранія, почтеннѣйшему Уильяму Паркеру, кабатчику.

— Молодой человѣкъ! сурово сказалъ онъ. Когда вы будете вправѣ носить желтыя перчатки, какъ этотъ человѣкъ, тогда вы вправѣ будете и говорить. Тогда никто не запретитъ вамъ носить хоть рубашку спущенную до пояса.

Толпа одобрила эту сильную и убѣдительную рѣчь, робкій юноша заплатилъ за угощеніе и снялъ бы, не смотря на это, свою крепoвую повязку, если бы не вмѣшался въ дѣло самъ джентльменъ изъ Ла-Порта.

А между тѣмъ въ фигурѣ джентльмена не было ничего ни внушительнаго, ни необыкновеннаго. Это былъ неуклюжій съ виду долговязый господинъ, съ длинными руками. Походка у него была своеобразная, можно было по ней угадать происхожденіе отъ предковъ индѣйцевъ: во время ходьбы пальцы ногъ сгибались. Лицо его имѣло самое безобидное выраженіе; рѣдко на немъ играла улыбка, да и то больше изъ вѣжливости, когда джентльменъ не вполнѣ понималъ какую-нибудь шутку или остроту.

Черные волосы, выдающіяся скулы и, въ особенности, удивительные глаза еще болѣе обнаруживали его индѣйское происхожденіе. Глаза у него были не то желтоватые, не то голубые, круглые, взглядъ пристальный, спокойный и кромѣ спокойствія ровно ничего не выражающій, не выдающій ни малѣйшей мысли. Этотъ взглядъ до того мало гармонировалъ съ его жестами, рѣчью и походкой,

что нѣкоторые злые языки увѣряли, будто онъ лишился зрѣнія во время какой-то стычки и вставилъ себѣ глаза соперника. Если бы эта остроумная догадка стала извѣстна самому м-ру Тротту, онъ, безъ сомнѣнія, ограничился бы только простымъ отрицаніемъ факта. Повторяю, онъ былъ положительно неспособенъ понять шутку, увидѣть смѣшное въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ смѣются. Онъ былъ всегда изумительно серьезенъ и представлялъ странный контрастъ съ большинствомъ своихъ согражданъ, умѣющихъ приправить шуткой самый драматическій эпизодъ. Остроумную выдумку онъ считалъ просто ложью, и въ его присутствіи рѣдко рѣшались подшутить надъ кѣмъ нибудь, но по той же причинѣ онъ находился въ какомъ-то аристократическомъ отчужденіи отъ остальнаго общества.

Какъ бы то ни было, м-ръ Троттъ дѣлилъ всѣ невзгоды и пользовался всѣми выгодами новаго поселенія, считавшаго его однимъ изъ своихъ основателей. Въ качествѣ настоящаго піонера, онъ получалъ нѣкоторый доходъ, позволявшій ему удовлетворять своимъ маленькимъ причудамъ. У него были двѣ главныя страсти: любовь къ чистымъ рубашкамъ и страсть дѣлать подарки. Впрочемъ, эти подарки были скорѣе сентиментальными, чѣмъ цѣнными. Такъ. онъ одному близкому другу подарилъ трость, вырѣзанную изъ дикой лозы, которая росла на томъ самомъ мѣстѣ. гдѣ впервые была найдена знаменитая «Орлиная шахта». Головка трости была взята отъ палки, доставшейся Тротту отъ его отца, а набалдашникъ былъ выкованъ изъ послѣдняго серебрянаго полудоллара, завезеннаго съ собою въ Калифорнію.

— И представьте себѣ, говорилъ съ негодованіемъ пріятель, осчастливленный этимъ подаркомъ.—Я недавно предлагалъ у Робинзона спустить ее за пять долларовъ, но ребята не захотѣли и предложили мнѣ оставить по-

зицію! Никакого, то есть, понятія о вещахъ, имѣющихъ, такъ сказать, нѣкоторую святость.

Настала весна. М-ръ Троттъ былъ единогласно выбранъ своими согражданами въ мировые судьи. Нечего и говорить, что какъ судья, онъ держалъ себя съ великимъ достоинствомъ. Онъ отличался, впрочемъ, изумительной мягкостью насчетъ назначенія штрафовъ и другихъ наказаній, чѣмъ не мало разочаровалъ согражданъ. Такъ, напримѣръ, онъ обращался къ завѣдомому преступнику съ такою рѣчью:

— Законъ требуетъ отъ меня, сэръ, посадить васъ въ тюрьму на десять дней или замѣнить это наказаніе пеней въ десять долларовъ. Но у васъ, вѣроятно, нѣтъ денегъ, а потому письмоводитель внесетъ за васъ изъ общественныхъ суммъ заимообразно.

Письмоводитель вносилъ деньги, а иногда судья платилъ изъ собственнаго кармана. Разъ, впрочемъ, произошелъ маленькій скандалъ: упорный преступникъ, вѣроятно подъ вліяніемъ злой воли, а можетъ быть жалѣя карманъ судьи, наотрѣзъ отказался отъ такого взноса. Пришлось волей-неволей отправить его въ тюрьму. Достовѣрные свидѣтели передаютъ, что это событіе окончилось самымъ изумительнымъ образомъ. Судья, одѣтый въ рубашку изумительной бѣлизны, въ неизмѣнныхъ желтыхъ перчаткахъ, отправился въ «тюрьму»,—маленькое зданіе, замѣнявшее вмѣстѣ съ тѣмъ городскую ратушу. Съ нѣкоторой торжественностью «судъ» потребовалъ какіе-то отчеты и произвелъ оффиціальную ревизію. Поздно вечеромъ шерифъ или, точнѣе, сторожъ былъ посланъ за бутылкой виски и колодой картъ. Молва прибавляетъ, что шерифъ и судья проиграли въ этотъ вечеръ—первый свое мѣсячное, второй годовое—жалованье бѣдному заключенному, что, вѣроятно, было сдѣлано съ цѣлью облегчить его участь и избавить его отъ скуки. Впрочемъ, многіе счи-

таютъ эту исторію сплетней и говорятъ, что она не согласна съ достоинствомъ такого судьи, какъ м-ръ Троттъ, хотя, съ другой стороны, по добротѣ души онъ былъ способенъ на еще болѣе курьезныя дѣла... На этотъ разъ его мягкость могла бы нажить ему серьезныя непріятности, если бы въ видѣ исключенія не подвернулся слѣдующій случай. Нѣкій юный говорунъ, т. е. законникъ, пріѣхавшій изъ Сакраменто, велъ какое-то гражданское дѣло предъ судьею Троттомъ. Адвокатъ былъ крайне самоувѣренъ и едва скрывалъ свое презрѣніе къ этому «первобытному» суду. Судья сидѣлъ, по окончаніи рѣчи адвоката, не шевеля ни одимъ мускуломъ, и только щеки его покраснѣли. Но и на этотъ разъ я предпочитаю привести показаніе очевидца:

«Судья покраснѣлъ какъ ракъ, и спокойно сказалъ этому прощалыгѣ:—Знаете-ли, молодой человѣкъ, что я вправѣ приговорить васъ къ штрафу въ пятьдесятъ долларовъ за неуваженіе къ суду?—Знаю, говоритъ прощалыга, и готовъ заплатить хоть сейчасъ.—Но знаете-ли вы, грустно прибавляетъ судья, что я вовсе не намѣренъ штрафовать васъ! Я уважаю свободу слова и... дѣйствія!... сказалъ, и не говоря дурнаго слова, хвать этого молодца за шиворотъ, приподнялъ его на воздухъ и бацъ! прямо изъ окна на улицу, въ канаву!—Перехожу къ слѣдующему дѣлу, добавилъ судья, усаживаясь на свое судейское кресло, и глядя на насъ своими бѣльмами, какъ будто ничего особеннаго не случилось».

Это маленькое происшествіе обошлось безъ всякихъ серьезныхъ послѣдствій для м-ра Тротта. Но въ томъ же самомъ трибуналѣ, гдѣ судья выказалъ такую доблестную твердость духа, онъ обнаружилъ необъяснимое слабодушіе, едва не стоившее ему полной утраты популярности.

Въ главномъ игорномъ домѣ находилась нѣкая лэди, съ весьма сомнительной репутаціей и слишкомъ свобод-

ными манерами. Она играла роль фортуны, т. е. вертѣла роковое «колесо счастія». Эта самая лэди возбудила обвиненіе противъ нѣкоторыхъ именитыхъ гражданъ за то, что они ворвались въ «салонъ» съ оружіемъ въ рукахъ и сокрушили ея рулетку. За обиженную стоялъ самъ судъ и, кромѣ того, ей весьма симпатизировалъ одинъ джентльменъ, который, впрочемъ, не былъ ея мужемъ. Но не смотря на эту поддержку, ей не повезло. Хотя насильственное вторженіе было вполнѣ доказано, присяжные вынесли обвиняемымъ оправдательный приговоръ, даже не выходя изъ залы суда. Судья Троттъ взглянулъ на присяжныхъ своими кроткими глазами.

— Такъ ли я васъ понимаю? Это вашъ окончательный приговоръ?

— Вѣрно изволите говорить, ваша милость, теперь хоть сапогами стучите, ваше дѣло не выгоритъ, отвѣтилъ старшина присяжныхъ, весело и съ грубымъ добродушіемъ.

— Мистеръ клеркъ,—обратился судья къ письмоводителю,—внесите приговоръ въ протоколъ, и вслѣдъ за тѣмъ пишите, что я отказываюсь отъ чести быть судьею въ этомъ судѣ.

Онъ всталъ и удалился. Напрасно многіе вліятельные граждане поспѣшили за нимъ, упрашивая его не горячиться попусту; напрасно доказывали они, что изъ-за такой ничтожной женщины не стоило портить себѣ кровь и что самое дѣло не стоитъ выѣденнаго яйца, а тѣмъ болѣе такой серьезной жертвы. Напрасно сами присяжные убѣждали его, что онъ наноситъ имъ личное оскорбленіе своей отставкой. Судья Троттъ быстро повернулся къ старшинѣ присяжныхъ и румянецъ покрылъ его щеки.

— Я васъ не понимаю, сказалъ онъ.

— Я сказалъ, скороговоркой отвѣтилъ старшина, что не стоитъ болѣе спорить объ этомъ дѣлѣ.—И онъ, какъ

подобало его оффиціальному положенію, немного выдвинулся впередъ изъ группы присяжныхъ.

Но судья Троттъ никогда болѣе не сидѣлъ на судейскомъ креслѣ.

Прошелъ мѣсяцъ. Однажды, въ сумерки, м-ръ Троттъ сидѣлъ «подъ тѣнью своей смоковницы», т. е. высокаго краснаго дерева, передъ дверью той самой хижины, гдѣ мы его встрѣтили въ началѣ разсказа. Вдругъ онъ сталъ смутно сознавать, что видитъ женскую фигуру и слышитъ женскій голосъ. Джентльменъ съ минуту не рѣшался, но затѣмъ приставилъ къ глазу большой золотой лорнетъ, составлявшій предметъ его послѣдней моды или причуды. Фигура была, повидимому, незнакомая, но голосъ показался знакомымъ. Да, безъ сомнѣнія, это та самая лэди, которая фигурировала въ роковомъ процессѣ. Здѣсь скажу кстати, что ее звали мамзель Клотильда Монморенси. По французски она не говорила и въ жилахъ ея текла англійская кровь, но она присвоила себѣ французское имя, вѣроятно, въ честь того, что сограждане считали рулетку иностранной игрой.

— Я бы желала знать, сказала миссъ Клотильда, усаживаясь на скамью рядомъ съ м-ромъ Троттомъ, — т. е. я и Джэкъ Вудсъ мы желали бы знать, какъ великъ убытокъ, причиненный вашему карману этой отставкой?

Бывшій судья едва разслышалъ ея слова, такъ былъ онъ изумленъ этой встрѣчей, и только пробормоталъ:

— Я, кажется, имѣю удовольствіе говорить съ миссъ...

— Вы, вѣрно, хотите сказать, что вы меня не знаете, никогда меня прежде не видали и что не желаете меня болѣе видѣть, и вы хотите вѣжливымъ манеромъ отдѣлаться отъ меня,—сказала миссъ, стараясь казаться спокойною и сгребая въ кучу концомъ зонтика сухіе листья, лежавшіе на пескѣ, какъ будто желая зарыть въ нихъ

волновавшія ея чувства.—Я миссъ Монморенси. Я вамъ сказала, что Джэкъ и я мы подумали, что вѣдь вы стояли за насъ горою, когда эти собаки вынесли свой дьявольски лживый приговоръ; Джэкъ и я мы подумали, что вамъ не совсѣмъ къ лицу потерять такое мѣсто изъ-за меня. «Узнай отъ судьи, говоритъ онъ, во что онъ цѣнитъ убытокъ отъ своей отставки, пусть высчитаетъ по пальцамъ». Это Джэкъ говоритъ. Онъ аккуратный человѣкъ, скажу вамъ про него.

— Я васъ, кажется, не понимаю, отвѣтилъ бывшій судья, просто и безъ раздраженія.

— Вотъ, вотъ! Это самое!—продолжала миссъ Клотильда съ едва подавленной горечью. Я такъ и сказала Джэку. Я ему говорю: судья не пойметъ ни меня, ни тебя, онъ не захочетъ съ нами разговаривать. Вѣдь онъ встрѣтилъ меня на улицѣ въ прошлый четвергъ и не обратилъ вниманія, даже не отвѣтилъ, когда я ему поклонилась первая.

— Дорогая мадамъ!—поспѣшно сказалъ м-ръ Троттъ. Увѣряю васъ, вы ошибаетесь. Я не видѣлъ васъ. Прошу васъ, вѣрьте мнѣ. Фактъ тотъ... мнѣ совѣстно самому сознаться въ этомъ. но я чувствую, что съ каждымъ днемъ мое зрѣніе становится все слабѣе и слабѣе.—Онъ умолкнулъ и вздохнулъ. Миссъ Монморенси, глядя ему прямо въ лицо, увидѣла, что онъ поблѣднѣлъ и взволнованъ. Женская чуткость тотчасъ подсказала ей, что онъ обиженъ тѣмъ, что ему показалось намекомъ въ ея словахъ относительно его физическаго недостатка, т. е. его уродливыхъ глазъ. Ей тотчасъ стало жаль его. Женщина не можетъ простить мужчинѣ только такого уродства, для котораго не находитъ какого-нибудь объясненія.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ меня не узнали,—сказала миссъ Клотильда, нѣсколько смягчившись, но все еще чувствуя себя неловко.

— Боюсь, что не узналъ... сказалъ Троттъ, съ улыбкой. и какъ-бы желая загладить свою вину.

Миссъ Клотильда помолчала съ минуту.

— Вы хотите сказать, что не могли разсмотрѣть моего лица и тогда, когда я сидѣла въ судѣ?

М-ръ Троттъ покраснѣлъ.

— Боюсь, что я видѣлъ только такъ... смутныя очертанія,—поправился онъ.

— На мнѣ была,—поспѣшно заговорила миссъ,—на мнѣ была, знаете, соломенная шляпа съ красной шелковой лентой, и ленты были завязаны подъ подбородкомъ. Вспоминаете теперь?

— Я... то-есть... Я боюсь...

— И еще пестрая шелковая косынка, тревожно прибавила миссъ Клотильда.

Судья Троттъ улыбнулся вѣжливо, но смущенно...

Миссъ Клотильда поняла, что онъ совсѣмъ не разглядѣлъ ея рѣдкостнаго и изящнаго туалета. Она снова сгребла листья и воткнула зонтикъ въ сырую землю.

— Такъ вы, значитъ, никогда меня не видѣли!

— Никогда, вполнѣ ясно...

— Если вы не обидитесь на меня за такой вопросъ, вдругъ сказала она,—что же васъ заставило отказаться отъ мѣста?

— Я не могъ оставаться судьею въ судѣ, гдѣ былъ вынесенъ такой несправедливый приговоръ, отвѣчилъ горячо Троттъ.

— Повторите еще разъ, старина, что вы сказали, сказала миссъ Клотильда съ восторженнымъ взглядомъ, который на половину оправдывалъ невѣжливое прозвище, данное ею судьѣ.

М-ръ Троттъ въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ выяснилъ ту же мысль, придавая ей нѣсколько иную форму.

Миссъ Монморенси помолчала.

— Значитъ, вы вовсе не ради меня? спросила она наконецъ.

— Боюсь, я не совсѣмъ понимаю васъ, сказалъ онъ, нѣсколько смутившись.

— Я говорю, не ради меня вы это сдѣлали?

— Нѣтъ, подтвердилъ онъ ласково и весело.

Новое молчаніе. Миссъ Клотильда покачивала зонтикъ, оперевъ его о кончикъ ботинки.

— Хорошо, сказала она наконецъ, я вижу, что для Джэка вы сказали немного интереснаго.

— Для кого?

— Для Джэка.

— А, для вашего мужа!

Миссъ Монморенси судорожно схватилась за свой браслетъ и отвѣтила рѣзко:

— Кто сказалъ, что онъ мой мужъ?

— О, извините, я не зналъ... я думалъ...

— Я сказала: Джэкъ Вудсъ. Онъ аккуратный человѣкъ, это правда. Онъ говорилъ мнѣ: «ты можешь сказать судьѣ, что это вовсе не будетъ взятка или что нибудь такое. Судъ конченъ, онъ теперь не судья, больше ничего не можетъ сдѣлать въ нашу пользу. Намъ-же непріятно, если онъ изъ-за насъ потерпѣлъ убытокъ за то, что онъ такой хорошій человѣкъ...» Вотъ что сказалъ Джэкъ. Но я отлично знала, что вы на это скажете. Я знала, что вы взбѣситесь. Знаю, что и теперь вы злы, какъ чортъ! Знаю, что вы слишкомъ горды, чтобы взять хоть одинъ долларъ отъ такихъ людей какъ мы, и скорѣе умрете съ голоду! Я знаю, что вы пошлете Джэка ко всѣмъ чертямъ и меня вмѣстѣ съ нимъ!

Она сильно взволновалась и потеряла всякую разсудительность до такой степени, что совсѣмъ не кстати разрыдалась до истерики. Она снова опустилась на скамью, съ которой уже было встала, и закрывъ глаза руками,

на которыхъ были желтыя перчатки, она прислонила ручку зонтика ко лбу. Къ немалому изумленію миссъ Клотильды, Троттъ вдругъ положилъ одну руку ей на плечо, а другою отнялъ у нея зонтикъ и положилъ его подлѣ нея на скамью.

— Вы ошибаетесь, моя дорогая молодая лэди, сказалъ онъ съ почтительной серьезностью.—Вы глубоко ошибаетесь; я чувствую къ вамъ лишь признательность за ваше предложеніе, я глубоко тронутъ, но все же не могу принять отъ васъ никакого подарка. Нѣтъ! Я желалъ бы убѣдить васъ, что дѣйствуя такъ, я исполнилъ лишь свой долгъ, и если вы были доброжелательны ко мнѣ, какъ къ судьѣ, я надѣюсь вы сохраните дружбу ко мнѣ и теперь, просто какъ къ человѣку.

Миссъ Клотильда повернула къ нему лицо, какъ бы желая глубже вникнуть въ смыслъ словъ, которыя наполняли ея сердце восторгомъ. Но она сказала только:

— Вы можете видѣть меня при такомъ освѣщеніи? На такомъ разстояніи? Надѣньте ваше стеклышко и вглядитесь.

Ея лицо было очень близко отъ его лица. Я забылъ, кажется, сказать, что она была красавица. Прежде она была еще красивѣе. Но и теперь еще ея глаза были серьезной приманкой для игроковъ, стоявшихъ близь «колеса фортуны» и, казалось, что въ этихъ глазахъ каждый могъ прочесть свою судьбу.

Славные у нея были глаза. Судья Троттъ едва-ли видѣлъ когда-нибудь такъ близко такіе хорошенькіе глазки. Онъ въ смущеніи отшатнулся и щеки его покраснѣли. Затѣмъ, частью по врожденной вѣжливости, частью изъ желанія ввести третье лицо, которое вывело-бы его изъ затрудненія, онъ сказалъ:

— Надѣюсь, вы передадите вашему другу мистеру... что я весьма цѣню его доброту, хотя и не могу воспользоваться ею.

— О, вы говорите насчетъ Джэка! сказала миссъ Клотильда. Онъ уже убрался домой, въ «штаты»! О, я съ нимъ скоро уладила всѣ дѣла!

Новое молчаніе. Отсутствіе Джэка, кажется, еще болѣе усилило неловкость положенія.

Наконецъ миссъ Клотильда заговорила:

— Вамъ надо беречь свои глаза, потому что я желаю, чтобы вы меня сразу узнали, когда я опять приду къ вамъ въ гости.

Они разстались. Судья постоянно узнавалъ ее послѣ этого разговора. И вдругъ разнеслась странная вѣсть: судья Троттъ женился на миссъ Дженъ Томсонъ (Клотильда-тожъ). Буря негодованія пронеслась надъ мирными гражданами. Всѣ были увѣрены, что этотъ бракъ явился послѣдствіемъ злоумышленнаго заговора и хитро обдуманнаго плана. Стало ясно, что Троттъ отказался отъ мѣста судьи изъ-за ея прекрасныхъ глазъ и, можетъ быть, тоже ради ея маленькаго капитальца. Вся его многолѣтняя репутація рухнула. Особенно жалѣли ея послѣдняго любовника, бѣдняго Джэка Вудса, жертву двойнаго коварства со стороны судьи и самой Клотильды. Былъ даже назначенъ комитетъ для поднесенія адреса или, точнѣе, для сочиненія письма съ выраженіемъ сочувствія «бѣдному» Джэку, хотя еще недавно согражданe чуть не приговорили его къ висѣлицѣ за какую-то продѣлку. Но волненіе сразу улеглось, когда выступилъ ораторъ, объяснившій настоящую суть дѣла. Это былъ капитанъ Саймсъ, тотъ самый правдивый разсказчикъ, который сообщилъ намъ объ «электрическомъ взрывѣ»:

— Въ этомъ дѣлѣ, джентльмены, есть одна закорючка. Видите-ли, въ тотъ самый день, когда она вышла за него замужъ въ Санъ-Франциско, она побывала у доктора— посовѣтоваться на счетъ глазъ старика. Докторъ сказалъ, что дѣло дрянь, ослѣпъ совсѣмъ и теперь помочь ничѣмъ

*

нельзя. Джентльмены, если такая красивая бабенка бросаетъ прежнюю жизнь и свое доходное занятіе и плюетъ, можно сказать, на такого молодца, какъ Джэкъ Вудсъ, и все это затѣмъ, чтобы выйдти за слѣпца, не имѣющаго ни доллара за душою, и только потому, что онъ однажды взялъ ея сторону ради, этого, какъ бишь его, принципа, то—чортъ побери—тутъ нечего вмѣшиваться въ дѣло! Если судья настолько добръ, что прощаетъ ей нѣкоторыя, скажемъ, причуды, за то, что она нянчится съ нимъ, какъ съ малымъ ребенкомъ, такъ пусть ихъ тѣшатся! И вы меня извините, но я знаю по опыту, что вовсе не годится совать носъ въ домашнія дѣла такого человѣка, какъ мистеръ Троттъ.

КОМПАНІОНЪ ТЕННЕССИ.

РАЗСКАЗЪ.

Я не помню, чтобы мы когда-нибудь знали его настоящее имя; впрочемъ, невѣдѣніе наше въ данномъ случаѣ не представляло ровно никакихъ неудобствъ, потому что въ Санди-Барѣ въ 1854 г. большая часть людей были окрещены за-ново. Иногда прозвища давались, чтобы отмѣтить какую нибудь особенность въ одеждѣ,—какъ это было, напримѣръ, съ Дёнгерри Джэкомъ, или вслѣдствіе какой-нибудь отличительной привычки—какъ это доказывалъ собою Соленый-Билль, получившій такую кличку за то, что примѣшивалъ къ своей пищѣ неимовѣрное количество соли; или, наконецъ, просто благодаря какому-нибудь промаху. Послѣднее случилось съ «Желѣзнымъ пиратомъ», самымъ безобиднымъ и смирнѣйшимъ изъ людей:—онъ обязанъ былъ такимъ страшнымъ наименованіемъ неправильному произношенію слова «pyrites» (колчеданъ). Быть можетъ, это должно было положить начало своего рода первобытной геральдикѣ, но я скорѣй склоненъ думать другое: въ то время, человѣкъ ничѣмъ не могъ доказать, что его зовутъ такъ, а не иначе, а потому на настоящее его имя и не обращали вниманія.—«Ваше имя, конечно, Клиффордъ?—спрашивалъ насмѣшникъ Бостонъ одного застѣнчиваго новичка.—Весь адъ вымощенъ такими Клиффордами». И онъ всѣмъ

рекомендовалъ несчастнаго. который на этотъ разъ дѣйствительно назывался Клиффордомъ, какъ «Галченка Чарли». Такъ это прозвище и осталось за нимъ до конца жизни.

Что касается до «Компаньона Теннесси», то онъ никогда не былъ извѣстенъ подъ другимъ именемъ. Что онъ существуетъ, какъ отдѣльная личность — это мы узнали только позднѣе. Покинувъ въ 1853 г. Покерфлетъ, онъ кажется намѣревался отправиться въ Санъ-Франциско, съ тѣмъ, чтобы тамъ жениться; но застрялъ въ Стоктонѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ его плѣнила одна молодая особа, служившая горничной въ гостинницѣ, куда онъ обыкновенно ходилъ обѣдать. Однажды утромъ онъ сказалъ ей что-то, заставившее ее улыбнуться. Она не безъ кокетства опрокинула на обращенное къ ней простое, честное лицо тарелку съ жаркимъ и убѣжала въ кухню. Онъ послѣдовалъ за ней, и черезъ нѣсколько минутъ возвратился еще болѣе перепачканный соусомъ,— но съ побѣдой. Недѣлю спустя, мэръ соединилъ ихъ узами брака и юная чета возвратилась въ Покерфлетъ... Я знаю, что эпизодъ этотъ можно было бы изложить въ другой формѣ, но я предпочелъ разсказать его такъ, какъ его разсказывали въ Санди-Барскихъ кабачкахъ и на добывкѣ золота, гдѣ всему, что относится къ области чувства, придается оттѣнокъ юмора. Объ ихъ супружескомъ счастьѣ мало извѣстно, можетъ быть, вслѣдствіе того обстоятельства, что Теннесси, который жилъ тогда вмѣстѣ съ своимъ компаньономъ, въ свой чередъ сказалъ однажды новобрачной какое-то словцо, заставившее ее улыбнуться и убѣжать, но безъ гнѣва, и на этотъ разъ въ Мерисвиль. Теннесси послѣдовалъ за нею, и они зажили тамъ семейно, уже безъ помощи мэра. Компаньонъ Теннесси отнесся къ своей потерѣ съ отличавшей его простотой и серьезностью. Но ко всеобщему изумленію,—когда Тен-

нессп возвратился однажды изъ Мерисвиля одинъ, безъ жены своего компаньона (которая ушла съ другимъ—по обыкновенію улыбнувшись ему сначала), онъ первый привѣтствовалъ его и дружески пожалъ ему руку. Люди, собравшіеся было смотрѣть, какъ они разможжатъ другъ другу голову, естественно пришли въ негодованіе, и оно можетъ быть выразилось-бы въ насмѣшливыхъ выходкахъ, еслибы во взглядѣ Компаньона Теннесси не читалось ясно, что онъ лишенъ всякой способности цѣнить и поощрять подобный юморъ...

Это былъ дѣйствительно человѣкъ серьезный, не разъ доказывавшій свою твердость на практикѣ, такъ что ссориться съ нимъ не представляло ни выгоды, ни удовольствія.

Между тѣмъ, общественное мнѣніе въ Санди-Барѣ становилось неблагопріятнымъ для Теннесси. Его знали за игрока и начали подозрѣвать въ воровствѣ. Компаньонъ его былъ также скомпрометированъ. Тѣсную дружбу между этими двумя людьми могли объяснить только сообщничествомъ въ преступленіи, какъ и во всемъ остальномъ. Наконецъ Теннесси уличили. Однажды, онъ примкнулъ на дорогѣ къ путнику, отправлявшемуся въ станъ «Редъ-Догъ». Путникъ этотъ потомъ разсказывалъ, что Теннесси все время развлекалъ его самыми забавными анекдотами и воспоминаніями, и вдругъ, совершенно неожиданно, заключилъ ихъ слѣдующими словами, не имѣвшими никакой логической связи съ тѣмъ, что онъ говорилъ раньше:

— А теперь, молодой человѣкъ, потрудитесь отдать мнѣ вашъ револьверъ, вашъ ножъ и вашъ кошелекъ. Оружіе можетъ навлечь на васъ въ «Редъ-Догѣ» разныя непріятности, а деньги, пожалуй, соблазнятъ злоумышленниковъ. Вы, кажется, сказали мнѣ, что вы живете въ Санъ-Франциско? Отлично, я постараюсь васъ навѣстить тамъ.

Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что Теннесси былъ большой юмористъ и примѣшивалъ шутку даже къ самымъ важнымъ дѣламъ. Но это былъ его послѣдній подвигъ. «Редъ-Догъ» и «Санди-Баръ» соединились вмѣстѣ противъ рыцаря большой дороги. На Теннесси сдѣлали облаву, какъ на его прототипа-медвѣдя. Когда въ салонѣ Аркадъ (такъ называлось длинное неправильное зданіе, гдѣ помѣщались контора, бильярдъ и ресторанъ) толпа стѣснила его, онъ пробился, расчиствивъ себѣ дорогу пистолетными выстрѣлами, и убѣжалъ въ ущелье, но тамъ встрѣтилъ маленькаго человѣка на сѣрой лошади, загородившаго ему дорогу. Съ минуту они молча глядѣли другъ другу въ лицо. Оба были хладнокровны, мужественны, исполнены самообладанія, и служили характерными представителями двухъ любопытныхъ типовъ цивилизаціи, которую въ XVII вѣкѣ назвали-бы героической, а въ XIX называютъ просто безпутной.

— Покажи свою игру:—какія у тебя карты? спокойно спросилъ Теннесси.

— Два козыря и тузъ, отвѣчалъ тотъ также спокойно, показывая ему два револьвера и ножъ.

— Проигралъ! произнесъ Теннесси и, бросивъ свой безполезный пистолетъ, сдался.

Ночь была душная. Прохладный вѣтерокъ, обыкновенно подъ вечеръ дувшій съ зубчатыхъ горъ, на этотъ разъ не освѣжалъ Санди-Баръ. Въ узкомъ ущельи, гдѣ воздухъ пропитанъ былъ сильнымъ запахомъ смолы и испареніями отъ гнившихъ въ рѣкѣ деревьевъ, можно было задохнуться. Лихорадочное волненье, возбужденное событіями дня, не улеглось еще въ станѣ. По берегу безпокойно двигались огни, не отражаясь въ мутныхъ волнахъ. Сквозь черныя вѣтви сосенъ свѣтились окна стараго чердака надъ почтовой конторой и стоявшіе внизу люди могли видѣть въ нихъ, за отсутствіемъ за-

навѣсокъ, фигуры тѣхъ, отъ кого въ настоящую минуту зависѣла участь Теннесси. А надъ всѣмъ этимъ рѣзко выступали на темномъ фонѣ небесъ очертанія далекой и безстрастной Сіерры, увѣнчанной еще болѣе далекими и также безстрастными звѣздами...

Процессъ Теннесси былъ веденъ очень добросовѣстно, насколько возможно вести дѣло добросовѣстно въ такихъ случаяхъ, когда неправильность предварительнаго ареста и обвиненія подсудимаго до извѣстной степени налагали на судей и присяжныхъ обязанность оправдать принятыя мѣры своимъ вердиктомъ. Законъ Санди-Баръ былъ неумолимъ, но не мстителенъ. Возбужденное состояніе, личное чувство — улеглись. Съ той минуты, какъ Теннесси былъ въ рукахъ этихъ людей, — они изъявляли полную готовность выслушать все, что клонилось къ его защитѣ, будучи заранѣе убѣждены, что это не поведетъ ни къ чему. Никакихъ сомнѣній относительно его виновности не существовало у нихъ въ душѣ, но они желали предоставить подсудимому всѣ льготы, допускаемыя въ сомнительныхъ случаяхъ. Они знали, что, по закону, его неизбѣжно повѣсятъ, но каждый изъ нихъ настаивалъ, чтобъ онъ воспользовался всѣми своими правами. Ему предоставили даже болѣе, чѣмъ сколько требовала его отважная безпечность. Судья, казалось, тревожился болѣе подсудимаго, ощущавшаго злобное удовольствіе, видя, какую отвѣтственность налагаетъ онъ на другихъ. «Я не играю въ эту игру», — съ неизмѣннымъ добродушіемъ отвѣчалъ онъ на всѣ предлагаемые ему вопросы; такъ что поймавшій его судья на минуту даже пожалѣлъ, зачѣмъ онъ не упростилъ дѣла, пустивъ этому человѣку при встрѣчѣ съ нимъ пулю въ лобъ; но тотчасъ же побѣдилъ свою слабость, какъ недостойную служителя правосудія.

Когда послышался стукъ въ двери и возвѣщено было,

что Компаньонъ Теннесси явился для защиты подсудимаго, его немедленно впустили, безъ всякихъ возраженій. Можетъ быть, самые юные между присяжными, находя, что надъ этимъ процессомъ черезчуръ ужъ долго приходится ломать голову, ожидали себѣ отъ прихода новаго лица облегченія. Видъ у компаньона былъ не внушительный. — Коротенькій, широкоплечій, съ квадратнымъ и до невѣроятности краснымъ отъ загара лицомъ, небрежно одѣтый въ парусиновый жакетъ и такіе-же панталоны, запачканные въ красной глинѣ,—онъ былъ бы страненъ во всякое время, и даже теперь казался смѣшенъ. Когда онъ нагнулся, чтобы положить около себя принесенный имъ съ собой тяжелый мѣшокъ, по нѣкоторымъ надписямъ и цифрамъ на его панталонахъ обнаружилось, что на нихъ положены заплаты изъ холста, въ который зашиваютъ посылки. Онъ, однакожъ, выступилъ впередъ съ большимъ достоинствомъ,—крѣпко пожалъ руку каждому изъ присутствовавшихъ, отеръ свое озабоченное лицо краснымъ носовымъ платкомъ, цвѣтомъ чуточку посвѣтлѣй цвѣта этого лица, оперся сильной рукою на столъ и, какъ-бы извиняясь, обратился къ судьѣ:

— Я проходилъ мимо... и думаю себѣ: дай зайду посмотрѣть, какъ идутъ дѣла Теннесси, моего компаньона. Уфъ! Ужасно душно, джентльмены! Я не запомню такой духоты въ Санди-Барѣ!

Онъ замолкъ на минуту и видя, что метеорологическихъ воспоминаній ни съ чьей стороны болѣе не послѣдовало, снова прибѣгнулъ къ своему платку, и долго, старательно, вытиралъ имъ лицо, пока судья не спросилъ наконецъ:

— Имѣете вы что-нибудь сказать относительно подсудимаго?

— Какже, какже! поспѣшилъ отвѣтить защитникъ,

видимо чувствуя облегченіе при этомъ вопросѣ.—Я пришелъ сюда, какъ его компаньонъ. Я знаю его почти четыре года... знаю насквозь... видалъ и въ погоду и въ непогоду, и въ бѣдѣ и въ счастьѣ... Думаемъ мы съ нимъ не всегда одинаково, да и поступаемъ каждый по своему... но не было ни одной самой маленькой его шалости, о которой бы я не зналъ... Теперь, — если вы спросите меня, разумѣется по секрету, какъ бы съ глазу на глазъ... не такъ-ли?..

— «Знаете вы что-нибудь объ этомъ человѣкѣ?»— я вамъ отвѣчу также искренно, какъ бы съ глазу на глазъ:—Что можно знать о своемъ компаньонѣ?

— Это все, что вы имѣете сказать? спросилъ нетерпѣливо судья, можетъ быть чувствуя, что комизмъ положенія уже начинаетъ опасно влiять на присяжныхъ.

— Такъ, такъ, именно! продолжалъ Компаньонъ Теннесси. Не мнѣ говорить противъ него. Теперь—въ чемъ дѣло? Теннесси понадобились деньги, и онъ не захотѣлъ просить у своего стараго компаньона. Что-же сдѣлалъ Теннесси? Онъ подстерегъ чужестранца и овладѣлъ имъ. А вы подстерегли Теннесси и также овладѣли имъ. Значитъ—квитъ. Теперь я, какъ разсудительный человѣкъ, спрашиваю у васъ, какъ разсудительныхъ людей: развѣ это не правда?

— Подсудимый! произнесъ судья,—не желаете-ли вы предложить этому человѣку какой-нибудь вопросъ?

— Нѣтъ! Нѣтъ! быстро возразилъ Компаньонъ Теннесси. Эту игру я веду одинъ.—Ну-съ, въ чемъ же теперь самая суть? Теннесси поступилъ немножко круто съ чужеземцемъ, проходившимъ чрезъ вашъ станъ. Сколько же нужно заплатить за это? Одни скажутъ больше, другіе—меньше. Вотъ на 1700 долларовъ золота... и часы... Это весь мой скарбъ... Вѣдь круглая сумма... а?

И прежде, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ помѣшать ему,

онъ высыпалъ на столъ все, что было въ мѣшкѣ. Одно мгновеніе жизнь его висѣла на волоскѣ. Два-три человѣка вскочили на ноги; нѣсколько рукъ потянулось за спрятаннымъ оружіемъ и, еслибъ не вмѣшательство судьи, несчастнаго выбросили бы за окно. Теннесси хохоталъ, а его компаньонъ, какъ-бы не замѣчая вызваннаго имъ негодованія, воспользовался случаемъ, чтобы еще разъ отереть себѣ лицо платкомъ.

Когда порядокъ возстановился, и человѣку этому, съ помощью словъ и энергической мимики, дали понять, что преступленіе Теннесси не можетъ быть искуплено золотомъ, лицо его приняло еще болѣе серьезное выраженіе и стало совсѣмъ багровымъ; а находившіеся около него люди замѣтили, что мозолистая рука его слегка дрогнула на столѣ. Онъ съ минуту медлилъ укладывать деньги въ мѣшокъ, какъ бы не вполнѣ уяснивъ себѣ чувство высшей справедливости, руководившее трибуналомъ, и соображая: не мало-ли онъ предложилъ? Затѣмъ обратился къ судьѣ:

— Эту игру я велъ одинъ, безъ моего компаньона...

И, поклонившись, направился къ двери, но судья остановилъ его:

— Если вы имѣете сказать что-нибудь подсудимому, вамъ лучше это сдѣлать теперь.

Въ первый разъ, въ этотъ вечеръ, глаза подсудимаго и его страннаго защитника встрѣтились. Теннесси улыбнулся широкой улыбкой, показавъ свои бѣлые зубы, и сказалъ:

— Эта партія кончена, дружище!

Онъ протянулъ своему компаньону руку. Тотъ взялъ ее, проговорилъ: «Я зашелъ мимоходомъ... такъ, посмотрѣть какъ дѣла...» и выпустилъ; потомъ, еще разъ замѣтивъ, что ночь «необыкновенно душная», опять вытеръ себѣ лицо платкомъ, и ушелъ, не прибавивъ ни слова.

Эти два человѣка уже не встрѣчались болѣе на землѣ.—Попытка подкупить судъ Линча, который, при всей слабости и недостаткахъ, былъ по крайней мѣрѣ всегда безкорыстнымъ,—оскорбленіе безпримѣрное. Если вначалѣ и могли еще быть колебанія относительно приговора надъ Теннесси,—теперь слабость была уже не позволительна, и на разсвѣтѣ его подъ надежнымъ конвоемъ повели на вершину Marley's Hill'я...

Съ какимъ хладнокровіемъ онъ держалъ себя передъ смертью, какъ отказывался говорить что-либо въ свою защиту, и какъ безукоризненны были всѣ мѣры, принятыя комитетомъ,—все это весьма подробно и краснорѣчиво описано въ мѣстномъ органѣ «Рожокъ Редъ-Дога», редакторъ котораго лично присутствовалъ при совершеніи казни; а потому я и отсылаю туда любопытныхъ читателей. Тамъ они могутъ найти, кромѣ того, энергическое предостереженіе всѣмъ будущимъ злоумышленникамъ, и только ничего не найдутъ о красотѣ этого лѣтняго утра, о пробужденіи жизни въ вольныхъ лѣсахъ и горахъ, о чудной гармоніи между воздухомъ, землею и небомъ, потому что это не входило въ программу.

А между тѣмъ, когда жалкое и безумное дѣло совершилось, и жизнь съ ея возможностями и отвѣтственностью покинула обезображенный трупъ, качавшійся между землею и небомъ,—птицы пѣли, цвѣты благоухали и солнце свѣтило такъ-же радостно, какъ и прежде. Можетъ быть, «Рожокъ Редъ-Дога» и былъ правъ.

Компаньона Теннесси не видно было въ толпѣ, окружавшей роковое дерево. Но когда любопытные начали расходиться, вниманіе ихъ привлечено было тележкой, стоявшей поодаль. Подойдя къ ней, они узнали почтенную ослицу «Дженни» и двухколесный возокъ, служившій Компаньону Теннесси для своза нечистотъ съ его участка, а въ нѣсколькихъ шагахъ увидали и самого

собственника этого экипажа. Онъ сидѣлъ подъ каштановымъ деревомъ, отирая потъ съ пылающаго лица. На вопросъ, что привело его сюда, онъ отвѣчалъ, что пріѣхалъ за тѣломъ покойнаго, — «если это все равно комитету». Если надо, онъ подождетъ: работы у него сегодня нѣтъ. Когда джентльмены покончатъ съ умершимъ, тогда онъ и возьметъ его.—«Если кто нибудь изъ присутствующихъ,— прибавилъ онъ, какъ всегда серьезно и просто,—пожелаетъ присутствовать на похоронахъ—милости просимъ».

Быть можетъ, вслѣдствіе врожденной склонности къ юмору, составлявшей, какъ я сказалъ, характеристическую черту Санди-Бара, а можетъ быть и чего-нибудь лучшаго,—но двѣ трети зѣвакъ приняли приглашеніе. Въ полдень, трупъ Теннесси отдали его компаньону. Когда телѣжка подъѣхала къ дереву, на которомъ висѣлъ казненный, мы замѣтили въ ней длинный ящикъ, повидимому, сколоченный изъ желобовъ, употребляемыхъ при промывкѣ золота, и до половины наполненный стружками и древесной корой. Кромѣ того, телѣжка убрана была вѣтвями ивы и душистымъ цвѣтомъ каштановаго дерева. Когда трупъ положили въ ящикъ, компаньонъ покрылъ его кускомъ парусины, пропитанной дегтемъ, съ достоинствомъ взлѣзъ на узкое сидѣнье, поставилъ ноги на оглобли и стегнулъ возжами свою ослицу. Телѣжка подвигалась медленно: Дженни не любила торопиться, даже и при менѣе торжественныхъ обстоятельствахъ. Кто пошелъ провожать изъ любопытства, кто ради шутки, но всѣ были настроены добродушно и весело; шли въ разсыпную, какъ попало, и позади и впереди этого скромнаго катафалка. Но вскорѣ, потому-ли, что дорога становилась все уже и уже, или просто сказался инстинктъ декорума, но только компанія убавила шагу и выстроилась парами, позади телѣжки, какъ это обыкновенно бываетъ при погребальныхъ процессіяхъ.

Джэкъ Фоллинсонъ вздумалъ было мимически изобразить похоронный маршъ, на воображаемомъ тромбонѣ, но. не встрѣтивъ ни въ комъ сочувствія, прекратилъ это упражненіе. Свойствами истиннаго юмориста, умѣющаго обходиться безъ посторонняго одобренія и смѣющагося своимъ собственнымъ выходкамъ, Джэкъ, повидимому, не обладалъ.

Дорога тянулась Медвѣжьимъ Ущельемъ, которое уже одѣлось тѣнью сумерекъ, какъ траурнымъ флеромъ. Красивыя деревья, съ своими мохнатыми ногами, ушедшими въ красную почву, стояли, словно индѣйцы, по обѣимъ сторонамъ дороги, и густыя, низко наклоненныя вѣтви ихъ, казалось, посылали робкое благословеніе двигавшемуся мимо нихъ гробу... Мирно почивавшій заяцъ, спугнутый приближеніемъ кортежа, вскочилъ на заднія лапы и замеръ, дрожа всѣмъ тѣломъ, у края дороги; бѣлки спѣшили для безопасности вскарабкаться на самыя высокія вѣтви; а голубыя кедровки, расправивъ крылья, полетѣли впереди вѣстниками. Такъ достигли окраины Санди-Бара и уединенной хижины Компаньона Теннесси...

И при болѣе благопріятныхъ условіяхъ эта мѣстность не могла-бы показаться веселой. Она всего менѣе была живописна; грубыя очертанія и топорность постройки, характеризующія гнѣздо калифорнійскаго рудокопа, въ присутствіи смерти, казались еще суровѣе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины находилась огороженная площадка, которая въ недолгіе дни супружескаго счастья Компаньона Теннесси служила садомъ, а теперь вся поросла папоротникомъ. Когда мы подошли къ ней, оказалось, что мы ошибочно приняли за вспаханную грядку кучу земли, выброшенной изъ свѣжей могилы. Телѣжка остановилась у ограды и Компаньонъ Теннесси, отклонивъ предложеніе присутствовавшихъ помочь ему, съ тою же

простотой, съ тѣмъ же спокойнымъ довѣріемъ къ своимъ силамъ, какія онъ сохранялъ во все время пути, взвалилъ себѣ на плечи гробъ, и одинъ, безъ посторонней помощи, опустилъ его въ неглубокую яму. Потомъ онъ приколотилъ доску, служившую крышкою, взошелъ на маленькій холмикъ, насыпанный возлѣ могилы, снялъ шляпу и медленно отеръ свое лицо носовымъ платкомъ. Толпа поняла, что готовится рѣчь, и всѣ размѣстились, кто на пнѣ, кто на камнѣ, ожидая, что будетъ.

— Когда кто нибудь, началъ тихо Компаньонъ Теннесси: — цѣлый день мыкался по разнымъ мѣстамъ, что́ ему потомъ надо сдѣлать? Очевидно—вернуться домой. А если онъ не въ состояніи самъ вернуться домой, что́ долженъ сдѣлать его лучшій другъ?—привезти его туда. Такъ-то и Теннесси мыкался по свѣту, а мы привезли его домой.

Онъ замолкъ на минуту, поднялъ съ земли кусочекъ кварцу, задумчиво потеръ имъ рукавъ свой и продолжалъ:

— Я не впервые приношу его на спинѣ своей, какъ вы теперь видѣли; не впервые онъ возвращается такъ въ эту хижину, будучи не въ силахъ помочь себѣ самъ. Часто мы съ Дженни ждали его тамъ, на холмѣ; подымали его, когда онъ не могъ говорить или не узнавалъ насъ; но теперь это въ послѣдній разъ.—Онъ опять остановился, и тихонько потеръ кварцемъ рукавъ.—Въ послѣдній... это, знаете, тово... немножко круто для его компаньона... Теперь, джентльмены, вдругъ оборвалъ онъ рѣзко, подымая съ земли лопату:—погребеніе кончено. Благодарю васъ, и Теннесси благодаритъ васъ за безпокойство...

Снова отказавшись отъ помощи, онъ повернулся спиной къ присутствующимъ и сталъ засыпать могилу. Послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, толпа разошлась. Нѣкоторые, передъ тѣмъ какъ взойти на небольшую возвышенность, скрывавшую отъ нихъ Санди-Баръ,

оглянулись назадъ, и имъ показалось, что Компаньонъ Теннесси сидѣлъ надъ могилой, съ лопатой между колѣнами, спрятавъ лицо свое въ красный бумажный платокъ. Но другіе утверждали, что на такомъ разстояніи лица его нельзя было отличить отъ платка, и потому этотъ вопросъ остался неразъясненнымъ.

Когда, вслѣдъ за лихорадочнымъ возбужденіемъ этого дня, настала реакція,—Компаньонъ Теннесси не былъ забытъ. Тайное слѣдствіе очистило его отъ всякихъ подозрѣній въ сообщничествѣ съ Теннесси, и только состояніе его умственныхъ способностей признано было сомнительнымъ. Санди-барское общество сочло своей обязанностью выразить ему свое расположеніе визитами и грубоватымъ, сердечнымъ сочувствіемъ; но съ самаго дня казни, крѣпкое здоровье и силы этого человѣка видимо пошатнулись, а когда наступила пора дождей и тоненькая травка стала пробиваться на кремнистомъ холмѣ, надъ могилой Теннесси, — компаньонъ слегъ въ постель.

Однажды, ночью, когда сосны, качаемыя бурей, стучали своими длинными, худыми пальцами въ крышу хижины, а внизу ревѣла прибывающая рѣка, Компаньонъ Теннесси приподнялъ голову съ подушки и произнесъ: «пора идти за Теннесси; надо запречь Дженни», и онъ вѣроятно всталъ бы, еслибъ его не удержалъ ходившій за нимъ сторожъ. Стараясь вырваться, больной продолжалъ бредить: «сюда, сюда, Дженни!... живѣй, старуха! У! Какъ темно!... Посматривай колею, да не прогляди и *его*... ты знаешь — вѣдь онъ иногда, какъ напьется, такъ пластомъ и лежитъ на дорогѣ. Иди все прямо, къ соснѣ, что тамъ на верху горы... Славно! Вѣдь я тебѣ говорилъ! Вотъ онъ! Идетъ къ намъ, и самъ—одинъ, трезвый.. Какой свѣтъ отъ лица его! Теннесси! Товарищъ»..

Такъ они свидѣлись...

ПАСТУХЪ ИЗЪ СОЛАНО.

РАЗСКАЗЪ.

Онъ подошелъ ко мнѣ въ фойе театра въ антрактѣ; фигурой онъ выдѣлялся среди прочей публики; пестрая, разноцвѣтная одежда видимо была куплена и надѣта часъ или два тому назадъ—магазинный билетъ торчалъ еще на воротникѣ сюртука и пояснялъ, нисколько не интересовавшейся этимъ, публикѣ, по какой мѣркѣ сшито платье. Брюки опускались прямой линіей вдоль его ногъ, точно они были плоскіе; тоже самое можно было сказать о всей его фигурѣ—она походила на куколокъ, вырѣзываемыхъ дѣтьми изъ бумаги. Къ тому же онъ не сознавалъ, повидимому, своей исключительности въ окружающемъ его обществѣ, и его добродушное лицо было совершенно зауряднымъ и неинтереснымъ, за исключеніемъ хитраго выраженія въ нижней челюсти.

— Вы меня забыли, сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку,—я изъ Солано въ Калифорніи. Мы встрѣтились тамъ весною 1857 г. Я пасъ овецъ, а вы жгли уголь.

Въ его словахъ не было намѣренія оскорбить,—они просто напоминали о фактѣ.

— Вы только-что разговаривали въ ложѣ съ одной красивой, бойкой молодой особой, — продолжалъ онъ. Можете вы мнѣ сказать, какъ ее зовутъ?

Я назвалъ по имени извѣстную красавицу изъ сосѣдняго города, плѣнявшей въ послѣднее время сердца

всей столичной молодежи; особенно усердно ухаживалъ за ней молодой Дашбордъ, стоявшій теперь рядомъ со мной.

Соланецъ задумался и черезъ минуту произнесъ:

— Да, да, это та самая дѣвушка.

— Вы встрѣчали ее? спросилъ я удивленно.

— Да, отвѣчалъ онъ. Она путешествовала съ друзьями по Калифорніи. Я въ первый разъ увидѣлъ ее на желѣзной дорогѣ по эту сторону Рено. Она потеряла свой багажный билетъ, я нашелъ его и отдалъ ей, за что она меня поблагодарила. Я полагаю, приличіе позволяетъ войти къ ней въ ложу и возобновить знакомство!

— Любезный сэръ, сказалъ Дашбордъ, — если ваше колебаніе вызвано только костюмомъ, то можете не сомнѣваться, что онъ вполнѣ приличенъ. Деспотическая мода, конечно, заставляетъ вашего знакомаго и меня являться въ оперу въ принятомъ нарядѣ, но, повѣрьте, ничто не можетъ быть прекраснѣе сочетанія вашего оливковаго сюртука съ ярко-желтымъ галстухомъ и перловыхъ брюкъ съ свѣтло-голубымъ жилетомъ, на которомъ такъ рельефно блеститъ массивная золотая цѣпь.

Къ моему удивленію, пастухъ не ударилъ дерзкаго франта, а, серьезно взглянувъ на него, спокойно сказалъ:

— Итакъ, вы не откажетесь, надѣюсь, представить меня ей?

Дашборда сперва поразила эта просьба, но онъ скоро оправился и, насмѣшливо поклонившись, повелъ соланца въ ложу. Я молча послѣдовалъ за ними.

Красавица была, по счастью, порядочная женщина и поэтому, не смотря на ироническую рекомендацію Дашборда, она тотчасъ поняла, въ чемъ дѣло, и, къ удивленію свѣтскаго франта, пододвинувъ къ себѣ стулъ, попросила соланца сѣсть. Потомъ, повернувшись спиною

къ Дашборду, вступила въ разговоръ съ моимъ прежнимъ знакомымъ.

Здѣсь, преслѣдуя интересъ романа, я охотно сказалъ-бы, что мой другъ оживился и проявилъ рѣдкій умъ, но, ради безпристрастія, я долженъ сознаться, что онъ былъ положительно тупъ и съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, говорилъ только о пропавшемъ у красавицы багажномъ билетѣ, несмотря на всѣ ея старанія перемѣнить разговоръ. Наконецъ, къ общему удовольствію, онъ всталъ и, облокотясь на спинку кресла, сказалъ:

— Я остаюсь здѣсь нѣсколько времени, миссъ, и такъ какъ мы оба съ вами здѣсь чужіе, вы, можетъ быть, позволите сопровождать васъ въ театры и концерты.

Миссъ К. поспѣшила отвѣтить, что она останется очень недолго въ Нью-Іоркѣ и завалена приглашеніями, такъ что не можетъ воспользоваться, и т. д. Двѣ дамы, бывшія вмѣстѣ съ нею въ ложѣ, закрылись платками, чтобы заглушить свой смѣхъ. Но соланецъ, нисколько не смутившись, продолжалъ:

— Во всякомъ случаѣ, миссъ, когда вы соберетесь опять на какое нибудь зрѣлище, напишите мнѣ словечко. Вотъ мой адресъ.

И, вынувъ изъ кармана съ полдюжины довольно помятыхъ писемъ, онъ подалъ красавицѣ одинъ изъ конвертовъ съ чѣмъ-то въ родѣ поклона.

— Прекрасно! воскликнулъ Дашбордъ:—вотъ, напримѣръ, завтра миссъ К. будетъ на благотворительномъ вечерѣ. Вамъ ничего не стоитъ, какъ богатому калифорнійцу, взять билетъ и къ тому-же вы сдѣлаете доброе дѣло. Что касается рекомендаціи, вы, вѣроятно, легко ее добудете.

— Еще-бъ, замѣтила миссъ К., бросивъ выразительный взглядъ на дерзкаго франта:—Не сомнѣваюсь, что м-ръ Дашбордъ, какъ одинъ изъ распорядителей, возьметъ

на себя любезный трудъ прислать вамъ пригласительный билетъ. М-ръ Дашбордъ всегда предупредителенъ къ чужестранцамъ.—Затѣмъ она отвернулась и стала смотрѣть на сцену.

Соланецъ поблагодарилъ франта и, пожавъ руки всѣмъ находившимся въ ложѣ, пошелъ къ дверямъ, но на порогѣ остановился и, обращаясь къ миссъ, громко воскликнулъ:

— Не правда-ли, миссъ, ловкая штука была найти билетъ?...

Но въ эту минуту занавѣсъ взвился и началась сцена изъ «Фауста». Вниманіе красавицы было поглощено игрою. Соланецъ осторожно затворилъ за собою дверь ложи и скрылся въ корридорѣ. Я послѣдовалъ за нимъ.

Онъ не произнесъ слова до самаго фойе и тамъ только сказалъ, точно продолжая начатый разговоръ:

— Право, она очень красивая дѣвушка. Она вполнѣ въ моемъ вкусѣ и будетъ хорошей женой.

Мнѣ стало жаль самонадѣяннаго пріятеля и я поспѣшилъ объяснить ему, что за нею ухаживали многіе, что она могла выбрать жениха изъ лучшихъ круговъ общества и что, по всей вѣроятности, она уже дала слово Дашборду.

— И очень умно сдѣлала, сказалъ онъ совершенно спокойно.—Однакожъ мнѣ пора домой. Вся эта визготня не стоитъ потери времени. (Онъ отзывался такъ лестно о пѣніи знаменитой Батти-Батти). Который часъ?

Онъ вынулъ свои часы. Эта была такая огромная, блестящая луковица, очевидно не золотая, что я съ любопытствомъ взглянулъ на нее.

— Вы смотрите на мои часы, сказалъ онъ;—они красивы на видъ, но идутъ прескверно. Однакожъ, я заплатилъ за нихъ двадцать пять долларовъ... Я купилъ ихъ вчера на аукціонѣ...

— Васъ жестоко обманули! воскликнулъ я съ негодова-

ніемъ:—часы съ цѣпочкой вмѣстѣ не стоятъ и двадцати долларовъ.

— А пятнадцать стоятъ? спросилъ онъ серьезно.

— Вѣроятно.

— Такъ сдѣлка выгодная. Я сказалъ аукціонисту, что я калифорніецъ изъ Солано и что у меня нѣтъ бумажныхъ денегъ. Я далъ ему три пластинки, а онъ вручилъ мнѣ за нихъ часы. Вы помните, что значитъ пластинка? (Я помнилъ хорошо, что пластинкой называли въ первое время калифорнійской золотой горячки осьмиугольный, небольшой кусокъ золота объемомъ въ двѣ монеты въ двадцать долларовъ; стоила она пятьдесятъ долларовъ). Дѣло въ томъ, что эти пластинки были не золотыя, я сдѣлалъ ихъ изъ мѣдныхъ опилокъ и желѣзнаго колчедана; я часто спускалъ такія пластинки въ карточной игрѣ. Вѣдь это не правительственныя деньги, значитъ нѣтъ и подлога. Три пластинки стоили мнѣ, считая время и безпокойство, не болѣе пятнадцати долларовъ, такъ что если часы стоятъ этихъ денегъ, то игра съ обѣихъ сторонъ была честная. Не правда-ли?

Я началъ понимать, что̀ за человѣкъ мой знакомый. Положивъ часы въ карманъ, онъ поигралъ цѣпочкой и съ улыбкой замѣтилъ:

— Это даетъ видъ приличнаго и состоятельнаго человѣка. Не такъ-ли?

Я согласился съ нимъ и спросилъ, что онъ намѣренъ дѣлать въ Нью-Iоркѣ.

— У меня есть капиталецъ въ семьсотъ долларовъ, но прежде, чѣмъ начать какое-нибудь дѣло, я присмотрюсь къ здѣшнимъ порядкамъ.

Я хотѣлъ было предостеречь его отъ опасностей, грозившихъ новичку въ Нью-Iоркѣ, но вспомнилъ исторію съ часами и промолчалъ. Вскорѣ мы съ нимъ разстались.

Черезъ нѣсколько дней я еще разъ встрѣтилъ его на

улицѣ. Онъ былъ опять въ новой одеждѣ, но я насчиталъ въ ней только пять различныхъ цвѣтовъ,—это былъ замѣтный прогрессъ.

Я спросилъ его—былъ ли онъ на вечерѣ.

— Да, отвѣчалъ онъ; — красивая молодая дѣвушка также была, но избѣгала меня. Я нарочно для вечера надѣлъ этотъ новый костюмъ, но лакеи заперли меня въ отдѣльную ложу и я никакъ не могъ продолжать съ миссъ К. интереснаго разговора о находкѣ ея билета. За то м-ръ Дашбордъ былъ чрезвычайно любезенъ. Онъ постоянно приводилъ ко мнѣ въ ложу молодыхъ мужчинъ и дамъ. А на другой день онъ повезъ меня къ дѣльцамъ Валъ-Стрита, и я купилъ акцій на пятьсотъ долларовъ, т. е. я промѣнялъ десять паевъ компаній Пикикскихъ мѣдныхъ рудниковъ, въ которой вы были секретаремъ.

— Помилуйте, эти паи ничего не стоятъ; компанія лопнула десять лѣтъ тому назадъ!

— Можетъ быть; вамъ лучше знать. Но я также ничего не зналъ о положеніи дѣлъ центральной комунипасской желѣзной дороги и нефтяно-газовой компаніи, акціи которыхъ я купилъ, такъ что игра была честная. Только, для большей осторожности, я тотчасъ продалъ акціи за четыреста долларовъ. Впрочемъ, вы видите, я рискнулъ, потому что пикикскія акціи, быть можетъ, и поднимутся.

Я взглянулъ ему прямо въ лицо: оно попрежнему было спокойно. Я сталъ бояться этого человѣка или, вѣрнѣе, я сталъ бояться моего неумѣнія судить о людяхъ по первому взгляду.

Нѣсколько времени спустя, я снова встрѣтился съ нимъ. Онъ уже открылъ свою маленькую контору и велъ биржевую игру. Вспомнивъ объ его странномъ поведеніи съ миссъ К., я спросилъ, возобновилъ ли онъ съ нею знакомство.

— Да, отвѣчалъ онъ,—я узналъ, что она проводитъ лѣто въ Нью-Портѣ, и поѣхалъ туда на недѣлю.

— Вы опять говорили съ нею о находкѣ багажнаго билета?

— Нѣтъ, сказалъ онъ серьезно,— она дала мнѣ порученіе купить ей акцій. Я полагаю, что франты, окружающіе ее, смѣялись надо мною и она поставила наше знакомство на дѣловую ногу. Ловкая дѣвушка! Вы слышали, что съ нею случилось?

— Нѣтъ.

— Она однажды отправилась въ море на яхтѣ; я былъ, въ числѣ приглашенныхъ на экскурсію, которую устроилъ, какъ говорятъ, ея будущій женихъ. Вдругъ поднялся свѣжій вѣтеръ и парусъ, оторвавшись, снесъ въ воду миссъ К. Вы, вѣрно, слышали объ этой исторіи?

Я ничего не слыхалъ, но съ поэтическимъ инстинктомъ романиста предчувствовалъ, что этотъ грубый, неотесанный человѣкъ, наконецъ, нашелъ удобный случай, чтобъ блестящимъ образомъ выказать свою любовь къ молодой дѣвушкѣ.

— Поднялась суматоха, продолжалъ онъ,— я бросился къ борту и увидалъ въ водѣ эту прелестную дѣвушку... я...

— Вы бросились за ней? прибавилъ я поспѣшно.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ глубокомысленно;—я доставилъ это удовольствіе другому, а самъ только слѣдилъ.

Я взглянулъ на соланца съ удивленіемъ.

— Я разсудилъ, что еслибы я бросился первый и не спасъ ее, а утонулъ-бы самъ, то этотъ господинъ, ея женихъ, прыгнулъ-бы въ воду и спасъ ее. Значитъ, я остался бы въ дуракахъ. Наоборотъ, давъ ему первому кинуться въ воду, я могъ разсчитывать, что онъ утонетъ и, слѣдовательно, мои шансы поднимутся. Вы, я вижу, не понимаете меня... и въ Калифорніи меня не понимали...

— Онъ спасъ ее?

— Ну, да, это была его прямая обязанность... и я бы ее исполнилъ только въ случаѣ его неудачи.

Эта исторія стала всѣмъ извѣстна и популярность соланца начала быстро рости. Его приглашали на обѣды и вечера и, такимъ образомъ, онъ познакомился со многими людьми, съ которыми иначе онъ никогда не сошелся-бы. Между тѣмъ его маленькій капиталъ въ семьсотъ долларовъ постоянно возрасталъ и дѣла его шли хорошо. Многія калифорнскія акціи, давно казалось погребенныя на вѣки, вдругъ воскресли, какъ бы чудомъ, въ его конторѣ, и публика начала уважать соланца. Наконецъ, новое обстоятельство дало всѣмъ понять, что̀ онъ за человѣкъ.

Онъ уже давно желалъ поступить членомъ въ одинъ изъ модныхъ клубовъ и его пригласили на карточный вечеръ, все съ тою же цѣлью позабавиться надъ нимъ. На слѣдующее утро, очень рано, я проходилъ мимо этого клуба и случайно услышалъ, какъ два человѣка, выходя изъ дверей, говорили между собою:

— Онъ всѣхъ обчистилъ!

— Онъ награбилъ тысячъ сорокъ!

— Кто? спросилъ я.

— Соланецъ.

Я продолжалъ свой путь. но одинъ изъ членовъ клуба, проигравшій изрядную сумму, догналъ меня.

— Скажите мнѣ правду, сказалъ онъ,—чѣмъ занимался вашъ знакомый въ Калифорніи?

— Онъ былъ пастухомъ.

— Что?

— Да, онъ пасъ стада на роскошныхъ зеленыхъ склонахъ горъ Солано.

— Ну, ужь могу сказать—проклятые у васъ пастухи въ Калифорніи.

НАСЛѢДНИЦА.

РАЗСКАЗЪ.

Первый признакъ эксцентричности завѣщателя проявился, если не ошибаюсь, весной 1854 года. Въ эту пору онъ былъ обладателемъ большого имѣнія, заложеннаго одному изъ его пріятелей, и довольно миловидной жены, на расположеніе которой имѣлъ притязаніе другой пріятель. Однажды оказалось, что онъ втихомолку вырылъ или велѣлъ вырыть, передъ дверью своего дома, глубокую яму, куда въ теченіе вечера попадало нѣсколько человѣкъ его пріятелей. Это обстоятельство, неважное само по себѣ, какъ-будто указывало на извѣстную юмористическую складку ума, которая могла бы сослужить ему службу въ литературѣ, но любовникъ его жены, который при паденіи въ западню сломалъ себѣ ногу, взглянулъ на дѣло иначе.

Нѣсколько времени спустя, сидя у себя за обѣдомъ, въ обществѣ нѣкоторыхъ другихъ пріятелей своей жены, чудакъ вдругъ извинился, всталъ и вышелъ, а чрезъ минуту стоялъ уже на улицѣ, подъ окномъ, съ трубою отъ водяного насоса въ рукахъ и преспокойно поливалъ честную компанію.

Была попытка предать этотъ поступокъ общественному суду, но большинство гражданъ «Редъ-Дога» (Красной собаки), разумѣется, изъ тѣхъ, которые не сидѣли тогда за столомъ, рѣшили, что каждый воленъ забавлять

своихъ гостей, какъ находитъ лучшимъ. Были, впрочемъ, и намеки на ненормальное состояніе ума; жена разсказывала о немъ такія вещи, которыя могли быть приписаны только помѣшательству; искалѣченый любовникъ утверждалъ, основываясь на собственномъ опытѣ, что если она не уйдетъ отъ мужа, нельзя поручиться, чтобы у нея всѣ члены остались цѣлы и невредимы; а кредиторъ по закладной, опасаясь дальнѣйшаго поврежденія имущества, наложилъ на него запрещеніе.

Но предметъ всѣхъ этихъ толковъ рѣшилъ все дѣло по своему... Онъ скрылся.

Когда мы вторично услыхали о немъ, онъ какимъ-то, ему одному извѣстнымъ, путемъ уже успѣлъ избавиться, какъ отъ жены, такъ и отъ имущества. Онъ жилъ одинъ въ Роквилѣ, за пятьдесятъ миль отъ насъ, и былъ — издателемъ газеты. Оригинальность, выказанная имъ въ вопросахъ его личной жизни, въ примѣненіи къ политикѣ на столбцахъ «Роквильскаго авангарда» положительно не имѣла успѣха. Забавно преувеличенный разсказъ, гдѣ однако въ точности излагалось, какимъ образомъ кандидатъ оппозиціи убилъ китайца, занимавшагося у него стиркой, вызвалъ, я долженъ сознаться, грубое нападеніе и драку. Чисто вымышленное описаніе религіознаго торжества въ Каловерѣ, на которомъ шерифъ этого графства—извѣстный атеистъ—будто бы исполнялъ должность старшаго проповѣдника, повело лишь къ тому, что оффиціальныя объявленія стали помѣщаться въ другой газетѣ.

Среди всей этой путаницы и неудачъ, онъ внезапно умеръ. Тутъ-то обнаружилось явное доказательство его безумія: онъ завѣщалъ все свое имущество служанкѣ въ мѣстной гостинницѣ, некрасивой дѣвушкѣ, съ лицомъ покрытымъ веснушками. Нелѣпость этого поступка приняла серьезные размѣры, когда въ числѣ отказаннаго

имущества оказались тысяча паевъ компаніи «Восходящее Солнце», которая дня два спустя послѣ смерти завѣщателя, когда всѣ еще хохотали надъ его уморительнымъ благодѣяніемъ, внезапно разбогатѣла и получила извѣстность. Имущество, такъ легкомысленно брошенное, теперь цѣнилось въ три милліона долларовъ. Надо отдать справедливость предпріимчивости и энергіи жителей недавно основаннаго и уже процвѣтающаго Роквиля—между ними, вѣроятно, не нашлось бы ни одного, кто не чувствовалъ бы себя способнымъ лучше наслѣдницы распорядиться имуществомъ покойнаго чудака. Нѣкоторые изъ нихъ сомнѣвались, въ силахъ-ли они содержать семью; другіе, будучи выбраны въ присяжные и, быть можетъ, через-чуръ глубоко сознавая связанную съ этимъ отвѣтственность, уклонились отъ исполненія общественнаго долга; еще нѣсколько лицъ отказались отъ мѣстъ съ небольшимъ содержаніемъ, но не нашлось ни одного, кто отказался бы заступить мѣсто Пегги Моффетъ—наслѣдницы трехъ милліоновъ.

Завѣщаніе, какъ водится, стали оспаривать. Во-первыхъ, вдова, которая, какъ теперь оказывалось, не была формально разведена съ покойнымъ; затѣмъ четыре двоюродныхъ братца, увы! слишкомъ поздно оцѣнившихъ нравственныя и матеріальныя достоинства умершаго родственника. Но скромная наслѣдница—замѣчательно некрасивая, простая и неотесанная дѣвушка изъ западнаго края—выказала неодолимое упорство въ отстаиваніи своихъ правъ. Она отвергла всѣ попытки войти съ ней въ соглашеніе. Всѣ сомнѣвались въ ея способности управиться съ такой уймой денегъ. Врожденное чувство справедливости подсказывало однако мѣстному населенію, что ей слѣдуетъ дать триста тысячъ долларовъ—съ тѣмъ, чтобъ она удовольствовалась ими.

— Она и тѣ, разумѣется, броситъ какому-нибудь тре-

клятому негодяю, но дать три милліона подлецу за то, что онъ сдѣлаетъ ее несчастною,—это ужъ через-чуръ много. Одно искушеніе мошенникамъ.

Единственный голосъ, раздавшійся противъ этого рѣшенія, принадлежалъ Джэку Гемлину, который съ сардоническою усмѣшкой на губахъ возразилъ говорившему:

— А что еслибы въ пятницу вечеромъ, когда вы у меня выиграли двадцать тысячъ долларовъ, я, вмѣсто уплаты, поднялся бы на дыбы и сталъ говорить: «Слушайте, Виль Ветерсби, вы сущій безумецъ, провалъ васъ возьми! Если я отдамъ вамъ эти двадцать тысячъ — вы навѣрное оставите ихъ въ игорномъ домѣ въ Санъ-Франциско, или проиграете первому шуллеру, на котораго нападете. Вотъ вамъ тысяча — этого довольно, чтобы бросить собакѣ подъ хвостъ—берите деньги и убирайтесь къ чорту!» — Положимъ, мои слова были бы чистѣйшая правда, и вы сами знали бы это, но честно-ли бы я поступилъ въ вами?

— Сравненіе неудачное! вскричалъ Ветерсби: — я выигралъ деньги на чистоту, выложилъ на ставку свои собственныя.

— А вы почему знаете, вспылилъ Гемлинъ, устремивъ свои черные глаза на изумленнаго казуистика: — что дѣвушка, съ своей стороны, не поставила ставки?

Ветерсби невнятно пробормоталъ что-то въ отвѣтъ.

— Вѣрьте мнѣ, дружище, сказалъ Гемлинъ, положивъ ему на плечо свою руку: — каждая дѣвушка ставитъ *весь* свой капиталъ, какъ бы ея игра ни была мелка. Еслибъ она вооружилась картами вмѣсто чувствъ, еслибъ она ставила деньги, а не тѣло и душу,—ручаюсь головой, не уцѣлѣло бы ни одного банка на всемъ протяженіи отсюда до Санъ-Франциско! Вотъ что!

Часть этого разговора была передана самой Пегги Моффетъ, только, боюсь, далеко не въ такой чувствитель-

ной формѣ. Лучшій адвокатъ въ Санъ-Франциско, приглашенный защищать интересы вдовы и родственниковъ покойнаго, воспользовался свиданіемъ съ наслѣдницею, чтобы указать ей, что она поставлена въ положеніе чуть ли не преступницы, незаконно воспользовавшейся расположеніемъ полу-умнаго старика, чтобы выманить у него состояніе, и намекнулъ, что репутація ея окончательно погибнетъ, если она, чтобы отстоять свое право, доведетъ дѣло до суда. Говорятъ, будто Пегги, которая мыла въ это время тарелку, вдругъ остановилась, и крутя полотенцо вокругъ пальцевъ, устремила на адвоката свои маленькіе блѣдно-голубые глаза.

— Такъ вотъ что люди-то лопочутъ? сказала она.

— Къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, любезная моя миссъ Моффетъ, что свѣтъ злорѣчивъ, отвѣтилъ адвокатъ и прибавилъ съ плѣнительной откровенностью:—Не скрою и того, что мы, юристы, изучаемъ мнѣніе свѣта, слѣдовательно таковъ же будетъ взглядъ и съ нашей стороны.

— Когда такъ, храбро сказала Пегги:—значитъ, все равно придется идти въ судъ защищать свою честь, такъ ужъ я лучше прихвачу и три милліона.

Если вѣрить слухамъ, Пегги заключила рѣчь желаніемъ «задать трепку» своимъ клеветникамъ и съ словами: «вотъ я какова»—окончила бесѣду катастрофой для тарелки, оставившей жестокую мѣтку на лбу юриста-собесѣдника. Но этотъ разсказъ, очень популярный въ пивныхъ и закусочныхъ, не нашелъ подтвержденія въ высшихъ сферахъ. Болѣе достовѣрной казалась легенда о свиданіи Пегги съ ея собственнымъ адвокатомъ. Онъ объяснялъ ей, какъ выгодно было-бы для нея указать разумную причину страннаго великодушія завѣщателя.

— Хотя законъ, говорилъ онъ, — не уничтожаетъ и не признаетъ завѣщанія изъ-за повода, по которому

оно составлено, все же это будетъ имѣть большой вѣсъ въ глазахъ судьи и присяжныхъ,—особенно, если будутъ настаивать на помѣшательствѣ. Подумайте, какъ было-бы хорошо доказать, что завѣщатель поступилъ вполнѣ естественно и логично. Между нами, миссъ Моффетъ, вы, конечно, знаете, почему покойный Байзейтъ надѣлилъ васъ съ такой удивительной щедростью.

— Нѣтъ, не знаю, рѣшительно отвѣтила дѣвушка.

— Подумайте хорошенько. Не выражалъ ли онъ вамъ — разумѣется, это останется между нами, хотя я, право, не вижу причины, почему не сказать этого и всѣмъ — не выражалъ ли онъ вамъ чувствъ такого свойства, которыя могли быть въ связи съ будущими супружескими отношеніями?

Тутъ большой ротъ Пегги медленно открылся, обнаживъ неровные зубы, и она прервала его рѣчь.

— Вы хотите сказать, что онъ намѣренъ былъ жениться на мнѣ — нѣтъ!

— Понимаю. Но не предлагалъ ли онъ вамъ какого-нибудь условія? — Само собой законъ имѣетъ въ виду только условія, выраженныя въ духовной, — но для подтвержденія вашихъ правъ было бы весьма полезно знать—не ставилъ-ли онъ какихъ-нибудь условій, передавая вамъ свое имущество?

— Вы хотите спросить, не требовалъ-ли онъ отъ меня чего-нибудь взамѣнъ?

— Вотъ именно, любезная миссъ,—вотъ именно...

Лицо Пегги приняло съ одной стороны темно-багровую тѣнь, съ другой посвѣтлѣе—вишневую, носъ сдѣлался пунцовымъ, а лобъ горѣлъ, словно стручокъ индѣйскаго перца. Для довершенія эффекта этой некрасивой и неизящной формы ея мучительнаго ощущенія, она молча стала вытирать руки о платье.

— Понимаю, поспѣшилъ успокоить ее адвокатъ. — Все равно, что бы ни было,—но условіе вы исполнили?

— Нѣтъ, съ изумленіемъ возразила Пегги:—какъ же я могла исполнить *до* его смерти?

Тутъ ужъ адвокатъ вспыхнулъ и не зналъ, какъ ему быть.

— Онъ сказалъ мнѣ одну вещь и условія свои поставилъ, продолжала Пегги съ твердостью, хотя ей очевидно было неловко:—только это никого не касается, кромѣ его да меня. Ни вамъ нѣтъ дѣла до этого, ни другимъ.

— Но, любезная миссъ Моффетъ, если эти условія явно доказываютъ, что онъ былъ въ здравомъ умѣ, вы вѣроятно согласитесь открыть ихъ, хотя бы только для того, чтобы доставить себѣ возможность исполнить его волю.

— А если судъ не останется ими доволенъ?—лукаво спросила Пегги.—Ну, какъ онъ найдетъ ихъ странными? Что тогда?

Такимъ образомъ у защиты былъ отнятъ послѣдній рессурсъ. Дѣло перешло въ судъ. Кто не помнитъ, какъ въ теченіе шести недѣль, оно было насущною пищею Каловерскаго графства, какъ цѣлыхъ шесть недѣль умственная, нравственная и духовная правоспособность Джемса Байвейза распорядиться своимъ имуществомъ, обсуждалась въ залѣ суда со всѣми формальностями ученаго невѣжества, и въ трактирахъ и у костровъ подъ открытымъ небомъ, съ предразсудками, присущими невѣжеству неграмотному и независимому. Къ концу этого срока, когда путемъ логическихъ выводовъ судъ пришелъ къ убѣжденію, что, по меньшей мѣрѣ, девять десятыхъ населенія графства безвредные сумасшедшіе, и у всѣхъ же остальныхъ обитателей разумъ тоже какъ будто пошатнулся на своемъ основаніи, измученныхъ присяжныхъ

окончательно побѣдило въ одинъ прекрасный день появленіе въ залѣ суда самой Пегги.

Она никогда не была красива, но волненіе и неловкая попытка принарядиться выставили ея недостатки въ такомъ яркомъ свѣтѣ, что она казалась просто безобразной. Каждая веснушка на ея лицѣ выдавалась отдѣльно: ея блѣдно-голубые глаза, не дававшіе никакого понятія о силѣ ея характера, смотрѣли нерѣшительно, перебѣгая отъ одного къ другому, наконецъ съ смущеніемъ остановились на судьѣ; непропорціонально большая голова кончалась самою мизерною свѣтлою косичкою посреди узкихъ плечъ, и казалась такою же жесткою и неинтересною, какъ деревянные шары на рѣшеткѣ, у которой она сидѣла. Присяжные, которымъ въ теченіе почти шести недѣль истцы изображали ее хитрою и лукавою очаровательницею, подточившей слабѣющій разсудокъ Джемса Байвейза, возмутились всѣ до одного. Она была такъ страшно дурна, что даже три милліона едва-ли могли вознаградить за такое безобразіе,—думалось каждому.

— Если деньги ей даны, то она заслужила ихъ, братцы; это вѣрно, сказалъ старшина присяжныхъ.—Тутъ не было никакой поблажки со стороны старика.

Когда присяжные удалились, всѣ сознавали, что репутація дѣвушки спасена. Когда же они вернулись въ залу объявить приговоръ, оказалось, что ей присуждены три милліона, какъ бы въ видѣ возмездія за клевету.

Она получила деньги. Но тѣ, кто ожидалъ, что она будетъ сорить ими, очень ошиблись. Напротивъ, стали поговаривать, что она до крайности скупа. Добрѣйшая Стайверъ, изъ «Редъ-Дога», которая вызвалась сопровождать ее въ Санъ-Франциско, чтобы помочь ей сдѣлать закупки, громко выражала свое негодованіе:

— Она такъ трясется надъ двумя пенсами, какъ я не стала бы — и надъ пятью долларами. Въ «Городѣ

Парижѣ» она ничего не купила, потому, изволите-ли видѣть, что дорого очень; а нарядилась сущей дурой, въ какой-то дешевой лавкѣ готоваго платья въ Рыночной улицѣ. А мы то съ Дженъ, какъ трудились для нея, сколько времени на нее потратили, и хоть бы она что-нибудь подарила Дженъ.

Общественное мнѣніе, видѣвшее одинъ разсчетъ въ обязательности этой дамы, нисколько невозмутилось такою невыгодною развязкою; но когда Пегги отказалась пожертвовать что-нибудь на уплату долга, лежавшаго на новой пресвитеріанской церкви, и даже не захотѣла взять акцій Союзнаго Канала, который многими считался дѣломъ настолько-же святымъ какъ и вѣрнымъ,—она почти утратила популярность.

Сама она оставалась по прежнему равнодушной къ общественному мнѣнію. Она наняла небольшой домикъ, поселилась въ немъ съ служившею нѣкогда вмѣстѣ съ нею старою женщиною, на условіяхъ полнѣйшаго равенства, и сама управляла своими капиталами. Желалъ бы я имѣть право и тутъ похвалить ея благоразуміе, но, къ сожалѣнію, она дѣлала крупныя ошибки. То же упорство, какое она выказала, отстаивая свои права, проявлялось и теперь въ ея неудачныхъ затѣяхъ.

Она пересадила двѣсти тысячъ долларовъ на истощенную шахту, которую началъ разработывать покойный завѣщатель. Она поддерживала плачевное состояніе «Реквильскаго авангарда» долго послѣ того, какъ онъ пересталъ интересовать даже своихъ враговъ; она не закрывала Реквильской гостинницы, хотя посѣтители давно уже бросили ее; она лишилась содѣйствія и расположенія своего компаньона - капиталиста изъ-за пустаго недоразумѣнія, въ которомъ выказала себя упрямой и не хотѣла сознаться въ винѣ; наконецъ у нея было три процесса на рукахъ, которые можно было бы уладить за

бездѣлицу. Я отмѣчаю эти недостатки, чтобы показать, что она была вовсе не героиня: но теперь опишу ея исторію съ Джэкомъ Фолинсби, изъ которой видно, что она едва-ли была женщина дюжинная.

Этотъ красивый распутный шатунъ носился по окрестностямъ «Редъ-Дога» въ вихрѣ развлеченій, и кончилъ тѣмъ, что очутился, въ видѣ развалины, хотя и нелишенной привлекательности, въ ветхой избушкѣ, невдалекѣ отъ дѣвственнаго жилища Пегги Моффетъ. Блѣдный, истощенный всякими излишествами, съ голосомъ, дрожащимъ отъ особой чувствительности, болѣе или менѣе развитой употребленіемъ возбудительныхъ средствъ, онъ томно прозябалъ, не зная куда дѣвать время и почти не имѣя сосѣдей. Въ такомъ обаятельномъ общемъ *неглиже* нравственности, костюма и чувства, онъ явился къ Пегги. Онъ сталъ сопровождать ее, ковыляя вслѣдъ за нею по улицамъ мѣстечка, и видя эту степенную парочку: Джэка — разговорчиваго, но страждущаго повидимому отъ раскаянія, стыда и болѣзни, и Пегги съ разинутымъ ртомъ, неуклюжую и раскраснѣвшуюся отъ восторга, зоркіе жители «Редъ-Дога» выразительно подмигивали другъ другу. Никто не зналъ, что̀ происходило между ними, но всѣ замѣтили, что въ одинъ прекрасный лѣтній день Джэкъ проѣхалъ по главной улицѣ «Редъ-Дога» въ открытомъ кабріолетѣ рядомъ съ наслѣдницей трехъ милліоновъ. Джэкъ немного покачивался, но правилъ съ остатками прежней граціи, а миссъ Пегги, въ огромной шляпѣ съ лентами жемчужнаго цвѣта, чуть-чуть потемнѣе ея волосъ, держа короткими пальцами въ розовыхъ перчаткахъ букетъ желтыхъ розъ, рдѣла чистѣйшимъ малиновымъ цвѣтомъ отъ конфузливаго восхищенія. Они выѣхали изъ шумнаго города и углубились въ лѣсъ, любуясь багрянымъ блескомъ заката. Сами они, положимъ, не представляли красивой картины, но все

*

же, когда темная сѣнь высокихъ сосенъ приняла ихъ въ свои нѣдра, рудокопы опирались на свои заступы и работники бросали свое дѣло, чтобы посмотрѣть имъ вслѣдъ глазами, влажными, быть можетъ, отъ яркаго отблеска вечерней зари, а можетъ быть и оттого, что эти люди сами были молоды и имъ жилось также весело.

Луна стояла уже высоко, когда наша парочка вернулась съ катанья. Многіе разсчитывали поздравить Джэка съ счастливою перемѣною судьбы въ близкомъ будущемъ, но испытали грустное разочарованіе. Благополучно доставивъ свою даму обратно въ ея домъ, онъ уѣхалъ изъ «Редъ-Дога». Отъ Пегги также не было поживы любопытнымъ. Прошелъ день-другой, — она не измѣняла обыденнаго хода своей жизни, просадила еще двѣ тысячи съ лишкомъ на неудачныя спекуляціи и все также строго соблюдала экономію въ своихъ личныхъ расходахъ. Миновали недѣли, а развязки романической идилліи не предвидѣлось. Никто ничего не зналъ, пока наконецъ Джэкъ, спустя мѣсяцъ, не появился въ Сакраменто съ бильярднымъ кіемъ въ рукахъ и сердцемъ преисполненнымъ горькаго негодованія.

— Сознаюсь вамъ, джентльмены, по секрету, — говорилъ онъ въ кружкѣ сочувствующихъ ему игроковъ. — я былъ такъ же нѣженъ къ этой веснушковатой, красноглазой дѣвицѣ съ волосами цвѣта свѣчнаго сала, какъ будто... ка́къ будто она актриса! Не скрою и того, что, насколько я знаю женщинъ, она была расположена ко мнѣ не менѣе нѣжно. Смѣйтесь, однако это такъ. Въ одинъ прекрасный день, я повезъ ее кататься въ кабріолетѣ — во всемъ парадѣ, какъ подобаетъ — и на дорогѣ сдѣлалъ ей формальное, точно лэди какой, предложеніе. И что же она мнѣ отвѣчала? вскричалъ Джэкъ съ истерическимъ хохотомъ.—Провалъ ее возьми! *Она предложила*

мнѣ двадцать пять долларовъ содержанія въ недѣлю, съ вычетомъ того времени, когда я не буду дома!

Взрывъ хохота, вызванный этимъ откровеннымъ признаніемъ, не успѣлъ еще стихнуть, какъ вдругъ спокойный голосъ спросилъ:

— А *вы* что сказали на это?

— Что сказалъ? отвѣчалъ Джэкъ: — сказалъ, чтобы она убиралась... къ чорту съ своими деньгами.

— Однако, — продолжалъ спокойный голосъ, — говорятъ, будто вы просили у нея взаймы двѣсти пятьдесятъ долларовъ, чтобы ѣхать въ Сакраменто и... получили.

— Кто это говоритъ? закричалъ Джэкъ. — Кто этотъ наглый лгунъ?

Водворилось мертвое молчаніе. Гемлинъ, которому принадлежалъ спокойный голосъ, лѣниво досталъ изъ подъ стола кусокъ мѣла, и потирая имъ кончикъ своего кія, тихо но внушительно произнесъ:

— Это говорилъ мой старый пріятель, живущій въ Сакраменто; у него деревянная нога, одинъ глазъ, всего три пальца на правой рукѣ и чахоточный кашель. Разумѣется, онъ не можетъ отстаивать себя самъ и потому предоставляетъ это мнѣ. Итакъ, для упрощенія дѣла, продолжалъ Гемлинъ, вдругъ отложивъ въ сторону кій и устремивъ на собесѣдника свои хитрые, черные глаза: — скажемъ, что это говорилъ *я*.

Боюсь, что эта исторія — правдива она или нѣтъ — не способствовала популярности Пегги въ обществѣ, гдѣ беззаботность и щедрость замѣняли всѣ другія добродѣтели. Возможно и то, что поселокъ «Редъ-Догъ» былъ не свободенъ отъ предразсудка, который разочарованіе вызываетъ и у болѣе цивилизованныхъ любителей устраивать браки.

Въ теченіе слѣдующаго года Пегги предприняла еще нѣсколько безумныхъ спекуляцій и также понесла боль-

шія потери. Повидимому, ею овладѣла жажда во что бы то ни стало увеличить свой капиталъ. Наконецъ, было объявлено, что она намѣрена открыть вновь злополучную Роквильскую гостинницу и сама заняться хозяйствомъ. Какъ ни казалось подобное предпріятіе дико въ теоріи, на практикѣ оно какъ будто обѣщало успѣхъ. Разумѣется, много способствовали этому ея практическія познанія въ веденіи дѣла, но еще болѣе ея строгая расчетливость и неутомимая дѣятельность. Владѣтельница милліоновъ стряпала, стирала, служила за столомъ, стлала постели и трудилась какъ простая служанка. Это любопытное зрѣлище привлекло посѣтителей. Доходъ гостинницы возрасталъ по мѣрѣ того, какъ уменьшалось уваженіе къ хозяйкѣ. Не было того нелѣпаго анекдота о ея скаредничествѣ, который не нашелъ бы полной вѣры. Утверждали даже, что она не разъ носила сама багажъ пріѣзжихъ въ ихъ комнаты, чтобы получить вознагражденіе, которое дается носильщику. Она отказывала себѣ въ самомъ необходимомъ. Одѣвалась она бѣдно, ѣла скудно, но гостинница давала хорошій доходъ.

Нѣкоторые предполагали, что она помѣшана; другіе качали головой и говорили, что на завѣщанномъ ей богатствѣ тяготѣетъ проклятіе. Полагали также, судя по ея виду, что она недолго проживетъ, при такомъ чрезмѣрномъ напряженіи силъ, и толковали уже о томъ, кому въ концѣ концовъ достанется пресловутое наслѣдство.

Одному Гемлину посчастливилось выяснить свѣту какъ этотъ, такъ и другіе относящіеся къ ней вопросы.

Въ одну бурную декабрьскую ночь онъ находился въ числѣ посѣтителей Роквильской гостинницы. Въ теченіе предыдущей недѣли, онъ занимался своею благородною профессіею въ «Редъ-Догѣ» и, говоря картиннымъ языкомъ одного изъ администраторовъ, «очистилъ всѣ кар-

маны въ городѣ», оставивъ въ покоѣ только кондуктора омнибусовъ.

Послѣ такого крупнаго выигрыша, разумѣется, все существо игрока было проникнуто умилительнымъ спокойствіемъ; онъ даже говорилъ лѣнивѣе и хладнокровнѣе обыкновеннаго. Въ полночь, когда онъ уже собирался лечь, его не мало изумилъ легкій стукъ въ дверь,—а затѣмъ появленіе въ его комнатѣ самой миссъ Пегги—хозяйки Роквильской гостинницы.

Несмотря на свое прежнее заступничество, Гемлинъ не былъ особенно расположенъ къ ней. Его изысканный вкусъ гнушался ея безобразіемъ; его привычки и умственное развитіе шли въ разрѣзъ со всѣмъ, что онъ слышалъ объ ея скаредничествѣ и жадности. И теперь, въ грязномъ ситцевомъ платьѣ, еще пропитанномъ запахомъ кухни, пунцовая отъ смущенія и жара у плиты, она, конечно, не представляла собою ничего привлекательнаго. За то она, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не рисковала, несмотря ни на поздній часъ, ни на одинокость свою, ни на дурную славу того, кто находился предъ нею. Но кажется именно это сознаніе и увеличивало ея смущеніе.

— Мнѣ нужно сказать вамъ пару словъ наединѣ, мистеръ Гемлинъ, начала она, сѣвъ безъ приглашенія на кончикѣ чемодана:—иначе я не безпокоила бы васъ. Это самая подходящая минута—съ восхода солнца и до сихъ поръ я занята въ кухнѣ.

Она остановилась, очевидно чувствуя себя неловко и какъ будто прислушиваясь къ дождю, который стучалъ по стекламъ, застилая водяной пеленой непроницаемый мракъ зимней ночи. Потомъ она погладила руками платье на колѣняхъ, и совсѣмъ некстати замѣтила:

— Экій дождь!

Гемлинъ отвѣтилъ на это только тѣмъ, что зѣвнулъ и началъ снимать сюртукъ.

— Я думаю, вы не откажетесь оказать мнѣ услугу,— продолжала она съ рѣзкимъ смѣхомъ:—особенно въ виду того, что люди толкуютъ, будто вы были мнѣ другомъ и заступались за меня, хотя вамъ не изъ-за чего было дѣлать это. Не много такихъ, которые скажутъ за меня доброе слово, продолжала она, опустивъ глаза на колѣни и водя указательнымъ и большимъ пальцами вдоль шва на платьѣ.

Ея нижняя губа слегка задрожала и, тщетно поискавъ забытый носовой платокъ, она, наконецъ, подняла подолъ и отерла имъ свой вздернутый носъ, но въ глазахъ, которые она обратила на собесѣдника, еще стояли слезы. Джэкъ, въ это время уже снявшій сюртукъ, остановился разстегивать жилетъ и посмотрѣлъ на нее.

— Если дождь не перестанетъ, въ Нортсфоркѣ, пожалуй, можетъ сдѣлаться наводненіе,—замѣтила Пегги, точно извиняясь и посмотрѣла въ окно.

Гемлинъ замѣтилъ, что дождь пересталъ, и принялся разстегивать жилетку.

— Я хотѣла просить васъ насчетъ... насчетъ Джэка Фолинсби, торопливо заговорила Пегги.—Онъ опять боленъ и очень слабъ. Денегъ онъ проигрываетъ кучу то тутъ, то тамъ, но по большей части *вамъ*, мистеръ Гемлинъ. Вы взяли съ него вчера вечеромъ двѣ тысячи долларовъ... все, что у него было.

— Что дальше? холодно спросилъ игрокъ.

— Видите, я думаю... если вы мнѣ другъ, не попросить-ли мнѣ васъ, чтобы вы отвадили его отъ себя, сказала Пегги съ притворнымъ смѣхомъ.—Вы это можете. Не дозволяйте ему играть съ вами.

— Миссъ Маргарета Моффетъ, отвѣтилъ Гемлинъ, спокойно и методично снимая съ себя часы и принимаясь заводить ихъ:—если вы такъ горячо сочувствуете Джэку, то удалите его отъ меня сами. Вамъ это сдѣлать гораздо

легче, чѣмъ мнѣ. Вы богатая женщина! Дайте ему достаточно денегъ, чтобы сорвать мой банкъ, или окончательно раззориться, но не давайте ему средства вертѣться вокругъ меня, въ надеждѣ, что ему повезетъ. Плохая афера, миссъ Моффетъ... плохая асфера.

Болѣе возвышенная натура не поняла бы или возмутилась-бы этими словами и грустными истинами, которыя лежали въ основѣ ихъ. Но Пегги поняла все и молча сидѣла въ безнадежномъ уныніи.

— Примите мой совѣтъ, продолжалъ Гемлинъ, кладя часы съ цѣпочкою подъ подушку и неторопливо развязывая галстухъ:—бросьте эту возню здѣсь, выходите за него замужъ и передайте ему деньги и спекуляціи, которыя васъ убиваютъ. Онъ скоро справится со всѣмъ. Я не потому говорю это, чтобы самому обыграть его. Какъ скоро онъ станетъ на ноги, онъ живо махнетъ въ Санъ-Франциско и *тамъ* просадитъ всѣ деньги въ первокласномъ игорномъ домѣ. Я не думаю, чтобы вамъ удалось исправить его; но, можетъ быть, вамъ повезетъ и онъ умретъ раньше, чѣмъ спуститъ всѣ ваши деньги. Но теперь вы можете его осчастливить, и такъ какъ, на мой взглядъ, вы втюрились въ этого молодца по уши, то вамъ и самой не будетъ непріятно выйти за него замужъ.

Вся кровь сбѣжала съ лица Пегги.

— Оттого-то я и не могу дать ему эти деньги, тихо промолвила она,—а безъ нихъ онъ не хочетъ на мнѣ жениться.

Гемлинъ опустилъ руку, которою растегивалъ послѣднюю пуговицу жилетки.

— Не можете... дать... ему... денегъ? повторилъ онъ медленно.

— Нѣтъ, не могу.

— Отчего?

— Оттого... оттого, что *люблю* его.

Гемлинъ снова застегнулъ жилетку и терпѣливо сѣлъ на кровать. Пегги встала и неловко придвинула чемоданъ поближе къ нему.

— Когда покойный Джемсъ Байвейзъ завѣщалъ мнѣ свое состояніе, начала она, боязливо озираясь вокругъ:— онъ далъ мнѣ его съ *условіемъ*. Онъ не писалъ этого, а такъ сказать, на словахъ. Я обѣщала ему, что исполню, мистеръ Гемлинъ, въ этой самой комнатѣ, у этой самой кровати, на которой вы сидите,—тутъ онъ и умеръ...

Гемлинъ былъ суевѣренъ, какъ всѣ почти игроки. Онъ поспѣшно всталъ и сѣлъ на стулъ у окна. Тутъ порывъ вѣтра потрясъ раму, точно будто за окномъ недовольный духъ Байвейза подтверждалъ свое послѣднюю волю.

— Не знаю, помните ли вы его, говорила Пегги съ жаромъ.—Онъ много страдалъ на своемъ вѣку. Всѣ измѣнили ему, кого онъ любилъ—жена, родственники, друзья! При другихъ онъ показывалъ, будто это ему ни по чемъ; но со мною, бѣдной служанкой, онъ говорилъ все, что было у него на душѣ. Я никому не заикалась объ этомъ... Я не знаю, отчего онъ говорилъ именно *мнѣ*... не знаю, зачѣмъ ему понадобилось сдѣлать и меня несчастной. Онъ взялъ съ меня слово, если откажетъ мнѣ свое состояніе, что я *никогда*,—помоги мнѣ Боже!—*никогда* не подѣлюсь съ тѣмъ, кого полюблю, будь то мужчина или женщина. Я не думала, мистеръ Гемлинъ, что мнѣ трудно будетъ сдержать свое обѣщаніе; я была такъ бѣдна, и ни отъ одной живой души, кромѣ него, не слыхала добраго слова.

— Но вы уже нарушили это обѣщаніе, сказалъ Гемлинъ: — на сколько мнѣ извѣстно, вы давали Джэку деньги...

— Только тѣ, которыя заработывала сама! Выслушайте меня, мистеръ Гемлинъ; когда Джэкъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я обѣщала давать ему столько, сколько, по

моему расчету, могла заработывать сама. Онъ уѣхалъ, былъ боленъ и нуждался. Тогда я поселилась здѣсь и открыла гостинницу. Я знала, что она дастъ доходъ, если хорошенько поработать. Не смѣйтесь, пожалуйста, надо мною. Я работала усердно и доходы были... но отъ капитала я не брала, ни Боже мой! Все, что я заработывала, трудясь день и ночь, все я отдавала ему! Право такъ, мистеръ Гемлинъ. Я не безжалостна къ нему, какъ вы думаете; хотя, разумѣется, могла бы быть добрѣе, я знаю.

Гемлинъ всталъ, надѣлъ опять преспокойно сюртукъ, часы, шляпу, пальто и, когда былъ совсѣмъ готовъ, обратился къ Пегги.

— Вы хотите сказать, что всѣ деньги, какія заработывали здѣсь, отдавали этому херувиму?

— Онъ не зналъ, откуда я беру ихъ. О! мистеръ Гемлинъ, онъ не зналъ этого.

— Такъ-ли я понялъ?—Онъ спускалъ на игру деньги, которыя вы добывали трудомъ? Онъ игралъ, а вы убивались за работой?

— Да онъ-же не зналъ этого! Онъ не взялъ бы, скажи я ему правду.

— Нѣтъ, скорѣй умеръ-бы! серьезно подтвердилъ Гемлинъ.—Онъ такъ впечатлителенъ, милѣйшій Джэкъ Фолинсби, что брать деньги даже съ *меня* почти убиваетъ его. Но гдѣ же витаетъ этотъ ангелъ, когда не борется съ чудищемъ на зеленомъ полѣ и, такъ сказать, видѣнъ невооруженному глазу?

— Онъ... онъ живетъ здѣсь, вспыхнувъ отвѣтила Пегги.

— Такъ-съ. Могу-ли узнать номеръ его комнаты? Или, быть можетъ, я помѣшаю его размышленіямъ? спросилъ Гемлинъ съ почтительной вѣжливостью.

— О! Такъ вы обѣщаете? Вы поговорите съ нимъ и возьмете съ него обѣщаніе?

— Само собой! спокойно отвѣтилъ Гемлинъ.

— Не забудьте, что онъ боленъ... очень боленъ. Его комната № 44—въ самомъ концѣ корридора. Не лучше ли мнѣ проводить васъ?

— Я найду и одинъ.

— Но вы не будете съ нимъ слишкомъ суровы?

— Какъ родной отецъ,—смиренно отвѣтилъ Гемлинъ, отворяя дверь и выходя въ переднюю; но вдругъ остановился, обернулся назадъ и протянулъ ей руку.

Пегги взяла ее робко. Она не знала, какъ принять это, за шутку или за серьезное, а черные глаза его, въ которые она тщетно всматривалась, не сказали ей ничего. Но онъ крѣпко пожалъ ей руку и тотчасъ ушелъ.

Комнату онъ отыскалъ легко. Слабый кашель и ворчливый протестъ были отвѣтомъ на его стукъ въ дверь. Онъ безъ церемоніи вошелъ. Его ошеломилъ тяжелый запахъ лекарства и чего-то крѣпкаго, спиртуознаго. Джэкъ лежалъ на кровати, полуодѣтый. У него ввалились глаза, его било, какъ въ лихорадкѣ, горячее его дыханіе отзывалось разложеніемъ.

Гемлинъ стоялъ пораженный.

— Кто тутъ? спросилъ больной хрипло и сердито.

— Я тутъ, и хочу, чтобъ вы встали!

— Не могу, Гемлинъ. Я совсѣмъ пасъ.

Онъ протянулъ дрожащую руку къ стакану, наполовину наполненному какою-то подозрительною жидкостью съ крѣпкимъ запахомъ, но Гемлинъ остановилъ его.

— Хотите вернуть двѣ тысячи долларовъ, которыя проиграли?

— Хочу.

— Такъ встаньте и женитесь на женщинѣ, что тамъ внизу.

Фолинсби засмѣялся не то истерично, не то насмѣшливо:

— Она не дастъ мнѣ ихъ!

— Но *я* дамъ.

— Вы?

— Я!

Пытаясь беззаботно засмѣяться, Фолинсби съ трудомъ поднялся на дрожащія, опухшія ноги. Гемлинъ пристально посмотрѣлъ на него и посовѣтовалъ ему опять лечь.

— Можно и завтра,—сказалъ онъ:—и тогда...

— А если я не захочу?

— Такъ я выступлю впередъ и *оттѣсню васъ.*

Но Гемлинъ былъ избавленъ отъ такого неблагороднаго поступка. Въ эту же ночь колеблющійся уже духъ Джэка Фолинсби улетѣлъ на крыльяхъ смерти. Никто не зналъ, когда и какъ это произошло. Навсегда осталось неизвѣстно—волненіе ли по поводу предстоящей женитьбы, или слишкомъ большая доза успокоительнаго ускорили его кончину. Я только знаю, что когда пришли будить его на слѣдующее утро, лучшее что осталось отъ него—лицо, еще красивое и молодое, смотрѣло холодно и неподвижно въ полные слезъ глаза Пегги Моффетъ.

— По дѣломъ мнѣ; это наказаніе, шепотомъ сказала она Гемлину:—Богъ зналъ, что я нарушила свой обѣтъ и всѣ свои деньги отказала ему.

Она, впрочемъ, не надолго пережила его. Неизвѣстно, исполнилъ-ли Гемлинъ на дѣлѣ то, на что намекалъ Джэку Фолинсби въ ночь его смерти; но онъ всегда оставался ея другомъ и былъ ея душеприкащикомъ. Все свое имущество она, однако, отказала дальнему родственнику Джэка Фолинсби, и, такимъ образомъ, эти милліоны были навсегда потеряны для «Редъ-Дога».

Человѣкъ съ тяжелымъ бременемъ.

РАЗСКАЗЪ.

Это былъ человѣкъ худощавый, на видъ болѣзненный, но такъ одѣтъ и такъ держалъ себя, что его нельзя было принять за бѣдняка. Онъ былъ очень блѣденъ и эта блѣдность еще рельефнѣе выступала отъ черной одежды.

Онъ подалъ мнѣ записку отъ знакомаго доктора, извѣстнаго своимъ высокимъ образованіемъ, широкой гуманностью и благородной преданностью своему святому дѣлу. Письмо этого добраго, честнаго человѣка, никогда не спрашивавшаго, какой вѣры или какого положенія въ свѣтѣ былъ больной, а также имѣлъ-ли онъ средства заплатить ему за леченіе или нѣтъ, заключалось въ слѣдующихъ немногихъ словахъ, набросанныхъ карандашомъ: «Вотъ человѣкъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Онъ можетъ быть для васъ хорошимъ матеріаломъ».

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ я терялся въ догадкахъ, не понимая этихъ таинственныхъ словъ: но «хорошій матеріалъ» вскорѣ самъ вывелъ меня изъ затрудненія.

— Оно здѣсь, вы можете его ощупать, сказалъ онъ, указывая рукою на лѣвый бокъ.

Я тотчасъ вспомнилъ, что мой другъ докторъ разсказывалъ мнѣ объ одномъ бѣдномъ паціентѣ, отставномъ

военномъ, который страдалъ аневризмомъ, происшедшемъ отъ тренія пряжкой ранца по дугѣ начальной артеріи; послѣдняя могла лопнуть каждую минуту при малѣйшемъ волненіи и даже безъ всякой видимой причины. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ съ тяжелымъ бременемъ.

Признаюсь, въ первую минуту я испугался только за себя. Ну, а если онъ умретъ сейчасъ, что я съ нимъ сдѣлаю, какъ объясню причины его смерти, какъ удалю отъ себя всякое подозрѣніе присяжныхъ въ неосторожномъ или намѣренномъ содѣйствіи роковой катастрофѣ? Даже записка доктора съ таинственнымъ выраженіемъ: «хорошій матеріалъ», могла послужить въ рукахъ ловкаго адвоката ужаснымъ орудіемъ противъ меня. Я немедленно разорвалъ ее и съ лихорадочной любезностью просилъ незнакомца сѣсть.

— Вы не желаете ощупать его? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Не желаете даже посмотрѣть?

— Нѣтъ.

Онъ грустно вздохнулъ, и я понялъ, что онъ часто подвергался медицинскимъ осмотрамъ, а потому былъ нѣсколько обиженъ моей невнимательностью. Моя догадка вполнѣ подтвердилась, такъ-какъ онъ черезъ минуту вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ нумеръ спеціальнаго журнала, въ которомъ было помѣщено подробное описаніе его «интересной» болѣзни.

— Чѣмъ могу служить? спросилъ я.

Онъ отвѣчалъ, что былъ-бы очень благодаренъ, еслибъ я досталъ ему какое-нибудь занятіе, нетребующее большаго физическаго труда или умственнаго напряженія, но прибавилъ, что, строго говоря, онъ не былъ бѣденъ, такъ какъ за нѣсколько лѣтъ до обнаруженія въ немъ роковаго недуга застраховалъ свою жизнь въ пятнадцать тысячъ долларовъ и аккуратно платилъ премію, а потому

его жена и четверо дѣтей получатъ послѣ его смерти порядочное наслѣдство.

— А вотъ еслибъ я могъ найти какую-нибудь легкую работу, пока...

Онъ какъ-то неловко остановился и не могъ окончить фразы.

Я видывалъ не разъ, какъ великіе актеры однимъ словомъ приводили въ трепетъ зрителя, но никогда не ощущалъ такого волненія, какъ теперь, услышавъ произнесенное этимъ несчастнымъ пока. Онъ самъ, повидимому, не сознавалъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня, и сидѣлъ молча, смущенный.

Случайно, или, быть можетъ, подъ вліяніемъ этой драматической сцены, я черезъ нѣсколько дней пошелъ къ знакомому директору театра и спросилъ—нѣтъ ли у него мѣстечка для инвалида.

— Онъ можетъ ходить? спросилъ директоръ.

— Да.

— И стоять четверть часа?

— Да.

— Я возьму его для послѣдней сцены въ «Гибели Сенахериба». Вы знаете, что въ этой сценѣ будутъ участвовать двѣ тысячи человѣкъ.

Названіе пьесы меня испугало и, не обнаруживая тайны моего пріятеля, я объяснилъ, что онъ наврядъ-ли можетъ участвовать въ такой пьесѣ, одно зрѣлище которой могло слишкомъ сильно на него подѣйствовать.

— Незачѣмъ ему и смотрѣть на сцену, отвѣчалъ директоръ;—мы поставимъ его на первомъ планѣ, лицомъ къ зрителямъ; ему придется только войти и выдти.

Онъ былъ ангажированъ. Признаюсь, что меня нѣсколько мучило сомнѣніе, хорошо-ли я сдѣлалъ, скрывъ отъ директора театра болѣзненное состояніе новаго актера и возможность каждый вечеръ произойти на его

сценѣ настоящей трагедіи; но первое представленіе «Гибели Сенахериба», на которомъ я, конечно, присутствовалъ, меня успокоило. Я всегда съ улыбкой смотрю въ оперѣ на хладнокровное отношеніе хора къ самымъ трагическимъ происшествіямъ, которыя вызываютъ только вокальный протестъ, но я полагаю, что никогда не видано было на сценѣ такой забавной, безчувственной апатіи къ окружающимъ ужасамъ,—убійствамъ, поджогамъ и пр.,—какую выражалъ «человѣкъ съ тяжелымъ бременемъ». Въ нелѣпомъ костюмѣ, мой пріятель стоялъ сбоку на первомъ планѣ, держа въ одной рукѣ копье, а другою какъ-бы придерживалъ тайну, скрывавшуюся въ его сердцѣ. Съ безучастнымъ спокойствіемъ на своемъ восковомъ лицѣ, онъ апатично смотрѣлъ на веселыхъ зрителей. Мнѣ казалось, однакожъ,—въ его сонливомъ выраженіи проглядывало гордое сознаніе, что онъ могъ каждую минуту превратить эту бутафорскую катастрофу въ настоящую. Я не вытерпѣлъ и сообщилъ доктору свое наблюденіе.

— Да, отвѣчалъ онъ съ обычнымъ хладнокровіемъ врача,—когда настанетъ роковая минута, онъ всплеснетъ руками, дико закричитъ и упадетъ на полъ лицомъ книзу. Странно, но при аневризмѣ всегда падаютъ лицомъ на полъ. Черезъ минуту его поднимутъ бездыханнымъ трупомъ, какъ Юлія Цезаря.

Какая-то странная притягивающая сила влекла меня послѣ этого ежедневно въ театръ, но, какъ многіе припомнятъ, въ «Гибели Сенахериба», имѣвшей громадный успѣхъ, не погибло въ дѣйствительности ни одного человѣка.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ скромнаго дебюта «человѣка съ аневризмомъ», я случайно обѣдалъ въ обществѣ финансистовъ и разсказалъ, насколько умѣлъ драматично, эту маленькую исторію. Но она не произвела впечатлѣнія и только мой сосѣдъ, извѣстный банкиръ, спокойно спросилъ:

— Отчего онъ не продастъ своего страховаго полиса?

Я не понялъ и просилъ объясненія.

— Очень просто. Пусть переведетъ на меня полисъ, а я дамъ ему стоимость, вычтя въ свою пользу небольшой дисконтъ: изъ вашихъ словъ я вижу, что бѣдняга недолго протянетъ.

По совѣту этого дѣльца, у котораго, однакоже, было теплое сердце, мой пріятель выручилъ изъ страхованія своей жизни значительную сумму и помѣстилъ ее на имя жены въ государственные фонды, приносившіе небольшой но вѣрный доходъ, причемъ, однакожъ, онъ не покинулъ театра.

Отлучившись изъ Нью-Іорка на нѣсколько мѣсяцевъ, я долго не видалъ моего друга доктора и при первой встрѣчѣ спросилъ его о «человѣкѣ съ аневризмомъ».

— Право не знаю, какъ вамъ сказать, хорошо или худо онъ поживаетъ, отвѣчалъ добрый докторъ.—Вы видали когда-нибудь его жену?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Она моложе его и довольно красива. Вы помните, онъ перевелъ на ея имя всѣ свои деньги и, кажется, она могла бы спокойно дожидаться его близкой смерти. Но она не захотѣла ждать и убѣжала съ любовникомъ и деньгами.

— Онъ умеръ отъ такого тяжелаго удара?

— Нѣтъ еще, я видалъ его вчера.

— Гдѣ онъ теперь?

— Все тамъ-же, на сценѣ. Вы помните въ знаменитой балетной сценѣ «Гибель Сенахериба» молодую танцовщицу, которая дѣлала такіе удивительные пируэты? Нашъ пріятель, кажется, влюбился въ нее.

— Да это ужасно, докторъ.

— Можетъ быть, я и ошибаюсь, но на дняхъ ко мнѣ забѣжала эта танцовщица и спрашивала о состояніи его

здоровья. Я сказалъ ей всю правду и она упала въ обморокъ. Я съ трудомъ привелъ ее въ чувство; она, конечно, объяснила свой обморокъ духотою въ моей комнатѣ и усталостью отъ ежедневныхъ представленій. Но не правда-ли, это странный фактъ, и еслибъ я былъ писатель съ вашимъ талантомъ, то воспользовался бы имъ.

— А какъ его здоровье?

— Все въ томъ-же положеніи. Вы знаете, что избѣгнуть роковаго исхода ему нельзя... Но, прощайте, мнѣ пора.

Конечно, никакой моралистъ или писатель, имѣющій въ виду строго-нравственную публику, не могъ интересоваться человѣкомъ, который, стоя на краю вѣчности, позволилъ себѣ влюбиться. Поэтому я совершенно выкинулъ изъ головы мысль о немъ и всецѣло сосредоточилъ свое вниманіе на ясно-опредѣленныхъ добродѣтеляхъ и грѣхахъ, озаглавленныхъ большими буквами. Однакожь, прошло не болѣе мѣсяца, какъ я, возвращаясь съ веселаго обѣда, снова встрѣтилъ доктора. Онъ ѣхалъ въ каретѣ и, остановившись, подозвалъ меня къ себѣ.

— Я могу вамъ сообщить новость. Нашъ пріятель умеръ!

— Скоропостижно?

— Конечно, въ одно мгновеніе, какъ я вамъ всегда предсказывалъ. Это преинтересная исторія. Танцовщица, получивъ отъ меня свѣдѣнія объ его роковой болѣзни, написала ему тотчасъ письмо и онъ, прочитавъ его, упалъ на полъ мертвымъ.

— Какая жестокая! Развѣ она не могла, съ женскимъ тактомъ, понемногу отдалить его отъ себя?

— Вы совершенно ошибаетесь: она написала, что согласна выйти за него замужъ.

— Какъ!

— Да, его убила радость. Мы съ вами этого не пред-

видѣли. А вѣдь славный сюжетъ для разсказа, не правда-ли?

— Но въ немъ нѣтъ никакой морали.

— Гмъ! можетъ быть! Ну, до свиданiи, меня ждутъ больные.

СЧАСТЬЕ „РЕВУЩАГО СТАНА“.

РАЗСКАЗЪ.

Въ «Ревущемъ Станѣ» происходило большое смятеніе. Причиной его не могла быть драка, потому что драка въ 1850 г. вовсе не представляла новости, способной собрать весь поселокъ. Не только ямы, гдѣ добывалось золото, были покинуты, но даже изъ лавочки Теттля, «Tuttle's crocery»—бѣжали всѣ игроки, которые, какъ извѣстно, весьма хладнокровно продолжали свою партію въ тотъ день, когда Френчъ Питъ и Канака Джо застрѣлили другъ друга у прилавка буфета. Весь станъ собрался около хижины, стоявшей на самомъ краю шахты. Толковали о чемъ-то вполголоса, и при этомъ часто повторялось женское имя,—имя, слишкомъ хорошо извѣстное стану,—прокезки Сэль.

Чѣмъ меньше мы о ней скажемъ, тѣмъ, можетъ быть, лучше. Это было грубое и, есть основаніе думать, очень грѣшное существо. Но въ это время она была единственной женщиной въ станѣ, и находилась въ положеніи, требовавшемъ преимущественно женскаго ухода за ней. Павшая, порочная, неспособная къ нравственному возрожденію, она тѣмъ не менѣе лежала въ мукахъ, которыя тяжело выносить и тогда, когда женская сострадательная рука старается облегчить ихъ, и которыя, теперь, при ея одиночествѣ были ужасны. Проклятіе, произнесен-

ное надъ матерью человѣческаго рода, тяготѣло и надъ ней, а при такихъ условіяхъ кара за первородный грѣхъ должна была казаться еще болѣе тяжкой. Можетъ быть, встрѣчая около себя, — въ минуту, когда она наиболѣе нуждалась въ нѣжной заботливости существа одного съ нею пола—лишь полупрезрительныя лица мужчинъ, она искупала этимъ часть своей вины. Но, однакожъ, нѣкоторые зрители были, казалось, тронуты ея страданіями. Сэнди Типтонъ произнесъ: «Жутко приходится Сэль!»—и мысль о ея положеніи заставила его даже на минуту позабыть, что у него въ рукавѣ спрятаны тузъ и два козыря.

Случай, дѣйствительно, выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ: смерть была въ «Ревущемъ Станѣ» довольно частою гостьей, но рожденіе было новостью. Не-рѣдко изъ стана выпроваживали людей съ запрещеніемъ когда либо возвращаться, но никто еще никогда не являлся туда ab initio. Отсюда всеобщее волненіе.

— Ты бы вошелъ, Стемпи, сказалъ одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ гражданъ, извѣстный подъ именемъ Кентука, другому, бродившему около хижины:—да посмотрѣлъ, не надо-ли тамъ чего-нибудь сдѣлать. Ты опытенъ въ этихъ дѣлахъ.

Выборъ былъ довольно удачный. Стемпи, какъ говорили, былъ въ другихъ странахъ главою двухъ семей. Кажется, даже, что благодаря именно этому обстоятельству, «Ревущій Станъ», который вообще служилъ прибѣжищемъ для людей, не совсѣмъ ладившихъ съ законами, имѣлъ счастье видѣть его въ средѣ своей. Толпа поддержала, и Стемпи былъ настолько благоразуменъ, что подчинился рѣшенію большинства.

Когда за импровизированной повивальной бабкой затворилась дверь, жители стана снова размѣстились вокругъ хижины, покуривая трубки и ожидая развязки.

Въ станѣ насчитывалось до ста человѣкъ. Одни были бѣглые преступники, укрывавшіеся отъ суда, другіе—уже осужденные, и всѣ вообще не отличались строгостью нравственныхъ принциповъ. Но по ихъ наружности нельзя было опредѣлить ни ихъ прошедшаго, ни ихъ характеровъ. Такъ, у самаго худшаго изъ нихъ было рафаэлевское лицо и густые бѣлокурые волосы. Игрокъ Окгерстъ меланхолическими чертами и глубокимъ, вдумчивымъ взглядомъ напоминалъ Гамлета. Самый хладнокровный и мужественный изъ всѣхъ былъ ростомъ не выше 5 футовъ, говорилъ тихимъ голосомъ, и вообще казался застѣнчивымъ и неловкимъ. Прозвище «молодцовъ», которое имъ давали, было скорѣе отличіемъ, нежели опредѣленіемъ. Можетъ быть у «Ревущаго Стана», въ нѣкоторыхъ мелкихъ деталяхъ, какъ напр. въ зубахъ, пальцахъ, ушахъ оказывался недочетъ, но это не мѣшало коллективной силѣ. У мѣстнаго геркулеса оставалось всего три пальца на правой рукѣ. Самый мѣткій стрѣлокъ былъ кривой. Таковъ былъ наружный видъ людей, размѣстившихся около хижины. Станъ занималъ треугольную долину между рѣкой и двумя холмами. Выйдти изъ него можно было только по узкой тропинкѣ, ведущей на одинъ изъ холмовъ, прямо противъ хижины, въ настоящую минуту освѣщенной восходившей луной. Мучившаяся женщина могла, съ своей жесткой постели, видѣть, какъ эта тропинка вилась, подобно серебряной нити, и, казалось, исчезала между звѣздами.

Пламя костра изъ сухихъ еловыхъ вѣтвей сообщало сборищу какой-то задушевный характеръ. Мало по малу, обычное легкомысліе «Ревущаго Стана» взяло свое. Составились пари, относительно исхода событія: «Три противъ пяти, что Сэль выдержитъ, и что ребенокъ останется живъ»,—потомъ относительно цвѣта и пола ожидаемаго пришельца. Вдругъ, посреди оживленныхъ споровъ, въ группѣ людей, находившихся ближе къ дверямъ, разда-

лось восклицаніе... и толпа затихла на мгновенье, прислушиваясь...

Рѣзкій жалобный крикъ, не похожій ни на что, слышанное доселѣ въ «Ревущемъ Станѣ», пронесся въ воздухѣ, заглушивъ стонъ качаемыхъ вѣтромъ сосенъ, журчанье быстрой рѣки, трескъ пылающаго костра... Сосны перестали стонать, рѣка притихла, костеръ не искрился. Казалось, вся природа, затаивъ дыханіе, также прислушивалась...

Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, вскочили на ноги! Кто-то предложилъ было взорвать боченокъ съ порохомъ, но во вниманіе къ болѣзненному состоянію матери, это предложеніе было отвергнуто, и верхъ одержали совѣты болѣе благоразумные. Дѣло ограничилось нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера. Оттого-ли, что импровизированный акушеръ худо̀ зналъ свое дѣло, или вслѣдствіе другихъ причинъ,—но Сэль быстро угасала. Въ теченіи часа она прошла всю крутую тропинку, ведущую къ звѣздамъ,—навсегда оставивъ за собой «Ревущій Станъ», съ его грѣхомъ и позоромъ...

Не думаю, чтобъ эта вѣсть кого-либо особенно поразила. Всѣ болѣе заняты были судьбой ребенка. «Будетъ-ли онъ жить?» спрашивали Стемпи. Онъ сомнѣвался. Единственнымъ существомъ въ колоніи, одного пола съ Сэль, и находившимся въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, была ослица. Несмотря на нѣкоторыя возраженія относительно ея пригодности быть кормилицей ребенка, рѣшились сдѣлать опытъ. Это, во всякомъ случаѣ, было менѣе проблематично, нежели то, что намъ разсказываетъ исторія о Ромулѣ и Ремѣ. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, опытъ удался. Еще часъ-другой прошелъ въ разныхъ совѣщаніяхъ; наконецъ дверь отворилась, и любопытная толпа, составивъ «хвостъ», гуськомъ двинулась въ хижину.

Подлѣ низкой скамьи или полки, на которой изъ подъ

одѣяла рѣзко выступали очертанія трупа, поставленъ былъ маленькій столикъ изъ сосноваго дерева. На немъ-то, въ свѣчномъ ящикѣ лежалъ завернутый въ ярко-красную фланель, новый гражданинъ «Ревущаго Стана». Около ящика была положена шляпа. Назначеніе ея вскорѣ объяснилось.

— Джентльмены! произнесъ Стемпи, какимъ-то особеннымъ тономъ, представлявшимъ странное сочетаніе авторитетности съ благодушіемъ:—благоволите входить въ переднюю дверь и, пройдя мимо стола, выходить въ заднюю. Кто изъ васъ пожелаетъ пожертвовать что-либо въ пользу сироты—найдетъ у себя подъ рукою мою шляпу.

Первый изъ вошедшихъ былъ въ шляпѣ. Но осмотрѣвшись вокругъ, онъ обнажилъ голову, и безсознательно подалъ примѣръ другимъ. Въ подобныхъ обществахъ какъ хорошіе, такъ и дурные примѣры заразительны.

По мѣрѣ того, какъ процессія подвигалась впередъ, слышались разныя критическія замѣчанія, впрочемъ, болѣе относившіяся къ Стемпи, какъ къ человѣку, который что-то показываетъ.—«Такъ вотъ онъ какой!.. Только-то и всего!.. Да онъ не больше моего револьвера! И цвѣтной!..»

Приношенія были очень характерны и разнокалиберны: серебряная табакерка, дублонъ, револьверъ обдѣланный въ серебро, кусокъ золота, дамскій носовой платокъ (отъ игрока Окгерста), брильянтовая булавка, брильянтовое кольцо (пожертвованіе котораго было вызвано булавкой и сопровождалось примѣчаніемъ жертвователя, что онъ видѣлъ булавку и что даетъ двумя брильянтами больше), библія (кто ее положилъ—осталось неизвѣстнымъ), золотая шпора, серебряная чайная ложка съ монограммой (я долженъ сказать, къ моему величайшему сожалѣнію, что имя жертвователя начиналось не этими буквами), хирургическія ножницы, ланцетъ, билетъ англійскаго банка въ 5 ф. стерлинговъ и около 200 долларовъ разной монетой.

Во все время этой процедуры Стемпи хранилъ такое-

же безучастное молчаніе, какъ трупъ по лѣвую его сторону, и такую же непроницаемую серьезность, какъ новорожденный по правую. Одно только обстоятельство нарушило монотонность этой странной церемоніи. Когда Кентукъ съ любопытствомъ заглянулъ въ свѣчной ящикъ. ребенокъ повернулся и, вѣроятно подъ вліяніемъ боли, схвативъ одинъ изъ его пальцевъ, на мгновенье сжалъ его. Лицо Кентука приняло глуповатое и смущенное выраженіе, и что-то въ родѣ румянца попыталось выступить на его огрубѣлыхъ отъ непогоды щекахъ. «Ишь ты! проклятый мальчишка!» произнесъ онъ, стараясь высвободить свой палецъ, съ гораздо большею нѣжностью и осторожностью, нежели какую можно было предположить въ этомъ человѣкѣ. Выходя, онъ держалъ этотъ палецъ какъ-то особнякомъ отъ другихъ и внимательно его разсматривалъ. Это изслѣдованіе вызвало у него опять тоже самое замѣчаніе: «Ишь ты, проклятый мальчишка!—повторилъ онъ, показывая Типтону оттопыренный палецъ:—онъ схватилъ меня вотъ за этотъ палецъ!»

Было четыре часа, когда станъ наконецъ успокоился. Всю ночь въ хижинѣ горѣлъ огонь: Стемпи не ложился спать и Кентукъ также. Онъ сильно выпилъ и съ видимымъ удовольствіемъ повторялъ свой разсказъ о пальцѣ, заканчивая его каждый разъ характеристическимъ проклятіемъ новорожденному. Ему казалось, что это крупное словцо помѣшаетъ товарищамъ заподозрить его въ чувствительности. У Кентука были слабости сильнаго пола. Когда всѣ товарищи его легли спать, онъ сошелъ къ рѣкѣ, задумчиво посвистывая, потомъ воротился и, проходя мимо хижины, продолжалъ свистать, съ напускной безпечностью, видимо желая быть услышаннымъ. Передъ большимъ краснымъ деревомъ онъ остановился, постоялъ нѣсколько минутъ, и опять повернулъ назадъ; затѣмъ прошелся мимо хижины, направился было къ берегу, но, не

дойдя до рѣки, еще разъ возвратился и наконецъ постучался въ дверь. Стемпи отворилъ ему.

— Ну что,—какъ? спросилъ Кентукъ, бросивъ разсѣянный взглядъ по направленію къ свѣчному ящику.

— Все спокойно.

— Ничего новаго?

— Ничего.

Послѣдовало неловкое молчаніе; Стемпи все еще придерживалъ ручку отворенной двери. Тогда Кентукъ прибѣгнулъ къ своему пальцу, приподнявъ его къ самому носу Стемпи: «Вѣдь уцѣпился же за него, проклятый мальчишка!» произнесъ онъ, и отошелъ.

На другой день Сэль похоронили, какъ могли параднѣе, при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился станъ. Когда прахъ ея наконецъ былъ зарытъ на скатѣ одного изъ холмовъ, весь станъ торжественно собрался для обсужденья:—что дѣлать съ ребенкомъ? Предложеніе «усыновить» его было принято единогласно и съ энтузіазмомъ; но вопросъ о средствахъ и возможности удовлетворить его потребностямъ вызвалъ оживленныя пренія.

Замѣчательно, что всякіе личные намеки и грубыя выходки, безъ которыхъ не обходилась ни одна сходка въ описываемомъ станѣ, были совершенно изгнаны изъ настоящаго засѣданія. Типтонъ выразилъ мнѣніе, что ребенка слѣдовало отправить въ станъ «Редъ-Догъ» за сорокъ миль, потому что тамъ можно поручить уходъ за нимъ женщинамъ. Но это неудачное предложеніе было единодушно отвергнуто. «Ревущій Станъ» ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ разставаться съ своимъ пріемышемъ.

— Притомъ-же, замѣтилъ Томъ Рейдеръ: — люди «Редъ-Дога» способны украсть у насъ его, и всучить намъ вмѣсто него—другого.

Въ «Ревущемъ Станѣ», какъ и во всѣхъ поселеніяхъ

этого рода, существовало недовѣріе къ честности сосѣднихъ поселковъ. Допущеніе въ станѣ женщины-кормилицы встрѣтило также противодѣйствіе. Замѣчено было, что никакая приличная женщина не согласится признать «Ревущій Станъ» за отечество, а женщинъ другого сорта, прибавилъ ораторъ, — «съ насъ достаточно». Этотъ непріятный намекъ на покойницу, какъ бы онъ ни казался суровъ, былъ, однакоже, первымъ признакомъ нравственнаго возрожденія стана. Стемпи сначала ничего не говорилъ. Можетъ быть, извѣстная деликатность не дозволяла ему вмѣшиваться въ выборъ его преемника, но когда къ нему обратились съ вопросомъ, онъ смѣло объявилъ, что онъ съ Джинни (имя ослицы) отлично съумѣютъ воспитать младенца.

Въ этомъ планѣ было что-то оригинальное, независимое и героическое, и онъ понравился гражданамъ. Стемпи былъ оставленъ въ своей должности. За дѣтскими вещами послали въ Сакраменто.

— Смотри-же, говорили посланному,—все что ни на есть лучшаго! Кружева, тамъ, вышивки и все прочее... за цѣной мы не постоимъ!

Какъ это ни удивительно, но ребенокъ благоденствовалъ. Можетъ быть, его вознаграждалъ за всѣ матеріальныя лишенія горный воздухъ поселка. Природа приняла младенца на свою широкую грудь. Въ этой чудной атмосферѣ, пропитанной бальзамическими испареніями сосенъ, укрѣпляющей и бодрящей, онъ нашелъ пищу какая была нужна ему. Можетъ быть, подъ вліяніемъ климата, и молоко ослицы, вслѣдствіе какого нибудь химическаго процесса, превращалось въ фосфоръ и известь. Стемпи приписывалъ все своимъ заботамъ и хорошему молоку. «Я и ослица,—говорилъ онъ обыкновенно,—мы были ему отцомъ и матерью!—Смотри-же! Не улизни отъ насъ когда нибудь!»—прибавлялъ онъ, обращаясь къ своей маленькой ношѣ.

Когда ребенку минулъ мѣсяцъ, явилась очевидная необходимость дать ему имя. До сихъ поръ онъ былъ извѣстенъ какъ «Козленокъ», какъ «Выкормокъ Стемпи», и даже какъ «Проклятый мальчишка», но всѣ эти прозвища признаны были недостаточными и слѣдовало замѣнить ихъ чѣмъ нибудь другимъ. Въ этомъ случаѣ, руководящую роль сыграло мнѣніе игрока Окгерста. Игроки и авантюристы обыкновенно суевѣрны. Такъ какъ съ нѣкотораго времени все удавалось имъ, то Окгерстъ объявилъ, что ребенокъ «принесъ счастье» стану. И тогда положено было называть его «Счастьемъ» (Luck), но для большаго удобства и, такъ сказать, домашняго обихода присоединить къ этому прозвищу имя Томми. О матери никто даже не упомянулъ, а отецъ былъ неизвѣстенъ.

— Это лучше, говорилъ философъ Окгерстъ.—Надо начать свѣжую партію. Назовемъ его «Счастьемъ» и пусть его преуспѣваетъ.

Назначили день крестинъ. Читатель уже имѣетъ нѣкоторое понятіе о воззрѣніяхъ гражданъ «Ревущаго Стана», и потому можетъ себѣ представить, что̀ это было за торжество. Церемоніймейстеромъ избрали извѣстнаго шутника Бостона, и ожидали, что случай этотъ дастъ ему поводъ къ самымъ забавнымъ выходкамъ. Этотъ изобрѣтательный сатирикъ, дѣйствительно, двое сутокъ ломалъ себѣ голову, придумывая пародію на обрядъ крещенія; обучили хоръ, и роль крестнаго отца предназначили Типтону. Но когда процессія съ музыкой и знаменами приблизилась къ бесѣдкѣ, гдѣ лежалъ младенецъ на столикѣ, который долженъ былъ изображать нѣчто въ родѣ алтаря, передъ исполненной ожиданія толпой, выступилъ Стемпи.

— Хоть я и не охотникъ служить помѣхой веселью, твердо произнесъ этотъ маленькій человѣкъ, обводя присутствующихъ рѣшительнымъ взглядомъ: — но мнѣ

кажется, что вся эта исторія здѣсь не къ мѣсту. Мы играемъ не равную игру. Не хорошо вмѣшивать этого ребенка въ шутовскую комедію, которой онъ не можетъ понять. И ужь если здѣсь долженъ быть крестный отецъ, то я бы хотѣлъ знать, товарищи, кто изъ васъ имѣетъ на это больше права, чѣмъ я?

За этой рѣчью послѣдовало глубокое молчаніе. Поспѣшимъ сказать, къ чести всѣхъ юмористовъ, что авторъ пародіи самъ первый призналъ справедливость доводовъ Стемпи, хотя отъ того пострадало его собственное веселье. Тогда Стемпи, воспользовавшись выгодой своего положенія, тотчасъ же продолжалъ:

— Но мы собрались здѣсь для крестинъ и онѣ будутъ у насъ! Съ помощью Божьей, по закону Соединенныхъ штатовъ и штатовъ Калифорніи, я провозглашаю тебя Томасомъ Счастьемъ!

Въ первый разъ еще имя Божества произносилось въ станѣ безъ профанаціи. Хотя эти крестины, можетъ быть, были еще забавнѣе, чѣмъ изображенныя сатирикомъ Бостономъ, но, странно, никто этого не замѣтилъ,—никто не смѣялся. Томми былъ окрещенъ такъ же серьезно, какъ еслибы его крестили подъ кровомъ христіанскаго храма. При этомъ онъ кричалъ и его утѣшали по принятому обычаю.

Такъ началось возрожденіе стана. Прогрессъ совершился почти незамѣтно, и первые признаки его обнаружились въ хижинѣ, гдѣ поселилось «Счастье». Этотъ выбѣленный домикъ содержался въ большомъ порядкѣ. Въ немъ настлали полъ, повѣсили занавѣски, а стѣны оклеили бумажками. Колыбель изъ розоваго дерева, совершившая на спинѣ мула 80 миль, по выраженію Стемпи, «убила всю остальную мебель», и реабилитація хижины стала необходимостью. Посѣтители, заходившіе навѣдаться—какъ живетъ-можетъ Счастье, казалось, бы-

ли довольны такой перемѣной; вслѣдствіе этого, въ заведеніи Теттля не замедлилъ обнаружиться элементъ соревнованія: тамъ появились новый коверъ и зеркала. Благодаря послѣднимъ, отражавшимъ въ себѣ физіономіи жителей «Ревущаго Стана», они начали заботиться о чистотѣ своей одежды. Притомъ же, и Стемпи подвергалъ нѣкоторому карантину всѣхъ, кто домогался чести подержать на своихъ рукахъ «Счастье». Кентукъ, между прочимъ, былъ глубоко уязвленъ тѣмъ, что его, изъ предосторожности, лишили этой привилегіи, такъ какъ онъ, отчасти по врожденной безпечности, отчасти вслѣдствіе своего кочеваго образа жизни, смотрѣлъ до сихъ поръ на одежду, какъ на вторую кожу, которая, подобно змѣиной, когда износится, сама постепенно сползетъ. Но таково было вліяніе нововведеній, что и онъ началъ каждое послѣ-обѣда аккуратно являться въ чистой рубашкѣ и съ лицомъ, еще лоснившимся отъ омовеній. Законы нравственные, также какъ и санитарные, не были позабыты. Воспрещалось какимъ бы то ни было шумомъ нарушать спокойствіе Томми, вся жизнь котораго, по общему мнѣнію, должна была состоять въ непрерывномъ и упорномъ стремленіи къ отдыху. Ругательства, гамъ и ревъ, доставившіе стану его несчастное прозвище, отнюдь не должны были доноситься до слуха обитателей хижины. Въ этой священной оградѣ, изъ которой изгнано было кощунство, люди говорили вполголоса или курили съ индѣйской важностью трубки. Въ станѣ не дозволялось даже употреблять выраженій, въ родѣ «проклятое счастье» или «да будетъ проклято счастье!», такъ такъ они могли быть приняты за личный намекъ. Вокальная музыка допускалась, потому что ей приписывали успокоивающее дѣйствіе. Одна пѣсня, которую пѣлъ матросъ, Воинственный Джэкъ, дезертировавшій изъ австралійскихъ колоній Ея Великобританскаго Вели-

чества, пользовалась особенной популярностью, въ качествѣ колыбельной пѣсни. Въ ней разсказывалась трагическая исторія о 74-мъ пушечномъ кораблѣ «Аретуза». Напѣвъ ея былъ унылый, минорный, и каждая строфа заканчивалась протяжнымъ, замирающимъ припѣвомъ: «На б-о-о-ртѣ Аретузы». Нужно было видѣть, какъ Джэкъ, держа на рукахъ «Счастье», покачиваясь со стороны на сторону, словно плылъ на кораблѣ, и въ тоже время тянулъ свою матросскую пѣсню. Вслѣдствіе-ли этой качки или длинноты пѣсни,—въ ней было 90 строфъ и добросовѣстный Джэкъ допѣвалъ ее непремѣнно всю, до грустнаго конца,—но она всегда производила желанное дѣйствіе. Въ эти минуты обитатели стана, растянувшись подъ деревьями и покуривая трубки, наслаждались тихими лѣтними сумерками и слушали заунывную мелодію, причемъ ими овладѣвала какая-то смутная мысль объ идиллическомъ счастьѣ.

— Это штука отличная, — задумчиво замѣчалъ кто нибудь.—Райская штука!

Въ длинные лѣтніе дни «Счастье» приносили обыкновенно въ горы, гдѣ добывалось золото. Тамъ онъ покоился на мягкомъ одѣялѣ, подъ которымъ были наложены еловыя вѣтви, между тѣмъ, какъ подъ нимъ, въ ямѣ, работали люди. Подъ конецъ, его колыбель обыкновенно убирали цвѣтами и душистой зеленью. Отъ времени до времени кто-нибудь приносилъ ребенку вѣтку дикой жимолости, азаліи или другіе яркіе цвѣты. Прелесть всѣхъ бездѣлушекъ, которыя до сихъ поръ искатели золота такъ равнодушно попирали ногами, внезапно раскрылась передъ ними... Какой-нибудь красивый камешекъ, поднятый въ ручьѣ, осколокъ разноцвѣтнаго кварца, пластинка блестящей слюды получали теперь значеніе въ ихъ глазахъ: ихъ тотчасъ-же откладывали въ сторону—«для Счастья». Нельзя и вообразить себѣ, сколь-

ко лѣса и горы доставили «для Томми» разныхъ сокровищъ.

Окруженный игрушками, какъ какой-нибудь сказочный баловень фей, Томми, надо полагать былъ доволенъ. И онъ, дѣйствительно, казался совершенно счастливымъ, хотя серьезность его дѣтской физіономіи и задумчивый свѣтъ, горѣвшій въ его круглыхъ, сѣрыхъ глазахъ по-временамъ тревожили Стемпи. Онъ былъ всегда такъ тихъ, такъ спокоенъ. Разсказывали, что однажды, сползая съ своего corral'я, т. е. съ изгороди изъ переплетенныхъ еловыхъ вѣтвей, окружавшей его постельку, онъ упалъ головой внизъ на мягкую землю, и нѣсколько минутъ оставался съ поднятыми въ воздухъ ножонками, не теряя ни равновѣсія, ни чувства собственнаго достоинства. Потомъ онъ далъ поднять себя точно также, безъ ропота. Я нерѣшаюсь приводить многочисленныхъ разсказовъ о его ранней смышленности, основанныхъ, къ сожалѣнію, лишь на пристрастномъ свидѣтельствѣ близкихъ друзей. На нѣкоторыхъ изъ этихъ разсказовъ лежалъ даже оттѣнокъ суевѣрія...

— Я сейчасъ съ берега, говорилъ, однажды, задыхаясь отъ волненія Кентукъ:—и чтобъ мнѣ провалиться сквозь землю, если я не видѣлъ—какъ къ нему на колѣни сѣла соя! И они совсѣмъ не стѣснялись другъ дружкой, точно вѣкъ жили вмѣстѣ! Право! И цѣловались носиками!

И точно, пытался ли онъ перелѣзть черезъ сосновую вѣтку, или спокойно лежалъ на спинѣ, смотря на осѣнявшую его листву, для него пѣли птицы, прыгали по деревьямъ бѣлки, благоухали цвѣты. Природа была его кормилицей и товарищемъ. Ему посылало солнце свои золотыя стрѣлы, которыя, пробившись сквозь вершины деревъ, падали на его ручонку, такъ что онъ могъ схватить ихъ. Ему приносилъ вѣтеръ благоуханіе смолы и лавра. Къ нему наклоняло дружески, съ усыпляющимъ

шумомъ, свои густыя вѣтви высокое красное дерево, между тѣмъ какъ жужжанье пчелъ и крики грачей глухо вторили шелесту листьевъ.

Это была золотая пора «Ревущаго Стана»; пора «прилива» для искателей золота; они добывали его необычайно много, потому что съ ними было «Счастье». Станъ ревниво оберегалъ свои преимущества и подозрительно смотрѣлъ на пришельцевъ. Онъ не только не поощрялъ иммиграціи, но для того, чтобы еще болѣе замкнуться, скупилъ земли по обѣимъ сторонамъ холмовъ, окружившихъ его стѣной. Эта предосторожность въ соединеніи съ репутаціей, которую доставило стану его умѣнье владѣть револьверомъ, сдѣлали его границы неприкосновенными. Почтальонъ, единственное существо, соединявшее «Ревущій Станъ» съ остальнымъ міромъ, разсказывалъ чудеса объ этой цвѣтущей колоніи. «У ревуновъ,—говорилъ онъ,—есть улица, которой не годятся въ подметки всѣ улицы «Редъ-Дога». Около домовъ у нихъ цвѣтники, виноградъ вьется, и умываются они по два раза въ день! Но только съ чужими чертовски грубы, и покланяются маленькому индѣйцу».

Вмѣстѣ съ благосостояніемъ явилось у стана потребность дальнѣйшихъ улучшеній; положили выстроить на будущую весну гостинницу и пригласить одно или два приличныхъ семейства поселиться въ ней ради «Счастья», которому могло быть полезно женское общество. Только сильной любовью этихъ людей къ своему пріемышу можно объяснить подобную уступку, которая, если принять во вниманіе ихъ скептическій взглядъ на полезность и добродѣтели женскаго пола, вѣроятно была для нихъ нелегка. Конечно, не обошлось и безъ оппозиціи. Но такъ какъ осуществленіе этого плана отлагалось еще на три мѣсяца, то протестовавшее меньшинство изъявило, наконецъ, также свое согласіе, въ надеждѣ,

что какое нибудь неожиданное обстоятельство помѣшаетъ дѣлу.

Такъ и вышло.

Зима 1851 года долго будетъ памятна въ тѣхъ мѣстахъ. Глубокій снѣгъ лежалъ на горахъ; каждый ручей превратился въ рѣку, каждая рѣка—въ озеро. Въ каждомъ ущельи образовался бурный потокъ. Стремительно бѣжавшая съ горъ вода вырывала съ корнемъ гигантскія деревья, разбрасывая ихъ по долинѣ. «Редъ-Догъ» два раза былъ подъ водой; и «Ревущій Станъ» получилъ предостереженіе. «Вода,—говорилъ Стемпи,—ужь приходила промывать золото; она воротится». И въ ту же ночь рѣка, выступивъ внезапно изъ береговъ, почти мгновенно залила весь треугольникъ «Ревущаго Стана».

Въ сумятицѣ, произведенной вторженіемъ воды, посреди треска поломанныхъ деревьевъ и тьмы, которая, казалось, прибывала вмѣстѣ съ водой для того, чтобы проглотить эти прелестныя долины, трудно было собрать разсѣянный станъ. Когда занялась заря, хижина Стемпи, какъ ближайшая къ рѣкѣ, была снесена. Выше, около ущелья, нашли трупъ ея несчастнаго владѣльца. Но утѣшенія, гордости, надежды, Счастья «Ревущаго Стана»—не оказывалось нигдѣ. Люди, искавшіе его, возвращались съ стѣсненнымъ сердцемъ; какъ вдругъ услышали чьи-то голоса, зовущіе ихъ опять къ берегу. Это была спасательная лодка, плывшая внизъ по рѣкѣ. Она, въ двухъ миляхъ отъ стана, подобрала человѣка, почти изнемогшаго, съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Спасающіе спрашивали: не знаетъ-ли кто его здѣсь, и не принадлежитъ-ли онъ къ колоніи?—Людямъ «Ревущаго Стана» достаточно было одного взгляда, чтобъ убѣдиться, что передъ ними лежалъ Кентукъ, обезображенный, израненый, изувѣченный, но все еще не выпускавшій изъ рукъ ихъ ненагляднаго «Счастья». Нагнув-

шись, они увидали, что ребенокъ былъ уже холоденъ и что пульсъ его не бился.

— Онъ умеръ, —произнесъ кто-то.

Кентукъ открылъ глаза.

— Умеръ? переспросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Да! старина; и ты тоже умираешь!

Улыбка засвѣтилась во взглядѣ Кентука.

— Умираю? Онъ беретъ меня съ собой... Скажите товарищамъ, что «Счастье» теперь со мной!

И этотъ сильный человѣкъ, ухватившись за слабаго малютку, какъ утопающій, говорятъ, хватается за соломенку, поплылъ по пѣнистой рѣкѣ, вѣчно катящейся въ невѣдомый океанъ...

ФЛИПЪ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ красная лента дороги, ведущей въ Лосъ-Гатосъ, поднимается, извиваясь, какъ огненный хвостъ ракеты и теряясь въ голубой долинѣ береговой горной цѣпи, — недалеко отъ вершины горы находится тѣнистый уступъ, поросшій невысокимъ ельникомъ. При каждомъ изгибѣ дороги, извивающейся по склону горы, раскаленной лучами солнца, этотъ темный уголокъ невольно привлекаетъ взоры путника. Въ облакахъ пыли, при глухомъ стукѣ лѣниво вращающихся колесъ, и однообразномъ скрипѣ осѣвшихъ подъ тяжестью кузова рессоръ, онъ сулитъ путнику прохладу, тѣнь и безмолвіе. Съ высокой крыши дилижанса, съ козелъ телѣги, изъ-подъ ослѣпительнаго бѣлаго навѣса, раскинутаго надъ поклажей горнаго извощика, съ раскаленнаго солнцемъ сѣдла, подъ тяжестью котораго пыхтитъ и потѣетъ несчастная лошадь,—отовсюду къ этой заманчивой цѣли обращаются измученныя, загорѣлыя лица.

Въ первую минуту можно подумать, что всѣ надежды были тщетны, всѣ обѣщанія—обманчивы. Когда усталый путникъ доберется, наконецъ, до террасы, ему покажется, что она не только сосредоточила въ себѣ весь зной долины, но еще присоединила къ нему свой собственный

огонь, извергаемый какимъ-нибудь открытымъ кратерообразнымъ источникомъ. Но, странное дѣло, — вмѣсто того, чтобы еще болѣе утомить и ослабить людей и животныхъ, зной этотъ, напротивъ, приводитъ ихъ въ необыкновенно возбужденное состояніе. Раскаленный воздухъ насыщенъ летучими частицами смолистыхъ веществъ. Одуряющіе ароматы лавра, сосны, можжевельника, такъ называемой yerba buena, дикаго жасмина и другихъ, еще не окрещенныхъ пахучихъ растеній, дистилированные и обращенные въ газообразное состояніе палящимъ зноемъ, доводятъ до опьяненія, граничащаго съ бѣшенствомъ, каждаго, кто ихъ вдыхаетъ; они жгутъ, раздражаютъ, возбуждаютъ и отравляютъ. Разсказываютъ, что самыя замученныя, разбитыя лошади подъ вліяніемъ этого воздуха становились бѣшенными и неукротимыми; усталые извощики и погонщики муловъ, успѣвшіе истощить во время подъема весь запасъ ругательствъ, снова вдохновлялись въ этой огненной атмосферѣ, быстро пополняли свой словарь и даже обогощали его новыми, удивительно забористыми выраженіями. Какой-то пьянчуга-кондукторъ, не находя словъ для описанія всѣхъ прелестей этой мѣстности, говорятъ, охарактеризовалъ ихъ одной лаконической фразой—«джинъ съ инбиремъ». Это лестное названіе, данное кондукторомъ, вѣроятно, въ память любимаго своего напитка—ромъ съ сиропомъ, такъ и осталось съ тѣхъ поръ за террасой.

Таково было общее мнѣніе объ этой юдоли благоуханій. Какъ большинство человѣческихъ сужденій, оно было поверхностно и слишкомъ поспѣшно. Никто еще, сколько извѣстно, не проникалъ въ таинственную глубину чащу лѣса. Онъ разросся гораздо ниже вершины, гдѣ находится гостинница; до сихъ поръ подъ благоухающія вѣтви этого лѣса не пробирался еще ни охотникъ, ни золотоискатель; даже инспекціонная коммиссія граф-

ства, во время обхода, не рѣшилась проникнуть дальше опушки.

Мистеру Лэнсу Гэрріотъ, повидимому, было предназначено самой судьбой пополнить пробѣлъ въ изслѣдованіи этой мѣстности. Онъ совершилъ свое путешествіе сюда подъ дилижансомъ, прицѣпившись къ его оси. Выбралъ онъ этотъ рискованный способъ передвиженія, пользуясь ночной темнотою, въ то время, какъ карета медленно тащилась мимо того мѣста, гдѣ онъ спрятался въ придорожномъ кустарникѣ, чтобы избѣжать непріятной встрѣчи съ шерифомъ монтерейскаго графства и его свитою. Представляться своимъ спутникамъ онъ счелъ совершенно излишнимъ и даже неблагоразумнымъ: его давно знали за игрока, бродягу и сорви-голову, а теперь надъ нимъ тяготѣло еще новое обвиненіе: онъ убилъ какого-то другого игрока, повздоривши съ нимъ за игрою, и за поимку его была назначена награда.

Когда карета проѣзжала подъ нависшими вѣтвями сосенъ, онъ спустился на землю и нѣсколько мгновеній неподвижно лежалъ на дорогѣ, такъ что издали его легко можно было принять за одну изъ кучъ грязи, которыхъ не мало скопилось между глубокими колеями. Затѣмъ, поднявшись на четвереньки, онъ, какъ дикій звѣрь, поползъ въ пахучую чащу лѣснаго кустарника. Здѣсь онъ пролежалъ до тѣхъ поръ, пока людскіе голоса и бряцаніе конской сбруи не замерли въ отдаленіи. Если-бы даже за нимъ слѣдили, трудно было-бы отыскать въ этой неподвижной массѣ лохмотьевъ сходство съ какою-нибудь опредѣленною человѣческою личностью. Черты лица его были скрыты подъ безобразною маскою изъ красноватой пыли и глины; руки имѣли видъ какихъ-то безформенныхъ обрубковъ, болтавшихся въ слишкомъ длинныхъ рукавахъ. Когда онъ, наконецъ, поднялся, шатаясь какъ пьяный, и безъ оглядки бросился въ глубину лѣса, изъ подъ

ногъ его взлетѣло облако пыли, а изодранныя лохмотья его одежды то-и-дѣло цѣплялись за древесные сучья. Два раза онъ падалъ, но, опьяненный, возбужденный бодрящимъ, прянымъ воздухомъ, каждый разъ поднимался и продолжалъ свой путь.

Жаръ мало-по-малу спадалъ, а когда, остановившись, чтобы передохнуть, Гэрріотъ устало прислонился къ стволу молодаго дерева, по трепету и шелесту листьевъ впереди онъ понялъ, что тамъ дуетъ свѣжій вѣтеръ, котораго онъ однакожъ еще не чувствовалъ. Затѣмъ, среди глубокой тишины послышался легкій шепотъ, похожій на вздохъ, и онъ понялъ, что приближается къ краю чащи. Тишина лѣса была такимъ образомъ нарушена: за первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, менѣе ясный, но болѣе музыкальный—мелодическое хрустальное журчанье воды. Еще нѣсколько шаговъ—и онъ очутился на краю небольшаго оврага, надъ которымъ, въ видѣ плотнаго свода, сплетались вѣтви деревьевъ. Узенькій ручеекъ, который онъ могъ-бы запрудить одной рукой, извивался въ этой красной, каменистой расщелинѣ горнаго склона, впадая въ глубокую, неправильную яму, переполняя ее черезъ край. До сихъ поръ эта яма служила только убѣжищемъ для пестрыхъ форелей; теперь же ей пришлось послужить ванной для Лэнса Гэрріота.

Не колеблясь ни одного мгновенія, и не давая себѣ даже труда раздѣться, онъ вошелъ въ воду съ такими предосторожностями, какъ будто боялся потерять даже одну каплю драгоцѣнной влаги. Голова его опустилась ниже краевъ ямы и кругомъ снова воцарилась полная тишина. Только два предмета оставались на берегу—его револьверъ и кисетъ съ табакомъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Безстрашная голубая сойка спорхнула на землю и храбро принялась клевать кисетъ. Но она обратилась въ бѣгство при появленіи

землеройки, которая силилась утащить кисетъ въ свою нору и, въ свою очередь, была потревожена красной векшей; впрочемъ, вниманіе этой послѣдней было привлечено не столько кисетомъ, сколько револьверомъ, который они разсматривали съ недовѣрчивымъ восхищеніемъ. Вдругъ послышался всплескъ, ворчанье, пыхтѣніе; мелкіе представители животнаго царства бросились въ разсыпную и надъ ямкой показалась голова мистера Лэнса Гэрріота... Какое превращеніе!

Ванна не только оказала благотворное дѣйствіе на чистоту его тѣла и легкой тиковой одежды, но, повидимому, очистила его и нравственно: казалось, онъ оставилъ въ ней и всю грязь, всѣ пятна прошлой жизни и репутаціи. Лицо его, на которомъ, правда, кое-гдѣ еще виднѣлись царапины, было кругло, румяно, сіяло невозмутимымъ благодушіемъ и юношескою свѣжестью. Въ его большихъ голубыхъ глазахъ свѣтилось невинное изумленіе и дѣтская беззаботность. Отдуваясь и отряхивая съ себя капли воды, онъ лѣниво оперся локтями на берегъ и съ любопытствомъ школьника слѣдилъ за маневрами землеройки, которая, оправившись отъ испуга, снова осторожно подкрадывалась къ соблазнительному кисету. Если нѣсколько минутъ тому назадъ даже близкіе товарищи врядъ-ли узнали-бы Лэнса подъ безобразною маскою изъ грязи, пыли и лохмотьевъ, за то теперь случайному путнику и въ голову бы не пришло заподозрить въ этомъ молодомъ бѣлокуромъ фавнѣ—убійцу. Взмахнувъ мокрымъ рукавомъ, онъ пустилъ цѣлую тучу мелкихъ брызгъ въ испуганную землеройку и такъ весело выпрыгнулъ изъ воды, что, казалось, это былъ не бѣглый преступникъ, укрывающійся отъ людей, но человѣкъ, вздумавшій выкупаться на пикникѣ.

По верхушкамъ деревьевъ зашелестѣлъ легкій вѣтерокъ—очевидно съ запада. Взглянувъ въ ту сторону, Лэнсъ

замѣтилъ, что въ этомъ направленіи тѣни были менѣе густы, и не задумываясь, пошелъ туда, хотя пробираться сквозь частый кустарникъ было не легко. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, лѣсъ становился рѣже и рѣже; очертанія вѣтвей, а затѣмъ даже контуры отдѣльныхъ листьевъ стали вырѣзываться на ярко-голубомъ небѣ. Онъ догадался, что недалеко уже до вершины горы, остановился на минуту, ощупалъ револьверъ и, наконецъ, осторожно раздвинулъ послѣднія вѣтви.

Яркій блескъ полуденнаго солнца сначала ослѣпилъ его. Приглядѣвшись, онъ замѣтилъ, что находится на открытомъ западномъ склонѣ горы, обращенномъ къ берегу и покрытомъ лишь рѣдкою порослью. Благоухающая чаща отдѣляла его какъ отъ вершины, такъ и отъ большой дороги, спускающейся молньеобразными зигзагами отъ террасы въ глубину долины. Невидимый ни для кого, онъ могъ свободно обозрѣвать всю окрестность. Впрочемъ, эта мысль, повидимому, не особенно интересовала и не тревожила его. Первымъ дѣломъ онъ поспѣшилъ освободиться отъ своей изодранной одежды, затѣмъ набилъ и закурилъ свою трубку и растянулся на откосѣ, чтобы просохнуть по жгучимъ лучамъ солнца. Покуривая, онъ безпечно пробѣгалъ клочекъ газеты, въ которой былъ завернутъ его табакъ и, наткнувшись на мѣсто, показавшееся ему забавнымъ, снова прочелъ его вслухъ, какъ будто передъ невидимою аудиторіей, сопровождая чтеніе патетическими жестами и развязно похлопывая себя по колѣнкѣ.

Отъ усталости-ли или отъ дѣйствій купанья, которое въ сущности превратилось въ паровую ванну, послѣ того, какъ онъ покатался по горячей травѣ, глаза его стали слипаться... Его разбудили звуки голосовъ. Они доносились издалека, слышны были не ясно и не приближались. Онъ осторожно спустился по скату до края перваго крутого

обрыва. Тамъ оказался новый выступъ или терраса, а ниже, въ глубинѣ, виднѣлись неясныя очертанія оливково-зеленой листвы, изъ которой тамъ и сямъ выдвигались остроконечныя вершины сосенъ. Нигдѣ не видно было слѣдовъ человѣческаго жилья, но голоса говорили такъ, какъ говорятъ за какой-нибудь однообразной работой, и Лэнсъ ясно слышалъ сопровождавшій ихъ говоръ звонъ посуды и стукъ какого-то домашняго орудія. Разговаривали повидимому двое—старикъ и дѣвушка, перекидываясь небрежными, незначущими фразами; словъ на такомъ разстояніи нельзя было разобрать. Голоса эти еще болѣе оттѣняли царившее кругомъ безлюдіе, однако, ничуть не придавая ему печальнаго оттѣнка; они казались таинственными, но не зловѣщими; быть можетъ весь разговоръ былъ однимъ общимъ мѣстомъ, но среди обширной пустыни лѣса онъ казался музыкальнымъ и краснорѣчивымъ. Лэнсъ въ первый разъ за этотъ день глубоко вздохнулъ—звуки, сопровождавшіе разговоръ, напомнили ему объ обѣдѣ.

Не смотря на свою безпечность, Лэнсъ былъ, однако, слишкомъ благоразуменъ, чтобы отважиться выдти изъ своего убѣжища среди бѣлаго дня. Пока онъ удовольствовался тѣмъ, что постарался опредѣлить, насколько возможно, мѣсто, откуда слышались голоса. Чтобы добраться туда, трудно было найти иной путь, кромѣ большой дороги.—«Должны же они будутъ развести огонь или зажечь свѣчу къ ночи»,—разсудилъ онъ, наконецъ, и, удовлетворившись этимъ соображеніемъ, снова растянулся на травѣ. Для препровожденія времени онъ сталъ подбрасывать на воздухъ нѣсколько мелкихъ монетъ. Потомъ взоръ его остановился на одной изъ вершинъ береговой горной цѣпи, выдѣлявшейся рѣзкимъ силуэтомъ на безоблачномъ западномъ склонѣ неба. Въ небольшой расщелинѣ хребта мелькнуло ярко-бѣлое пятнышко, не больше

серебряной монеты, которую онъ держалъ въ рукѣ. Пятнышко быстро росло и заполнило расщелину. Черезъ минуту исчезла вся линія хребта. Тѣсною, непрерывною полосою растянулись легіоны бѣлыхъ хлопьевъ по всему горизонту, проникли во всѣ овраги и ущелья горной цѣпи. Это былъ поднявшійся надъ моремъ туманъ. Лэнсъ зналъ, что только двадцат миль отдѣляютъ его отъ океана—отъ спасенія!

Заходящее солнце скрылось и потухло въ мягкихъ объятіяхъ тумана. Холодный вѣтеръ пронесся надъ горами. По тѣлу Лэнса пробѣжала дрожь, онъ всталъ и опять вошелъ въ лѣсъ. чтобы согрѣться. Теплый, ароматный воздухъ произвелъ на него поразительно успокоивающее дѣйствіе; усталость заставила забыть о голодѣ; онъ задремалъ. Когда онъ проснулся, было совершенно темно. Ощупью добрался онъ до опушки. Нѣсколько звѣздъ сверкали надъ его головою, но вокругъ все, какъ бѣлою пеленою, было окутано хлопьями тумана. Еслибы даже гдѣ-нибудь и горѣли огонь или свѣчка, ихъ невозможно было замѣтить. Идти впередъ на удачу—было-бы безуміемъ; оставался только одинъ исходъ—ждать до утра. Бродяга былъ лѣнивъ и философъ: такое рѣшеніе пришлось ему по вкусу; онъ снова пробрался къ своему ложу и заснулъ. Какія мучительныя видѣнія, вызванныя угрызеніями совѣсти и страхомъ, тревожили его сонъ, когда онъ лежалъ среди глубокаго безмолвія и мрака, отдѣленный отъ человѣческаго общества прозрачною пеленою тумана? Какіе призраки проносились передъ нимъ, рождаясь въ глухой чащѣ лѣса?—Ни мученія, ни призраки не тревожили его. Укладываясь спать въ этой чащѣ, онъ вспомнилъ съ сожалѣніемъ только о сухаряхъ, которые уронилъ съ имперіала дилижанса какой-то завтракавшій тамъ неосторожный пассажиръ. Но эта грустная мысль была мимолетна и скоро онъ заснулъ глубокимъ, непробуднымъ сномъ ранняго дѣтства.

II.

Проснувшись, онъ ощутилъ прежде всего тотъ-же пряный ароматъ воздуха. Его первымъ инстинктивнымъ движеніемъ, какъ у всякаго молодаго животнаго, было схватить рѣсколько молодыхъ, нѣжныхъ зеленыхъ листочковъ yerba buena, которая вилась на мѣховой подушкѣ, служившей ему изголовьемъ, и съѣсть ихъ. Это нѣсколько заглушило его мучительный голодъ. Еще полусонными глазами онъ сталъ лѣниво слѣдить за солнечнымъ лучемъ, пробравшимся въ чащу вѣтвей, которыя сплетались надъ его головой въ видѣ свода. Потомъ онъ опять забылся. Колеблясь, такимъ образомъ, между сномъ и бдѣніемъ, онъ, однако, ясно замѣтилъ легкое движеніе въ сухихъ листьяхъ, покрывавшихъ землю возлѣ углубленія, которое онъ избралъ себѣ для ночлега. Сила, приводившая ихъ въ движеніе, казалась ему сознательною, а самое движеніе, повидимому, направлялось къ его револьверу, блестѣвшему въ травѣ. Онъ подумалъ, что это его вчерашній пріятель возобновилъ сегодня свою воровскую экскурсію, усмѣхнулся и продолжалъ лежать неподвижно. Движеніе и шорохъ продолжались, но теперь движеніе стало медлительнѣе, что-то какъ будто скользило и извивалось. Глаза Лэнса съ напряженнымъ вниманіемъ устремились на это мѣсто. Онъ сразу проснулся. То была не змѣя, а рука, на половину скрытая мхомъ и пробиравшаяся къ его револьверу. Онъ видѣлъ ее лишь мигъ, но успѣлъ замѣтить, что рука была голая, очень тонкая и покрыта веснушками. Онъ быстро схватилъ ее, вскочилъ на ноги и вытащилъ изъ засады усиленно сопротивлявшуюся молодую дѣвушку.

— Пустите! сказала она, смутившись болѣе отъ стыда, чѣмъ отъ страха.

Лэнсъ посмотрѣлъ на нее. Ей было едва-ли болѣе

пятнадцати лѣтъ; она была такая тоненькая, худенькая, съ грудью плоскою, какъ у мальчика. Ея пылающее лицо и обнаженная шея были буквально усыпаны мелкими коричневыми пятнами, словно зернышками пороха и,— странное дѣло, глаза ея большіе, сѣрые, повидимому, также покрыты были веснушками; по крайней мѣрѣ, какъ роговая оболочка, такъ и радужная были усѣяны мелкими желтыми крапинками. Еще замѣчательнѣе были ея волосы: металлическій, красноватый, какъ у оленя, цвѣтъ ихъ принималъ постепенно болѣе свѣтлые оттѣнки и, наконецъ, на макушкѣ, какъ будто отъ дѣйствія солнца, переходилъ въ совершенно бѣлокурый.

Она, очевидно, выросла изъ своего платья, которое было сшито уже давно, изъ подъ короткой юбки; виднѣлась часть ноги, желтой, худой и покрытой все тѣми-же желтыми крапинками; чулки были слишкомъ узки, порваны и грубо заштопаны. Лэнсъ нѣсколько разжалъ свой кулакъ и благодушнымъ жестомъ слегка отодвинулъ отъ себя плѣнницу. Она не шевельнулась и продолжала полу-злобно, полу-сконфуженно смотрѣть на него.

— Я ни чуточки не испугалась, сказала она:—не бойтесь, не убѣгу.

— Очень радъ это слышать, возразилъ Лэнсъ, не скрывая своего удовольствія. — А зачѣмъ вы подбирались къ моему револьверу?

Она опять покраснѣла и промолчала; затѣмъ, начала выбивать ногою землю, скопившуюся между корнями дерева, и, наконецъ, сказала, какъ будто обращаясь съ дружеской откровенностью къ своей собственной ногѣ:

— Я хотѣла схватить его прежде васъ.

— Вотъ какъ! А зачѣмъ?

— О, вы сами знаете—зачѣмъ?

Широкая улыбка, озарившая лицо Лэнса и обнаружившая всѣ его зубы, доказывала, что онъ дѣйствительно знаетъ—зачѣмъ? Но онъ счелъ нужнымъ промолчать.

— Я не знала, почему вы здѣсь скрываетесь, продолжала дѣвушка, все еще обращаясь къ дереву;—къ тому же, прибавила она, взглянувъ на него искоса изъподъ своихъ бѣлыхъ рѣсницъ, — я не видѣла вашего лица.

Въ этомъ тонкомъ комплиментѣ въ первый разъ сказалась хитрость, свойственная ея полу. Лицо безпутнаго бродяги вспыхнуло яркимъ румянцемъ, и на мигъ онъ смутился.

— Стало быть, вы хотѣли завладѣть моею шестистволкою до тѣхъ поръ, пока не познакомитесь со мною получше?

Она кивнула головою. Затѣмъ она подняла съ земли сухую вѣтвь орѣшника, заложила ее себѣ за спину, перекинула черезъ оба конца свои тонкія, загорѣлыя руки, выпятила грудь и напрягла мышцы. Все это было сдѣлано съ очевидною цѣлью доказать свое хладнокровіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, силу мышцъ.

— Можетъ быть, вы хотите взять его теперь? сказалъ Лэнсъ, протягивая ей пистолетъ.

— Я видала на своемъ вѣку довольно шестистволокъ, отвѣчала дѣвушка, отстраняя отъ себя револьверъ и дѣлая видъ, что не понимаетъ намека. — У отца есть револьверъ, а у брата ихъ было даже два, системы Дерингера, когда онъ былъ еще вдвое моложе меня.

Она остановилась, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвела на ея собесѣдника такая любовь къ оружію всѣхъ членовъ ея семейства. Но Лэнсъ только взглянулъ на нее съ усмѣшкой. Потомъ она снова заговорила:

— Зачѣмъ вы ѣли траву?

— Траву? переспросилъ Лэнсъ.

— Да, вотъ эту! Она указала на yerba buena.

Лэнсъ захохоталъ.

— Я былъ голоденъ. Послушайте, продолжалъ онъ,

весело подбрасывая на воздухъ нѣсколько серебряныхъ монетъ.—Нельзя-ли на эти деньги добыть мнѣ позавтракать, да такъ, чтобы и вамъ осталось на гостинцы?

Дѣвушка съ робкимъ любопытствомъ смотрѣла на деньги и на молодаго человѣка.

— Я думаю, что отецъ можетъ дать вамъ что-нибудь, если захочетъ; только онъ недолюбливаетъ бродягъ съ тѣхъ поръ, какъ они украли у него цыплятъ. Впрочемъ, попытайтесь.

— Но я желалъ-бы, чтобы *вы* попытались за меня. Вы можете принести мнѣ завтракъ сюда.

Дѣвушка отступила на шагъ, опустила глаза, и съ улыбкой, выражавшей очаровательное колебаніе между робостью и нахальствомъ, сказала:

— Такъ, стало быть, вы скрываетесь! Да?

— Вотъ именно, скрываюсь! засмѣялся Лэнсъ.—Однако, вы, я вижу, не промахъ!

— Ужь не изъ шайки-ли вы Макъ-Карти?

Мистеръ Лэнсъ Гэрріотъ на мгновеніе ощутилъ даже гордость, вполнѣ искренно заявляя, что не принадлежитъ къ шайкѣ закоренѣлыхъ горныхъ разбойниковъ, извѣстной подъ этимъ именемъ въ округѣ.

— Надѣюсь, что вы и не изъ числа тѣхъ воришекъ, которые обокрали недавно ранчо Гендерсона? Мы не очень-то благоволимъ къ такимъ молодцамъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Лэнсъ самымъ искреннимъ тономъ.

— Надѣюсь также, что вы не тотъ негодяй, который недавно до смерти избилъ свою жену въ Санта-Клара?

Лэнсъ съ благороднымъ гнѣвомъ протестовалъ противъ такого предположенія. Если онъ и нарушалъ основы семейнаго союза, то, во всякомъ случаѣ, не кулачнымъ путемъ и, притомъ,—съ чужими женами.

Дѣвушка еще поколебалась съ минуту и, наконецъ, сказала:

— Ну, хорошо; идите со мною.

— Куда? спросилъ Лэнсъ.

— Въ ранчо, отвѣтила она простодушно.

— Такъ вы не хотите принести мнѣ чего-нибудь поѣсть сюда?

— Зачѣмъ? Вѣдь вы можете позавтракать тамъ, внизу.

Лэнсъ колебался.

— Ужъ я все устрою, не безпокойтесь, продолжала дѣвушка;—я переговорю съ отцомъ.

— Ну, а если я предпочитаю остаться здѣсь? упирался Лэнсъ, прекрасно сознавая, что вся его осторожность только притворство.

— Какъ знаете, сказала она равнодушно;—но, вѣдь весь этотъ лѣсъ принàдлежитъ моему отцу.

— Принадлежи̂тъ, поправилъ Лэнсъ.

— Принàдлежитъ или принадлежи̂тъ—не все ли равно, презрительно замѣтила дѣвушка.—Главное то, что лѣсъ этотъ его и вы можете встрѣтиться съ нимъ здѣсь точно такъ-же, какъ внизу, въ нашемъ домѣ. Онъ можетъ прійти каждую минуту сюда; можете поручиться за это головой.

Замѣтивъ, очевидно, по лицу Лэнса, что слова ея забавляли его, она снова потупилась въ смущеніи и нахмурила брови.

— Что-жь, пойдемте, я готовъ, сказалъ Лэнсъ, улыбаясь и протягивая ей руку.

Она не взяла ея и недовѣрчиво посмотрѣла на него искоса, какъ пугливая лошадь.

— Дайте мнѣ сначала вашъ пистолетъ, сказала она.

Онъ исполнилъ ея требованіе, едва удерживаясь отъ смѣха. Она-же, напротивъ, съ неподдѣльною серьезностью взяла револьверъ и вскинула его на плечо, какъ ружье. Нечего и говорить, что это движеніе,—смѣсь ребячества и геройства—вызвало въ Лэнсѣ новый взрывъ смѣха.

— Идите впередъ, сказала она.

Лэнсъ повиновался, широко улыбаясь.

— Можно подумать, что я вашъ плѣнникъ! замѣтилъ онъ.

— Идите впередъ и не дурачьтесь, возразила она.

Нѣсколько времени они шли молча по лѣсу. На мгновенье въ головѣ его мелькнула забавная мысль— обратиться въ притворное бѣгство, «чтобы посмотрѣть, что будетъ дѣлать дѣвчонка», но онъ тотчасъ-же отказался отъ своего намѣренія.—«Она, не задумываясь, прострѣлила-бы меня, какъ собаку»,—рѣшилъ онъ, проникаясь все большимъ уваженіемъ къ своей спутницѣ.

Когда они достигли обнаженнаго склона горы, Лэнсъ остановился и вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Туда! сказала она, указывая на вершину, какъ разъ въ противоположную сторону отъ того мѣста, откуда онъ вчера слышалъ голоса; одинъ изъ этихъ голосовъ Лэнсъ теперь узналъ: это былъ ея голосъ. Нѣсколько времени они пробирались сквозь чащу, но потомъ круто свернули на тропинку, которая шла вдоль оврага, спускавшагося къ долинѣ.

— Зачѣмъ вы сдѣлали такой крюкъ? спросилъ Лэнсъ.

— *Мы* никогда такъ не ходимъ, возразила она многозначительно;—есть другая дорога, короче.

— Гдѣ?

— Это до васъ не касается, сказала она сухо.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ Лэнсъ, когда они спустились съ крутаго обрыва.

— Флипъ.

— Какъ?

— Флипъ.

— Вы меня не поняли. Я спрашиваю про ваше имя, а не про фамилію.

— Меня зовутъ Флипъ.

— Флипъ! Ахъ, да, это уменьшительное отъ Фелипа!

— Не Фелипа, а Флипъ.

Нѣкоторое время оба молчали.

— Что-же вы не спросите, какъ зовутъ меня? сказалъ Лэнсъ.

Она не удостоила его отвѣтомъ.

— Вамъ даже не интересно?

— Можетъ быть, батя спроситъ; ему можете врать, что хотите.

Этотъ рѣшительный отвѣтъ озадачилъ нашего любезника-убійцу. Онъ шелъ нѣсколько времени молча. Эта дѣвочка положительно приводила его въ восторгъ.

— Только, прибавила Флипъ,—лучше будетъ, пожалуй, если мы съ вами поладимъ.

Въ этомъ мѣстѣ тропинка опять круто заворачивала и спускалась въ ущелье. Лэнсъ посмотрѣлъ кверху и замѣтилъ, что они находятся какъ разъ подъ той поросшей лѣсомъ террасой, съ которой спустились и которая теперь виднѣлась высоко надъ ихъ головами.

— Чѣмъ занимается вашъ отецъ? спросилъ онъ, наконецъ.

Флипъ молчала, раскачивая на рукѣ револьверъ.

Лэнсъ повторилъ свой вопросъ.

— Жжетъ уголь и дѣлаетъ алмазы, сказала она, искоса поглядывая на него.

— Дѣлаетъ алмазы? переспросилъ Лэнсъ.

Флипъ утвердительно кивнула головой.

— И много онъ ихъ дѣлаетъ? небрежнымъ тономъ продолжалъ ея спутникъ.

— Пропасть! Только маленькіе,—отвѣчала она, снова украдкой взглянувъ на него.

— А! маленькіе! повторилъ онъ...

Они приблизились къ небольшому огороженному пространству, откуда поднялось громкое кудахтанье и щебетанье; цѣлый легіонъ домашнихъ птицъ привѣт-

ствовалъ возвращеніе хозяйки. Наружный видъ поселенія не представлялъ собою ничего внушительнаго. Стоящая подъ деревомъ печь, сѣдло съ уздою, нѣсколько необходимыхъ предметовъ домашняго обихода—вотъ и все. Это было настоящее «ранчо». Какъ большинство участковъ, воздѣланныхъ піонерами, это мѣсто носило на себѣ слѣды недавней безпорядочной борьбы человѣка съ природой; на полѣ битвы царили уныніе и запустѣніе. Спиленныя деревья, измятый кустарникъ, длинные шесты, только-что поднятая новь—составляли странный контрастъ съ валявшимися тутъ же отбросами цивилизаціи,—пустыми глиняными кружками, разбитыми бутылками, дырявыми шляпами, стоптанными сапогами, изодранными чулками и всевозможными лохмотьями. Для довершенія эффекта, на одномъ деревѣ висѣлъ даже измятый остовъ стараго кринолина.

Самое дикое ущелье, самая густая чаща, любая, дѣвственно безлюдная мѣстность—показались-бы менѣе пустынными и болѣе привлекательными, чѣмъ эти первые слѣды завоеваній человѣка. Только самая хижина нѣсколько скрашивала видъ этого общирнаго бивуака. Выстроенное изъ полуцилиндрическихъ кусковъ сосновой коры, съ крышей изъ того-же матеріала, оно носило на себѣ отпечатокъ своеобразной, живописной дикости. Впрочемъ, это былъ результатъ скорѣй экономіи, чѣмъ изящнаго вкуса хозяина.

— Кора совсѣмъ не годится для угля, замѣтила Флипъ, какъ-бы извиняясь.—Бьюсь объ закладъ, что батя въ лѣсу, продолжала она, останавливаясь передъ дверью хижины. — Батя!... крикнула она. Голосъ ея, чистый и звонкій, пронесся по всему ущелью, а эхо донесло его даже до высокой террасы. Однообразные удары топора, раздававшіеся по близости, тотчасъ смолкли и изъ кущи сосенъ мужской голосъ отвѣтилъ—«Флипъ».

Черезъ нѣсколько минутъ послышались ворчанье, трескъ сухихъ вѣтвей, тяжелые шаги и, наконецъ, появился самъ—«батя».

Еслибы Лэнсъ встрѣтилъ его въ лѣсу, онъ затруднился бы рѣшить, къ какой расѣ принадлежитъ этотъл -очевѣкъ,—къ монгольской, индусской или эфіопской? Небрежныя омовенія на скорую руку сообщили лицу и рукамъ угольщика аспидно-сѣрый цвѣтъ, переходившій въ болѣе темную тѣнь тамъ, гдѣ дѣйствіе воды прекращалось. Онъ напоминалъ крашенныхъ негровъ-скрипачей, которымъ лишь изрѣдка и не надолго приходится смывать свою маску. Глаза его были обведены черными кругами, что придавало ему видъ человѣка, носящаго очки безъ стеколъ, и еще болѣе подчеркивало обезьяній характеръ его лица, съ которымъ какъ нельзя лучше гармонировали густые съ просѣдью волосы, повидимому, подвергавшіеся частымъ, но неудачнымъ попыткамъ окрасить ихъ въ прежній цвѣтъ. Какъ будто не замѣчая Лэнса и обращаясь исключительно къ дочери, старикъ проворчалъ хриплымъ, надтреснутымъ голосомъ:

— Ну! Что тамъ еще? Зачѣмъ ты оторвала меня отъ работы за часъ до полудня. Чортъ меня возьми, если мнѣ хоть когда-нибудь удается, какъ слѣдуетъ, поработать! Только и слышишь: «батя»! да «батя»!

Къ величайшему удовольствію Лэнса, дѣвушка приняла этотъ выговоръ вполнѣ равнодушно. Она подождала, пока упреки старика не перешли въ невнятное и, какъ показалось Лэнсу, трусливое ворчанье, и тогда хладнокровно сказала:

— Ты бы лучше положилъ на мѣсто топоръ и приготовилъ этому человѣку завтракъ и что-нибудь на дорогу, Онъ пріѣхалъ сюда изъ Санъ-Франциско удить рыбу, да заблудился и потерялъ своихъ пріятелей. Онъ не знаетъ даже, куда дѣвались его удочки и дру-

гая мелкая поклажа. Сегодня ночью ему пришлось ночевать подъ открытымъ небомъ въ лѣсу «Джинъ съ инбиремъ».

— Ну да! Такъ и зналъ! Всѣ они мелютъ одно! замѣтилъ старикъ, ударяя себя кулакомъ по колѣнкѣ въ приливѣ безсильной ярости, но не глядя на Лэнса.— Такъ за коимъ же чортомъ онъ лѣзетъ къ намъ, а не идетъ въ эту проклятую гостинницу наверху? Зачѣмъ, разрази его...

Но тутъ глаза его встрѣтились съ пристальнымъ взглядомъ большихъ пятнистыхъ глазъ дочери. Онъ судорожно замигалъ, и заговорилъ уже другимъ, плаксивымъ тономъ:

— Послушай, Флипъ, вѣдь это ни на что не похоже. Ты положительно сживешь меня со свѣта, если каждый день станешь приводить сюда, въ нашъ ранчо, всякую сволочь: бродягъ-эмигрантовъ, бѣглыхъ матросовъ, слезливыхъ вдовъ или сумасшедшихъ. Я васъ спрашиваю, сударь,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Лэнсу первый разъ, но такимъ тономъ, какъ будто онъ уже принималъ живѣйшее участіе въ разговорѣ,—я васъ спрашиваю, какъ джентльмена, какъ опытнаго рыболова, способнаго войти въ мое положеніе... Развѣ возможно такъ поступать?

Лэнсъ собирался что-то отвѣтить, но Флипъ предупредила его.

— Въ томъ-то и дѣло!—Именно потому, что онъ джентльменъ самаго перваго сорта, онъ и не можетъ въ такомъ видѣ идти вальсировать въ гостинницу. Да его подняли-бы на смѣхъ всѣ дамы! Да онъ не выйдетъ изъ этого ранчо и не покажется въ люди, пока не приведетъ себя въ приличный видъ! Полно, батя! Ты говоришь глупости.

Старикъ видимо сдавался. Таща за собою топоръ,

онъ добрался до ближайшаго пня, усѣлся на немъ и отеръ рукавомъ вспотѣвшій лобъ; это придало его лицу видъ грифельной доски, съ которой плохо стерли сложную ариѳметическую задачу. Онъ съ видомъ полной безнадежности посмотрѣлъ на Лэнса.

— Денегъ нѣтъ у васъ, разумѣется?—объ этомъ нечего и говорить. Вы, конечно, оставили свой бумажникъ, съ пятьдесятью долларами, подъ камнемъ и не можете найти его? Это тоже само собою понятно.—Разумѣется, продолжалъ онъ, замѣтивъ, что Лэнсъ сунулъ руку въ карманъ,—разумѣется, съ вами есть вексель въ сто долларовъ на фирму Уэльсъ, Фэрго и К°, и вы попросите меня учесть его...

Старикъ забавлялъ Лэнса; но Флипъ положительно приводила его въ восторгъ, заглушавшій всякое другое чувство. Не спуская глазъ съ дочери, онъ лаконически увѣрилъ отца, что объ уплатѣ ему нечего безпокоиться, но въ манерахъ его не было и слѣда той веселой безпечности, которая такъ понравилась Флипъ. Дѣвушка тотчасъ замѣтила перемѣну и недоумѣвала, за что-бы онъ могъ разсердиться. Съ тѣхъ поръ какъ глаза незнакомца встрѣтили глаза другого мужчины, они приняли менѣе искреннее и открытое выраженіе; въ его жестахъ проглядывало нетерпѣніе и горячность; видно было, что человѣкъ этотъ можетъ забыться до преступленія; но одного слова, произнесеннаго дѣвушкой, одного взгляда ея было достаточно, чтобы успокоить его. Когда она, съ помощью отца, приготовила скромный, незатѣйливый завтракъ, Лэнсъ сталъ разспрашивать хозяина насчетъ приготовленія алмазовъ. Глаза старика разгорѣлись.

— Скажите мнѣ прежде, откуда вы знаете, что я дѣлаю алмазы? спросилъ онъ нерѣшительно и немного сердито—совсѣмъ какъ дочь.

— Слыхалъ въ Санъ-Франциско, не задумываясь, совралъ Лэнсъ, развязно поглядывая на Флипъ.

— А! Значитъ, тамошніе ювелиры ужь начинаютъ тревожиться!.. Это имъ, небось, не по вкусу!.. Они меня просто съѣсть готовы... Скоро алмазъ будетъ стоить немногимъ дороже угля... А не говорили они вамъ, какъ я сдѣлалъ это открытіе?

При другихъ условіяхъ Лэнсъ, безъ сомнѣнія, тотчасъ прекратилъ-бы изліянія старика, заявивъ, что давно знаетъ эту исторію; но теперь ему хотѣлось посмотрѣть, насколько Флипъ раздѣляетъ иллюзіи отца.

— Вотъ какъ было дѣло. Однажды вечеромъ, два года тому назадъ, смотрю я на свою угольную яму, вонъ тамъ внизу, и вижу,—дерево горитъ, прѣетъ, дымитъ, а угля все не выходитъ ни на грошъ. А между тѣмъ, будь я проклятъ, если жара въ этой ямѣ не была самая адская. Невозможно было приблизиться къ ней на сто ярдовъ; ее можно было чувствовать за три мили, съ большой дороги, даже съ противуположной стороны горы. Не разъ намъ съ Флипъ приходилось уходить на ночь изъ дома, захвативъ съ собою одѣяла, и ночевать подъ открытымъ небомъ, по другую сторону оврага, потому что стѣна этой хижины поджаривалась, какъ ветчина. Увѣряю васъ, что это былъ такой образчикъ пекла, какого никто еще не видалъ. И что-жь, вы, можетъ быть, скажете, что это я развелъ такой огонь? Вы, можетъ быть, станете утверждать, что угольная яма всегда такъ горитъ?

— Конечно, отвѣчалъ Лэнсъ, стараясь уловить взглядъ дѣвушки, но та упорно отворачивалась.

— И солжете! Непремѣнно солжете! Весь жаръ исходилъ изъ нѣдръ земли, какъ изъ трубы или камина; онъ-то и поддерживалъ огонь въ моей ямѣ. А когда она остыла понемногу, когда, мѣсяцъ спустя, я могъ, наконецъ, спуститься въ нее,—отгадайте-ка, что я тамъ увидѣлъ?

большую дыру, изъ которой выходила струя кипящей воды толщиной въ ваше тѣло; и тутъ-же рядомъ лежала вотъ эта штучка.

Старикъ по инстинкту опытнаго разсказчика всталъ, вытащилъ изъ подъ своей постели небольшой мѣшочекъ верблюжьей кожи и высыпалъ на столъ его содержимое. Въ мѣшкѣ оказался обломокъ горнаго хрусталя, полурасплавленый и прикрѣпленный къ окаменѣвшему куску еловаго дерева. Подобные образцы встрѣчаются такъ часто, что самый неопытный рудокопъ, любой дровосѣкъ съ перваго взгляда узналъ-бы въ блестящемъ обломкѣ горный хрусталь. Лэнсъ съ лукавою улыбкою взглянулъ на Флипъ, которая поспѣшила замѣтить:

— Онъ слишкомъ скоро остылъ. Онъ испортился въ водѣ!

Она смолкла, потупилась и быстро отвернулась, чтобы скрыть краску, выступившую у нея на лицѣ.

— Да, да, вотъ именно! подхватилъ старикъ.—Флипъ знаетъ толкъ въ этомъ дѣлѣ! Она у меня лицомъ въ грязь не ударитъ!

Лэнсъ, не отвѣчая, устремилъ на своего собесѣдника жесткій, холодный взглядъ и быстро поднялся съ мѣста. Старикъ схватилъ его за полу.

— Увѣряю васъ, она права. Уголь превратился бы въ алмазъ; онъ только не дозрѣлъ и испортился... Почему? Потому, что огонь слишкомъ скоро потухъ! Но вы, можетъ быть, думаете, что я такъ и остановился на первомъ опытѣ?.. Ошибаетесь! Не въ моей это натурѣ!.. Вотъ тамъ, въ лѣсу, есть яма, которая горитъ уже шесть мѣсяцевъ. Она, правда, не можетъ сравниться съ первой ямой, — вѣдь тамъ огонь былъ естественный — но за то я постоянно поддерживаю въ ней огонь. Я нарочно устроилъ особое окошко, и наблюдаю за нею каждые четыре часа. Когда придетъ рѣшительная минута, я буду на-готовѣ.

Понимаете? Вотъ я каковъ! Вотъ каковъ Даніель Фэрли! Вотъ каковъ старикъ!.. Что вы скажете?

— Все это такъ!.. Но знаете-ли что, мистеръ Фэрли; не можете-ли вы одолжить мнѣ теперь сюртукъ или жилетку, чтобы я могъ пробраться сквозь туманъ, стоящій надъ дорогою въ Монтери? Я не желаю удерживать васъ дольше; вы, очевидно, спѣшите вернуться къ своимъ алмазамъ.

Онъ бросилъ на столъ пригоршню серебра.

— У меня есть куртка изъ оленьей кожи, которую одинъ вакеро вымѣнялъ у меня на бутылку виски.

— Будетъ-ли она годиться для этого джентльмена? сказала Флипъ, нерѣшительно вытаскивая потертую, грязную и разорванную въ нѣсколькихъ мѣстахъ куртку.

Но Лэнсъ совершенно удовлетворился этой одеждой, благо въ ней было тепло. Къ тому-же, онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимое желаніе противорѣчить всему, что говорила Флипъ.

Надѣвъ куртку, онъ холодно поклонился отцу, небрежно кивнулъ головой дочери и направился къ выходу.

— Если вы идете по направленію къ Монтери, я могу указать вамъ кратчайшую дорогу, сказала Флипъ, дѣлая робкую попытку быть любезной.

Старикъ застоналъ.

— Ну вотъ! Ну вотъ! воскликнулъ онъ.—Куры и все хозяйство могутъ отправляться хоть къ чорту; тебѣ лишь-бы пошататься съ первымъ попавшимся незнакомцемъ. Прекрасно! Гуляй себѣ на здоровье!..

Лэнсъ могъ-бы отвѣтить на это какой-нибудь грубой выходкой, но Флипъ предупредила его.

— Вѣдь ты знаешь, батя, какъ трудно найти эту тропинку; помнишь, жандармъ, который гнался за Петромъ Французомъ, такъ и не попалъ на нее и принужденъ былъ обойти вокругъ всего оврага? Безъ меня этотъ

джентльменъ непремѣнно заблудится и... вернется къ намъ обратно.

Эта непріятная перспектива заставила замолчать старика, и Флипъ отправилась съ Лэнсомъ. Нѣкоторое время они шли молча. Вдругъ Лэнсъ обернулся къ своей спутницѣ.

— Вѣдь вы не вѣрите всей этой чепухѣ про алмазы?

Флипъ ускорила шаги, видимо избѣгая отвѣта.

— Надѣюсь, что старикъ не всегда угощаетъ васъ такими помоями? продолжалъ Лэнсъ, становясь все грубѣе, по мѣрѣ того, какъ въ немъ закипала злоба.

— А вамъ какое дѣло? возразила Флипъ, перепрыгивая съ камня на камень, чтобы перебраться черезъ ложе изсякшаго ручья.

— Такъ, стало быть, вы покровительница и благодѣтельница всѣхъ негодяевъ, которымъ случится забрести въ эти мѣста! продолжалъ Лэнсъ, не скрывая своего раздраженія.—Сколько такихъ молодцовъ вы уже провожали по этой дорогѣ?

— Въ прошломъ году въ этомъ лѣсу укрылся китаецъ, котораго преслѣдовали ирландцы. Онъ такъ перетрусилъ, что ни за что не рѣшался выйти и умеръ бы съ голоду, еслибъ не я. Я вытащила его оттуда насильно и довела до вершины горы. По большой дорогѣ онъ не пошелъ-бы ни за что на свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ никто не проходилъ... кромѣ васъ.

— Самое подходящее дѣло для дѣвушки связываться со всякою сволочью, водиться съ бродягами, съ негодяями. съ нищими? воскликнулъ Лэнсъ съ возростающей злобой.

Флипъ остановилась.

— Если вы станете говорить съ мной, какъ батя, я убѣгу; вотъ и все!

Странность подобнаго сравненія поразила Лэнса еще

больше, чѣмъ мысль о своей собственной неблагодарности. Онъ поспѣшилъ увѣрить Флипъ, что онъ только пошутилъ. Помирившись, они опять разговорились. Лэнсъ настолько забылъ о себѣ самомъ, что разспросилъ дѣвушку о нѣкоторыхъ деталяхъ ея жизни, не имѣвшихъ ничего общаго съ его личными интересами. Мать ея умерла, когда она была еще груднымъ ребенкомъ, а братъ двѣнадцати лѣтъ убѣжалъ изъ родительскаго дома. Она разсчитывала встрѣтиться съ братомъ, и надѣялась, что онъ когда-нибудь, совершенно неожиданно, появится въ долинѣ.

— Не поэтому-ли вы съ такимъ участіемъ относитесь ко всѣмъ бродягамъ? сказалъ Лэнсъ.—Вы думаете, что кто-нибудь изъ нихъ можетъ оказаться вашимъ братомъ?

— Можетъ быть, поэтому, серьезно возразила Флипъ;— а можетъ и по другой причинѣ. Между этими бродягами есть люди, которые случайно могутъ встрѣтиться съ моимъ братомъ и ради меня оказать услугу ему.

— Я, напримѣръ? спросилъ Лэнсъ.

— Да хоть-бы и вы... Вѣдь вы-бы это сдѣлали... при случаѣ, не правда-ли?

— Еще-бы! воскликнулъ Лэнсъ съ такимъ волненіемъ, которое удивило даже его самого.—Не слѣдуетъ вамъ только распинаться для каждаго... безъ разбора!

Его мучило смутное чувство ревности. Онъ спросилъ ее, возвращались-ли когда-нибудь ея протеже?

— Нѣтъ! отвѣчала Флипъ. — Ни одинъ изъ нихъ! Это доказываетъ, наивно прибавила она,—что я помогла имъ и что они не нуждаются во мнѣ болѣе. Не правда-ли?

— Разумѣется! угрюмо отвѣтилъ Лэнсъ.—А есть у васъ такіе друзья, которые приходятъ къ вамъ?

— Только почтмейстеръ съ «Распутья» приходитъ иногда.

— Почтмейстеръ?

— Да!.. Въ будущемъ году онъ думаетъ жениться на мнѣ, если я выросту къ тому времени.

— А вы-то сами что думаете? строго спросилъ ее Лэнсъ.

Флипъ на нѣсколько ладовъ пожала плечами, забѣжала впередъ, набрала нѣсколько камешковъ, принялась бросать ихъ въ чащу, затѣмъ, наполовину обернувшись къ Лэнсу, устремила на него кокетливый взглядъ своихъ влажныхъ веснушчатыхъ глазъ, и наконецъ выговорила:

— Какъ-же! Такъ я сейчасъ и скажу вамъ.

Тѣмъ временемъ они дошли до мѣста, гдѣ нужно было разстаться.

— Смотрите! сказала Флипъ, указывая ему на тропинку, которая, слегка уклонившись отъ дороги, казалось, вскорѣ терялась въ чащѣ; — вотъ ваша дорога. Дальше она идетъ шире и ровнѣе; но вамъ теперь нужно пріучить къ ней глаза, чтобы потомъ распознать ее въ туманѣ... Прощайте!

— Прощайте! Лэнсъ взялъ ее за руку и привлекъ къ себѣ. Отъ нея еще вѣяло ароматомъ душистой рощи, и возбужденному воображенію молодаго человѣка она представилась живымъ воплощеніемъ опьяняющихъ благоуханій ея родного лѣса. Полушутя, полусерьезно онъ попытался поцѣловать ее; сначала она сильно сопротивлялась, но, подъ конецъ, сдалась и слегка отвѣтила на его ласку. Невѣдомый огонь пробѣжалъ по его жиламъ и заставилъ его содрогнуться. Смущенный и озадаченный, онъ неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами за убѣгавшей дѣвушкой, любуясь ея станомъ, гибкимъ, какъ у молодой нимфы, пока она не скрылась въ лѣсу. Тогда онъ быстро отвернулся и пошелъ по узкой тропинкѣ. Зрѣніе у него было хорошее, шелъ онъ быстро и не сбивался съ тропинки, ведущей на вершину горы.

За то Флипъ еще не скоро вернулась домой. Войдя въ лѣсъ, она пробралась къ нависшей надъ обрывомъ опушкѣ и старалась разглядѣть на противуположномъ склонѣ ущелья очертанія фигуры Лэнса, которая то появлялась, то снова исчезала подъ вѣтвями деревьевъ или за извилинами горной тропинки. Въ ту минуту, когда онъ, наконецъ, достигъ вершины, поднялся туманъ, окуталъ Лэнса своими объятіями и скрылъ его фигуру отъ взоровъ дѣвушки. Флипъ вздохнула, поднялась съ земли, поставила сперва одну, потомъ другую ногу на древесный стволъ и принялась натягивать свои короткіе чулки. Она старалась спустить пониже свою юбку, и, насколько возможно, уменьшить разстояніе между оборкою платья и каемкой чулокъ, вздохнула во второй разъ и пошла домой.

III.

Въ продолженіи шести мѣсяцевъ неизмѣнный туманъ ежедневно появлялся и исчезалъ на монтерійскомъ поморьѣ; въ продолженіи шести мѣсяцевъ каждый вечеръ бѣлые легіоны его осаждали цѣпь береговыхъ горъ, приступомъ брали вершины и каждое утро регулярно отступали передъ копьями восходящаго солнца. Въ продолженіи шести мѣсяцевъ блѣдная завѣса, которая когда-то окутала Лэнса, каждый вечеръ разстилалась надъ землею, а его все не было. Веселый бѣглецъ не нуждался болѣе въ убѣжищѣ или въ перемѣнѣ одежды. Рука правосудія, загнавшая его въ горы, не тяготѣла надъ нимъ болѣе, и преслѣдованія вскорѣ прекратились. Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю, судебное слѣдствіе выяснило, что убійство было не предумышленное и сводилось къ простой дуэли между двумя одинаково вооруженными и одинаково рѣшительными противниками. Отыскавъ себѣ надежный пріютъ въ

одномъ изъ приморскихъ городовъ, Лэнсъ потребовалъ, чтобы его подвергли суду присяжныхъ, и, въ качествѣ несправедливо осужденнаго, бѣжавшаго отъ своихъ палачей, добился, чтобъ его судили въ другомъ городѣ. Высшая судебная инстанція кассировала рѣшеніе низшей, какъ неправильное и слишкомъ поспѣшное: Лэнсъ былъ освобожденъ и сданъ на поруки.

Почтмейстеръ «Рыбачьяго распутья» только-что получилъ еженедѣльный транспортъ писемъ и пакетовъ изъ Санъ-Франциско и принялся ихъ разсматривать. Всего на всего было пять писемъ и два пакета. На обоихъ пакетахъ и на трехъ письмахъ значились имя и адресъ Флипъ. За послѣдніе шесть мѣсяцевъ, это случалось не въ первый разъ, и любопытство всего «Распутья» было возбуждено до крайности. Но такъ какъ Флипъ никогда не приходила сама за своими посылками, а всегда посылала за ними кого-нибудь изъ знакомыхъ, или просила доставить ихъ при случаѣ, то любопытство такъ и оставалось неудовлетвореннымъ. Почтмейстеръ, человѣкъ уже почтенныхъ лѣтъ, отличался сантиментальною натурою. Онъ посмотрѣлъ на пакеты, на письма, потомъ взглянулъ на часы;—было еще рано, онъ могъ успѣть вернуться домой къ полудню. Взглянулъ онъ на адреса: почеркъ былъ тотъ-же самый, что и на прежнихъ письмахъ. Онъ рѣшилъ самъ отнести посылки и письма. Чтобы выразить поэтическій, идеальный характеръ своей миссіи, онъ надѣлъ свѣжую рубашку, повязалъ голубенькій галстукъ и захватилъ съ собою мѣшочекъ сухарей съ инбиремъ, до которыхъ Флипъ была большая охотница.

Чтобы добраться до ранчо старика Фэрли, нужно было ѣхать почтовою дорогою вплоть до лѣса «Джинъ съ инбиремъ»; тамъ благоразумный всадникъ обыкновенно оставлялъ свою лошадь и шелъ дальше пѣшкомъ, по едва замѣтной тропинкѣ. Въ этомъ мѣстѣ почтмейстеръ

вдругъ замѣтилъ на опушкѣ лѣса изящно одѣтую даму, которая медленно, не торопясь, шла по тропинкѣ; одной рукой, затянутой въ перчатку, она слегка приподнимала юбки, въ другой держала хлыстъ. Что это? Откуда она взялась? Не явилась-ли сюда на пикникъ какая нибудь компанія изъ Монтери или изъ Санта-Крупъ? Во всякомъ случаѣ, зрѣлище было настолько ново, что слѣдовало подойти поближе и посмотрѣть. Но незнакомка внезапно скрылась въ лѣсу и болѣе не появлялась. Почтмейстеръ вспомнилъ, что идетъ къ Флипъ и ускорилъ шаги; къ тому-же, все его вниманіе приковала къ себѣ тропинка, которая становилась все уже и круче. Лучи солнца падали почти вертикально, когда онъ вступилъ въ ущелье и увидѣлъ крышу хижины изъ сосновой коры. Почти въ ту-же минуту Флипъ, красная и запыхавшаяся, появилась на тропинкѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

— У васъ есть что-нибудь для меня? спросила она, указывая на пакеты и письма.

Захваченный врасплохъ, почтмейстеръ машинально передалъ ей принесенное, но тотчасъ раскаялся въ этомъ.

— Они франкированы, замѣтила Флипъ, замѣтивъ, что онъ какъ будто ждетъ чего-то.

— О, да, пробормоталъ почтмейстеръ, теряя всякую надежду познакомиться съ содержимымъ пакетовъ;— но я думалъ, что вещи, быть можетъ, цѣнныя, и что вы захотите убѣдиться въ ихъ цѣлости, прежде чѣмъ распишетесь въ полученіи.

— Все равно, успѣю разсмотрѣть послѣ, спокойно сказала Флипъ;—если чего-нибудь не достаетъ, я увѣдомлю васъ.

Видя, что молодая дѣвушка собирается уходить, почтмейстеръ вздумалъ перемѣнить разговоръ.

— Давненько мы уже не имѣли удовольствія видѣть

васъ на «Распутьѣ», началъ онъ развязнымъ, любезнымъ тономъ.— Говорятъ, будто за вами ухаживаетъ нѣкто Броунъ и въ виду такой чести вы уже не желаете удостоить насъ своимъ посѣщеніемъ.

Индивидъ, о которомъ шла рѣчь, былъ мѣстный мясникъ. Безнадежная страсть его къ Флипъ выражалась тѣмъ, что онъ каждую недѣлю дѣлалъ большой крюкъ, чтобы зайти въ оврагъ освѣдомиться, не будетъ-ли заказовъ. Флипъ даже не сочла нужнымъ опровергать.

— Кромѣ того, я думалъ, что у васъ, можетъ быть, гости. Наверху, въ гостинницѣ, собралось, кажется, много народа. Намедни я видѣлъ въ лѣсу удивительно шикарную дамочку... первый сортъ! Ужасно нравятся мнѣ такія плутовки... И доложу вамъ — какія манеры, какая грація! Совсѣмъ въ моемъ вкусѣ. Прелесть!

Говоря, почтмейстеръ не сводилъ глазъ съ поношеннаго домашняго платья дѣвушки и былъ вполнѣ увѣренъ, что пробудилъ чувство ревности въ сердцѣ Флипъ; но вдругъ глаза его встрѣтились съ ея пытливымъ внимательнымъ взглядомъ.

— Странно, что я еще не видала ея, замѣтила она холодно, взяла пакетъ и собралась уходить, не подумавъ даже поблагодарить почтмейстера за такое отступленіе отъ оффиціальныхъ обязанностей.

— Вы можете ее видѣть въ лѣсу «Джинъ съ инбиремъ», если желаете прогуляться со мною туда, продолжалъ почтмейстеръ, дѣлая слабую попытку удержать ее.

Не отвѣтивъ ни слова, Флипъ отправилась къ хижинѣ. Собесѣдникъ ея смиренно послѣдовалъ за нею, пробормотавъ, что «отъ нечего дѣлать» зайдетъ къ ея отцу.

Старикъ Фэрли, убѣдившись, что на этотъ разъ спутникъ его дочери не имѣетъ въ виду сорвать съ него денежное или другое матеріальное вспомоществованіе, простеръ свою любезность даже до конфиденціальной

бесѣды; Флипъ воспользовалась случаемъ и убѣжала. Какъ всѣ ограниченные люди, онъ обладалъ несчастною способностью преувеличивать всякую мелочь; изъ словъ его почтмейстеръ вывелъ заключеніе, что мясникъ настойчиво и постоянно ухаживаетъ за Флипъ. Ему не пришло въ голову, что со стороны мясника было-бы глупо посылать по почтѣ то, что онъ могъ такъ легко передать лично; напротивъ, онъ счелъ это высшимъ доказательствомъ его хитрости и пронырства; терзаемый ревностью и взбѣшенный равнодушіемъ Флипъ, онъ прибѣгнулъ къ подлой манерѣ всѣхъ доносчиковъ и «счелъ своимъ долгомъ» выдать молодую дѣвушку, разсказавъ отцу про получаемые ею подарки.

Къ счастію, она ничего не подозрѣвала. Выбѣжавъ изъ хижины, съ пакетомъ перекинутымъ какъ сумка черезъ плечо, она углубилась въ чащу, потомъ свернула съ тропинки и стала пробираться сквозь густой кустарникъ, руководимая безошибочнымъ инстинктомъ молодаго животнаго, карабкаясь съ легкостью и увѣренностью птицы по самымъ крутымъ обрывамъ. Вскорѣ она достигла того мѣста, гдѣ чувствительный почтмейстеръ увидалъ очаровательную незнакомку. Убѣдившись, что за нею никто не слѣдитъ, она пробралась сквозь чащу къ небольшому ручейку и бассейну, въ которомъ когда-то купался Лэнсъ. Кругомъ были видны слѣды позднѣйшихъ и болѣе частыхъ посѣщеній, а когда Флипъ, отодвинувъ нѣсколько вѣтокъ и кусковъ коры обнаружила небольшую яму въ изгибѣ скалы и вынула оттуда нѣсколько тщательно сложенныхъ принадлежностей туалета, то стало ясно, что этотъ тѣнистый уголокъ служитъ ей уборною. Она вскрыла свой пакетъ. Въ немъ оказался небольшой платочекъ изъ желтаго китайскаго крепа, Флипъ сейчасъ накинула его себѣ на плечи, потомъ быстро пошла къ опушкѣ и стала передъ большимъ толстымъ деревомъ. То приближаясь, то отступая, она во

что-то пристально вглядывалась. Съ перваго взгляда трудно было понять, что она дѣлаетъ, но присмотрѣвшись внимательнѣе, можно было замѣтить большой четвероугольный кусокъ оконнаго стекла, вставленный между двумя расходящимися вѣтками. Наклонъ его былъ разсчитанъ такъ удачно, что въ немъ отражался, какъ въ зеркалѣ Клода Лоррена; не только силуэтъ молодой дѣвушки, но и золотисто-зеленый фонъ, на которомъ онъ рисовался, а далѣе—зубчатыя вершины береговаго хребта.

Но это очевидно была только прелюдія къ болѣе серьезной операціи. Флипъ возвратилась къ ручейку, вынула изъ своей сокровищницы большой кусокъ сѣраго мыла и нѣсколько метровъ грубой парусины, положила и то, и другое на край бассейна и еще разъ посмотрѣла, нѣтъ-ли кого по близости. Убѣдившись, что ничья дерзкая нога не проникла въ ея дѣвственное убѣжище, она приблизилась къ своей ваннѣ и начала раздѣваться. Легкій вѣтерокъ едва слышно зашелестѣлъ листвой деревъ, будя сестеръ ея, нимфъ и наядъ; нимфы проснулись, сплели своими воздушными пальцами зеленое покрывало и развернули надъ дѣвушкой зыбкую пелену изъ трепещущихъ лучей, волнистыхъ тѣней и тѣсно переплетенныхъ вѣтокъ, которыя окутали ее цѣломудреннымъ лѣснымъ мракомъ, чтобы ни любопытный богъ, ни нескромный смертный не оскорбили ее дерзкимъ взглядомъ. За этою священною пеленою слышались нѣжные звуки жемчужнаго смѣха и журчанье воды, коегдѣ изъ подъ ліаны сверкала бѣлая нога, солнечный лучъ скользилъ по упругому, свѣжему тѣлу, по строгимъ и чистымъ очертаніямъ полудѣтской груди.

Нѣсколько спустя, лиственная завѣса опять распахнулась и появилась Флипъ—но совсѣмъ другая, преображенная. То была незнакомка, которая такъ обворожила почтмейстера — стройная, высокая, граціозная женщина, одѣтая со вкусомъ и по модѣ. То была Флипъ, но Флипъ,

*

внезапно выросшая, благодаря длинной юбкѣ и модному платью, плотно и изящно охватывавшему ея фигуру; веснушки не исчезли, разумѣется, но желтый фонъ платья эффектно оттѣнялъ ея смуглое, пикантное личико; глаза ея блестѣли и сіяли,—она казалась видимымъ воплощеніемъ всѣхъ благоуханій лѣса. Я не стану утверждать, что анонимная портниха, работавшая для нея, была непогрѣшима, или что вкусъ Лэнса Гэрріота былъ всегда безупреченъ, но костюмъ дѣвушки былъ красивъ и, притомъ, не смотря на яркость цвѣтовъ, ничуть не бросался въ глаза на яркомъ фонѣ горнаго склона, на которомъ усѣлась Флипъ.

Помѣщавшееся между вѣтвями волшебное зеркало овладѣло ею и нѣсколько времени не выпускало изъ глубины своей ея изображенія, переселившагося туда вмѣстѣ съ голубымъ небомъ, зеленою листвою, со всѣми прелестями окружавшей ее природы. Вѣтеръ ласково игралъ ея волосами и свѣтлыми лентами ея соломенной шляпы.

Вдругъ она вздрогнула и притаила дыханіе: вдали, пониже того мѣста, гдѣ она сидѣла, послышался слабый шумъ, неуловимый для менѣе чуткаго слуха. Она быстро встала и скрылась въ лѣсу.

Прошло минутъ десять. Солнце садилось, бѣлый туманъ всползалъ по склонамъ хребта, когда на опушкѣ лѣса появилась Сандрильона въ своемъ затрапезномъ платьѣ, превращенная жезломъ волшебницы въ прежнюю невзрачную дѣвушку. Урочный часъ пробилъ, чары разсѣялись. Въ то мгновеніе, какъ она скрылась на поворотѣ тропинки, вѣтеръ тряхнулъ волшебнымъ зеркаломъ,—оно скользнуло на землю и превратилось въ кусокъ простого стекла.

IV.

Событія этого дня крайне странно отразились на физіономіи угольщика Фэрли. Необычайное напряженіе мысли заставило его усиленно тереть себѣ лобъ; благодаря этому, по серединѣ его появилось свѣтлое пятно, окруженное постепенно густѣвшею тѣнью, что придавало всему лбу видъ правильнаго полушарія. Этотъ внушительный лобъ встрѣтилъ Флипъ съ выраженіемъ упрека, какъ подобаетъ обманутому товарищу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ грознымъ видомъ, какъ приличествовало отцу, оскорбленному въ присутствіи третьяго лица, притомъ-же почтмейстера.

— Хорошо, нечего сказать! Такъ ты изволишь тайкомъ получать посылки и письма? началъ онъ.

Флипъ бросила быстрый полный презрѣнія взглядъ на почтмейстера; тотъ вдругъ завертѣлся на своемъ мѣстѣ, весь съежился, пробормоталъ, что ему «пора», и всталъ. Но старикъ, разсчитывавшій на его нравственную поддержку и, очевидно, уже начинавшій ненавидѣть своего гостя за то, что онъ подбилъ его на объясненіе съ дочерью, которой онъ побаивался, энергично запротестовалъ:

— Что вы, что вы? Садитесь! Вѣдь вы-же—свидѣтель, истерически взвизгнулъ онъ.

Хуже онъ не могъ ничего придумать.

— Свидѣтель? презрительно повторила Флипъ.

— Да, свидѣтель! Вѣдь это онъ передавалъ тебѣ пакеты и письма.

— Развѣ они предназначались не для меня? спросила Флипъ.

— Да, сконфуженно пробормоталъ почтмейстеръ, — конечно, для васъ.

— Можетъ быть, ты заявляешь на нихъ претензію? продолжала она, обращаясь къ отцу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ старикъ.

— Можетъ быть,—вы? спросила она рѣзко, подступая къ почтмейстеру.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, хладнокровно продолжала дѣвушка,—если ни вы, ни отецъ не заявляете на нихъ никакой претензіи, я полагаю, что чѣмъ меньше вы будете говорить объ этомъ, тѣмъ лучше.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, правда! сказалъ старикъ, постыдно покидая своего союзника.

— Почему-же она не говоритъ, что это́ за посылки и кто ихъ посылаетъ, если дѣло совершенно чисто? сказалъ почтмейстеръ.

— Да, нерѣшительно повторилъ старикъ,—отчего ты, Флипъ, этого не говоришь?

Не отвѣчая прямо на вопросъ, Флипъ накинулась на отца.

— А помнишь, какой крикъ ты, бывало, поднималъ каждый разъ, когда въ ранчо заходилъ какой-нибудь бродяга и я ему что-нибудь подавала? Неужели теперь ты затѣешь исторію и позволишь этому человѣку одурачить себя изъ-за того только, что одинъ изъ такихъ прохожихъ, наконецъ, посылаетъ намъ въ благодарность два-три подарка?

— Вѣдь это не я, Флипъ, взмолился старикъ, бросая гнѣвные взгляды на изумленнаго почтмейстера—это не я. Я всегда говорилъ: бросай хлѣбъ хоть въ воду, онъ вернется назадъ съ обратною почтою. Вообще я вижу, что правительство начинаетъ слишкомъ ужъ важничать! Чиновники черезчуръ разжирѣли на казенныхъ хлѣбахъ; не мѣшало бы имъ держать себя поскромнѣе; вѣдь скоро выборы.

— Ты-бы лучше спросилъ, продолжала Флипъ, не глядя на смущеннаго гостя:—не затѣмъ-ли одинъ изъ этихъ чиновниковъ шляется въ ранчо, чтобы соблазнить дѣвушку, ростомъ этакъ съ меня, или высмотрѣть, какъ ты дѣлаешь алмазы? Не думаю, чтобы онъ заходилъ въ каждый домъ справляться, кто отъ кого получаетъ письма!

Почтмейстеръ, очевидно, ошибся въ разсчетѣ; онъ не принялъ во вниманіе безхарактерности старика и не зналъ, какъ искусно дочка умѣетъ пользоваться отцовской слабостью. Онъ совсѣмъ не ожидалъ отъ Флипъ такого дерзкаго, самоувѣреннаго отпора. Оба направленныя противъ него обвиненія произвели желаемое впечатлѣніе на угольщика; онъ вскочилъ съ мѣста, въ припадкѣ эпилептической ярости, и почтмейстеръ поспѣшилъ убраться подобру, по-здорову. Старикъ съ бранью и проклятіями послѣдовалъ за нимъ и выскочилъ-бы на улицу, еслибы Флипъ не удержала его.

Пристыженный и разбитый на всѣхъ пунктахъ, злополучный почтмейстеръ направился домой, но счастье въ послѣднюю минуту все-таки улыбнулось ему. Возлѣ рощи «Джинъ съ инбиремъ» онъ нашелъ на землѣ письмо, которое выпало изъ кармана Флипъ. Онъ узналъ почеркъ и не поцеремонился прочитать письмо. Это было не любовное посланіе, во всякомъ случаѣ—не такое любовное посланіе, какое написалъ-бы онъ самъ; въ немъ не было ни имени, ни адреса корреспондента дѣвушки; тѣмъ не менѣе, почтмейстеръ съ жадностью прочелъ слѣдующее:

«Можетъ быть, вы поступаете очень благоразумно, не желая наряжаться для всякой сволочи изъ «Распутья», или для какихъ-нибудь бродягъ, которые шляются около вашего ранчо. Сберегите всѣ ваши финтифлюшки до того времени, какъ я пріѣду. Не могу вамъ сказать, когда это будетъ; врядъ-ли до наступленія сезона дождей. Но, во всякомъ случаѣ, скоро. Не забывайте своего обѣщанія не

связываться съ первымъ попавшимся бродягою и держать себя съ ними построже. И не давайте имъ такъ много. Я, дѣйствительно, два раза посылалъ вамъ шляпу. Отправляя вторую, я совсѣмъ забылъ про первую. Но, во всякомъ случаѣ, я бы на вашемъ мѣстѣ не отдалъ шляпы, которая стоитъ десять долларовъ, какой-нибудь негритянкѣ ради того только, что у нея больной ребенокъ, а у меня—лишняя шляпа. Какое вамъ дѣло до этого ребенка! Забылъ я справиться, можно-ли носить юбку отдѣльно; надо будетъ поразспросить объ этомъ портниху. Только я думаю, что вамъ понадобится еще многое, кромѣ юбки и кофты; по крайней мѣрѣ, я такъ думаю, судя по здѣшнимъ туалетамъ. Сомнѣваюсь, чтобы можно было отправить вамъ фортепіано: отъ старика этого не скроешь, и онъ подниметъ дьявольскій крикъ. Я обѣщалъ вамъ, что оставлю его въ покоѣ, смотрите-же, не забывайте и вы своихъ обѣщаній. Очень радъ, что вы дѣлаете успѣхи въ стрѣльбѣ изъ револьвера; жестяные кружки на пятнадцать шаговъ—недурно; но, попробуйте-ка теперь попасть во что-нибудь подвижное. Забылъ сообщить вамъ, что напалъ на слѣдъ вашего старшаго брата. Три года тому назадъ онъ былъ въ Аризонѣ. Пріятель, который передалъ мнѣ это, не особенно распространялся насчетъ того, что они тамъ дѣлали, но, кажется, они оба теплые ребята. Если онъ живъ, можете прозакладывать голову, что я отыщу его? Вѣтку божьяго дерева и yerba buena получилъ; ихъ запахъ напомнилъ мнѣ васъ. Скажите, Флипъ, помните-ли вы послѣднее, с а м о е п о с л ѣ д н е е, что было между нами, когда мы прощались на тропинкѣ? Сохрани Богъ, если я когда-нибудь узнаю, что вы позволили другому человѣку цѣловать...»

Но въ этомъ мѣстѣ почтмейстеръ бросилъ письмо и энергически выругался, чтобы дать исходъ своему добродѣтельному негодованію. Изъ всего письма въ памяти его

удержались только двѣ вещи: во-первыхъ, у Флипъ былъ пропавшій безъ вѣсти братъ; во-вторыхъ, у нея несомнѣнно былъ любовникъ.

Передала-ли Флипъ своему отцу содержаніе этого и предыдущихъ писемъ,—не знаю. Если она о чемъ-нибудь умолчала, то развѣ только о тайнѣ, касавшейся самого Лэнса; впрочемъ, она и сама имѣла о ней лишь смутное понятіе. Во всемъ, что касалось ея лично, она была искренна, хотя далеко не сообщительна, и выраженіе робкаго упрямства не покидало ея лица даже въ разговорахъ съ отцомъ. Старикъ вполнѣ и во всемъ подчинялся ей; но именно тогда, когда торжество ея было самое полное, она казалась болѣе всего смущенною; она ставила на своемъ, не повышая голоса и не подымая глазъ; въ минуту окончательной побѣды она скорѣе казалась виноватою и пристыженною, и обыкновенно заканчивала разговоръ едва слышнымъ голосомъ, нашептывая что-то про себя и сопровождая слова ей одной понятными жестами.

Открытіе странныхъ отношеній между его дочерью и неизвѣстнымъ мужчиною, обмѣнъ подарковъ и интимныхъ изліяній, казалось, внезапно пробудили въ старикѣ Фэрли смутное сознаніе какого-то неисполненнаго долга по отношенію къ дочери. Первое, въ чемъ выразилось это чувство у безхарактернаго старика, была глухая злоба противъ виновницы этого. Онъ отводилъ душу въ длинныхъ монологахъ, распространяясь насчетъ того, какъ удобно приготовлять алмазы, когда вокругъ рыщутъ всякіе проходимцы, сующіе свой носъ туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ; насчетъ безнравственности всякихъ тайнъ и заговоровъ и вліянія ихъ на обжиганіе углей, насчетъ шпіоновъ и «змѣй», пригрѣваемыхъ у домашняго очага, и насчетъ преступныхъ, таинственныхъ совѣщаній, изъ которыхъ исключенъ сѣдовласый отецъ. Правда, достаточно было одного слова или взгляда Флипъ, чтобы старикъ оборвалъ

свою рѣчь и трусливо стушевался, но, тѣмъ не менѣе, монологи эти производили на нее тяжелое впечатлѣніе. Современемъ къ нимъ присоединились притворная покорность и самоуничиженіе. «Къ чему совѣтоваться съ старикомъ,—говорилъ онъ, напримѣръ, когда дѣло шло о покупкѣ копченаго сала,—у молодой дѣвушки найдутся совѣтчики и помимо него». Вопросъ о возобновленіи запаса муки вызывалъ такой-же смиренный отвѣтъ: «Если тебѣ еще не написали, гдѣ купить муку, спроси любаго прохожаго—хороша-ли она на мельницѣ въ Санта-Круцъ, а меня, старика, не трогай!» Если Флипъ случалось разговаривать съ мясникомъ, Фэрли спѣшилъ отойти въ сторону, — язвительно заявляя, что «не желаетъ вмѣшиваться въ ихъ секреты».

Эти признаки психической слабости отца повторялись не настолько часто, чтобы внушить Флипъ серьезныя опасенія; но она не могла не замѣтить перемѣны въ отцѣ. Онъ сталъ необычайно серьезенъ, слѣдилъ за нею съ безпокойною заботливостью, часто возвращался съ работы раньше обыкновеннаго, а по утрамъ долго возился возлѣ хижины. Онъ приносилъ совершенно безполезные, ненужные подарки и вручалъ ихъ дочери съ какимъ-то нервнымъ безпокойствомъ, плохо скрываемымъ подъ безпечной маской родительской щедрости.

— Вотъ я купилъ для тебя кое-что въ «Распутьѣ», говорилъ онъ небрежно и отходилъ въ сторону, чтобы прослѣдить, какой эффектъ произведутъ на нее пара громадныхъ башмаковъ или мѣховая шапка, купленная въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Онъ взялъ-бы для нея на прокатъ комнатный органъ, если-бы не узналъ, повидимому съ нѣкоторымъ удивленіемъ, что она не умѣетъ играть на органѣ. Въ началѣ онъ безъ всякаго волненія услышалъ о томъ, что отысканъ слѣдъ его давно пропавшаго сына, но, нѣсколько времени спустя, уже говорилъ объ его воз-

вращеніи, какъ о событіи, которое наступитъ несомнѣнно и осуществитъ, наконецъ, его желаніе, чтобы у Флипъ былъ въ домѣ товарищъ.

— Понятное дѣло, когда съ тобою будетъ твоя же плоть и кровь, ты уже не будешь вѣшаться на шею чужимъ.

Боюсь, что эти осенніе цвѣты отцовскаго чувства расцвѣли слишкомъ поздно, чтобы произвести серьезное впечатлѣніе на Флипъ, преждевременно созрѣвшую, благодаря равнодушію и эгоизму отца. Но сердце у нея было доброе, и, видя, что онъ серьезно озабоченъ, она рѣже покидала его, даже посѣщала старика въ священномъ уединеніи алмазной ямы и, погрузившись въ свои думы, разсѣянно слушала, какъ онъ ворчалъ на все, что находилось за предѣлами его дымной лабораторіи. Это терпѣливое равнодушіе соединялось съ внезапною прихотливою перемѣною въ ея собственныхъ привычкахъ. Она уже не находила удовольствія въ своихъ прежнихъ переодѣваніяхъ, убрала самыя драгоцѣнныя принадлежности своего туалета, и перестала бывать въ своемъ зеленомъ лиственномъ будуарѣ. Иногда она гуляла по склону холма и часто ходила по тропинкѣ, по которой вела когда-то Лэнса въ отцовскій ранчо. Разъ или два она доходила до того мѣста, гдѣ они разстались, и каждый разъ возвращалась смущенная, съ опущеннымъ взоромъ, съ ярко пылающими щеками. Этотъ ли первый житейскій опытъ былъ тому причиной или таинственный инстинктъ зрѣющей женственности, но только въ глазахъ ея появилось новое особое выраженіе, которое сводило съ ума обоихъ ея обожателей, мясника и почтмейстера, и Флипъ, сама того не подозрѣвая, прославилась на всю долину. Невѣроятные разсказы объ ея обворожительныхъ прелестяхъ привлекали посѣтителей даже изъ дальнихъ мѣстъ. Можно себѣ пред-

ставить, какое впечатлѣніе производили эти посѣщенія на ея отца. Самъ Лэнсъ не могъ-бы пожелать для дѣвушки болѣе ревностнаго сторожа. Многіе, наслушавшись разсказовъ объ этой лѣсной жемчужинѣ, являлись взглянуть на нее, но, къ сожалѣнію, убѣждались, что она охраняется слишкомъ ревниво.

V.

Долгое, сухое лѣто приближалось къ своему пыльному концу. Оно разсыпалось и разсѣялось мелкою пылью по тропинкамъ и большимъ дорогамъ; высохло, подобно жесткимъ, хрупкимъ волокнамъ растеній, покрывающихъ горы и равнины; испарилось въ облакахъ дыма и въ красномъ пламени, окутавшемъ горящіе лѣса. Туманы, осаждавшіе по вечерамъ склоны береговаго хребта, съ каждымъ днемъ рѣдѣли и, наконецъ, исчезли. Вмѣсто сѣверо-восточнаго вѣтра, подулъ юго-западный; соленое дыханіе моря доносилось до самой вершины; и вотъ, однажды, невозмутимо ясное небо поддернулось едва замѣтною, таинственной дымкой, какъ будто въ глубинѣ его пробѣжала легкая зыбь. На слѣдующій день, когда занялась заря небо совсѣмъ уже измѣнило свой видъ, измѣнились очертанія горъ, лѣса, долины; все расплылось въ туманѣ; шелъ дождь.

Такимъ образомъ, прошло четыре недѣли; только изрѣдка сквозь тучи проглядывало солнце, виднѣлся клочекъ темнаго голубаго неба. Затѣмъ начались бури. Горныя сосны и лиственницы каждый день трещали и ломились подъ ураганомъ. Порою казалось, что яростный вѣтеръ отогналъ безконечный дождь; порою, напротивъ, цѣлыя волны дождя скатывались по взмокшимъ склонамъ горъ. Скрытые потоки, о существованіи кото-

рыхъ никто не подозрѣвалъ, внезапно наводняли дороги, лужи превращались въ озера, ручьи — въ рѣки. Мирное безмолвіе тихихъ тѣнистыхъ долинъ было нарушено неистовымъ ревомъ воды; даже узенькій ручеекъ въ рощѣ «Джинъ съ инбиремъ» разлился въ водопадъ.

Завыванія бури рано подняли съ постели старика Фэрли. Толстая ель повалилась и легла поперекъ тропинки; небольшой ручеекъ возлѣ нея выступилъ изъ береговъ; надо было поторопиться. Но вскорѣ глазамъ его представилось другое, болѣе непріятное для него зрѣлище,—человѣческая фигура. По мокрымъ лохмотьямъ, то прилипавшимъ къ тѣлу, то развѣвавшимся по вѣтру, по длиннымъ, нечесаннымъ волосамъ, закрывавшимъ лицо и глаза, по странной, криво надѣтой шляпѣ, старикъ узналъ въ этой фигурѣ одного изъ давнишнихъ враговъ своихъ—индійскую нищую.

— Убирайся-ка по-добру, по-здорову, — крикнулъ онъ, выходя изъ себя, но порывъ вѣтра захватилъ ему дыханіе и отбросилъ его къ кусту орѣшника.

— Больна... очень...—отвѣчала индіанка, дрожа какъ листъ, подъ своею взмокшею шалью.

— Ты у меня еще не такъ заболѣешь!—продолжалъ Фэрли, подходя къ ней ближе.

— Хочу видать дѣвушка Уонжи; дѣвушка Уонжи дастъ ѣсть...

— Провалиться бы тебѣ сквозь землю! — пробормоталъ старикъ, но вдругъ его озарила мысль, и онъ принялся осторожно выспрашивать нищую:

— Можетъ быть, ты принесла ей подарокъ? А? Что? Не поручили-ли тебѣ передать дѣвушкѣ Уонжи какихъ-нибудь красивыхъ вещицъ?—продолжалъ онъ коварно.

— Мнѣ есть орѣхи, зерна; спрятано вѣрна мѣста,— отвѣтила женщина.

— Ну да, конечно, конечно, такъ и есть!—заревѣлъ

Фэрли.—Твое вѣрное мѣсто въ двухъ миляхъ отсюда; я всю эту штуку ужь наизусть знаю; ты сходишь за своими запасами, если тебѣ дадутъ пол-доллара, — впередъ, конечно... Небось, не проведешь!

— Буду водить туда дѣвушка Уонжи, — продолжала индіанка, указывая на лѣсъ.—Я честна индіанка.

Новая блестящая мысль озарила Фэрли. Но надо было сначала хорошенько обдумать все. Таща за собою нищую, подъ проливнымъ дождемъ, онъ достигъ загона и остановился здѣсь подъ навѣсомъ. Напрасно несчастное, дрожащее созданіе, прижимая къ груди своего ребенка, плотно завернутаго въ какія-то лохмотья, бросало тоскливые взоры по направленію къ дому, угольщикъ приказалъ ей стоять здѣсь, прислонившись къ забору, и началъ излагать свои хитроумные планы. Она обязана будетъ день и ночь сторожить ранчо и, въ особенности, молодую госпожу.

— Гони отсюда всѣхъ праздношатающихся бродягъ, кромѣ себя самой, а я буду платить тебѣ пищей и ромомъ.

Повторяя это предложеніе на всѣ лады и сопровождая его внушительными поясненіями, онъ, наконецъ, убѣдилъ индіанку. Быстрымъ движеніемъ головы она выразила свое согласіе и повторила слово «ромъ». — «Сейчасъ!»—прибавила она. Старикъ колебался, но она владѣла его тайною; онъ застоналъ, обѣщалъ дать ей рома и повелъ къ хижинѣ.

Дверь была такъ старательно заперта, по случаю бури, что прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ Флипъ могла отодвинуть внутреннюю задвижку; старикъ разсердился и сталъ браниться. Когда, наконецъ, дверь пріотворилась, онъ быстро проскользнулъ въ хижину, таща за собою индіанку, и подозрительнымъ взглядомъ окинулъ скромную комнату, служившую одновременно ему и дочери. Молодая дѣвушка, повидимому, писала до ихъ

прихода; на столѣ стояла небольшая чернильница, но бумагу Флипъ очевидно спрятала, прежде чѣмъ впустить ихъ. Индіанка тотчасъ присѣла къ огню, принялась отогрѣвать своего закутаннаго ребенка и предоставила всѣ объясненія старику. Флипъ смотрѣла на обоихъ своимъ спокойнымъ, равнодушнымъ взглядомъ. Только одно, казалось, заинтересовало ее—костюмъ индіанки: она узнала свою собственную юбку и шейный платокъ, брошенные когда-то въ рощѣ «Джинъ съ имбиремъ».

— Секреты, вѣчно секреты! ворчалъ отецъ, искоса поглядывая на Флипъ.—Вѣчно что-нибудь скрываютъ отъ бѣднаго старика. Всегда его надуваетъ его-же собственная плоть и кровь. Что-жь, продолжай, продолжай! Не стѣсняйся, ради меня?!

Флипъ неотвѣчала. Она даже перестала интересоваться лохмотьями индіанки; мимолетное волненіе, овладѣвшее ею, казалось, было вызвано какою-то тайною думой.

— Неужели ты даже не можешь дать глотокъ виски этому жалкому созданію? сердито продолжалъ Фэрли:— прежде ты была расторопнѣе!

Пока Флипъ доставала гдѣ-то въ углу бутылку съ водкой, угольщикъ толкнулъ нищую ногой и, посредствомъ черезъ-чуръ уже выразительной пантомимы, далъ ей понять, чтобы она не говорила дочери объ ихъ условіи. Флипъ налила виски въ маленькую оловянную чашку и, подойдя, протянула ее нищей.

— Очень возможно, сказалъ Фэрли, обращаясь къ дочери, но глядя на индіанку;—очень возможно, что она будетъ шляться цѣлый день по лѣсу; мимоходомъ она могла-бы присмотрѣть за новой угольной ямой, что близь Мадроньосъ. За это будешь кормить ее и давать ей виски! Слышишь, что я говорю, Флипъ? Или ты совсѣмъ ужь отупѣла отъ своихъ секретовъ? О чемъ ты это опять мечтаешь?

Если дѣвушка дѣйствительно мечтала, то это были чудныя, сладкія мечты. Магнетическіе глаза ея загорѣлись какимъ-то страннымъ свѣтомъ; казалось, самые зрачки покраснѣли; кровь, пробѣжавшая быстрѣе по жиламъ, придала большую округлость ея щекамъ; только веснушки, которыя, словно блестки золота, осыпали все лицо ея, какъ будто сдѣлались еще ярче. Она опустила глаза и стояла, не двигаясь, слегка наклонившись впередъ; голосъ ея, какъ всегда, былъ низокъ, звученъ и серьезенъ:

— Одна изъ большихъ елей, что растутъ около ямы, близъ Мадроньосъ, упала поперегъ дороги; она перерѣзала путь ручью; вода прибываетъ и очень немудрено, что твоя угольная яма будетъ затоплена.

Старикъ вскрикнулъ отъ ужаса и вскочилъ съ мѣста.

— За коимъ-же чортомъ ты мнѣ раньше этого не сказала?

Онъ схватилъ топоръ и бросился къ двери.

— Да ты самъ не давалъ мнѣ слова сказать, возразила Флипъ, въ первый разъ поднимая глаза.

Разразившись проклятіями, Фэрли выбѣжалъ изъ дома. Молодая дѣвушка въ одинъ мигъ захлопнула дверь и заперла ее на задвижку; въ тотъ-же мигъ индіанка вскочила, сорвала съ головы и бросила на полъ свои длинные волосы, стащила съ себя шаль и одѣяло и обнаружила подъ ними широкія, могучія плечи Лэнса Гэрріота. Флипъ стояла, прислонившись къ двери. Поднявшись на ноги, молодой человѣкъ выронилъ изъ рукъ спеленутаго ребенка, который покатился прямо въ огонь. Флипъ вскрикнула, бросилась къ очагу, но Лэнсъ удержалъ ее, обхвативъ одной рукой ея талію; въ другую руку онъ взялъ свертокъ и весело сказалъ:

— Не пугайтесь; вѣдь это...

— Что? спросила Флипъ, стараясь освободиться.

— Мой сюртукъ и брюки.

Флипъ засмѣялась, а смѣхъ ея настолько ободрилъ Лэнса, что онъ попытался поцѣловать ее, но она уклонилась отъ поцѣлуя, скрывъ свою голову на груди молодаго человѣка.

— Отецъ идетъ!

— Но, вѣдь, онъ ушелъ, чтобы убрать дерево.

Флипъ отвѣчала краснорѣчивымъ молчаніемъ.

— А, понимаю! засмѣялся Лэнсъ;—это была уловка, чтобы заставить его уйти!

Она высвободилась изъ его объятій.

— Отчего вы возвращаетесь въ такомъ видѣ? спросила она, указывая пальцемъ на парикъ и одѣяло.

— Чтобы посмотрѣть, узнаете-ли вы меня.

— Нѣтъ, сказала Флипъ, потупивъ глаза; — это для того, чтобы другіе васъ не узнали. Вы опять скрываетесь?

— Да,—но вѣдь это все еще прежнее;—все та же старая исторія.

— Вѣдь вы мнѣ писали изъ Монтери, что дѣло это совсѣмъ покончено, настаивала она.

— Да и было-бы покончено, возразилъ онъ мрачно,— если-бы не одна проклятая собака, которая пустилась по старому слѣду. Ну, да я надѣюсь еще повстрѣчать этого молодчика, и тогда...

Онъ внезапно остановился, но въ неподвижныхъ, блестящихъ глазахъ его блеснула такая лютая ненависть, что дѣвушкѣ стало страшно. Она невольно положила свою руку на руку Лэнса. Онъ схватилъ ее, и выраженіе лица его сразу перемѣнилось.

— Мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ, Флипъ! Я не въ силахъ былъ ждать дольше и рѣшился попытать счастья. Я рѣшилъ бродить около вашего дома и выждать удобнаго случая, когда можно будетъ переговорить съ вами наединѣ, но вмѣсто этого неожиданно повстрѣчалъ старика. Онъ неузналъ меня и попался на мою удочку. Пред-

ставьте себѣ, онъ нанялъ меня, чтобы я неусыпно стерегъ васъ и ранчо. За это онъ обѣщалъ меня кормить и поить.

Онъ подробно разсказалъ свою встрѣчу съ угольщикомъ.

— Онъ такъ подозрителенъ, что мнѣ, я думаю, слѣдуетъ играть комедію до конца. Но вы не повѣрите, Флипъ, какъ мнѣ досадно, что нельзя будетъ видѣть васъ въ вашемъ новомъ нарядѣ здѣсь, предъ огнемъ, вмѣсто того, чтобы шляться по лѣсу и играть въ прятки въ кустахъ, подъ дождемъ, закутавшись въ это старое тряпье. Вѣдь это ваши вещи; я нашелъ ихъ на старомъ мѣстѣ, въ рощѣ «Джинъ съ инбиремъ».

— Стало быть, вы пришли сюда для того, чтобы повидать меня?

— Конечно.

— Только для этого?

— Только.

Флипъ потупилась. Лэнсъ обнялъ дѣвушку другою рукою, но сопротивленіе маленькой ручки было, по прежнему, неодолимо.

— Послушайте, сказала она наконецъ, не глядя на него и какъ будто обращаясь къ двумъ, охватившимъ ея талію рукамъ, — когда отецъ вернется, я устрою такъ, чтобы онъ послалъ васъ къ своей алмазной ямѣ. Это недалеко отсюда; тамъ тепло и...

— И что?

— Немного погодя, я приду къ вамъ туда... Ахъ, что за глупости, перестаньте! И зачѣмъ вы не пришли въ своемъ настоящемъ видѣ, какъ... мужчина, какъ бѣлый?

— Старикъ, не задумаясь ни минуты, послалъ-бы меня въ гостинницу, на вершину горы. Согласитесь, что въ это время года я не могъ выдать себя за заблудившагося рыболова.

— А развѣ вы не могли-бы сказать, глупый человѣкъ, что васъ задержалъ у «Распутья» разливъ воды, все равно, какъ ту...

Эта грамматическая неясность относилась къ дилижансу.

— Да, но меня могли-бы прослѣдить до самаго вашего дома. И потомъ, знаете что, Флипъ? продолжалъ онъ, выпрямляясь и приподнимая лице дѣвушки на одинъ уровень со своимъ—вы не должны больше лгать ради меня; это нехорошо!...

— Прекрасно! Въ такомъ случаѣ, вамъ незачѣмъ идти и къ угольной ямѣ... да и я не пойду.

— Флипъ!

— Батя идетъ! Скорѣй!

Лэнсъ истолковалъ послѣднее слово по своему. Упрямая маленькая ручка теперь неподвижно лежала на его плечѣ. Онъ близко, близко наклонилъ свое лицо къ смуглому, хорошенькому личику дѣвушки и почувствовалъ, какъ по его губамъ, по щекамъ, по горячимъ вѣкамъ и влажнымъ глазамъ пробѣжало ея ароматическое дыханіе; поцѣловавъ ее, поспѣшно надѣлъ на голову парикъ, закутался въ одѣяло и опустился на полъ возлѣ очага, засмѣявшись тѣмъ свѣжимъ, взволнованнымъ смѣхомъ, свойственнымъ юности и первой невинной страсти. Флипъ отошла къ окну и стала смотрѣть на гнувшіяся подъ вѣтромъ ели.

— А отца-то кажется нѣтъ? замѣтилъ Лэнсъ съ робкой усмѣшкой.

— Нѣтъ, смиренно отвѣтила Флипъ, прижимая къ мокрому стеклу свою раскраснѣвшуюся щечку;—должно-быть я ошиблась. Но скажите, увѣрены ли вы, что будете рады, если я приду къ вамъ?

Она упорно отворачивала лицо, но сама, дрожа, какъ магнитная стрѣлка, повторяла всѣ движенія Лэнса, раскачивавшагося передъ огнемъ.

*

— Увѣренъ-ли я, Флипъ?!

— Лэнсъ! прошептала молодая дѣвушка, догадываясь, что за этимъ вопросомъ, полнымъ краснорѣчиваго упрека, можетъ послѣдовать новая демонстрація со стороны влюбленнаго Лэнса.—Тише! На этотъ разъ онъ въ самомъ дѣлѣ идетъ... не шутя!

Это былъ дѣйствительно Фэрли, вымокшій, оборванный, страшно грязный и страшно взбѣшенный. Онъ, правда, нашелъ дерево, упавшее поперегъ потока, но вода и не думала заливать угольной ямы, а нашла себѣ иной исходъ. «Человѣкъ съ самыми ограниченными умственными способностями могъ-бы констатировать этотъ фактъ, если только разсудокъ его не помутился, благодаря усиленной перепискѣ съ чужими людьми, и не извратился, благодаря закоренѣлой привычкѣ относиться съ презрѣніемъ къ родному отцу. Такой возмутительный эгоизмъ, разумѣется, приведетъ только къ тому, что бѣдный старикъ-отецъ схватитъ ревматизмъ, если ему не растереть ноги оподельдокомъ и не дать внутрь виски». И мистеръ Фэрли съ дѣтской простотой поспѣшилъ обнажить обѣ свои ноги, окрашенныя въ различные цвѣта, и молча сталъ ожидать услугъ своей дочери. Флипъ, не обращая вниманія на гнѣвные взгляды и нетерпѣливые жесты Лэнса, закутаннаго въ свое одѣяло, принялась растирать ноги отца почти безсознательно, съ машинальною ловкостью, доказывавшей, что это было для нея привычное занятіе. Она воспользовалась случаемъ привести въ исполненіе задуманный планъ.

— Тебѣ невозможно идти сегодня вечеромъ къ алмазной ямѣ, батя. Не послать-ли тебѣ туда индіанку? Она могла-бы присмотрѣть за огнемъ... Я покажу ей, что нужно дѣлать.

Къ крайнему неудовольствію дочери, Фэрли тотчасъ нашелъ возраженіе:

— А можетъ быть я найду для нея другую работу? Можетъ быть и у меня тоже есть секреты! А? Что?...

При этихъ таинственныхъ словахъ, онъ лукаво подмигнулъ Лэнсу и украдкой толкнулъ его локтемъ что еще усилило досаду молодаго человѣка.

— Нѣтъ! продолжалъ старикъ,—пускай эта женщина пока отдохнетъ. Я намѣренъ дать ей другое порученіе. Почемъ знать? Можетъ она понадобится мнѣ здѣсь...

Флипъ нахмурилась и погрузилась въ свое многозначительное молчаніе. Лэнсъ, успокоенный однимъ бѣглымъ взглядомъ ея магнитныхъ глазъ, внимательно смотрѣлъ на нее. Дождь барабанилъ въ окно; по временамъ дождевыя капли черезъ трбу попадали въ каминъ и шипѣли на угольяхъ широкаго очага. Подъ благотворнымъ вліяніемъ нѣсколькихъ рюмокъ водки, мистеръ Давидъ Фэрли пришелъ въ болѣе благодушное настроеніе и разговорился.

— Мнѣ кажется, началъ онъ, усаживаясь передъ огнемъ,—что въ эту дьявольскую погоду ты, ради забавы, могла-бы надѣть всѣ эти тряпки и финтифлюшки, которыя посылаетъ тебѣ этотъ вѣтрогонъ изъ Сакраменто, чтобы порадовать родного отца. А если тебѣ трудно сдѣлать это для твоего стараго бати, то сдѣлай хоть изъ христіанскаго милосердія, чтобы доставить удовольствіе этой бѣднягѣ.

Трудно сказать, что руководило старикомъ. Быть можетъ, въ глубинѣ души его скрывалось полубезсознательное чувство отцовскаго тщеславія, побуждавшее его выставить на показъ даже передъ жалкой нищей весь блескъ и всѣ достоинства драгоцѣннаго сокровища, которое онъ намѣревался поручить ея попеченію. Флипъ кинула быстрый вопросительный взглядъ ва Лэнса; тотъ отвѣтилъ утвердительнымъ жестомъ. Она побѣжала въ сосѣднюю комнату и заперла за собою дверь. Впрочемъ, переодѣваніе заняло немного времени; нѣсколько минутъ спустя она опять появилась въ своемъ новомъ нарядѣ, застегн-

вая на ходу послѣднія пуговицы лифа, и на мгновенье стыдливо остановилась передъ окномъ, чтобы подтянуть спустившіеся чулки. Странность положенія еще болѣе увеличивала свойственную ей застѣнчивость; смутившись, какъ ребенокъ, она перебирала черныя и золотыя бусы красиваго ожерелья, послѣдняго подарка Лэнса. Разстегнувшійся башмакъ далъ возможность индіанкѣ доказать свое рвеніе и свою услужливость; она бросилась, чтобы исправить забывчивость дѣвушки; пользуясь своимъ переодѣваньемъ и скрывавшей ихъ обоихъ тѣнью очага, Лэнсъ позволилъ себѣ пожать ея маленькую ногу и даже поцѣловалъ ее. Флипъ вздрогнула, нервно расхохоталась и принуждена была сѣсть, несмотря на суровое порицаніе со стороны отца.

— Если ты надѣла эти тряпки только для того, чтобы хихикать и ежиться, какъ индѣйскій младенецъ, такъ уже лучше пойди и сними ихъ, проворчалъ онъ.

Но даже сквозь этотъ упрекъ проглядывало все тоже родительское тщеславіе. Онъ съ удовольствіемъ замѣчалъ въ какой восторгъ приходило жалкое презрѣнное созданіе, которое онъ пріютилъ у себя; онъ тѣмъ болѣе наслаждался имъ, что не могъ чувствовать ревности. Индіанка не могла похитить у него Флипъ. Подъ вліяніемъ виски онъ началъ гремѣть противъ всѣхъ, кто попытается отнять ее у него. Затѣмъ, воспользовавшись отсутствіемъ дочери, которая пошла въ свою комнату переодѣваться, онъ довѣрчиво шепнулъ Лэнсу:

— Видѣла ты всѣ эти красивые наряды? Ты, можетъ быть, думаешь, что это подарки? Флипъ, можетъ быть, хочетъ, чтобы это думали. Можетъ быть, даже и сама она такъ думаетъ. Хороши подарки... Это просто образчики платьевъ и разныхъ украшеній, которые намъ посылаетъ одинъ вертопрахъ изъ Сакраменто, чтобы привлечь покупателей. Такъ себѣ, дрянной малый, который

любитъ важничать. Разумѣется, я ему заплачу. Уже это вѣрно... Онъ и самъ это знаетъ. Да и заплачу, будьте покойны... Чтобы я, да не расплатился съ нимъ?!. Только незачѣмъ ему дѣлать видъ, будто онъ посылаетъ подарки!.. Изволите-ли видѣть,—хочетъ скоро побывать у насъ, чтобы прельстить мою Флипъ... Нѣтъ, братъ, дудки, со старикомъ не шути... Не будетъ этого, пока старикъ живъ!...

Увлеченный своимъ краснорѣчіемъ и воображаемыми обидами, Фэрли не замѣчалъ, какъ сверкали глаза Лэнса подъ длинными желтыми прядями парика; онъ видѣлъ только его фигуру и продолжалъ:

— Вотъ почему я хочу, чтобы ты постоянно оставалась при ней, продолжалъ онъ.— Не отходи отъ нея, пока не вернется мой сынъ;—молодецъ мой скоро придетъ повидать меня; и ужь я тебѣ ручаюсь, что онъ мигомъ расправится съ этимъ молокососомъ изъ Сакраменто. Надо мнѣ только будетъ переговорить съ нимъ прежде, чѣмъ Флипъ... А? Понимаешь?.. Чортъ меня возьми, если эта проклятая старуха не пьяна...

Къ счастью, въ эту минуту въ комнату вошла Флипъ; она сообразила, въ чемъ дѣло, опустилась на колѣни передъ очагомъ, между нимъ и отцомъ, и украдкою схвативъ руку взбѣшеннаго Лэнса, крѣпко пожала ее. Подъ вліяніемъ этого прикосновенія, онъ моментально успокоился. Но чуткая натура дѣвушки быстро поняла всю необузданность характера Лэнса. Вмѣстѣ съ инстинктомъ нѣжности и любви, въ ней проснулось сознаніе какой-то новой отвѣтственности, и смутное предчувствіе опасности. Робкій цвѣтокъ любви, едва распустившись въ ея сердцѣ, уже началъ блекнуть подъ ледянымъ дыханіемъ мрака. Охваченная безотчетнымъ страхомъ, она не знала что дѣлать. Пока Лэнсъ оставался въ ихъ домѣ, каждая минута могла погубить его; довольно

было одного слова, одного восклицанія, сорвавшагося съ его гнѣвно сжатыхъ и побѣлѣвшихъ губъ, чтобы старикъ догадался; внезапный уходъ могъ вызвать подозрѣніе въ ея отцѣ; но помимо этихъ реальныхъ опасностей, ей казалось, что тамъ, за дверью, во мракѣ, Лэнса ожидаютъ какіе-то таинственные ужасы. Она прислушивалась къ яростнымъ порывамъ урагана, отъ которыхъ стонали и гнулись сикоморы, и ей казалось, что опасность кроется тамъ; она слышала, какъ дождь стучалъ по стекламъ и по крышѣ, какъ съ ревомъ низвергались горные потоки, и спрашивала себя — не тамъ-ли? Вдругъ она вскочила, бросилась къ окну и прильнула лицомъ къ стеклу. Между колебавшимися подъ бурей вѣтвями деревьевъ она замѣтила мерцаніе четырехъ факеловъ, зигзагами опускавшихся по оврагу. Теперь она уже не сомнѣвалась: бѣда приближалась оттуда. Въ одно мгновеніе она овладѣла собою.

— Отецъ, сказала она своимъ обычнымъ спокойнымъ голосомъ,—я вижу факелы на дорогѣ, ведущей къ вашей алмазной ямѣ. Вѣрно это какіе-нибудь негодяи. Я возьму съ собою индіанку и пойду взглянуть въ чемъ дѣло.

И прежде чѣмъ старикъ успѣлъ вскочить на ноги, она увлекла за собой Лэнса изъ хижины.

VI.

Вѣтеръ подхватилъ ихъ, съ силой захлопнулъ дверь хижины, моментально потушивъ широкую полосу свѣта, которая на одну секунду разсѣкла мракъ, и быстро погналъ ихъ впередъ. Наконецъ имъ удалось укрыться подъ толстымъ деревомъ. Лэнсъ распахнулъ одѣяло, привлекъ къ себѣ дѣвушку, и крѣпко обнялъ ее. Она вся дрожала и прижималась къ его груди, какъ испуганная птичка.

— Что съ вами? спросилъ онъ весело.—Чего вы боитесь?

Флипъ овладѣла собой.

— Внѣ нашего дома вы въ безопасности. Но скажите, вы ихъ ждете сегодня?

Лэнсъ пожалъ плечами.

— Можетъ быть.

— Тише, прошептала дѣвушка,—они идутъ съ этой стороны.

Четыре мерцающихъ факела вытянулись въ одну линію. Очевидно, тропинка была найдена, потому что они приближались. Флипъ тяжело дышала. Отъ нея исходилъ острый, бальзамическій ароматъ и распространялся подъ тяжелыми складками одѣяла; Лэнсъ крѣпче прижалъ ее къ себѣ. Онъ забылъ о бушевавшей вокругъ нихъ бурѣ, о таинственномъ врагѣ, который приближался... Вдругъ Флипъ дернула его за рукавъ и сказала съ легкимъ смѣхомъ:

— Да вѣдь это Кеннеди и Броунъ.

— Кто это Кеннеди и Броунъ?

— Кеннеди—почтмейстеръ, а Броунъ—мясникъ.

— Что имъ здѣсь надо?

— Меня, сказала Флипъ, краснѣя.

— Васъ?

— Да. Спрячемтесь!

Скорѣе таща чѣмъ ведя за собою Лэнса, Флипъ, руководимая инстинктомъ коренной жительницы лѣса, быстро спустилась на дно оврага, гдѣ звуки голосовъ замирали; даже завыванія бури здѣсь были почти не слышны; зато у Лэнса захватило духъ отъ ѣдкаго дыма, который разъѣдалъ ему глаза и щипалъ даже губы. Въ центрѣ густаго мрака, разстилавшагося у ихъ ногъ, мало-помалу вырѣзался полный контуръ громаднаго огненнаго глаза, который то разгорался, то потухалъ, то вспыхи-

валъ, то снова меркнулъ подъ неправильнымъ дыханіемъ вѣтра.

— Это угольная яма, шепнула Флипъ. Когда вы достигнете противуположной стороны, вы спасены, прошептала она, осторожно пробираясь вдоль орбиты огненнаго глаза къ небольшому пещерообразному углубленію, въ которомъ почва была усыпана кусками древесной коры и опилками. Здѣсь было тепло; воздухъ былъ пропитанъ смолистымъ запахомъ. Тѣмъ не менѣе, молодые люди сочли нужнымъ укрыться подъ одѣяломъ. Огненный глазъ устремлялъ на нихъ свой мерцающій взглядъ; по временамъ, волны яркаго свѣта добѣгали до нихъ: тогда они съ притворнымъ ужасомъ крѣпче прижимались другъ къ другу.

— Флипъ!

— Что?

— А зачѣмъ пришли два другихъ человѣка? Тоже ради васъ?

— Очень можетъ быть! сказала Флипъ безъ малѣйшаго кокетства.—Мало-ли народа сюда ходитъ!

— Вамъ, можетъ быть, хочется пойти къ нимъ!

— А вы хотите, чтобы я пошла?

Лэнсъ отвѣчалъ поцѣлуемъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не былъ покоенъ.

— Однако, вѣдь тамъ подумаютъ, что я убѣжалъ, сказалъ онъ;—не правда-ли?

— Нѣтъ! возразила Флипъ.—Они считаютъ васъ за индіанку. Имъ надо не васъ, а меня.

Эти несчастныя слова окончательно взбудоражили Лэнса. Имъ овладѣло какое-то необычайное раздраженіе. Въ первый разъ онъ почувствовалъ стыдъ и угрызенія совѣсти.

— Нѣтъ, мнѣ таки надо пойти посмотрѣть, въ чемъ дѣло, сказалъ онъ вдругъ, вскакивая на ноги.

Флипъ промолчала. Она думала... Твердо увѣренная, что четверо мужчинъ пришли единственно ради нея, она предвидѣла, что они не обратятъ на Лэнса никакого вниманія, какъ скоро увидятъ, что она не съ нимъ; къ тому-же онъ былъ такъ раздраженъ, что ей страшно было встрѣтиться съ ними въ его присутствіи.

— Ступайте, сказала она;—скажите отцу, что въ алмазной ямѣ не совсѣмъ ладно и что я осталась смотрѣть за огнемъ.

— А вы?

— Я пойду туда и буду его ждать. Если же онъ не съумѣетъ отдѣлаться отъ своихъ гостей и притащитъ ихъ съ собою, я убѣгу и вернусь сюда, къ вамъ. Во всякомъ случаѣ, я ужъ такъ устрою, чтобы отецъ провозился тамъ нѣкоторое время.

Она взяла его за руку—и другою тропинкою вывела на дорогу. Лэнсъ былъ чрезвычайно удивленъ, очутившись не далѣе какъ на разстояніи ста шаговъ отъ дома. Въ темнотѣ ярко сіяло окно, освѣщенное огнемъ очага.

— Войдите съ задняго хода, сказала Флипъ въ полголоса.—Не ходите въ комнату, и, если возможно, держитесь въ тѣни. Не говорите въ ихъ присутствіи; только позовите батю или дайте ему знакъ, чтобъ онъ вышелъ къ вамъ. Помните, продолжала она смѣясь:—что онъ приставилъ васъ слѣдить за мною. Подождите, спустите волосы на глаза. Вотъ такъ...

Она поправила ему парикъ и завершила эту операцію поцѣлуемъ, какъ всегда дѣлаютъ женщины, когда приводятъ въ порядокъ туалетъ мужчины. Затѣмъ она отступила назадъ и скрылась во мракѣ.

Первое движеніе Лэнса находилось въ вопіющемъ противорѣчіи съ его предполагаемымъ поломъ. Приподнявъ свою рваную юбку, онъ вынулъ изъ-за голенища ножъ, а изъ-за пазухи—револьверъ; безшумно повертѣвъ

барабанъ его и убѣдившись, что всѣ заряды на мѣстѣ, онъ осторожно прокрался къ хижинѣ и остановился подъ навѣсомъ.

Здѣсь было совсѣмъ темно, но сквозь щель плохо притворяющейся двери пробивалась тонкая полоска свѣта. До слуха молодаго человѣка донесся чей-то, какъ будто знакомый голосъ, который раздавался внутри хижины, и говорилъ о чемъ-то съ грубымъ злорадствомъ. Вскорѣ онъ услышалъ имя,—свое собственное. Вспыливъ, онъ уже положилъ, было, руку на ручку двери, какъ вдругъ тотъ-же самый голосъ произнесъ другое имя, которое парализовало его движенія и согнало съ лица краску. Онъ отшатнулся, быстро провелъ рукою по лбу, задрожалъ отъ ярости и отчаянія, подошелъ къ двери и, опустившись на колѣни, прижался къ скважинѣ горячимъ вискомъ.

— Знаю-ли я Лэнса Гэрріота? говорилъ голосъ. — Знаю-ли я этого разбойника? Да развѣ я не гнался за нимъ въ прошломъ году, въ лѣсу? Въ трехъ миляхъ отъ «Распутья» онъ ускользнулъ отъ меня и скрылся въ этомъ ранчо, изъ котораго потомъ пробрался въ Монтери. Развѣ это не тотъ-же негодяй, который убилъ Боба изъ Арканзаса... Боба Ридли... какъ его звали въ Сонорѣ? А знаете-ли вы, кто былъ этотъ Ридли?... А? Что? Полоумный старый дуракъ!... Да вѣдь это былъ Бобъ Фэрли! *Вашъ сынъ*!

Старикъ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ жалобныхъ словъ.

— А? Что вы сказали? прервалъ его первый голосъ.— Говорю, что знаю это навѣрное! Взгляните на эти портреты: я нашелъ ихъ при покойникѣ. Узнаете? Это вы, это ваша дочь. Или, можетъ быть, вы станете отрицать это? Можетъ быть, скажете, что я лгу? Не повѣрите, если я скажу вамъ, что *онъ* самъ признался мнѣ, что онъ вашъ

сынъ, и разсказалъ, какъ онъ убѣжалъ изъ дому, и что вы живете гдѣ-то въ горахъ и дѣлаете изъ угля золото или что-то другое. Онъ признался мнѣ по секрету, увѣряя, что никто другой не знаетъ его тайны. Но теперь, когда я открылъ, что его убійца, Лэнсъ Гэрріотъ, скрывается здѣсь въ окрестностяхъ, что онъ всюду разослалъ шпіоновъ, чтобы разузнать обо всемъ, касающемся вашего сына, что онъ дурачитъ васъ и хочетъ погубить вашу дочь, какъ погубилъ уже сына—теперь я увѣренъ, что онъ тоже зналъ это.

— Лжецъ!

Дверь съ трескомъ распахнулась. На порогѣ появилось какое-то нечеловѣческое, искаженное адскою яростью лицо, на половину скрытое, какъ у Медузы, длинными прядями черныхъ волосъ. Въ хижинѣ раздался громкій крикъ ужаса. Трое изъ посѣтителей успѣли выскочить вонъ и скрылись. Тотъ, который только-что говорилъ, кинулся въ уголъ, гдѣ стоялъ его карабинъ, но не успѣлъ онъ схватить его, какъ сверкнула молнія, грянулъ выстрѣлъ, и тѣло его, продолжая двигаться въ прежнемъ направленіи, грохнулось на очагъ. Уголья зашипѣли подъ струею крови. Лэнсъ съ дымящимся пистолетомъ въ рукѣ выбѣжалъ за дверь. Вдали, на тропинкѣ, постепенно ослабѣвая, слышались поспѣшные шаги и трескъ раздвигаемыхъ вѣтокъ. Лэнсъ остановился, и вернулся въ домъ къ единственному оставшемуся тамъ живому существу—къ старику.

Съ перваго взгляда можно было принять и его за мертвеца. Онъ сидѣлъ неподвижно, словно окоченѣлый; глаза его безсмысленно устремлены были на трупъ, лежавшій на очагѣ. На столѣ, передъ нимъ, красовались двѣ дешевенькихъ фотографіи: одна изображала его самого и, судя по изумительно свѣтлому цвѣту лица, снята была очень давно; другая—ребенка, котораго Лэнсъ тотчасъ узналъ: то была Флипъ.

— Скажите мнѣ, хрипло заговорилъ онъ, опираясь дрожащей рукою на столъ,—дѣйствительно-ли Бобъ Ридли былъ вашъ сынъ?

— Мой сынъ? откликнулся старикъ какимъ-то страннымъ, беззвучнымъ голосомъ, не отрывая глазъ отъ трупа.—Вв-вв...ввотъ мой сынъ!... продолжалъ онъ, указывая пальцемъ на убитаго. — Тссъ! Развѣ онъ не говорилъ вамъ? Развѣ вы не слышали? Умеръ... умеръ... убитъ... убитъ!...

— О, замолчите! Вы съ ума сошли! весь дрожа прервалъ его Лэнсъ.—Это не Бобъ Ридли; это мерзавецъ, собака, подлый доносчикъ. Слушайте. Если Бобъ Ридли дѣйствительно вашъ сынъ, клянусь вамъ Богомъ, что я не зналъ этого... ни сегодня... ни *тогда*! Слышите, что я вамъ говорю? Да отвѣчайте же! Вѣрите вы мнѣ? Говорите! Я васъ заставлю говорить...

Онъ почти съ угрозой протянулъ руку и опустилъ ее на плечо старику. Тотъ медленно поднялъ голову. Лэнсъ съ крикомъ ужаса отшатнулся. На дряблыхъ, дрожащихъ губахъ несчастнаго играла улыба. Глаза были тусклы: прежній подозрительный взглядъ, обличавшій безпокойную натуру этого человѣка, исчезъ безъ слѣда; ясно было, что слабый свѣтъ разсудка, освѣщавшій ихъ, потухъ и навѣки потонулъ во мракѣ.

Лэнсъ пошелъ къ двери и нѣсколько мгновеній простоялъ неподвижно, уставившись въ пространство. Когда онъ опять обернулся, лицо его было такъ-же блѣдно, какъ у лежавшаго на полу мертвеца. Пламя гнѣва потухло въ его впалыхъ глазахъ, походка его стала медленною и неувѣренною. Онъ подошелъ къ столу.

— Послушайте, сказалъ онъ съ странной, печальной улыбкой и такой безконечной усталостью въ голосѣ, какъ будто онъ предвкушалъ уже блаженство вѣчнаго покоя смерти,—вѣдь вы дадите мнѣ это... не правда-ли?

И онъ взялъ со стола портретъ Флипъ.

Старикъ утвердительно кивнулъ головой.

— Благодарю васъ! сказалъ Лэнсъ.

Онъ направился къ двери, но снова остановился и вернулся назадъ.

— Прощайте! сказалъ онъ, протягивая руку Фэрли. Старикъ взялъ ее съ тою-же дѣтской улыбкой.

— Умеръ, пролепеталъ онъ тихо, рукою Лэнса указывая по направленію къ очагу.

— Да, отвѣтилъ Лэнсъ, и на блѣдномъ, искаженномъ лицѣ его мелькнула слабая, болѣзненная улыбка.—Вѣдь вамъ жаль всѣхъ, кто умираетъ, не правда-ли?...

Фэрли опять кивнулъ головой. Лэнсъ еще разъ посмотрѣлъ на него такимъ-же мутнымъ, потухшимъ взглядомъ, какъ и взглядъ самого старика, еще разъ пожалъ ему руку и отошелъ. Прежде чѣмъ выйти изъ комнаты, онъ медленно, даже какъ-то торжественно положилъ на стулъ свой револьверъ, но на порогѣ опять остановился въ широкой полосѣ свѣта, падавшаго отъ очага, вынулъ изъ кармана небольшой пистолетъ и заботливо осмотрѣлъ курокъ. Затѣмъ онъ осторожно затворилъ за собою дверь и все тою-же неувѣренной, медленной походкой сталъ ощупью пробираться во мракѣ.

На умѣ у него была одна только мысль: найти гдѣ-нибудь такой пустынный уголокъ, куда никогда-бы не забрела нога человѣка, гдѣ онъ могъ-бы найти вѣчный покой, отдыхъ, забвеніе; главное—чтобы и о *немъ* забыли. Такіе уголки есть на свѣтѣ; ему самому случалось находить кости безвѣстныхъ мертвецовъ, которые исчезли съ лица земли, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда. Ахъ, еслибы онъ только владѣлъ собой, онъ можетъ-быть и нашелъ бы такой уголокъ! Но надо быть очень осторожнымъ: маленькія ножки Флипъ бѣгаютъ по всему лѣсу, *она* не должна болѣе видѣть его — ни живаго, ни мертваго... И

вдругъ, среди такихъ горькихъ мыслей, среди мрака ночи и бури, надъ ухомъ его раздался нѣжный голосъ:

— Лэнсъ, какъ вы запоздали!

. . . .

Оставшись одинъ, Фэрли весь погрузился въ безсмысленное созерцаніе трупа. Вдругъ страшный порывъ вѣтра потрясъ стѣны хижины, ворвался въ нее сквозь трубу камина, сквозь щели двери, разбросалъ по полу горящія головни и золу и наполнилъ комнату густымъ дымомъ.

Угольщикъ застоналъ и поднялся съ мѣста. Даже въ безуміи помня о своемъ сокровищѣ, онъ ощупью отыскалъ подъ кроватью маленькій кожаный мѣшечекъ съ драгоцѣннымъ кристалломъ и поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты. Новое потрясеніе пробудило его отъ апатіи; онъ вернулся къ idée-fixe своей жизни, къ алмазамъ,—и забылъ обо всемъ остальномъ. Переодѣтый Лэнсъ, смерть сына, убійство, совершенное на его глазахъ,—всѣ эти впечатлѣнія сгладились. Въ головѣ старика вертѣлась только одна мысль: надо идти къ угольной ямѣ и смотрѣть за огнемъ. Инстинктъ и привычка руководили имъ: онъ, шатаясь, побрелъ въ темнотѣ, переходя въ бродъ ручьи и машинально обходя преграждавшія дорогу деревья. Наконецъ онъ дошелъ до угольной ямы. Блѣдный свѣтъ, который служилъ ему маякомъ, на одно мгновенье какъ будто чѣмъ-то заслонился; ему послышались голоса; возлѣ ямы онъ замѣтилъ слѣды недавняго посѣщенія; въ опилкахъ видны были отпечатки человѣческихъ ногъ. Зарычавъ отъ гнѣва, Фэрли спустился въ яму и бросился къ ближайшему отверстію; ему почудилось, что кто-то трогалъ его костеръ... тайна его была открыта... плодъ его многолѣтняго труда украденъ!.. Имъ овладѣла безумная ярость; съ нечеловѣческой силой онъ началъ раззорять костеръ, раскидывая во всѣ стороны полуобгорѣвшія головни. Удушливые газы угля стали свободно выдѣляться

и густыми клубами повалили изъ отдушины. По временамъ, порывъ вѣтра отгонялъ ихъ назадъ, къ стѣнамъ ямы, и несчастный старикъ, руководимый послѣднимъ остаткомъ потухающаго разума, бросался на землю и прижималъ лицо къ свѣжимъ, влажнымъ опилкамъ. Но припадокъ бѣшенства былъ слишкомъ силенъ; онъ скоро прошелъ; старикъ усталъ, успокоился и усѣлся возлѣ костра въ той-же апатической позѣ, въ какой онъ часто проводилъ ночи надъ своей угольной ямой. Такъ его застала заря.

Заря принесла съ собой затишье, принесла голубые просвѣты на свинцовомъ облачномъ небѣ, принесла яркія звѣздочки, которыя потомъ поблѣднѣли и потонули въ глубинѣ лазоревыхъ озеръ. Эти озера ширились, обращались въ моря и, наконецъ, совсѣмъ расплылись въ безконечный, безбрежный океанъ, уже не лазурный, а свѣтлоголубой, усѣянный хлопьями, молочно-бѣлыми съ пурпуровымъ отливомъ. Заря слегка приподняла завѣсу тумана, который старался удержаться, цѣпляясь за вершины горы и верхушки сосенъ, но подымался все выше и выше и, наконецъ, исчезъ совершенно. На каждой былинкѣ задрожали изумруды, на каждой вѣткѣ засверкали алмазы; лѣсъ, словно проснувшись подъ дыханіемъ утра, наполнился смутнымъ шумомъ; на дорогахъ и тропинкахъ послышались голоса.

Голоса остановились около угольной ямы. Звали угольщика. Онъ вышелъ и въ знакъ осторожности приложилъ палецъ къ губамъ. Трое или четверо изъ пришедшихъ спустились въ яму. Старикъ повелъ ихъ за собою, бормоча дрожащимъ голосомъ какія-то отрывочныя слова, въ которыхъ, однако, проглядывала одна опредѣленная мысль:

— Мой мальчикъ... мой сынъ Робертъ... вернулся... да... вернулся... наконецъ... Тамъ, вмѣстѣ съ Флипъ... Оба тамъ... Идите, смотрите!...

Подойдя къ небольшой пещерѣ, онъ остановился и сдернулъ грубое одѣяло. Подъ нимъ Флипъ и Лэнсъ лежали, прижавшись другъ къ другу; похолодѣвшія руки ихъ застыли въ крѣпкомъ объятіи.

— Задохнулись! прошептали два или три человѣка, съ ужасомъ повернувшись къ разоренной, еще дымящейся ямѣ.

— Они спятъ!.. залепеталъ старикъ.—Спятъ... Прежде, когда они были дѣтьми, они часто такъ спали вдвоемъ... Ахъ, перестаньте! Что вы мнѣ толкуете?! Неужели же я не узнаю свою собственную плоть и кровь... Спите, спите!... Милые мои... голубчики!...

Онъ наклонился и поцѣловалъ ихъ. Потомъ заботливо прикрылъ ихъ опять одѣяломъ, выпрямился и тихо выговорилъ:

— Спокойной ночи!

Разсказъ безъ развязки.

Это случилось въ пульманскомъ спальномъ вагонѣ, на одной изъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Я очнулся отъ первой дремоты, овладѣвающей всегда путешественникомъ, и съ ужасомъ убѣдился, что проспалъ только два часа и большую часть длинной зимней ночи предстояло сидѣть съ открытыми глазами.

Утративъ надежду заснуть, я задумался о многомъ и сталъ задавать себѣ различные вопросы. Отчего одѣяла въ спальныхъ вагонахъ не походятъ на всѣ прочія и, охватывая тѣло какой-то холодной массой, ложатся тяжелымъ гнетомъ, нисколько не согрѣвая? Отчего занавѣси надъ койками такъ толсты и такъ душны? Отчего пассажиры не предпочитаютъ дремать, сидя всю ночь въ простомъ вагонѣ, чѣмъ лежать, не смыкая глазъ, въ спальномъ? Потомъ воспоминаніе о позднемъ обѣдѣ на станціи, тяготившемъ меня не менѣе холоднаго одѣяла, подняло новый рядъ вопросовъ. Отчего на всемъ американскомъ континентѣ не подаютъ ни одного мѣстнаго кушанья, а карта каждаго ресторана или буфета составляетъ блѣдный сколокъ съ столичныхъ прейсъ-курантовъ, причемъ единственное различіе заключается въ болѣе или менѣе дурномъ приготовленіи блюдъ? Отчего американецъ, путешествуя, всегда спрашиваетъ индѣйку съ брусничнымъ желе? Отчего служанки въ ресторанахъ, набравъ въ охапку множество тарелокъ, сдаютъ ихъ, какъ карты, черезъ

вашп головы и потомъ, мгновенно отойдя, принимаютъ гордую, презрительную позу, какъ-бы говоря: «Если вы думаете, сэръ, что я вамъ дозволю фамильярное обращеніе со мною, вы жестоко ошибаетесь».

Однако, лежа съ открытыми глазами въ спальномъ вагонѣ, я не только задавалъ себѣ вопросы, но и дѣлалъ замѣчанія, которыя, вѣроятно, не приходятъ въ голову дневнымъ пассажирамъ; напримѣръ, что скорость поѣзда не всегда одинакова. Отъ времени до времени паровозъ, очнувшись, беретъ дружнѣе, какъ-бы говоря слѣдующимъ за нимъ вагонамъ: «Ну, ну! братцы, такъ нельзя, мы не поспѣемъ впередъ!» При этомъ въ учащенномъ пыхтѣньи паровоза всегда слышится какой-то поэтическій мотивъ, зависящій отъ мѣстныхъ условій желѣзныхъ дорогъ. Такъ на центрально-нью-іорской линіи, гдѣ полотно гладкое и стальные рельсы безъ перерывовъ, въ пыхтѣньи паровоза торжественно раздается одинъ изъ духовныхъ гимновъ Занки и Моди. На нью-іорко-нью-говенской дорогѣ, гдѣ множество поперечныхъ вѣтвей и гдѣ свистъ машины не замираетъ ни на минуту, ясно слышится лихой припѣвъ: «Бѣги, бѣги, Томъ, красотка тебя ждетъ!» На квебекской линіи, среди дѣвственныхъ лѣсовъ, я ясно слышалъ, какъ паровозъ краснорѣчиво декламировалъ первыя строфы поэмы Лонгфелло «Эванжелина»: «О, лѣсъ вѣковой, вѣчный!» Наконецъ, однажды ночью, но ужь не помню на какой дорогѣ, поднявъ стору, чтобы полюбоваться на снѣжный пейзажъ, залитый серебристымъ свѣтомъ луны, я тотчасъ получилъ выговоръ отъ паровоза, громко, хотя и мелодично распѣвавшаго, какъ Эолова арфа: «Спусти стору, спусти стору!»

Среди всѣхъ этихъ и другихъ размышленій пробило четыре часа. Въ уборной слуга уже чистилъ сапоги. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но я во время вспомнилъ, что всякая попытка вступить въ разговоръ съ

кондукторомъ или слугою всегда принимается ими за желаніе причинить ущербъ компаніи, которой они служатъ. Я вспомнилъ, какъ однажды я старался убѣдить кондуктора, что неблагоразумно производить повѣрку билетовъ ровно въ полночь, и онъ обошелся со мною, какъ съ сумашедшимъ. Нѣтъ, рѣшительно не было никакого средства избавиться отъ душнаго, нестерпимаго одиночества. Я поднялъ стору и посмотрѣлъ въ окно. Мы проѣзжали мимо фермы; слабое мерцаніе фонаря, вѣроятно, въ рукахъ работника, слегка освѣщало овинъ, а далеко-далеко на горизонтѣ небо уже розовѣло. Наконецъ-то повѣяло утромъ.

На послѣдней станціи въ вагонъ сѣли два пассажира. Они помѣстились другъ противъ друга въ пустомъ отдѣленіи и разговаривали между собою отрывочно, позѣвывая и, очевидно, тяготясь обществомъ другъ друга. Когда я взглянулъ на нихъ изъ-за занавѣси моей койки, одинъ изъ нихъ говорилъ другому самымъ апатичнымъ тономъ:

— Да, одно время онъ былъ очень популярнымъ гробовщикомъ...

— 2-й пассажиръ (не менѣе апатично). А былъ онъ... этотъ гробовщикъ, христіаниномъ? Ходилъ онъ въ церковь?

— 1-й пас. (задумчиво). Не знаю, можно-ли сказать, что онъ исповѣдывалъ христіанство, но его считали вѣрующимъ.

— 2-й пас. (послѣ долгаго молчанія и чувствуя, что общественный долгъ обязывалъ его сказать что-нибудь). А почему онъ былъ популярнымъ гробовщикомъ?

— 1-й пас. (лѣниво зѣвая). Наибольшей популярностью онъ пользовался у вдовъ и вдовцовъ, благодаря своему искуству утѣшать ихъ чувствительными фразами изъ священнаго писанія и собственнаго житейскаго опыта. Онъ самъ, говорятъ, похоронилъ трехъ женъ и пятерыхъ

дѣтей; послѣднія изъ нихъ умерли отъ дифтерита. Я не знаю, правда-ли это, но такъ говорятъ.

2-й пас. Но какъ-же онъ потерялъ эту популярность?

1-й пас. Въ томъ-то и вся исторія. Онъ, видите-ли, не довольствовался тѣмъ, что бралъ на себя, какъ другіе гробовщики, полное устройство похоронъ, но вводилъ разныя новизны въ свое ремесло, напримѣръ, онъ выработывалъ физіономію покойника.

2-й пас. Какъ выработывалъ?

1-й пас. Вотъ, изволите-ли видѣть. Вамъ, вѣроятно, случалось замѣчать, что лица покойниковъ имѣютъ непріятное выраженіе?

2-й пас. Да.

1-й пас. Вотъ, напримѣръ, я устроивалъ похороны Мэри Поблъсъ, дочери подруги моей жены; славная эта была дѣвушка, красивая и набожная христіанка. Но несмотря на великолѣпный гробъ съ рюшемъ и цвѣтами, я долженъ сознаться, что покойница производила отталкивающее впечатлѣніе.

2-й пас. Неужели?

1-й пас. Вотъ, для того, чтобы покойникъ не отталкивалъ отъ себя живыхъ, гробовщикъ,—его звали Вилькинсъ, — и выработывалъ приличное выраженіе лица. Онъ достигъ въ этомъ дѣлѣ, надо правду сказать, такого искуства, что за извѣстную плату онъ придавалъ покойнику то или другое выраженіе. Столько-то стоила улыбка христіанскаго смиренія, а столько-то,—конечно, гораздо дороже,—сіяніе надежды на будущую жизнь.

2-й пас. Я желалъ-бы знать...

1-й пас. (перебивая). Я самъ сомнѣвался, согласна-ли такая работа съ св. писаніемъ, но пасторъ успокоилъ меня, сказавъ, что онъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы, пока Вилькинсъ выказываетъ свое искуство на извѣст-

ныхъ своею набожностью прихожанахъ. Но когда умеръ Сай Дунгамъ... вы помните Сая Дунгамъ?

Наступило продолжительное молчаніе. Второй пассажиръ смотрѣлъ въ окно и, повидимому, забылъ о существованіи своего сосѣда. Высунувъ голову изъ-за занавѣски, я увидѣлъ, что четыре другіе пассажира, подобно мнѣ, нетерпѣливо также высунули головы, любопытствуя услышать конецъ разсказа. Между ними была одна женщина, которая, увидавъ меня, тотчасъ скрылась, но колебавшаяся занавѣска ея койки ясно доказывала, что интересъ къ разсказу въ ней нисколько не ослабѣлъ. На самомъ дѣлѣ, во всемъ вагонѣ было только два человѣка вполнѣ равнодушныхъ: пассажиры, бесѣда которыхъ такъ интересовала насъ всѣхъ.

2-й пас. (оторвавшись, наконецъ, отъ окна). Что вы сказали о Саѣ Дунгамъ?

1-й пас. Сай никогда не отличался ни вѣрой, ни набожностью; это былъ блудный сынъ; онъ постоянно пьянствовалъ и водился съ развратными женщинами. Однажды онъ хватилъ въ кутежѣ черезъ край и умеръ. Семейство его, гордое и богатое, не пожалѣло денегъ на похороны, и я долженъ сознаться, что никогда не видывалъ подобнаго блеска. Вилькинсъ, надо сказать правду, превзошелъ себя. Онъ придалъ лицу блуднаго сына выраженіе №1 (по таксѣ самое дорогое), т. е. надежды на будущую жизнь. Это ужъ было слишкомъ и даже пасторъ сталъ поговаривать, что надо положить конецъ его ремеслу. Однакожъ, не отъ того потерялъ онъ свою популярность...

Новое молчаніе. Второй пассажиръ не выражалъ ни малѣйшаго желанія узнать, почему гробовщикъ потерялъ свою популярность. Но изъ-за занавѣски сосѣднихъ коекъ высовывались лица, съ нетерпѣніемъ и даже злобой желавшія услышать результатъ системы выработыванія мертвыхъ физіономій.

2-й пас. (вдругъ вспомнивъ предметъ бесѣды). Да, отчего-же онъ сталъ непопуляренъ?

1-й пас. (очень спокойно). Отъ слишкомъ большаго рвенія... т. е., я такъ предполагаю, а факты мнѣ положительно неизвѣстны. Когда, два мѣсяца тому назадъ, умеръ мужъ м-съ Видскомбъ, она очень горевала, хотя могла, кажется, къ этому привыкнуть, похоронивъ ранѣе двухъ мужей! Вы знаете, что она была замужемъ за Джономъ Баркеромъ?

2-й пас. (съ замѣтнымъ интересомъ). Это не правда.

1-й пас. (торжественно). Пусть я сегодня предстану на страшный судъ, если она не вдова Баркера!

2-й пас. А я присягну.

1-й пас. (перебивая). Вотъ м-съ Видскомбъ устроила великолѣпныя похороны и Вилькинсъ показалъ вполнѣ свое искуство. Къ несчастію, а быть можетъ и счастію, одинъ изъ старыхъ друзей покойнаго, докторъ изъ Чикаго, пріѣхалъ на похороны. Онъ вмѣстѣ со всѣми пошелъ взглянуть на покойника, на лицѣ котораго была небесная улыбка, и всѣ говорили, что покойный уже получилъ высшую награду за свою примѣрную жизнь. Вдова, какъ всѣ женщины, съ утѣшеніемъ слушала комплименты, расточаемые покойнику. Вдругъ докторъ обратился къ ней съ вопросомъ: «отъ какой болѣзни умеръ вашъ мужъ?»— Бѣдная вдова отвѣчала со слезами: «Отъ чахотки, скоротечной чахотки». Докторъ былъ невѣрующій и громко воскликнулъ: «Чортъ возьми, чахотка! Какъ-бы не такъ! Онъ умеръ отъ яда. Посмотрите, какъ сведены всѣ личные мускулы. Это —riser sardonicos, отъ стрихнина».— «Помилуйте, докторъ, произнесла съ ужасомъ вдова,— это улыбка христіанской покорности волѣ Провидѣнія».— «Чортъ возьми! Я вамъ говорю, что это ядъ! снова произнесъ докторъ;—и...» Однакожъ мы уже пріѣхали. Вотъ и Джульета!

Двое или трое изъ пассажировъ, заинтересовавшись разсказомъ, воскликнули съ своихъ коекъ:

— Эй вы, господинъ! Чѣмъ же кончилось...

Но разговаривавшіе пассажиры исчезли.

ДУРАКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Онъ жилъ одиноко. Не думаю, чтобы эта странность происходила отъ желанія спрятать себя и свою глупость отъ остальныхъ жителей стана; точно также невѣроятно, чтобы соединенная мудрость «Пятирѣчія» обратила его въ изгнаніе. По моему мнѣнію, онъ жилъ такъ по влеченію къ одиночеству, которымъ онъ отличался гораздо ранѣе того времени, когда жители стана начали критически относиться къ его умственнымъ способностямъ. Онъ былъ угрюмъ и молчаливъ и, хотя съ виду казался очень крѣпкимъ, постоянно жаловался на свое здоровье. Можетъ быть, въ этой немощи и заключалась вся разгадка; по крайней мѣрѣ нѣкоторые объясняли его замкнутость тѣмъ, что она была удобнѣе для принятія лекарствъ, уничтожаемыхъ имъ въ громадномъ количествѣ.

Окна почтоваго отдѣленія выдали впервые его глупость жителямъ «Пятирѣчія». Впродолженіи долгаго времени онъ одинъ изъ всего стана писалъ домой съ каждой почтой, и всѣ его письма были адресованы одному лицу—женщинѣ. Обыкновенно-же въ станѣ «направленіе» корреспонденціи было обратное, т. е. получалось много писемъ, и большинство отъ женщинъ, но на рѣдкія изъ нихъ посылались отвѣты.

Жители «Пятиречія» принимали адресованныя имъ письма совершенно равнодушно; нѣкоторые распечатывали ихъ съ самонадѣянной улыбкой, другіе небрежно пробѣгали глазами или бросали ихъ послѣ первыхъ словъ «мой милый мужъ», а третьи вовсе не ходили за ними въ почтовое отдѣленіе. Мало-по-малу, всѣ узнали, что единственный аккуратный корреспондентъ никогда не получалъ отвѣта. Поэтому, когда получился большой пакетъ, адресованный «до востребованія» на имя «Дурака», болѣе извѣстнаго подъ именемъ Сайруса Гоукинса, то все населеніе пришло въ неописанное волненіе. Я не знаю, какимъ именно образомъ открылась тайна, но всѣмъ стало извѣстно, что этотъ пакетъ заключалъ въ себѣ не распечатанными всѣ письма Гоукинса. Это было первымъ доказательствомъ его умственной слабости: человѣкъ, постоянно писавшій къ женщинѣ, которая ему не отвѣчала, долженъ быть дуракъ. Я полагаю, Гоукинсъ подозрѣвалъ какого мнѣнія былъ весь станъ объ этомъ приключеніи, но онъ искалъ спасенія въ капляхъ и пилюляхъ, жалуясь на усиленные лихорадочные припадки. Какъ бы то ни было, въ концѣ недѣли онъ съ прежнимъ постоянствомъ взялся за перо, только на письмахъ его теперь значился другой адресъ.

Въ тѣ времена, по общему мнѣнію, счастье въ особенности улыбалось на золотыхъ пріискахъ дуракамъ. Поэтому никто не удивлялся, когда Гоукинсъ нашелъ «Карманъ» на горномъ скатѣ близъ своего уединеннаго жилища.—«Онъ спуститъ всѣ деньги на слѣдующую раскопку», говорили сосѣди, зная по опыту, какъ обыкновенно счастливые рудокопы распоряжались своимъ капиталомъ. Но Гоукинсъ, вопреки ходячему мнѣнію старожиловъ, выручивъ изъ «кармана» около восьми тысячъ долларовъ и истощивъ золотоносную жилу, совершенно успокоился на этомъ и не погнался за новыми раскопками. Тогда

станъ началъ терпѣливо выжидать, на что счастливецъ употребитъ свои деньги. Но узнавъ, что онъ послалъ по почтѣ переводъ въ восемь тысячъ долларовъ на имя «этой женщины», жители «Пятирѣчія» пришли въ такое негодованіе, что едва не выразили его насильственными дѣйствіями. Больше того; вскорѣ распространился слухъ, что деньги возвращены также, какъ и письма, и что Гоукинсъ стыдится взять ихъ обратно изъ почты.

«Не дурно было-бы отправиться на Востокъ, найти какую-нибудь дѣвчонку, выдать ее за эту вѣдьму и получить восемь тысячъ», говорилъ одинъ дальновидный финансистъ.

Замѣчу кстати, что мы всегда называли, хотя и безъ всякаго основанія, прекрасную незнакомку Гоукинса—вѣдьмой.

Дуракъ иногда игралъ и часто выигрывалъ большія суммы, что впрочемъ не удивительно и отвѣчало только согласному убѣжденію, что «дуракамъ—счастье». Но невѣроятнымъ казалось всѣмъ его поведеніе, когда онъ сорвалъ банкъ у Джэка Гемлина и, получивъ отъ десяти до двадцати тысячъ долларовъ, не возвратился на другой день для проигрыша этихъ денегъ. Однако, это дѣйствительно случилось, и впродолженіи двухъ или трехъ дней Гоукинсъ никуда не помѣстилъ своего такъ неожиданно пріобрѣтеннаго капитала.

— Если онъ пошлетъ деньги опять «вѣдьмѣ», сказалъ одинъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ «Пятирѣчія», то надо будетъ принять мѣры. Нельзя такъ позорить честь нашего стана и бросать деньги не нашимъ односельчанамъ и къ тому-же людямъ, которые даже ихъ брать не хотятъ.

— Это вредный примѣръ расточительности, замѣтилъ другой:—и, право, немногимъ лучше мошенничества. Вѣдь найдется въ станѣ человѣкъ пять, которые, слѣдуя при-

мѣру Гоукинса, могутъ отправить домой нажитый трудомъ капиталъ. Къ тому-же, все это комедія и восемь тысячъ лежатъ преспокойно въ конторѣ Адамса и Ко. Я того мнѣнія, что въ настоящемъ случаѣ необходимо было-бы учредить опеку.

Ожиданія, что прежняя глупость Гоукинса повторится, не оправдались и всеобщее любопытство—куда онъ дѣлъ деньги—росло съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Наконецъ, «комитетъ» изъ четырехъ гражданъ отправился къ нему, повидимому, совершенно случайно, но въ сущности по спеціальному назначенію.

Послѣ обмѣна обыкновенныхъ учтивостей, Томъ Вингэтъ приступилъ къ дѣлу.

— Дали же вы себя знать Джэку Гемлину, сказалъ онъ:—Джэкъ жалуется, что вы не дали ему отыграться, но я сказалъ, что вы не такой дуракъ...вотъ при Дикѣ.

— Да, поспѣшно произнесъ Дикъ:—вы сказали, Томъ, что двадцать тысячъ нельзя безъсмысленно бросать. Вы еще прибавили, что Саймуръ намѣренъ лучше помѣстить свой капиталъ...но—я забылъ на что именно,—прибавилъ Дикъ, обращаясь съ притворнымъ спокойствіемъ къ своему товарищу.

Конечно, Вингэтъ не отвѣчалъ, но молча взглянулъ на Дурака, который безпокойно потиралъ себѣ ноги. Наконецъ, онъ сказалъ, обращаясь къ гостямъ съ надеждой встрѣтить участіе къ своимъ недугамъ:

— Чувствовалъ-ли когда кто-нибудь изъ васъ, джентльмены, ломоту и дрожь въ ногахъ отъ колѣна до пятки?—Это такое странное чувство, продолжалъ онъ, точно оживляясь этой темой разговора,—сначала кажется—лихорадка, но нѣтъ, это что-то другое... слабость... ощущеніе какъ-будто близкой смерти... Пилюли д-ра Ригчи не оказываютъ никакого дѣйствія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ рѣзко Вингэтъ за всѣхъ. Мы не

испытывали ничего подобнаго... Но мы говорили о томъ, куда вы помѣстили вашъ капиталъ...

— И при томъ желудокъ всегда не въ порядкѣ, продолжалъ Гоукинсъ, краснѣя подъ взглядомъ Вингэта, но все же отчаянно цѣпляясь за свою тему, какъ потерпѣвшій крушеніе матросъ держится за послѣдній кусокъ мачты.

Вингэтъ ничего не отвѣчалъ, но многозначительно взглянулъ на товарищей.

Гоукинсъ очевидно не понялъ, что этотъ взглядъ откровенно выражалъ общее признаніе его глупости, и, какъ бы защищаясь, сказалъ:

— Кажется, вы говорили что-то о моемъ капиталѣ?

— Да, произнесъ Вингэтъ, съ необыкновенной быстротой:—я говорилъ, что свои деньги вы вѣроятно употребили...

— На покупку оврага Раферти, застѣнчиво произнесъ дуракъ.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ посѣтители смотрѣли другъ на друга съ безмолвнымъ изумленіемъ. Затѣя Раферти была самой гибельной неудачей въ «Пятирѣчіи»: непрактичный планъ самаго непрактичнаго въ мірѣ человѣка Раферти, который задумалъ провести воду въ такое мѣсто, гдѣ въ ней вовсе не нуждались, и въ грязи этого оврага похоронены капиталы самаго Раферти и двадцати несчастныхъ его пайщиковъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ наконецъ Вингэтъ:—теперь я все понимаю. Вотъ почему оборванецъ Патъ Раферти отправился вчера въ Санъ-Франциско въ нарядной одеждѣ, а его жена съ дѣтьми поѣхали въ каретѣ на Сакраменто. Вотъ почему работники его, не имѣвшіе все это время ни пенса, вчера играли на бильярдѣ и ѣли устрицы. Вотъ источникъ объявленія во вчерашнемъ «Таймсѣ», стоившаго сто долларовъ, о новомъ выпускѣ бумагъ этой компаніи. Вотъ зачѣмъ шестеро

чужестранцевъ прибыло вчера въ гостинницу «Магнолія». Все это надѣлалъ Дуракъ съ своими деньгами, вотъ этотъ, что сидитъ здѣсь!...

«Дуракъ» молчалъ. Посѣтители, также не говоря ни слова, встали.

— Вы никогда не принимали индійскихъ растительныхъ пилюль? спросилъ застѣнчиво Гоукинсъ у Вингэта.

— Нѣтъ, отвѣчалъ громовымъ голосомъ тотъ, отворяя дверь.

— А мнѣ сказали, что онѣ отлично дѣйствуютъ, продолжалъ Гоукинсъ; къ сожалѣнію, въ лавкѣ распроданъ уже весь запасъ ихъ...—но въ эту минуту Рингэтъ и его товарищи съ ожесточеніемъ хлопнули дверью подъ носъ Дураку.

Однако, черезъ полгода, все это дѣло было забыто; деньги, уплоченныя Гоукинсомъ, прожиты, а самый оврагъ перепроданъ компаніи Бостонскихъ капиталистовъ, увлеченныхъ блестящимъ описаніемъ какого-то туриста, который пропьянствовалъ цѣлую ночь въ «Пятирѣчіи». Я полагаю, что критика болѣе не коснулась-бы умственныхъ способностей Гоукинса, если-бы не случилось особаго обстоятельства.

II.

Во время разгара политической борьбы, когда страсти партій были воспламенены до крайности, явился въ «Пятирѣчіе» горячій капитанъ Макфаденъ. Вступивъ, однажды, въ отчаянный споръ съ Кальгуномъ Бунгстартеромъ, онъ вызвалъ его на дуэль. Капитанъ былъ извѣстенъ, какъ дуэлистъ и прекрасный стрѣлокъ, но не пользовался популярностью. Существовало подозрѣніе, что его прислала оппозиція съ враждебною цѣлью. Къ тому-же онъ былъ пришлецъ въ лагерѣ, а я долженъ, къ при-

скорбію сознаться, что «Пятирѣчіе» не отличалось тѣмъ широкимъ гостепріимствомъ, какое обыкновенно приписываютъ кочевымъ племенамъ. По этому въ станѣ произошло замѣшательство, когда капитанъ попросилъ, чтобъ кто-нибудь согласился быть его секундантомъ. Наконецъ, къ всеобщему изумленію и къ негодованію многихъ, вызвался Дуракъ. Я право не знаю, выбралъ ли бы его добровольно въ секунданты капитанъ Макфаденъ, но за неимѣніемъ лучшаго ему пришлось воспользоваться его услугами.

Однако, дуэль никогда не состоялась. Всѣ приготовленія были сдѣланы, мѣсто избрано, соперники явились со своими секундантами и докторомъ въ назначенное время, не было никакого вмѣшательства извнѣ, не представлено никакихъ объясненій или извиненій, и все же... дуэль не состоялась.

Легко себѣ представить, въ какое волненіе было повергнуто «Пятирѣчіе», когда всѣ эти факты стали извѣстны. Соперники, докторъ и одинъ изъ секундантовъ уѣхали на другой день. Одинъ Дуракъ остался, но онъ не отвѣчалъ ни на какіе вопросы, говоря, что далъ слово молчать, и вообще, по мнѣнію всѣхъ, велъ себя послѣдовательно, какъ настоящій дуракъ. Только черезъ полгода, полковникъ Старкботль, секундантъ Кальгуна, въ минуту слабости, за стаканомъ вина объяснилъ все дѣло. Съ моей стороны было-бы несправедливо по отношенію къ одной сторонѣ, еслибъ не передалъ его разсказа съ буквальною точностью; при этомъ должно замѣтить, что главная черта характера полковника—сознаніе своего достоинства—увеличивалось пропорціонально выпитому вину, а юморъ, напротивъ, исчезалъ въ эти минуты.

— Я говорю съ джентльменами, сказалъ Старкботль, гордо поднимая голову,—и надѣюсь, что мнѣ не придется защищать себя отъ упрека въ легкомысліи, какъ въ Сак-

раменто, гдѣ, разсказавъ впервые объ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, я былъ вынужденъ, гмъ... гмъ... вызвать на дуэль одного изъ слушателей. Я увѣренъ,—прибавилъ онъ, граціозно проводя по воздуху рукою, въ которой держалъ стаканъ вина,—что ничего подобнаго не случится здѣсь, въ мѣстѣ пребыванія мистера Гоукинса, и поведеніе котораго, прошу вѣрить, джентльмены, заслуживаетъ всякихъ похвалъ.

Удовлетворенный, повидимому, серьезнымъ, почтительнымъ вниманіемъ слушателей, разсказчикъ нѣжно улыбнулся и, закрывъ глаза, какъ-бы для того, чтобы собраться съ мыслями и припомнить все,—продолжалъ:

— Мѣсто, выбранное для дуэли, было близь жилища мистера Гоукинса, а потому рѣшено было съ общаго согласія собраться у него. Дѣйствительно, ровно въ половинѣ седьмаго мы всѣ явились. Утро было холодное, и мистеръ Гоукинсъ гостепріимно предложилъ бутылку виски, которую всѣ и роспили. Вамъ, я полагаю, извѣстно, почему я составилъ исключеніе. Я всегда, вставая утромъ, пью чашку крѣпкаго кофе съ рюмкой коньяку. Это поддерживаетъ организмъ, сэръ, не разстраивая нервовъ.

Эти послѣднія слова были обращены къ буфетчику трактира, въ которомъ происходила описываемая сцена, и тотъ, какъ свѣдущее лицо, одобрительно крякнулъ.

— Въ двадцать минутъ мы достигли назначеннаго мѣста, продолжалъ полковникъ среди общаго сосредоточеннаго вниманія:—отмѣрили шаги и зарядили пистолеты. Вдругъ мистеръ Бунгстартеръ сказалъ мнѣ на ухо, что чувствуетъ себя нехорошо и... очень страдаетъ. Я передалъ объ этомъ мистеру Гоукинсу, и оказалось, что его дуэлистъ также очень страдаетъ и... удалился въ поле. Симптомы ихъ болѣзни докторъ назвалъ-бы холерными. Я говорю назвалъ-бы, потому что нашъ докторъ также страдалъ и объявилъ, гмъ... въ неприличныхъ выраженіяхъ,

что ихъ всѣхъ чѣмъ нибудь опоили. Я обратился за объясненіемъ къ мистеру Гоукинсу, и онъ вспомнилъ, что, по разсѣянности, угостилъ ихъ водкой, настоянной на лекарствѣ, которое не имѣло никакого дѣйствія и потому считалось имъ безвреднымъ. Его готовность дать удовлетвореніе каждому изъ соперниковъ, искренее сожалѣніе о своей ошибкѣ и неподдѣльный страхъ, возбужденный въ немъ состояніемъ его здоровья, на которое, гмъ... не вліяло то, что гмъ... такъ сильно дѣйствовало на другихъ,—словомъ, все его поведеніе вполнѣ отвѣчало достоинству благороднаго человѣка и джентльмена. Черезъ какой-нибудь часъ соперники оказались въ полномъ изнеможеніи, а докторъ ихъ бросилъ, заботясь о себѣ. Я, вмѣстѣ съ мистеромъ Гоукинсомъ, рѣшились отвезти ихъ въ Марклквиль. Тамъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ нимъ, рѣшено было, не компрометируя никого. окончить дѣло миромъ. До сихъ поръ, прибавилъ доблестный полковникъ, стуча стаканомъ по столу и обводя взглядомъ всѣхъ присутствующихъ:—ни одинъ джентльменъ не осудилъ за такое окончаніе дѣла.

Каково-бы ни было мнѣніе жителей «Пятирѣчія» о проявленіи умственныхъ способностей Гоукинса въ этомъ случаѣ, но, быть можетъ, благодаря рѣшительному обращенію полковника, никто не высказалъ ни малѣйшей критики. Черезъ нѣсколько недѣль это дѣло было забыто и только составило лишнюю цифру въ числѣ «глупостей», въ которыхъ обвиняли Гоукинса. Къ тому же новыя его выходки заставляли забыть старыя.

III.

Годъ спустя послѣ дуэли, въ Звѣздномъ Тунелѣ, подъ горою, гдѣ жилъ Гоукинсъ, найдена драгоцѣнная свинцовая руда и ему предложили большую сумму за уча-

стокъ земли на горной вершинѣ. Какъ ни привыкли сосѣди къ его глупостямъ, но извѣстіе, что дуракъ упорно отвергнулъ предложеніе, возбудило всеобщее изумленіе. Причина отказа была еще удивительнѣе. Онъ рѣшилъ строить домъ. Строить домъ на землѣ, которая могла быть употреблена въ дѣло рудокопами, было нелѣпостью; строить домъ, не имѣя вовсе нужды въ новомъ помѣщеніи,—не значило-ли просто бросать деньги; наконецъ онъ задумалъ его, по мнѣнію всѣхъ, въ какомъ-то странномъ стилѣ;—все это походило на безуміе.

Однако факты не замедлили оправдаться. Планъ дома былъ уже составленъ, необходимый строительный матеріалъ заготовленъ, и рабочіе стали класть фундаментъ надъ Звѣзднымъ Тунелемъ. Избранная мѣстность была въ самомъ дѣлѣ очень живописна, а зданіе задумано такъ красиво, что ничего подобнаго не видывали еще въ «Пятирѣчіи». Сосѣди сначала, покачивая головой, скептически наблюдали за постройкою. День за день, со сказочной быстротой росло среди зеленыхъ дубовъ и сосенъ зданіе, извѣстное по всей окрестности подъ именемъ «Пріютъ слабоумныхъ», и скоро стало какъ будто неизбѣжною частью ландшафта. Наконецъ, оно было готово. Владѣлецъ приступилъ тогда къ его меблировкѣ, съ роскошью, вполнѣ гармонировавшей съ внѣшностью зданія и извѣстной расточительностью хозяина. Ковры, мягкія кушетки, зеркала и фортепіано, единственное во всей окрестной странѣ и привезенное за большія деньги изъ Сакраменто—возбуждали, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, лихорадочное любопытство «Пятирѣчія». Кромѣ того, по мнѣнію немногихъ женатыхъ сосѣдей, въ числѣ предметовъ, купленныхъ Гоукинсомъ, находились вещи исключительно для дамскаго обихода. Когда въ домѣ все было готово, Дуракъ заперъ наружную дверь, положилъ ключъ въ карманъ и спокойно удалился въ свое скромное жилище.

Я не счелъ нужнымъ передавать проницательному читателю всѣхъ догадокъ, къ которымъ прибѣгали жители «Пятирѣчія», стараясь по своему объяснить постройку «Пріюта»: ихъ легко себѣ представить. Конечно, самой распространенной версіей было, что «вѣдьма» своею ложной скромностью и систематическимъ безмолвіемъ довела Дурака до бѣлаго каленія и такъ его обошла, что онъ выстроилъ домъ для будущаго медоваго мѣсяца несчастной четы (не могло быть сомнѣнія, разумѣется, что этотъ бракъ будетъ несчастенъ). Но когда прошло достаточно времени и домъ все еще оставался необитаемымъ, сосѣди пришли къ убѣжденію, что Дуракъ обманутъ въ третій разъ. Общее негодованіе при этомъ дошло до того, что, еслибъ тогда и явилась «вѣдьма», то, по всей вѣроятности, вся община помѣшала бы браку. Между тѣмъ, всѣ разспросы, обращенные къ самому Гоукинсу, зачѣмъ онъ выстроилъ домъ и не живетъ въ немъ, не увѣнчались никакимъ успѣхомъ. Причины, приводимыя имъ, были уклончивы, неопредѣленны и неудовлетворительны. Онъ увѣрялъ, что нечего торопиться и что всегда успѣетъ перебраться въ новый домъ, когда онъ будетъ совершенно готовъ.

Часто въ лѣтніе вечера его видали на верандѣ этого необитаемаго жилища, гдѣ онъ курилъ сигару. Разсказывали даже, что однажды ночью весь домъ сверху до низу былъ блестяще освѣщенъ и одинъ изъ сосѣдей увѣрялъ, что, заглянувъ въ окно гостинной, видѣлъ, какъ Дуракъ въ парадномъ костюмѣ сидѣлъ на диванѣ, какъ бы принимая многочисленное общество, хотя въ то время въ домѣ никого не было, кромѣ самого владѣльца. Когда фактъ этотъ сталъ достояніемъ молвы, практическіе люди объясняли его тѣмъ, что Гоукинсъ на-единѣ подготовлялъ себя къ приличному исполненію своихъ будущихъ высокихъ обязаностей гостепріимнаго хозяина.

Нѣкоторые полагали, что домъ посѣщали духи, а редакторъ мѣстнаго «Телеграфа» разсказалъ на столбцахъ газеты достовѣрную исторію о томъ, какъ Гоукинсъ ежедневно принималъ въ прекрасно меблированномъ мавзолеѣ призракъ его умершей невѣсты. То обстоятельство, что Дурака часто видѣли въ лунныя ночи, придавало особенную правдоподобность этой исторіи, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство обратило всеобщее вниманіе совершенно въ другую сторону.

IV.

Около этого времени одна уединенная дикая долина въ окрестностяхъ «Пятирѣчія» пріобрѣла славу особенно живописной мѣстности. Посѣщавшіе ее туристы увѣряли, что нигдѣ не было столь высокихъ горныхъ утесовъ и такихъ большихъ водопадовъ. Корреспонденты различныхъ газетъ не жалѣли красокъ и поэтическихъ выраженій въ описаніи ея фантастическихъ красотъ. Мужчины и женщины, никогда не любовавшіеся ни заходомъ солнца, играющимъ на окнахъ ихъ жилища, ни лѣтней ночью, при лунномъ свѣтѣ которой они ложились спать,—ѣхали теперь за тысячу миль для точнаго измѣренія высоты утеса и глубины оврага, для того, чтобы взглянуть на громадное, уродливое дерево и сказать себѣ съ отраднымъ самодовольствіемъ «мы восхищаемся природою». Такимъ образомъ, согласно вкусамъ и слабостямъ многочисленныхъ посѣтителей этой долины, ея главнѣйшія мѣстности получили характеристическія названія: «Водопадъ кружевнаго платка», «Источникъ сочувственныхъ слезъ», «Мысъ восхищенія», «Долина безмолвнаго ожиданія» и безконечное количество вершинъ было окрещено именами великихъ людей, частью умершихъ, частью живыхъ. Съ теченіемъ времени, у под-

ножія водопада находили пустыя бутылки отъ содовой воды, а подъ тѣнью гигантскихъ деревьевъ остатки бутербродовъ и лоскутки засаленныхъ газетъ. На единственной большой улицѣ «Пятирѣчія» часто стали появляться чисто выбритые мужчины въ пестрыхъ галстухахъ и нарядно-одѣтыя дамы.

Въ одинъ прекрасный день, годъ спустя послѣ постройки «Пріюта», въ долину прибыла веселая компанія школьныхъ учительницъ изъ Санъ-Франциско. Это были не строгія Минервы въ очкахъ, не Паллады, защищенныя кольчугой невинности, а прелестныя, молодыя, живыя дѣвушки, увы! чрезвычайно опасныя для обитателей «Пятирѣчія». По крайней мѣрѣ, такъ думали рудокопы, не покидая своего тяжкаго труда въ оврагахъ и шахтахъ. Когда же учительницы, ради интереса науки и въ видахъ умственнаго развитія молодаго поколѣнія, рѣшились остаться въ «Пятирѣчіи» трое сутокъ для посѣщенія различныхъ копей и особливо Звѣзднаго Тунеля, то весь станъ пришелъ въ неописанное волненіе: магазины готоваго платья не успѣвали удовлетворять требованіямъ; еще сильнѣе былъ спросъ на бѣлье и бритвы.

Между тѣмъ, съ смѣлостью и развязностью, свойственными женщинѣ, когда она «защищена» присутствіемъ особъ своего пола, учительницы сновали взадъ и впередъ по городу, любуясь красивыми лицами и мужественными фигурами, выглядывавшими на нихъ изъ копей и тунелей. Говорятъ, что Дженни Форестеръ, поддержанная семью другими, столь же смѣлыми барышнями, открыто и публично махала платкомъ геркулесу «Пятирѣчія» Тому Флину изъ Виргиніи, такъ что этотъ добродушный, но простоватый гигантъ долго крутилъ усы въ безмолвномъ изумленіи.

Въ свѣтлый іюньскій вечеръ миссъ Нелли Арнотъ, старшая учительница малолѣтняго отдѣленія одной школы

въ Санъ-Франциско, ловко скрывшись отъ своихъ подругъ, рѣшила привести въ исполненіе смѣлый планъ, давно задуманный въ ея отважной головкѣ. Съ удивительнымъ инстинктомъ женщины, для которой открыты всѣ тайны сердца, она выслушала исторію Гоукинсовскаго «Пріюта» и рѣшила во что бы то ни стало проникнуть подъ его таинственный кровъ. Миновавъ кусты у подножія горы, густой лѣсъ, отдѣлявшій Звѣздный Тунель и хижину Гоукинса на скатѣ, она, никѣмъ не замѣченная, благодаря принятымъ предосторожностямъ, достигла по малой тропинкѣ до вершины. Мрачный и безмолвный, высился передъ ней теперь во всемъ своемъ величіи неподвижный предметъ ея любопыства, но мужество ей почти измѣнило съ характерной непослѣдовательностью женскаго пола. Вдругъ на нее напалъ страхъ тѣхъ опасностей, которыя она благополучно миновала—страхъ медвѣдей, тарантулъ, пьяныхъ людей, «ящерицъ». Сердце ея сильно билось и съ минуту она думала, что «смертный часъ ея пробилъ», какъ она потомъ передавала. Вѣроятно съ этой мыслью она подняла два большіе, тяжелые камня, но потомъ бросила ихъ, взяла въ ротъ двѣ шпильки, старательно поправила растрепавшіяся косы роскошныхъ, черныхъ волосъ и ощупала въ своихъ карманахъ записную книжку, платокъ, футлярчикъ съ визитными карточками и флаконъ съ нюхательнымъ спиртомъ. Наконецъ, съ напускнымъ спокойствіемъ она взошла на веранду и дернула звонокъ, хотя нисколько не сомнѣвалась, что никто не отзовется на ея звонъ. Послѣ довольно приличной паузы, она осмотрѣла закрытыя ставни французскихъ оконъ. Одно изъ нихъ подалось подъ ея рукой; она на минуту остановилась, кокетливо поправила свою шляпку передъ зеркальнымъ стекломъ, отразившимъ во весь ростъ ея фигуру, и отворивъ окно, вошла въ комнату.

Хотя домъ былъ запертъ долгое время, но въ немъ

пахло свѣжей краской, а не плѣсенью, какъ это водится въ жилищахъ, посѣщаемыхъ духами. Пестрые ковры, свѣтлыя обои и мебель «съ иголочки» рѣшительно гнали мысли о привидѣніяхъ. Съ дѣтскимъ любопытствомъ начала она подробно разсматривать безмолвное жилище; сначала боязливо отворяла она двери и быстро отскакивала отъ порога, боясь кого-нибудь увидать, но потомъ, убѣдившись въ своей безопасности и полномъ одиночествѣ, она сдѣлалась смѣлѣе. Въ самой большой изъ комнатъ красовались въ вазахъ цвѣты, очевидно, собранные въ то самое утро, и что еще было удивительнѣе, въ кружкахъ и кувшинахъ была налита свѣжая вода. Это побудило миссъ Нелли замѣтить странный фактъ, что въ домѣ вовсе не было пыли—самой назойливой и частой гостьи всего «Пятирѣчія».

Полы и ковры были недавно выметены, мебель тщательно вытерта. Если домъ посѣщался какимъ-нибудь призракомъ, то этотъ призракъ очевидно не былъ подобенъ своимъ собратьямъ, равнодушнымъ къ сырости и паутинѣ. Однако на постеляхъ никто еще не спалъ, пружины въ креслѣ, на которое опустилась миссъ Нелли, заскрипѣли, какъ новыя, двери туго отворялись и, не смотря на окружающую чистоту, блескъ и комфортъ, ясно было, что никто здѣсь не обиталъ. Ей очень хотѣлось, какъ она впослѣдствіи объясняла, нарушить тишину, хотя-бы уронивъ что-нибудь изъ мебели, но особенно ее искушало фортепьяно, безмолвно прислонившееся къ стѣнѣ. Ей хотѣлось, если не играть, такъ хоть открыть его посмотрѣть, какого онъ мастера. Сдѣлавъ это, она подумала, что не будетъ большаго грѣха и попробовать тонъ. Она сѣла за фортепьяно и положила свою маленькую ножку на педаль. Но миссъ Нелли была слишкомъ пламенной музыкантшей и слишкомъ хорошо играла, чтобъ удовольствоваться двумя-тремя нотами. Она взяла нѣсколько аккордовъ и съ

такою силой, что звуки раздались по всему дому. Она умолкла и прислушалась. Пустой домъ снова впалъ въ прежнее безмолвіе. Она вышла на веранду: вездѣ царила тишина; только дроздъ долбилъ сосѣднее дерево и вдали смутно слышался шумъ телѣги. Никого не было видно вокругъ дома. Миссъ Нелли, успокоенная, вернулась въ комнату. Рука ея снова забѣгала по клавишамъ, и черезъ пять минутъ она совершенно забылась; сбросивъ свою накидку, повѣсивъ соломенную шляпу, снявъ перчатки и закинувъ назадъ черные волосы, она вновь отдалась звукамъ.

Съ полчаса она играла. Окончивъ трудную симфонію, она остановилась, руки ея еще покоились на клавишахъ, но ея мечты были вдругъ грубо нарушены рукоплесканіями извнѣ. Съ раскраснѣвшимися отъ стыда и негодованія щеками она бросилась къ окну и увидѣла быстро исчезнувшихъ въ лѣсу человѣкъ десять или двѣнадцать въ синихъ и красныхъ фуфайкахъ. Барышня тотчасъ рѣшила, что ей слѣдовало дѣлать. Я уже упоминалъ, что въ минуты волненія она была очень мужественна, и теперь, спокойно надѣвъ шляпу, перчатки и накидку, она была, авторъ долженъ сознаться, не безопаснымъ противникомъ для застѣнчиваго неопытнаго мужчины. Закрывъ фортепіано и окно, затворивъ двери и приведя домъ въ прежній порядокъ, она сошла съ веранды и прямо направилась къ хижинѣ Гоукинса, отстоявшей на четверть мили.

Не успѣла миссъ Нелли постучаться въ дверь, какъ она отворилась... Дуракъ стоялъ передъ нею. Молодая дѣвушка никогда не видала еще человѣка, носившаго такое непріятное имя, и она смутилась на мгновенье, когда онъ отступилъ съ вѣжливымъ поклономъ, какъ-бы предлагая ей войти.

Она увидѣла мужчину высокаго роста, прекрасно сло-

женнаго, съ черной бородой. Надъ впалыми отъ заботъ и нездоровья щеками блестѣли каріе глаза, большіе, мягкіе, невыразимо грустные. Конечно, не такого человѣка ожидала встрѣтить миссъ Нелли, и оправившись отъ перваго смущенія, она еще болѣе почувствовала оскорбленіе, нанесенное ея гордости. Однако, съ удивительнымъ искусствомъ и сообразительностью ея пола она тотчасъ измѣнила свою тактику.

— Я пришла извиниться передъ вами, сказала она съ чудной улыбкой, гораздо болѣе опасной, чѣмъ ея прежній строгій видъ:—за непозволительную смѣлость. Я полагаю, что домъ на вершинѣ этой горы вашъ. Онъ меня такъ плѣнилъ своей внѣшностью, что я, оставивъ своихъ подругъ внизу,—продолжала она лукаво и сдѣлавъ движеніе рукою, словно указывая на цѣлый отрядъ амазонокъ, которыя готовы отомстить за малѣйшее оскорбленіе, нанесенное ей:—я вошла въ комнаты. Замѣтивъ, что въ нихъ никого не было, я рѣшилась открыть фортепьяно и воспользоваться имъ въ ожиданіи подругъ.

Гоукинсъ поднялъ на нее свои красивые глаза. Передъ нимъ стояла хорошенькая молодая дѣвушка съ блестящими отъ волненія сѣрыми глазами, раскраснѣвшимися щечками и алыми губками, обнаруживавшими нервное возбужденіе и полускрывавшими рядъ маленькихъ бѣлыхъ зубовъ. Онъ смотрѣлъ на нее, однако, спокойно; пульсъ его не бился сильнѣе обыкновеннаго, и онъ чувствовалъ только естественное безпокойство застѣнчиваго, молчаливаго человѣка.

— Я зналъ это, сказалъ онъ просто;—я слышалъ васъ.

Его хладнокровіе и, въ особенности, подозрѣніе, что онъ участвовалъ въ таинственныхъ аплодисментахъ, выводили ее изъ терпѣнія.

— А-а!—сказала она все съ той же улыбкой:—и вы дали о себѣ знать!..

— Кажется, нѣтъ,—перебилъ онъ ее:—я не долго оставался. Увидавъ, что наши молодцы стоятъ вокругъ дома, я хотѣлъ-было васъ предупредить, но они обѣщали не шумѣть, а вы такъ углубились въ игру, что я не рѣшился васъ тревожить. Я надѣюсь,—прибавилъ онъ поспѣшно,—что они ничѣмъ не обнаружили, что слышали вашу музыку. Они недурные люди, наши молодцы, только по временамъ бываютъ грубы. Впрочемъ, они не сдѣлаютъ вреда ни вамъ, ни... кошкѣ,—прибавилъ Гоукинсъ, покраснѣвъ отъ своего неудачнаго сравненія.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала миссъ Нелли, неожиданно почувствовавъ негодованіе противъ себя, Дурака и всего мужскаго населенія «Пятирѣчія»,—нѣтъ, я поступила очень глупо, и, если бы они дали мнѣ это понять, то я это заслужила. Я хотѣла только извиниться передъ вами. Вы найдете домъ съ прежнемъ порядкѣ... Прощайте!

Она повернулась и хотѣла уйти. Теперь Гоукинсъ въ свою очередь смутился.

— Я бы васъ попросилъ сѣсть, сказалъ онъ, наконецъ,—если вамъ это не покажется дерзкимъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ слѣдовало это сдѣлать, и, право, не знаю, что меня остановило. Но вотъ видите, миссъ, я нездоровъ. По временамъ у меня что-то въ родѣ лихорадки... Это, вѣроятно, отъ сырости... И тогда, миссъ, я просто теряюсь...

Дѣвушка была тронута и взглянула съ участіемъ на Гоукинса.

— Могу я... Можно что-нибудь для васъ сдѣлать?—спросила она, уже гораздо мягче.

— Нѣтъ, развѣ вы припомните употребленіе этихъ пилюль, отвѣчалъ онъ, показывая коробочку съ полдюжиной пилюль:—я забылъ, какъ ихъ принимать... Вообще я теперь все забываю... Это растительныя пилюли Джонса. Если вы ихъ когда-нибудь принимали, сколько ихъ надо на пріемъ: шесть или восемь? Но, быть можетъ, вы ихъ никогда не употребляли?

— Нѣтъ, отвѣчала кротко миссъ Нелли.

Она обыкновенно легко схватывала смѣшную сторону всякаго предмета, но эксцентричность мистера Гоукинса почему-то вызвала въ ней лишь одно сожалѣніе.

— Позвольте мнѣ проводить васъ до подножья горы, сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ неловкаго молчанія.

Миссъ Арнотъ тотчасъ поняла, что представляется возможность загладить въ глазахъ свѣта ея легкомысленный поступокъ. Она могла по дорогѣ встрѣтить кого-нибудь изъ нескромныхъ поклонниковъ ея музыкальнаго таланта и даже подругъ; а, несмотря на свою живую, веселую натуру, она, какъ истая женщина, не презирала свѣтскихъ приличій. Итакъ съ милой улыбкой она приняла его предложеніе, и черезъ минуту они оба исчезли въ лѣсной чащѣ.

Какъ часто случается въ жизни, это незначительное приключеніе имѣло важныя послѣдствія. Какъ и ожидала миссъ Нелли, она встрѣтила двухъ или трехъ изъ рукоплескавшихъ ей слушателей, которые, какъ ей показалось, смотрѣли на нее неловко, застѣнчиво, и также своихъ подругъ, искавшихъ ее съ безпокойствомъ и выразившихъ удивленіе нѣсколько, какъ ей казалось, завистливое, при видѣ ея спутника. Боюсь, что миссъ Арнотъ въ отвѣтъ на ихъ тревожные вопросы, не сказала имъ всей правды. И, ничего прямо не утверждая, дала понять, что она во время своей экскурсіи какимъ-то чудомъ плѣнила слабоумнаго великана и повергла его къ своимъ стопамъ. Разсказавъ эту исторію два-три раза, она сама стала вѣрить, что въ ней была доля истины, и надѣяться на счастливый ея исходъ. Она ни мало не сомнѣвалась, что подобный результатъ былъ-бы счастьемъ для Дурака. Она была вполнѣ увѣрена, что это исцѣлитъ его отъ безумной привязанности къ «вѣдьмѣ», какъ вообще почти

всѣ мужчины и женщины думаютъ, что любовь, хотя безнадежная, внушенная ими, даетъ больше счастья, чѣмъ даже взаимная любовь другихъ.

Общественное мнѣніе въ «Пятирѣчіи», какъ и слѣдовало ожидать, вскорѣ и рѣшительно высказалось по этому предмету. Убѣдившись, что миссъ Нелли небыла «вѣдьма», принявшая личину молодой хорошенькой дѣвушки, чтобы обойти «Пятирѣчіе» и особливо Дурака, весь станъ рѣшилъ, что Гоукинсу слѣдовало какъ можно скорѣе жениться на учительницѣ. Необыкновенное счастье его совершенно отвѣчало теоріи о счастьѣ дураковъ, и потому никого не удивляло, что взамѣнъ, очевидно равнодушной къ нему «вѣдьмы», онъ нашелъ свое счастье въ собственномъ домѣ безъ всякихъ поисковъ и хлопотъ.— Участіе провидѣнія выразилось затѣмъ въ дальнѣйшихъ событіяхъ. Миссъ Арнотъ упала, взбираясь на Линкольнскую вершину, и вывихнула себѣ ногу. Поэтому ей пришлось провести нѣсколько недѣль въ гостинницѣ послѣ отъѣзда ея подругъ. Во все это время Гоукинсъ выказывалъ къ ней очень учтивое, хотя нѣсколько смѣшное вниманіе,

Однако, время шло, и дѣло о занятіи пустующаго дома счастливой четой нисколько не подвигалось; тогда вдругъ общественное мнѣніе измѣнило свой взглядъ на поведеніе Гоукинса. «Вѣдьму» стали считать за святую, долготерпѣливую мученицу, принесенную въ жертву слабости и непослѣдовательности Дурака. «Пятирѣчію» теперь стало ясно, что, выстроивъ домъ по ея желанію, онъ вдругъ впалъ въ сомнѣніе и, по слабости характера, не рѣшился довести дѣло до желаннаго конца, и что теперь та же исторія повторится съ бѣдной безпомощной учительницей. Поэтому, по общему приговору рѣшено было не дозволить ему опозорить «Пятирѣчія», и заставить его жениться на барышнѣ. Миссъ Нелли неожиданно увидѣла себя предметомъ всеобщаго поклоненія, которое было-бы

очень забавно, если-бъ подъ-часъ не надоѣдало, и было-бы дерзко, если-бъ не сопровождалось изъявленіями почти суевѣрнаго обожанія. Каждый день кто-нибудь изъ жителей заходилъ справляться о здоровьѣ.

— Былъ у васъ сегодня Гоукинсъ? спрашивалъ съ дѣланной небрежностью Томъ Флинъ, облокачиваясь на спинку кресла миссъ Нелли.

— Нѣтъ, отвѣчала она, слегка краснѣя.

— Вотъ видите, онъ вчера ушибъ ногу, продолжалъ Флинъ, не сморгнувъ, хотя онъ говорилъ явную ложь:— но не безпокойтесь, миссъ Арнотъ, онъ завтра придетъ, а пока онъ просилъ меня передать вамъ поклонъ вмѣстѣ съ этимъ букетомъ и образчикомъ золота его руды.

Съ этими словами мистеръ Флинъ подавалъ ей букетъ, собранный имъ на дорогѣ, и кусокъ золота, найденный имъ самимъ.

— Вы не должны обращать вниманія на манеры Гоукинса, миссъ Нелли, говорилъ другой рудокопъ самымъ сочувственнымъ тономъ:—во всемъ станѣ нѣтъ лучше человѣка Сайруса Гоукинса, но онъ не умѣетъ по-свѣтски обращаться съ женщинами. Онъ не бывалъ въ обществѣ, какъ нѣкоторые изъ насъ, прибавлялъ онъ, какъ настоящій джентльменъ изъ Честерфильда,—но у него прекрасныя намѣренія.

Между тѣмъ, другіе рудокопы убѣждали Дурака въ необходимости выказывать больной дѣвушкѣ какъ можно болѣе вниманія.

— Не хорошо будетъ, Гоукинсъ, говорили они, — если эта молодая миссъ, возвратясь въ Санъ-Франциско, разскажетъ всѣмъ, что, когда она была больна, ее бросилъ единственный человѣкъ въ «Пятирѣчіи», подъ кровомъ котораго она отдыхала и за столомъ котораго она сидѣла. (Это считалось естественнымъ и простительнымъ

реторическимъ украшеніемъ). Нѣтъ, пусть никто не скажетъ, что такъ поступаютъ въ «Пятирѣчіи».

Послѣ такихъ увѣщеваній, Дуракъ бѣжалъ въ долину, и миссъ Нелли принимала его сначала съ нѣкоторой сдержанностью, замѣнявшейся, однако, вскорѣ румянцемъ, смѣхомъ и невиннымъ кокетствомъ. Дни проходили за днями; миссъ быстро поправлялась, только сердце ея все чаще сжималось, а мистеръ Гоукинсъ чувствовалъ, что ему въ ея присутствіи все болѣе и болѣе неловко; граждане же «Пятирѣчія» съ улыбкой потирали руки и дожидались близкой развязки.

Она дѣйствительно наступила, но не въ томъ видѣ, въ какомъ ее ожидали добрые люди.

V.

Въ концѣ іюля, въ «Пятирѣчіе» прибыло общество восточныхъ туристовъ. Они «продѣлали», только что предъ тѣмъ, «Долину Чудесъ», и, такъ какъ въ числѣ ихъ было нѣсколько капиталистовъ, то положено было не довольствоваться одними красотами природы, а практически познакомиться съ горнымъ промысломъ Калифорніи. До сихъ поръ все шло прекрасно: въ водопадѣ было достаточно воды, благодаря позднему сезону; въ ущельяхъ горъ лежалъ еще снѣгъ; туристы измѣрили шагами окружность одного изъ громаднѣйшихъ деревьевъ и съ любопытствомъ осмотрѣли гигантскій пень, повергнутый на землю. Сказать, что они были довольны своимъ путешествіемъ было бы недостаточнымъ выраженіемъ ихъ энтузіазма; мужчины и дамы были положительно опьянены любезнымъ гостепріимствомъ жителей, новизною окружавшей ихъ природы и сухимъ, возбуждающимъ силы воздухомъ. Нѣкоторые туристы объявили, что они съ ра-

достью остались бы тутъ жить и умереть; а одинъ написалъ въ какую-то газету блестящее описаніе страны, которую возносилъ надъ всѣмъ, что можно было видѣть въ Европѣ и Америкѣ. При подобныхъ обстоятельствахъ слѣдовало ожидать, что «Пятирѣчіе» также останется вѣрнымъ себѣ и произведетъ должное впечатлѣніе на туристовъ.

Съ этою цѣлью были получены письма изъ Санъ-Франциско отъ извѣстныхъ капиталистовъ и, подъ руководствомъ одного изъ ихъ агентовъ, путешественники увидали все, что «слѣдовало видѣть», а то, чего не слѣдовало замѣчать, было отъ нихъ старательно скрыто. Такимъ образомъ, конечно, въ программу не входило посѣщеніе кладбища, на которомъ покоились многіе, но только двое изъ нихъ умерли естественной смертью, и мрачныхъ нищенскихъ шалашей на горномъ скатѣ, съ ихъ печальными, почти слѣпыми обитателями, работавшими съ утра до ночи за такую плату, отъ которой съ презрѣніемъ отказался бы простой работникъ на востокѣ. За то копи и машины компаніи Звѣзднаго Тунеля были, по словамъ писемъ изъ Санъ-Франциско, предметомъ, вполнѣ достойнымъ любопытства чужестранцевъ. Имъ были показаны драгоцѣнныя массы руды въ копяхъ компаніи, длинные бруски золота, которые дамы могли легко поднять, самый тунель, мрачный, таинственный и грозный,—словомъ, по выраженію одного корреспондента, «все богатство «Пятирѣчія» и всѣ мѣстныя условія, невольно привлекавшія на себя вниманіе восточныхъ капиталистовъ».

При этомъ случилось только одно обстоятельство, которое—я могу сказать какъ безпристрастный очевидецъ—не имѣло ничего пріятнаго для кого бы то ни было. Я не могу пройти молчаніемъ этотъ случай, такъ какъ въ немъ замѣшанъ главный герой моего правдиваго разсказа.

Двое или трое изъ самыхъ практичныхъ и трезвыхъ членовъ общества замѣтили, что нѣкоторыя мѣста Звѣзднаго Тунеля (вѣроятно, въ виду большаго дивиденда) были экономично, но не безопасно устроены. Эти замѣчанія прошли незамѣченными въ то время среди веселаго хохота и шума пробокъ отъ шампанскаго, громко раздававшихся подъ полу-освѣщенными сводами галлерей, какъ вдругъ наступило неожиданное, таинственное безмолвіе. Люди съ факелами быстро направились въ отдаленную часть галлереи, послышались отрывистыя приказанія, шумъ и говоръ. Нѣкоторые изъ туристовъ испугались; одна изъ дамъ упала въ обморокъ... Что-то случилось. Но что?

— Ничего нѣтъ опаснаго, произнесъ какой-то рудокопъ, говоря очень поспѣшно и съ видимымъ безпокойствомъ:—одинъ изъ джентльменовъ, желая взять пробу кварца изъ стѣны, сшибъ съ мѣста подпорку, сдѣлался обвалъ и... джентльменъ засыпанъ до плечъ. Но это ничего; его легко можно вытащить, но надо быть очень осторожнымъ, чтобъ не расширить обвала. Я не знаю, какъ его зовутъ... это—маленькій господинъ, мужъ веселой лэди, съ черными глазами... Эй! Куда? Остановите ее!.. Ради Бога, остановите!.. Она не туда бѣжитъ... Ей грозитъ опасность... Она упадетъ въ шахту!

Но та была уже далеко. Устремивъ глаза въ окружающій мракъ, оглашая воздухъ отчаянными криками. она бѣжала на свѣтъ, мелькавшій вдали. Она бѣжала мимо зіяющихъ пропастей по дрожащимъ доскамъ, подъ ненадежными сводами, бѣжала дико, отчаянно, слѣпо, пока не упала на руки Гоукинса, который, между тѣмъ. спѣшилъ на помощь съ веревкой и ломомъ.

— О! спасите его! воскликнула она:—вы здѣшній! Вы знаете эти страшныя мѣста. Скажите, гдѣ онъ, поведите меня къ нему... Онъ умираетъ... Скорѣе, скорѣе!..

Онъ пристально взглянулъ на нее. вскрикнулъ и,

выронивъ изъ рукъ орудіе, прислонился безсильно къ стѣнѣ:

— Анни! произнесъ онъ тихо... ты?

Она схватила его за обѣ руки и впилась въ него глазами.

— Господи! Сайрусъ! промолвила она и опустилась передъ нимъ на колѣни.

Онъ старался освободиться изъ ея рукъ, но она крѣпко держала его.

— Нѣтъ! нѣтъ! кричала она:—вы меня простите, Сайрусъ, и забудете прошлое. Самъ Господь привелъ васъ сюда. Вы его спасете... Вы должны его спасти!

— Спасти кого? глухо произнесъ Сайрусъ.

— Моего мужа!

Ударъ былъ до того неожиданъ и на лицѣ его отразился такой мучительный ужасъ, что она на мгновенье забыла, что ихъ ожидало...

— Я думала, что вы... это знали... промолвила она едва слышно.

Онъ молча смотрѣлъ на нее. Въ эту минуту до нихъ долетѣли шумъ шаговъ и говоръ отдаленныхъ голосовъ. Она снова схватила его за руки.

— О! Сайрусъ! воскликнула она:—если вы меня дѣйствительно любили во всѣ эти долгіе годы, не бросьте меня въ минуту горя. Вы спасете его! Вы можете его спасти! Вы всегда были сильны и отважны! Вы его спасете, Сайрусъ, ради меня, ради вашей любви. Я знаю, вы его спасете. Вы слишкомъ благородны, чтобы такъ мстить... Да благословитъ васъ Господь!

Она встала и хотѣла пойти за нимъ, но онъ остановилъ ее, медленно поднялъ съ земли веревку и ломъ, выпавшіе изъ его рукъ, а потомъ обернулся, поднесъ ее руку къ своимъ губамъ, тихо поцѣловалъ ее, впился глазгами въ ея глаза и чрезъ мгновенье исчезъ...

Онъ не вернулся. Черезъ полчаса принесли и положили къ ея ногамъ мужа, живаго и невредимаго, только изнуреннаго отъ усталости и небольшихъ ушибовъ. Опасенія рудокоповъ оправдались: образовался второй обвалъ. Они едва успѣли выхватить ея мужа, спасеннаго Гоукинсомъ, какъ онъ самъ былъ сбитъ съ ногъ и придавленъ тяжелой балкой.

Въ продолженіи двухъ часовъ на глазахъ всѣхъ онъ лежалъ съ раздавленной грудью, терпѣливый, въ полномъ сознаніи своего ужаснаго положенія. Все это время рудокопы отчаянно работали вокругъ него съ геройской силой воли и съ мощью титановъ. Наконецъ, они докопались до отвѣснаго бревна, опиравшагося на балку, подъ которой лежалъ несчастный. Въ воздухѣ блеснулъ топоръ, но умирающій слабо произнесъ:

— Не рубите бревна!

— Отчего?

— Съ нимъ обрушится вся галлерея.

— Отчего?

— Это—фундаментъ моего дома.

Топоръ выпалъ изъ рукъ работника; всѣ поблѣднѣли... Это была правда. Они находились въ верхней галлереѣ, и обвалъ произошелъ именно подъ новымъ домомъ. Послѣ недолгаго молчанія, Гоукинсъ едва слышно произнесъ:

— Позовите ту... лэди... скорѣй!

Ее привели. Она нагнулась надъ нимъ едва дыша, онѣмѣвъ отъ ужаса и заливаясь слезами:

— Домъ выстроенъ... для тебя, милая... произнесъ онъ шопотомъ:—я долго дожидался, чтобы *мы* въ немъ зажили... Онъ записанъ на твое имя... Ты должна жить въ немъ... *съ нимъ*. Онъ не разсердится, ему все равно... что я буду всегда близъ васъ... Домъ стоитъ на моей могилѣ...

Онъ былъ правъ. Черезъ нѣсколько минутъ его не

стало. Тѣло его не тронули съ мѣста, и всю ночь, жители стана сидѣли вокругъ него при свѣтѣ факеловъ. На другой день они закрыли эту галлерею сводомъ, но не сдѣлали никакой надписи, никакого знака, полагая. что лучшій памятникъ ему—великолѣпный домъ, возвышавшійся надъ нимъ на горной вершинѣ лучезарнымъ сіяніемъ солнца.

— Этотъ памятникъ, говорили они:—не символъ смерти, мрака и горя, какъ всѣ другія гробницы, а жизни, свѣта, надежды. Этотъ памятникъ гласитъ всему міру, что подъ нимъ покоится—Дуракъ.

СЛУЧАЙ ИЗЪ ЖИЗНИ ИГРОКА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Мистеръ Окгерстъ всегда думалъ, что судьба должна быть. Безъ сомнѣнія, ничто не могло представлять болѣе рѣзкаго противорѣчія съ его привычками, какъ появленіе въ этотъ лѣтній день на городскомъ гуляньи въ семь часовъ утра. Въ это время года, и во всякое время года, въ какомъ бы то ни было публичномъ мѣстѣ, его блѣдное лицо дѣйствительно было рѣдкимъ явленіемъ на улицѣ въ Сакраменто, ранѣе двухъ часовъ пополудни. Вспоминая объ этомъ въ позднѣйшіе годы своей исполненной приключеній жизни, онъ, съ свойственною его профессіи философіею, неизмѣнно рѣшалъ, что судьба должна быть.

Но въ качествѣ повѣствователя, строго придерживающагося фактовъ, я долженъ заявить, что пребываніе его здѣсь въ это утро объяснялось весьма просто. Ровно въ половинѣ седьмаго, когда банкъ былъ въ выигрышѣ, доходившемъ до двадцати тысячъ долларовъ, онъ вдругъ поднялся изъ-за игорнаго стола, передалъ свое предсѣдательское мѣсто надежному помощнику, и спокойно удалился, не обративъ на себя вниманія ни одного изъ людей, въ молчаніи склонившихъ надъ столомъ лихорадочно возбужденныя лица. Но войдя въ свою роскошную спальню, выходившую на улицу, онъ былъ нѣсколько пораженъ потокомъ солнечнаго свѣта, лившагося въ окно.

которое забыли закрыть ставней. Подъ впечатлѣніемъ-ли необычайной прелести этого утра, или самая идея показалась ему привлекательной по своей новизнѣ, но, собираясь уже опустить штору, онъ вдругъ остановился, затѣмъ схватилъ свою шляпу, вышелъ и спустился по лѣстницѣ на улицу.

Люди, находившіеся на улицѣ въ этотъ ранній часъ, принадлежали къ классу, совершенно незнакомому мистеру Окгерсту. Тутъ были продавцы молока и разносчики, выставлявшіе свои товары; мелочные торговцы, открывавшіе свои лавочки, горничныя, подметавшія ступени подъѣздовъ; иногда же попадались и дѣти. На весь этотъ народъ мистеръ Окгерстъ смотрѣлъ съ какимъ-то холоднымъ любопытствомъ, повидимому, совершенно чуждымъ того циническаго презрѣнія, съ какимъ онъ обыкновенно смотрѣлъ на тѣхъ изъ своихъ ближнихъ, которые имѣли притязаніе на особенное положеніе въ свѣтѣ, и съ которыми ему часто приходилось сталкиваться. Кромѣ того, я думаю, что ему не были вовсе непріятны тѣ восхищенные взгляды, которые попадавшіяся женщины, принадлежавшія къ низшему классу, останавливали на его прекрасномъ лицѣ и фигурѣ, замѣтныхъ даже въ странѣ, славящейся красивыми мужчинами. Хотя весьма вѣроятно, что этотъ отчаянный игрокъ безъ роду и племени сохранилъ бы ледяное равнодушіе, въ отвѣтъ на ухаживанье какой нибудь изящной лэди, но восхищеніе маленькой бѣжавшей рядомъ съ нимъ дѣвочки въ лохмотьяхъ вызвало слабый румянецъ на его блѣдныя щеки. Онъ, наконецъ, отослалъ ее, но она все-таки имѣла время убѣдиться,—въ чемъ и всегда, болѣе или менѣе скоро, убѣждались особы этого одареннаго сердечною теплотою и проницательностью пола,—что онъ былъ чрезвычайно щедръ на деньги, и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—чего еще можетъ быть не замѣтила ни одна особа ея пола, — что

черные глаза этого прекраснаго джентльмена имѣли на самомъ дѣлѣ карій и даже нѣжно-сѣрый оттѣнокъ.

Вскорѣ вниманіе мистера Окгерста было привлечено небольшимъ садикомъ передъ бѣлымъ коттэджемъ, замѣченнымъ имъ въ одной изъ боковыхъ улицъ. Тамъ было очень много розъ, геліотропу и вербены,—цвѣтовъ, очень хорошо знакомыхъ мистеру Окгерсту (хотя въ формѣ весьма раззорительной и болѣе портативной, а именно—въ формѣ букетовъ), но ему показалось, что такихъ прекрасныхъ, какъ эти, онъ еще никогда не видывалъ. Способствовала ли этому свѣжая утренняя роса, еще покрывавшая цвѣты, или то обстоятельство, что они не были сорваны, но мистеръ Окгерстъ восхищался ими не какъ будущею вѣроятною данью очаровательной и пикантной миссъ Этелиндѣ, игравшей тогда на мѣстномъ театрѣ, исключительно ради мистера Окгерста, какъ она увѣряла, и не думая также о подношеніи покорительницѣ сердецъ, миссъ Монморенси, съ которою онъ долженъ былъ ужинать въ этотъ день, но ради самого себя и даже, можетъ быть, ради самыхъ цвѣтовъ онъ любовался ими.

Какъ бы то ни было, онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по этой открытой мѣстности и, наконецъ, замѣтивъ скамейку подъ хлопчато-бумажными деревами, усѣлся на нее, обмахнувъ предварительно пыль своимъ носовымъ платкомъ.

Утро стояло прекрасное. Воздухъ былъ такъ тихъ и спокоенъ, что шелестъ листьевъ сикоморы производилъ впечатлѣніе, какъ будто это былъ глубокій вздохъ только что проснувшагося дерева, а слабый шорохъ вѣтвей наводилъ на мысль, что оно расправляетъ свои занѣмѣвшіе и возвращающіеся къ жизни члены. Далеко въ сторонѣ рисовался хребетъ Сіерры... такъ далеко, что сперва казался онъ какого-то неопредѣленнаго цвѣта, пока, наконецъ, солнце, повидимому, потерявъ надежду достичь

его, не разлило свои лучи на всю окрестность и не освѣтило его вершины, рѣзко выдѣлившіяся на небосклонѣ своею сіяющею бѣлизною.

Съ совершенно несвойственнымъ ему порывомъ, мистеръ Окгерстъ снялъ шляпу и, откинувшись на спинку скамьи, обратилъ лицо свое къ небу. Нѣсколько птичекъ, критически разсматривавшихъ его съ нависшихъ надъ нимъ вѣтвей, очевидно, начали оживленную бесѣду относительно его, быть можетъ, недоброжелательныхъ намѣреній; одна или двѣ, ободренныя его неподвижностью, прыгали по землѣ у самыхъ его ногъ, пока звукъ колесъ, катившихся по песчаной дорожкѣ, не спугнулъ ихъ оттуда.

Мистеръ Окгерстъ посмотрѣлъ въ ту сторону и увидалъ медленно приближавшагося къ нему человѣка, катившаго передъ собою экипажъ весьма страннаго вида, который былъ занятъ полулежавшею въ немъ женщиной. Мистеръ Окгерстъ тотчасъ же подумалъ, что колесница представляла изобрѣтеніе и самодѣльную работу управлявшаго ею мужчины. Онъ заключилъ такъ отчасти по странному виду экипажа, по силѣ и ловкости двигавшей его рабочей руки, и по нѣкоторой гордости и очевидному довольству собою, отражавшимся во всѣхъ движеніяхъ человѣка, приводившаго его въ движеніе. Въ слѣдующую минуту мистеръ Окгерстъ замѣтилъ, что лицо мужчины ему знакомо. Благодаря присущей ему способности не забывать лица тѣхъ, съ которыми ему приходилось разъ имѣть дѣло по своей профессіи, онъ тотчасъ же сдѣлалъ правильную классификацію и для этого лица, выразивъ ее въ слѣдующей сжатой формулѣ: «Во Фриско, Полька Салонъ. Проигралъ свое недѣльное жалованье... около 70 долларовъ... на красномъ. Не являлся послѣ этого». Не смотря на то, въ его спокойномъ взглядѣ и на его безстрастномъ лицѣ не отразилось никакихъ слѣдовъ этихъ воспоминаній, когда онъ обратилъ его къ незнакомцу, ко-

торый, напротивъ, вдругъ вспыхнулъ, растерялся и остановился, безсознательно придвинувъ колесницу съ ея прекраснымъ пассажиромъ еще ближе къ мистеру Окгерсту.

Теперь, принимая во вниманіе ту важную роль, которую эта лэди займетъ въ моемъ правдивомъ повѣствованіи, я долженъ заняться описаніемъ ея наружности, если только я въ силахъ сдѣлать это. Само собою разумѣется, что общественное мнѣніе на этотъ счетъ не отличалось единодушіемъ. Я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что покойный полковникъ Старкботтль — обширной опытности котораго по отношенію къ прекрасному полу я не разъ былъ обязанъ многими весьма важными замѣчаніями— не признавалъ въ ней никакой привлекательности. «Желтолицая калѣка, клянусь честью, одно изъ вашихъ безцвѣтныхъ духовныхъ созданій, безъ всякаго тѣла на костяхъ». Однако же, съ другой стороны, почему въ такомъ случаѣ пользовалась она лестнымъ неодобреніемъ со стороны особъ своего пола. Миссъ Селестина Говардъ, вторая танцовщица одного изъ мѣстныхъ театровъ, въ позднѣйшіе годы, называла ее съ особенно выразительною интонаціею: «аспидомъ съ орлинымъ носомъ». M-lle Бримборіонъ вспоминала, какъ она всегда предостерегала «мистера Джэка», что эта женщина отравитъ его. Но мистеръ Окгерстъ, впечатлѣнія котораго, быть можетъ, были въ данномъ случаѣ наиболѣе важными, увидалъ только интересную, блѣдную, худую женщину съ глубокими глазами, рѣзко отличавшуюся отъ своего спутника тою утонченностью, которая является слѣдствіемъ долгаго страданія и одиночества, и какою-то дѣвственною, застѣнчивою граціею манеръ. Даже самыя складки ея опрятнаго платья говорили о непорочности, а подробности всего туалета отличались самымъ изысканнымъ вкусомъ; замѣтивъ это, мистеръ Окгерстъ, самъ не зная почему, подумалъ, что это платье было изобрѣтено и сработано ею

самою, подобно тому, какъ занимаемый ею экипажъ былъ, очевидно, дѣломъ рукъ ея спутника. Рука ея, слишкомъ худощавая, но очень красивая, женственная, съ тонкими пальцами, покоилась на боковой подушкѣ экипажа, и представляла рѣзкій контрастъ съ сильною рабочею рукою ея товарища.

Въ это время встрѣтилось какое-то препятствіе, остановившее дальнѣйшій ходъ экипажа, и мистеръ Окгерстъ поспѣшилъ на помощь. Такъ какъ было необходимо приподнять наскочившее на камень колесо, то дама должна была опереться на его руку, и ея худая и какъ снѣжный хлопокъ легкая и холодная ручка оставалась на его рукѣ нѣсколько мгновеній, и затѣмъ, какъ ему показалось, исчезла, растаявши подобно этому хлопку. Далѣе наступила пауза и, наконецъ, обмѣнъ вѣжливостей между мужчинами перешелъ въ разговоръ, въ которомъ, мало-по-малу, и лэди застѣнчиво начала принимать участіе.

Оказалось, что это были мужъ и жена; что въ послѣдніе два года она была очень больна и лишилась употребленія нижнихъ конечностей вслѣдствіе ревматизма; что до послѣдняго времени она была прикована къ постели, пока ея мужу, плотнику по ремеслу, не пришла счастливая мысль сдѣлать для нея этотъ экипажъ. Съ той поры онъ аккуратно вывозилъ ее подышать воздухомъ, передъ тѣмъ, какъ уходилъ на работу, такъ какъ это было для него единственнымъ свободнымъ временемъ, и въ этотъ часъ они менѣе привлекали на себя вниманіе. Они совѣтовались со многими докторами, но безъ всякаго успѣха. Имъ рекомендовали отправиться къ Сѣрному Источнику, но это требовало значительныхъ расходовъ. Мистеръ Декеръ (супругъ) скопилъ однажды 80 долларовъ для этой цѣли, но въ С.-Франциско ему подрѣзали карманъ,—да, мистеръ Декеръ былъ настолько простъ, что допустилъ это. (Догадливому читателю не нужно разъяснять, что все это

разсказывала лэди). Съ тѣхъ поръ они уже никакъ не могли второй разъ накопить такую сумму, и оставили уже всякую надежду на леченье. Какъ это ужасно—подрѣзыванье кармановъ! Онъ раздѣляетъ это мнѣніе.... Не такъ ли?

Лицо ея супруга сдѣлалось багровымъ, но лицо мистера Окгерста оставалось совершенно спокойнымъ и безстрастнымъ. Онъ совершенно серьезно, повидимому, выражалъ молчаніемъ свое согласіе и продолжалъ идти рядомъ съ ней, пока они не достигли того маленькаго садика, которымъ онъ такъ любовался. Здѣсь мистеръ Окгерстъ попросилъ подождать и, войдя въ калитку, поразилъ собственника предложеніемъ неслыханно щедрой платы за право нарвать цвѣтовъ по своему выбору. Вслѣдъ затѣмъ онъ возвратился къ экипажу съ запасомъ розъ, геліотропу и вербены, и бросилъ все это къ ногамъ больной женщины. Въ то время, какъ она съ дѣтскою радостью нагнулась къ цвѣтамъ, мистеръ Окгерстъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, отвелъ въ сторону ея супруга.

— Быть можетъ, сказалъ онъ въ полголоса, но чуждымъ всякаго раздраженія тономъ, быть можетъ, вы и хорошо сдѣлали, что не сказали ей правды. Теперь вы можете сказать, что воръ былъ послѣ того задержанъ, и вы получили свои деньги обратно.—Мистеръ Окгерстъ спокойно сунулъ 80 золотыхъ монетъ въ объемистую руку сконфуженнаго мистера Декера. Скажите такъ, или какъ сами знаете, но только обѣщайте не сказать правду.

Тотъ обѣщалъ.

Мистеръ Окгерстъ спокойно повернулся къ маленькому экипажу. Больная женщина все еще ревностно была занята цвѣтами, но когда она подняла голову, ему показалось, что ея увядшія щеки заимствовали отъ этихъ розъ ихъ нѣжный оттѣнокъ, а ея глаза—часть покрывавшей эти цвѣты росы. Но въ то-же мгновенье мистеръ

Окгерстъ приподнялъ свою шляпу и исчезъ, прежде чѣмъ она успѣла поблагодарить его.

Я съ грустью долженъ заявить, что мистеръ Декеръ безсовѣстно нарушилъ свое обѣщаніе. Въ ту же самую ночь, въ припадкѣ откровенности и супружескаго самоотверженія, онъ, подобно всѣмъ преданнымъ супругамъ, принесъ въ жертву семейному алтарю, не только самого себя, но и своего друга и благодѣтеля. Но справедливость требуетъ прибавить, что онъ очень горячо говорилъ о великодушіи мистера Окгерста и съ энтузіазмомъ, свойственнымъ его сословію, распространялся о романтической репутаціи и громкихъ подвигахъ игрока.

— А теперь, дорогая Эльси, скажи, что ты прощаешь меня, говорилъ мистеръ Декеръ, опускаясь на одно колѣно передъ ложемъ своей супруги. У меня были хорошія намѣренія. Только ради тебя, моя дорогая, тогда ночью во Фриско, я поставилъ на карту эти деньги. Я думалъ выиграть цѣлую груду золота, достаточную для того, чтобы увезти тебя отсюда, и кромѣ того сшить тебѣ новое платье.

Мистрисъ Декеръ улыбнулась и сжала руку своего супруга:

— Я прощаю тебя, Джо дорогой, сказала она все еще улыбаясь и задумчиво устремивъ взоры въ потолокъ:—но тебя стоило бы хорошенько высѣчь за то, что ты такъ обманулъ меня, злой мальчикъ, и заставилъ сказать ему такую рѣчь.

Она схватила розовую вѣтку, поднесла цвѣты къ своему лицу, и, прикрывъ его ими проговорила: «Джо»!

— Что, моя милая?

— Какъ ты думаешь, возвратилъ ли бы мистеръ, какъ ты его называлъ, Джэкъ Окгерстъ кажется,—возвратилъ ли бы онъ эти деньги, еслибы не мои слова?

— Конечно.

Еслибы онъ вовсе не видалъ меня?

— Мистеръ Декеръ взглянулъ на нее. Она старательно прикрыла розами все свое лицо, за исключенiемъ глазъ, свѣтившихся какимъ-то опаснымъ блескомъ.

— Нѣтъ... это для тебя, Эльси... Онъ сдѣлалъ это только потому, что смотрѣлъ на тебя.

— На меня?.. Бѣдную, больную женщину?

— На такую прекрасную, маленькую, хорошенькую Эльси, на милую женушку Джо! Какъ могъ онъ поступить иначе?

Мистрисъ Декеръ съ любовью обвила одною рукою шею своего мужа, все еще держа въ другой розы, и заслоняя ими свое лицо. Потомъ изъ-за этихъ розъ послышался такой милый и безсмысленный шепотъ: «Дорогой мой, толстый старый Джо. Мой милый, косолапый медвѣдь». Но я не думаю, чтобы, въ качествѣ строгаго повѣствователя, излагающаго одни только факты, я былъ обязанъ передавать и дальнѣйшее содержанiе рѣчей этой маленькой лэди, и умолкаю изъ уваженiя къ моей незамужней читательницѣ...

Но на слѣдующее утро мистрисъ Декеръ выказала легкую и совершенно непонятную раздражительность, когда они достигли мѣста гулянья, и просила мужа, чтобы онъ везъ ее домой. Далѣе она была повидимому очень удивлена, встрѣтивъ на обратномъ пути мистера Окгерста, и даже усумнилась сперва, дѣйствительно ли это онъ, и когда онъ приблизился, спросила своего супруга: точно ли это вчерашнiй незнакомецъ. Ея тонъ по отношенiю къ мистеру Окгерсту представлялъ совершенный контрастъ съ дружескимъ привѣтствiемъ ея супруга. Мистеръ Окгерстъ тотчасъ же замѣтилъ это.

«Мужъ все сказалъ ей, и она ненавидитъ меня», подумалъ онъ, желая разрѣшить загадку женскаго на-

строенія, загадку, ставившую втупикъ самыхъ мудрыхъ критиковъ мужескаго пола.

Разговоръ недолго длился, онъ пріостановился только, чтобы справиться о мѣстѣ, гдѣ работалъ ея мужъ и затѣмъ, приподнявъ съ достоинствомъ шляпу, продолжалъ свой путь, даже не взглянувъ на лэди. Честный плотникъ былъ очень пораженъ очаровательною странностью характера своей жены, которая, не смотра на то, что встрѣча, очевидно, была натянутой и непріятной, тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ пришла въ хорошее настроеніе.

— Ты жестоко обошлась съ нимъ—немножко жестоко, не правда ли, Эльси? сказалъ мистеръ Декеръ заискивающимъ тономъ:—я боюсь, онъ догадается, что я не сдержалъ обѣщанія.

— Ты думаешь! равнодушно сказала лэди.

Мистеръ Декеръ тотчасъ же остановился и повернулся къ ея лицу.

— Ты смотришь совсѣмъ какъ первоклассная лэди, прогуливающаяся по Бродуэй въ собственномъ экипажѣ, Эльси, сказалъ онъ.—Я никогда еще не замѣчалъ у тебя такого гордаго вида.

II.

Спустя нѣсколько дней собственникъ Сѣрнаго Источника св. Изабеллы получилъ слѣдующее письмо, написанное хорошо ему знакомымъ, четкимъ почеркомъ мистера Окгерста:

«Дорогой Стэвъ. Я обдумалъ ваше предложеніе относительно покупки участка Никольса и рѣшился принять его. Но мнѣ кажется это дѣло можетъ оплачиваться только въ томъ случаѣ, если тамъ устроить удобныя помѣщенія для лицъ самаго высшаго класса—я подразумѣваю *моихъ* кліентовъ. Прежде всего нужно расширить главный кор-

пусъ и построить два или три коттэджа. Я посылаю плотника съ тѣмъ, чтобы онъ тотчасъ же принимался за дѣло. Онъ беретъ съ собою свою больную жену, и я прошу васъ заботиться о нихъ также, какъ бы вы заботились о комъ нибудь изъ насъ.

«Я пріѣду туда самъ послѣ скачекъ—посмотрѣть, какъ идутъ дѣла. Въ этотъ сезонъ я уже не буду вести никакой игры.

«Преданный вамъ

«Джэкъ Окгерстъ».

Только послѣдняя фраза этого письма подверглась строгой критикѣ.

— Я еще могу понять, говорилъ мистеръ Гемлинъ (товарищъ Окгерста по профессіи), когда ему показали это письмо—я могу понять для чего онъ тратится на постройки, такъ какъ это дѣло вѣрное и можетъ принести хорошіе плоды, если только онъ будетъ аккуратно пріѣзжать сюда самъ. Но почему онъ отказывается отъ игры въ этомъ сезонѣ и упускаетъ случай воротить тѣ деньги, которыя пустилъ въ оборотъ, употребивъ ихъ на постройки—это выше моего пониманія. Я очень желалъ бы, прибавилъ онъ задумчиво,—разгадать эту послѣднюю игру.

* *
*

Истекшій сезонъ былъ чрезвычайно удаченъ для мистера Окгерста и, слѣдовательно, весьма раззорителенъ для многихъ членовъ законодательнаго собранія, судей, полковниковъ и другихъ лицъ, имѣвшихъ кратковременное удовольствіе пользоваться по ночамъ обществомъ мистера Окгерста. Не смотря на это, Сакраменто сталъ сильно надоѣдать ему. Въ послѣднее время у него завелась привычка гулять рано по утрамъ, и это обстоятельство казалось до того страннымъ и загадочнымъ его друзьямъ обоего пола, что возбудило сильнѣйшее любопыт-

ство. Двое или трое изъ нихъ даже посылали шпіоновъ слѣдить за нимъ, но это разслѣдованіе повело только къ такому открытію, что мистеръ Окгерстъ расхаживаетъ по городскому гулянью, садится на нѣсколько минутъ всегда на одну и ту же скамью, и, не видясь ни съ кѣмъ, возвращается домой. Такимъ образомъ, всякое подозрѣніе о томъ, что здѣсь замѣшана женщина, была совершенно оставлена. Нѣкоторые суевѣрные джентльмены его профессіи думали, что онъ ходитъ туда ради какой-нибудь «примѣты»; другіе, болѣе практическіе, увѣряли, что онъ изучаетъ тамъ различные крапы.

Послѣ скачекъ въ Мерисвилѣ, мистеръ Окгерстъ прибылъ въ С.-Франциско; оттуда возвратился въ Мерисвиль, а спустя нѣсколько дней его уже видѣли въ С.-Жозе, въ Санта-Круцѣ и въ Окландѣ. Лица, встрѣчавшія его тамъ, разсказывали, что онъ имѣлъ безпокойный и лихорадочный видъ, совершенно противорѣчившій его обычному спокойствію и флегматичности. Полковникъ Старкботтль указалъ на тотъ фактъ, что въ С.-Франциско, въ клубѣ, Джэкъ уклонился отъ игры. «Ненадежный малый, сэръ.— Разсчитывайте на него послѣ этого. Никакой выдержки, клянусь честью!»

Изъ С.-Жозе онъ выѣхалъ сухимъ путемъ въ Орегонъ съ большимъ запасомъ лошадей и съ цѣлымъ походнымъ лагеремъ, но, достигнувъ Стоктона, онъ вдругъ раздумалъ продолжать путь, и спустя четыре часа, верхомъ на единственной оставленной при себѣ лошади, подъѣзжалъ уже къ теплому сѣрному источнику Св. Изабеллы.

Это была живописная долина треугольной формы, расположенная у подошвы трехъ крутыхъ горъ, скаты которыхъ были покрыты темными соснами и фантастически разубраны мадроновыми и манзонитовымя деревьями. Разбросанныя строенія лѣпились у самой горы,

а сквозь листву деревъ мелькала длинная терраса отеля. Тамъ и сямъ виднѣлись бѣлые, точно игрушечные коттеэджи.

Мистеръ Окгерстъ не былъ большимъ любителемъ природы, но онъ почувствовалъ тоже новое для него пріятное состояніе, какое онъ испыталъ при своей первой утренней прогулкѣ на Сакраменто. Вскорѣ ему навстрѣчу стали попадаться проѣзжавшіе по дорогѣ экипажи съ празднично-одѣтыми женщинами, и холодные очерки калифорнскаго ландшафта начали принимать болѣе теплый колоритъ населенной мѣстности. Затѣмъ открылась обширная площадь передъ отелемъ, пестрѣвшая бѣлыми, голубыми и красными платьями дамъ, занимавшихъ скамьи у террасы.

Мистеръ Окгерстъ, какъ хорошій наѣздникъ, по калифорнскому обычаю не замедлилъ бѣга горячаго иноходца, при приближеніи къ цѣли, но поскакалъ въ галопъ къ отелю и, разомъ осадивъ коня на разстояніи одного фута отъ террасы, спокойно спустился съ него, окруженный цѣлою тучею поднявшейся пыли.

Какъ бы ни было сильно то лихорадочное возбужденіе, въ какомъ онъ находился въ эту минуту, но къ нему тотчасъ же возвратилось его обычное спокойствіе, какъ только онъ вступилъ на террасу. Благодаря выработанному долговременною привычкою самообладанію, онъ встрѣтилъ направленную на него баттарею глазъ съ такимъ же холоднымъ равнодушіемъ, съ какимъ впродолженіи многихъ лѣтъ встрѣчалъ полускрытыя колкости мужчинъ и робкое восхищеніе женщинъ.

Только одинъ человѣкъ вышелъ на встрѣчу, чтобы привѣтствовать его. По странному случаю это былъ Дикъ Гамильтонъ, быть можетъ единственное лицо изъ всѣхъ присутствующихъ, которое, по своему рожденію, образованію и общественному положенію, могло выдержать

самую строгую критику. Къ счастью для репутаціи Окгерста, онъ былъ въ то же время богатымъ банкиромъ и задавалъ тонъ въ обществѣ.

— Знаете ли вы того, съ кѣмъ только что разговаривали? спросилъ его юный Паркеръ съ выраженіемъ смущенія въ лицѣ.

— Конечно, отвѣчалъ Гамильтонъ, съ свойственною ему невозмутимой самоувѣренностью,—это тотъ самый человѣкъ, которому вы проиграли тысячу долларовъ на прошлой недѣлѣ.

— Но вѣдь онъ игрокъ! сказала младшая миссъ Смитъ.

— Это совершенно справедливо, отвѣчалъ Гамильтонъ:—но я бы желалъ, моя милая молодая лэди, чтобы всѣ вели такую же открытую и честную игру, какъ этотъ человѣкъ, и чтобы всѣ встрѣчали ея превратности съ такимъ же равнодушіемъ.

Но мистеръ Окгерстъ, къ счастью, не слышалъ этого разговора, такъ какъ въ это время онъ уже беззвучно, но съ сосредоточеннымъ вниманіемъ расхаживалъ по верхней залѣ. Внезапно онъ услыхалъ легкіе шаги за собою и, затѣмъ, свое имя, произнесенное знакомымъ голосомъ, при звукѣ котораго вся кровь прилила къ его сердцу.

Онъ обернулся—о н а стояла передъ нимъ.

Но какъ она измѣнилась! Если я, за нѣсколько страницъ передъ этимъ, затруднялся описаніемъ калѣки съ ввалившимися глазами, скромно одѣтой жены ремесленника, то что же я могу сказать теперь, при появленіи этой граціозной, стройной, щегольски одѣтой лэди, въ какую она успѣла превратиться въ эти два мѣсяца? Въ самомъ дѣлѣ, она была замѣчательно хороша. Безъ сомнѣнія, мы съ вами, дорогая читательница, тотчасъ бы разсмотрѣли, что эти очаровательныя ямочки на ще-

кахъ не согласовались съ требованіями истинной красоты, что онѣ были слишкомъ рѣзко обозначены для выраженія откровенной веселости характера, что нѣжныя линіи около этого орлинаго носа могли служить признакомъ жестокости и эгоизма, что эти прекрасные глаза съ тѣмъ же дѣвственнымъ недоумѣніемъ могли быть устремлены въ ея тарелку, какъ и въ лице сосѣда за столомъ; но дѣло въ томъ, что мы съ вами, милая читательница, вовсе не влюблены въ нея, тогда какъ мистеръ Окгерстъ влюбленъ положительно. Я даже опасаюсь, что и теперь складки ея парижскаго платья показались этому бѣдному малому такими же поразительными признаками непорочности, какъ и тѣ, какія онъ подмѣтилъ въ ея прежнемъ платьѣ домашняго издѣлья. Къ этому присоединилось пріятное открытіе, что она могла ходить, и что ея милыя, маленькія ножки были обуты въ прекрасныя туфли самой тонкой французской работы, съ великолѣпными голубыми бантами, съ собственнымъ клеймомъ Chapell'я (Rue такая-то и такая-то, Paris и проч.).

Онъ бросился къ ней съ внезапной краской на лицѣ и протянутыми руками. Но она быстро обернулась, окинула бѣглымъ взглядомъ залу и стала передъ нимъ, придавъ своему лицу полу-вызывающее, полу-лукавое выраженіе, совершенно не соотвѣтствовавшее ея прежней сдержанности.

— Я было рѣшилась вовсе не подавать вамъ руки. Вы прошли мимо меня на террасѣ, не сказавши мнѣ ни одного слова, и мнѣ пришлось бѣжать за вами, какъ это, вѣроятно, случалось со многими другими бѣдными женщинами.

Мистеръ Окгерстъ пробормоталъ нѣсколько словъ, означавшихъ поразившую его въ ней перемѣну... что она сдѣлалась неузнаваемой.

— Я измѣнилась?... Тѣмъ скорѣе *вы* должны были

узнать меня. Кто же произвелъ во мнѣ эту перемѣну? Вы! Да, благодаря вамъ я совершенно переродилась... Вы нашли безпомощную, искалѣченную больную, подавленную бѣдностью женщину, одѣтую въ единственное платье ея собственной работы, и вы дали ей жизнь, здоровье, силу и богатство. Вы сдѣлали все это, и вамъ это извѣстно, сэръ. Какъ вамъ нравится ваше собственное созданіе?

И придерживая обѣими руками полы своего платья, она сдѣлала ему шутливый реверансъ, и, какъ бы поддавшись внезапному наплыву чувства, вдругъ протянула ему обѣ руки.

Я боюсь, что эта рѣчь, не отличавшаяся особенною скромностью и женственностью (какъ это, вѣроятно, подумаетъ каждая изъ моихъ прекрасныхъ читательницъ), не смотря на то, понравилась мистеру Окгерсту. И это не потому, что онъ привыкъ къ откровеннымъ изліяніямъ со стороны женскаго пола, но потому, что онъ стоялъ ближе къ кулисамъ, чѣмъ къ монастырю, съ которымъ, по его мнѣнію, жизнь мистрисъ Декеръ имѣла много общаго. Обращеніе къ нему въ такомъ тонѣ этой пуританки, этой больной праведницы, съ сохранившеюся еще печатью страданія на челѣ, этой женщины, которая всегда имѣла библію на своемъ спальномъ столикѣ, ходила въ церковь по три раза въ день, и сохраняла неизмѣнную вѣрность своему супругу,—произвела на него весьма сильное впечатлѣніе Онъ все еще держалъ ея руки въ своихъ, когда она продолжала:

— Отчего вы не пріѣхали раньше? Что вы дѣлали въ Мерисвилѣ, въ С.-Жозе, въ Окландѣ? Видите ли, я слѣдила за вами. Я видѣла, какъ вы подъѣзжали къ долинѣ и тотчасъ же узнала васъ. Я читала ваше письмо къ Джозефу, и знала, что вы пріѣдете. Отчего вы не писали ко мнѣ? Вы будете иногда писать? Не такъ-ли?...

— Добрый вечеръ, мистеръ Гамильтонъ.

Она отдернула свои руки, но это случилось, когда поднявшійся по лѣстницѣ мистеръ Гамильтонъ стоялъ уже около нихъ. Онъ вѣжливо приподнялъ свою шляпу, фамильярно кивнулъ Окгерсту, и прошелъ мимо.

Когда онъ исчезъ, мистрисъ Декеръ подняла глаза на мистера Окгерста:

— Когда нибудь я потребую отъ васъ большой услуги.

Мистеръ Окгерстъ просилъ, чтобы это было сдѣлано теперь же.

— Нѣтъ, нѣтъ, когда вы меня лучше узнаете. Тогда я какъ нибудь попрошу васъ убить этого человѣка.

Она разсмѣялась такимъ милымъ, звонкимъ смѣхомъ, на лицѣ ея появились такія хорошенькія ямочки, ея каріе глаза засвѣтились такимъ невиннымъ блескомъ, а щеки покрылись такимъ нѣжнымъ румянцемъ, что самъ мистеръ Окгерстъ, смѣявшійся весьма рѣдко, невольно тоже разсмѣялся... овечка предлагала волку сдѣлать нападеніе на сосѣднее стадо!

Однажды вечеромъ, спустя нѣсколько дней послѣ этого, мистрисъ Декеръ, сидѣвшая на террасѣ отеля въ кругу своихъ очарованныхъ поклонниковъ, поднялась съ своего мѣста, извинилась, что оставляетъ на нѣсколько минутъ общество, шутливо отклонила предложеніе почетной свиты и побѣжала черезъ дорогу къ своему маленькому коттэджу, построенному ея супругомъ. Быть можетъ, вслѣдствіе слишкомъ сильнаго и непривычнаго моціона въ такомъ состояніи, когда еще силы ея невполнѣ возстановились послѣ болѣзни, но дыханіе ея было прерывисто и лихорадочно въ то время, какъ она входила въ свой будуаръ, и разъ или два она прикладывала руку къ груди. Она зажгла свѣчу и вдругъ вздрогнула, увидавъ своего супруга, лежавшаго на софѣ.

— Ты, какъ будто, чѣмъ-то взволнована, дорогая Эльси, сказалъ мистеръ Декеръ: — тебѣ вѣдь не стало хуже? Не правда-ли?

Поблѣднѣвшее лицо мистрисъ Декеръ снова вспыхнуло.

— Нѣтъ, сказала она: — только не много давитъ вотъ здѣсь.

И она снова приложила руку къ своей груди.

— Не могу-ли я чѣмъ нибудь тебѣ помочь? спросилъ мистеръ Декеръ, приподнимаясь съ озабоченнымъ видомъ.

— Сбѣгай въ отель и принеси мнѣ немного вина... Скорѣе!

Мужъ побѣжалъ.

Мистрисъ Декеръ затворила дверь на задвижку и, опустивъ руку за корсажъ, сняла съ своей груди давившую ее тяжесть... Это было искусно сложенное письмо, и я долженъ, къ сожалѣнію, добавить, что оно было написано почеркомъ мистера Окгерста.

Она начала съ жадностью читать его, при чемъ щеки ея пылали, а глаза горѣли какимъ-то страннымъ огнемъ, но, услышавъ шаги за дверью, она сунула письмо за корсажъ и отдернула задвижку. Ея мужъ возвратился. Она взяла глотокъ вина и сказала, что чувствуетъ себя лучше.

— Ты уже не выйдешь сегодня изъ дому? покорно спросилъ мистеръ Декеръ.

— Нѣтъ, отвѣчала мистрисъ Декеръ, опустивъ глаза и глядя мечтательно внизъ.

— Я бы сдѣлалъ тоже на твоемъ мѣстѣ, сказалъ мистеръ Декеръ со вздохомъ облегченія.

Послѣ маленькой паузы онъ сѣлъ на софу и, привлекши къ себѣ жену, продолжалъ:

— Знаешь-ли о чемъ я думалъ, когда ты пришла, Эльси?

Мистрисъ Декеръ запустила свои пальцы въ густые, черные волосы мужа, и призналась, что никакъ не можетъ угадать.

— Я думалъ о старыхъ временахъ, Эльси; я думалъ о тѣхъ дняхъ, когда я устроилъ для тебя эту повозку, Эльси... когда я постоянно вывозилъ тебя на прогулку, и былъ и лошадью, и извощикомъ вмѣстѣ... Тогда мы были бѣдны и ты была больна, Эльси... но мы были счастливы. Теперь у насъ есть и деньги, и домъ, но... ты стала совсѣмъ другою женщиною. Я даже могу сказать, дорогая, что ты... теперь *новая* женщина... Вотъ это-то меня и безпокоитъ. Я могу сдѣлать для тебя повозку, могу построить тебѣ домъ, Эльси—но это и все... Я не въ состояніи сдѣлать тебя той или другой... Ты теперь сильна, красива и свѣжа, Эльси, и совсѣмъ новая... Но вѣдь это не я сдѣлалъ тебя такою.

Онъ замолчалъ.

Граціозно положивъ одну руку на его голову, другою же, ощупывая корсажъ, какъ бы для того, чтобы убѣдиться въ цѣлости давившей ея грудь тяжести, она отвѣтила самымъ веселымъ и ласковымъ тономъ:

— Но *все* это—твое дѣло, мой дорогой.

Мистеръ Декеръ горестно покачалъ головой.

— Нѣтъ, Эльси, не мое. Я могъ когда-то это сдѣлать, но упустилъ благопріятный случай. Теперь это уже сдѣлано, но не мною.

Мистрисъ Декеръ подняла на него свои удивленные, невинные глаза. Онъ нѣжно поцѣловалъ ее и продолжалъ уже болѣе веселымъ голосомъ:

— Но я думалъ не только объ этомъ, Эльси. Я думалъ также, что ты проводишь слишкомъ много времени съ этимъ мистеромъ Гамильтономъ. Я не хочу сказать, чтобы это было сколько нибудь предосудительно съ твоей или съ его стороны, но люди могутъ думать иначе. Ты вѣдь здѣсь единственное существо, Эльси, прибавилъ плотникъ, любовно смотря на жену:—о которомъ нѣтъ

никакихъ толковъ, и поступки котораго не подвергаются разбору и осужденіямъ.

Мистрисъ Декеръ была очень рада, что онъ заговорилъ объ этомъ. Она подумывала сама о томъ-же, но не могла быть невѣжливою относительно такого свѣтскаго джентльмена, какъ мистеръ Гамильтонъ, не пріобрѣтя въ немъ, въ тоже время, могущественнаго врага.

— И онъ всегда обращался со мною, какъ съ настоящей лэди своего круга, прибавила маленькая женщина съ нѣкоторою гордостью, что вызвало ласковую улыбку со стороны ея супруга. — Но мнѣ пришла въ голову одна мысль. Онъ не останется здѣсь, если я уѣду. Если бы я съѣздила, положимъ, хотя въ С.-Франциско на нѣсколько дней, навѣстить мою мать,—онъ вѣрно уѣдетъ прежде, чѣмъ я успѣла бы вернуться.

Мистеръ Декеръ просіялъ.

— И прекрасно, сказалъ онъ: — поѣзжай завтра же. Джэкъ Окгерстъ отправляется туда же, и я отдамъ тебя подъ его покровительство.

Мистрисъ Декеръ не думала, чтобы это было ловко:

— Мистеръ Окгерстъ нашъ другъ, Джозефъ, но вѣдь тебѣ извѣстна его репутація.

Она даже сомнѣвалась должна ли выѣзжать завтра, зная, что онъ отправляется въ тотъ же день, но, при помощи поцѣлуя, мистеру Декеру удалось разсѣять ея опасенія. Она согласилась уступить ему, выказавъ при этомъ такую очаровательную грацію, на которую способны не многія женщины.

* *
*

Въ С.-Франциско она пробыла недѣлю. Возвратившись оттуда, она нѣсколько похудѣла и казалась блѣднѣе прежняго. Это обстоятельство объяснялось, по ея мнѣнію, слишкомъ сильнымъ движеніемъ и разсѣянною жизнью.

— Меня по цѣлымъ днямъ не было дома, что можетъ подтвердить тебѣ матушка, говорила она мужу:— и я всюду ходила одна. Я теперь стала очень самостоятельной, прибавила она весело:—мнѣ уже не нужно никакой свиты, и я думаю, дорогой Джо, что могу идти куда угодно, даже безъ тебя: я сдѣлалась такой отважной.

Но ея поѣздка, повидимому, вовсе не привела къ желанной цѣли. Мистеръ Гамильтонъ не уѣхалъ никуда, и пришелъ къ нимъ въ тотъ же вечеръ.

— Мнѣ пришла въ голову одна мысль, дорогой Джо, сказала мистрисъ Декеръ, когда онъ ушелъ:—У бѣднаго мистера Окгерста очень плохое помѣщеніе въ отелѣ, что если бы мы предложили ему жить вмѣстѣ съ нами, когда онъ возвратится изъ С.-Франциско. Ему можно отвести нашу гостинную. Тогда, прибавила она лукаво:— мистеръ Гамильтонъ, какъ я думаю, не будетъ посѣщать насъ особенно часто.

Супругъ расхохотался, назвалъ ее маленькою кокеткою, шутливо ущипнулъ ее за щеку и согласился.

— Удивительный народъ эти женщины,—сообщалъ онъ впослѣдствіи по секрету мистеру Окгерсту—у нихъ, какъ будто, нѣтъ своего собственнаго плана: онѣ берутъ нашъ и строятъ на немъ такое зданіе, какое имъ всего болѣе приходится по вкусу. И чортъ меня возьми, если мы не думаемъ, что все это построено по нашему собственному рисунку и масштабу. Удивительная исторія.

На слѣдующей недѣлѣ мистеръ Окгерстъ водворился въ коттэджѣ Декера. Дѣловыя отношенія этихъ двухъ джентльменовъ были извѣстны всѣмъ, а репутація лэди стояла выше всякихъ подозрѣній. И дѣйствительно, эта женщина была очень популярна: ее считали хорошею женой, скромною и благочестивою. Въ странѣ, гдѣ женщины пользуются самою широкою свободою, она никогда не выѣзжала, не прогуливалась ни съ кѣмъ, кромѣ

своего мужа; въ такое время, когда языкъ воровъ и всякія двусмысленныя выраженія были въ сильномъ ходу, разговоръ ея всегда отличался совершеннымъ приличіемъ и сдержанностью; въ эпоху общаго стремленія къ наружному блеску и роскоши, на ней никто не видалъ ни одного брилліанта, ни одной слишкомъ цѣнной безделушки. Она строго соблюдала общественныя приличія и никогда не терпѣла фамильярностей, принятыхъ въ калифорнскомъ свѣтѣ. Она горячо протестовала противъ господствующаго невѣрія и религіознаго скептизма. Безъ сомнѣнія, только весьма немногіе изъ посѣтителей тогда общей залы забудутъ когда-нибудь тотъ достойный и вмѣстѣ внушительный тонъ, съ которымъ она упрекала мистера Гамильтона за его разсужденія объ одномъ сочиненіи, исполненномъ крайняго матерьялизма и впослѣдствіи вышедшемъ въ свѣтъ; немногіе изъ нихъ забудутъ также то недоумѣвающее выраженіе, которое появилось при этомъ на лицѣ мистера Гамильтона, и постепенно перешло въ насмѣшливую серьезность, когда онъ, съ свойственною ему вѣжливостью, старался перейти къ отступленію. Конечно, этого не могъ забыть мистеръ Окгерстъ, который съ этого времени сталъ какъ-то странно относиться къ своему другу, и я сказалъ бы даже—еслибы такое выраженіе, хотя сколько нибудь, согласовалось съ нравственными качествами мистера Окгерста—нѣсколько бояться его.

Именно съ этого времени въ привычкахъ мистера Окгерста произошла замѣтная перемѣна. Его уже весьма рѣдко и даже почти невозможно было встрѣтить въ тавернахъ или игорномъ домѣ, и вообще въ обществѣ прежнихъ друзей. На его туалетномъ столѣ въ Сакраменто появилась цѣлая груда лиловыхъ и розовыхъ записокъ, написанныхъ очень разсѣяннымъ почеркомъ. Въ С.-Франциско ходили слухи, что онъ страдаетъ органическимъ

порокомъ сердца, и что доктора предписали ему совершенное спокойствіе. Онъ много читалъ, дѣлалъ большія прогулки пѣшкомъ, продалъ своихъ великолѣпныхъ лошадей и началъ ходить въ церковь.

У меня живо сохранилось въ памяти его первое появленіе въ ней. Онъ пришелъ туда не съ Декерами и не занялъ мѣста на ихъ скамьѣ, но войдя въ церковь, когда служба уже началась, спокойно усѣлся на одной изъ боковыхъ лавокъ. Его присутствіе невольно какъ-то сообщилось всѣмъ молящимся, и слова молитвы, гдѣ только говорилось о грѣховныхъ побужденіяхъ, относились всѣми прямо къ нему. То же таинственное вліяніе отразилось и на совершившемъ богослуженіе священникѣ, который въ своей проповѣди объ архитектурѣ Соломонова храма, дѣлалъ такіе ясные намеки на образъ жизни и привычки мистера Окгерста, что сердца наиболѣе юныхъ слушателей исполнились самымъ пламеннымъ негодованіемъ.

Къ счастью, его краснорѣчіе не произвело никакого впечатлѣнія на Джэка; я даже не думаю, чтобы онъ хотя что нибудь разслышалъ, такъ какъ его прекрасное, блѣдное,—хотя нѣсколько изнуренное и задумчивое лицо,—осталось совершенно неподвижнымъ. Только однажды, во время пѣнія гимна, въ его темныхъ глазахъ появилось такое нѣжное, умоляющее и, вмѣстѣ, безнадежное выраженіе, что тѣ, которые наблюдали за нимъ, вдругъ почувствовали, что ихъ собственные глаза покрываются влагою.

У меня въ памяти сохранилась въ особенности минута, когда всѣ вѣрующіе встали, принимая благословеніе; при этомъ онъ, въ своемъ до верху застегнутомъ сюртукѣ, имѣлъ такой видъ, какъ будто стоялъ на разстояніи десяти шаговъ передъ дуломъ пистолета своего противника.

Послѣ службы онъ исчезъ также спокойно, какъ и появился, и, къ счастью, не слышалъ тѣхъ пересудовъ, которые были вызваны его смѣлымъ поступкомъ. Его появленіе здѣсь было вообще сочтено дерзостью, и объяснялось единственно свойственной ему внезапной причудой, или даже какимъ нибудь пари.

Нѣкоторые порицали причетника за то, что онъ не выгналъ тотчасъ же вонъ гостя, какъ только узналъ кто онъ такой; одинъ изъ очень вліятельныхъ прихожанъ заявилъ, что если ужь ему нельзя будетъ привести сюда свою жену и дѣтей, не подвергая ихъ такому вредному вліянію, то онъ постарается отыскать новый приходъ. Другой прихожанинъ приписывалъ присутствіе мистера Окгерста нѣкоторымъ еретическимъ воззрѣніямъ, которыя онъ, въ послѣднее время, началъ, къ сожалѣнію, замѣчать у пастора. Деканъ Сойеръ,—жена котораго, отличавшаяся слабою, болѣзненною организаціею, подарила ему одиннадцать человѣкъ дѣтей и умерла жертвою своего честолюбиваго стремленія подарить ему полную дюжину,—признался, что присутствіе въ церкви такого искателя приключеній, какъ мистеръ Окгерстъ, онъ считаетъ оскорбленіемъ памяти покойницы, и, по долгу мужа, никогда не потерпитъ этого.

Около этого же времени мистеръ Окгерстъ, сопоставляя самого себя съ такъ-называемымъ свѣтскимъ кругомъ, съ которымъ онъ до того времени сталкивался весьма рѣдко, пришелъ къ тому заключенію, что въ его лицѣ, фигурѣ, походкѣ, было что-то такое, совершенно непохожее на другихъ людей, что хотя и не обнаруживало его прежней карьеры, но все-таки указывало на какую-то подозрительную оригинальность. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ обрилъ свои длинные, шелковистые усы и аккуратно каждое утро сталъ приглаживать щеткой свои вьющіяся кудри. Онъ зашелъ такъ далеко, что старался

выказать нѣкоторую небрежность въ костюмѣ, и обулъ свои маленькія, красивыя, стройныя ноги въ широкіе и неуклюжіе дорожные сапоги. Въ Сакраменто разсказывали, что онъ отправился къ своему портному и потребовалъ, чтобы тотъ сдѣлалъ для него такое же платье, какое онъ дѣлалъ всѣмъ другимъ. Когда же портной, которому хорошо была извѣстна его щедрость, не сразу понялъ, чего онъ хочетъ, то мистеръ Окгерстъ воскликнулъ съ нетерпѣніемъ: «То есть, что нибудь такое, чтобы было *нереспектабельно*, и не сидѣло бы на мнѣ въ обтяжку».

Но какъ ни старался мистеръ Окгерстъ прикрыть свои стройные члены дешевой грубо скроенной одеждой — въ самой его походкѣ легкой, но мужественной, въ манерѣ держать красивую голову, въ его фигурѣ и спокойномъ самообладаніи — было что-то такое, свойственное исключительно ему и дѣлавшее его замѣтнымъ среди тысячи людей. Всѣ эти черты выказались особенно ярко, когда мистеръ Окгерстъ, повинуясь совѣтамъ и убѣжденіямъ мистера Гамильтона, также какъ и собственному влеченію, занялъ мѣсто биржеваго маклера въ Санъ-Франциско. Даже прежде всѣхъ недоброжелательныхъ толковъ, возбужденныхъ его вступленіемъ въ присутственное мѣсто,— толковъ, которые, сколько мнѣ помнится, были краснорѣчиво поддерживаемы Уэттомъ Сэндерсомъ, тѣмъ самымъ джентльменомъ, который, судя по разсказамъ, былъ главною причиною раззоренія и самоубійства Бриггса, изъ Туолумны,—даже прежде этого формальнаго протеста респектабельности противъ беззаконія,—внушительность манеръ и физіономіи мистера Окгерста сразу уничтожила всѣ возраженія.

— Этотъ человѣкъ способенъ насъ во все впутать,— сказалъ Уэттъ Сэндерсъ.

— Онъ способенъ совершить что угодно, даже честный поступокъ,—возразилъ Джо Фильдингъ.

III.

Оставалось только нѣсколько дней до окончанія краткаго лѣтняго сезона на теплыхъ источникахъ св. Изабеллы. Все наиболѣе фешенэбельное населеніе уже начало переселяться, и тамъ вскорѣ остался только экстрактъ самыхъ подонковъ общественнаго слоя.

Мистеръ Окгерстъ вдругъ сдѣлался угрюмымъ: ему намекнули, что даже прочно установившаяся репутація мистрисъ Декеръ не могла долѣе предохранить ее отъ тѣхъ сплетенъ, которыя начало вызывать его присутствіе здѣсь. Къ чести этой особы я долженъ сказать, что она встрѣчала всѣ испытанія этой послѣдней недѣли съ достоинствомъ кроткой, блѣдной мученицы, и что она обращалась со своими порицателями съ какою-то всепрощающею снисходительностью, ясно показывавшею, что она разсчитываетъ не на суетное поклоненіе толпы, а на твердость своихъ правилъ, болѣе дорогихъ для нея, чѣмъ одобреніе со стороны общества.

— Они толкуютъ обо мнѣ и о мистерѣ Окгерстѣ, моя милая, говорила она одной изъ своихъ подругъ:—но Богъ и мой супругъ лучше всѣхъ могутъ отвѣтить на эти сплетни. Никто не посмѣетъ сказать, чтобы мой мужъ когда нибудь отворачивался отъ друга въ трудную минуту, только потому, что ихъ положеніе измѣнилось: — что тотъ сталъ бѣденъ, а онъ—богатъ.

Это былъ первый публично высказанный намекъ на то, что мистеръ Окгерстъ потерялъ состояніе, тогда какъ всѣ знали, что Декеры пріобрѣли въ послѣднее время очень цѣнное имѣніе въ Санъ-Франциско.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, гармонія общественной жизни мѣстечка была нарушена такимъ диссонансомъ, который, по общему мнѣнію, былъ самымъ непріятнымъ изъ всѣхъ когда-либо имѣвшихъ мѣсто при ис-

точникахъ св. Изабеллы. Въ этотъ день во время обѣда всѣ замѣтили, что мистеръ Окгерстъ и мистеръ Гамильтонъ, сидѣвшіе за особымъ столикомъ, вдругъ поднялись съ своихъ мѣстъ въ нѣсколько возбужденномъ состояніи. Выйдя въ переднюю, они, какъ бы сговорившись, повернули въ маленькую отдѣльную комнату, въ то время никѣмъ незанятую, и тотчасъ же затворили за собою дверь. Тогда мистеръ Гамильтонъ повернулся къ своему другу съ полусерьезной, полунасмѣшливой улыбкой и сказалъ:

— Если уже намъ суждено поссориться, Джэкъ Окгерстъ, изъ-за какихъ нибудь пустяковъ, то пусть, по крайней мѣрѣ, это случится не изъ-за этой...

Я не знаю какой именно эпитетъ хотѣлъ онъ употребить. Послѣднее слово не было произнесено, потому что въ это самое мгновенье мистеръ Окгерстъ поднялъ свой стаканъ и выплеснулъ все заключившееся въ немъ вино прямо въ лицо мистеру Гамильтону.

Когда они затѣмъ посмотрѣли другъ другу въ глаза, то можно было подумать, что эти два человѣка обмѣнялись характерами. Мистеръ Окгерстъ весь дрожалъ отъ сильнаго возбужденія, и стаканъ, который онъ опустилъ обратно на столъ, трясся между его пальцами. Мистеръ Гамильтонъ стоялъ неподвижно, вытянувшись во весь ростъ и покрытый каплями пота. Послѣ небольшой паузы онъ заговорилъ совершенно хладнокровно:

— Да будетъ такъ! Но помните... наша ссора начинается только съ этого момента. Если я паду отъ вашей руки, это не будетъ *ей* извиненіемъ, если вы падете отъ моей — никто не будетъ считать васъ мученикомъ за правду. Мнѣ очень жаль, что дѣло зашло такъ далеко, но—аминь! Теперь чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Онъ гордо повернулся, полуопустилъ вѣки надъ своими стальными глазами, сверкнувъ точно кинжаломъ, поклонился и спокойно вышелъ изъ комнаты.

Встрѣча произошла спустя двѣнадцать часовъ, въ небольшой долинѣ на Стоктонской дорогѣ, на разстояніи двухъ миль отъ отеля. Когда мистеръ Окгерстъ бралъ свой пистолетъ изъ рукъ полковника Старкботтля, онъ сказалъ вполголоса этому послѣднему:

— Чѣмъ бы ни кончилось дѣло—я уже не возвращусь въ отель. У меня въ комнатѣ вы найдете нѣкоторыя указанія. Подите туда...

Но здѣсь голосъ его вдругъ дрогнулъ, глаза покрылись влагой, и онъ отвернулъ въ сторону лицо, къ великому изумленію своего секунданта. «Мнѣ разъ двѣнадцать случалось видать въ дѣлѣ Джэка, говорилъ впослѣдствіи полковникъ Старкботтль, и я никогда не замѣчалъ въ немъ ни малѣйшаго замѣшательства. А тутъ, чортъ меня возьми, если я не подумалъ, что онъ готовъ просить извиненья!..»

Оба выстрѣла послѣдовали почти одновременно. Правая рука мистера Окгерста повисла, и пистолетъ едва не выскользнулъ изъ ея раздробленныхъ пальцевъ, но привычка владѣть нервами и мускулами взяла верхъ, и онъ не разжалъ раненой руки, пока, не измѣняя позиціи, не взялъ пистолета въ другую.

Затѣмъ наступило молчаніе, казавшееся безконечнымъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ еще курился дымокъ, появились двѣ или три фигуры, и затѣмъ, надъ ухомъ мистера Окгерста раздался поспѣшный, сиплый, задыхающійся голосъ полковника Старкботтля:

— Рана смертельная... насквозь... легкія... Бѣгите!

Джэкъ поднялъ на секунданта свои темные, вопрошающіе глаза, но, повидимому, не слыхалъ его; скорѣе можно было подумать, что онъ прислушивается къ какому-то отдаленному голосу. Онъ постоялъ въ нерѣшимости, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ группѣ, и затѣмъ снова остановился... Докторъ поспѣшно подошелъ къ нему:

— Онъ хочетъ видѣть васъ... минуту... сказалъ этотъ

человѣкъ.—Я знаю, что у васъ теперь немного времени, но, прибавилъ онъ въ полголоса:—мой долгъ сказать вамъ что у него его еще меньше.

Обыкновенно безстрастное лицо мистера Окгерста вдругъ приняло такое отчаянное, глубоко безнадежное выраженіе, что докторъ невольно вздрогнулъ.

— Вы ранены, сказалъ онъ, смотря на безпомощно висѣвшую руку Джэка.

— Это пустяки — простая царапина, сказалъ Джэкъ поспѣшно.—Мнѣ не везетъ сегодня, прибавилъ онъ, горько улыбнувшись: — но пойдемте—посмотримъ, что ему нужно.

Онъ такъ быстро, лихорадочно пошелъ впередъ, что докторъ не могъ поспѣть за нимъ; въ слѣдующее мгновенье онъ стоялъ уже подлѣ умирающаго, представлявшаго, какъ и большинство умирающихъ, единственную спокойную, неподвижную фигуру, среди суетившейся группы. Лицо мистера Окгерста было менѣе спокойно, когда онъ опустился около него на одно колѣно и взялъ его за руку.

— Мнѣ нужно поговорить съ этимъ джентльменомъ безъ свидѣтелей, сказалъ мистеръ Гамильтонъ, обращаясь къ окружающимъ такимъ тономъ, который нѣсколько напоминалъ его прежнія повелительныя манеры.

Когда всѣ отошли, онъ посмотрѣлъ прямо въ лицо Окгерсту:

— Мнѣ нужно кое-что сказать тебѣ, Джэкъ.

Его лицо было блѣдно, но не такъ блѣдно, какъ склонившееся надъ нимъ лицо Окгерста: это лицо было такъ страшно, такъ полно муки и безнадежнаго сознанія совершившагося зла,—на немъ выражалась такая безконечная усталость, такая завистливая жажда смерти, что самъ умирающій почувствовалъ глубокое состраданіе и улыбка исчезла съ его губъ.

— Прости меня, Джэкъ, слабо прошепталъ онъ, за то, что я скажу. Я говорю не подъ вліяніемъ гнѣва, не ради мести, но только потому, что я долженъ сказать это. Я былъ бы не правъ передъ тобою, и не могу умереть спокойно, пока ты не узнаешь все. Это тяжелая обязанность, но что же дѣлать... нельзя ничего измѣнить... Не отъ твоей руки я долженъ бы былъ пасть, а отъ пули Декера.

Щеки Джэка покрылись легкимъ румянцемъ, онъ хотѣлъ было встать, но Гамильтонъ удержалъ его.

— Слушай... У меня въ карманѣ ты найдешь два письма... Возьми ихъ... Ты узнаешь почеркъ... Такъ, хорошо... Но обѣщай мнѣ, что ты прочтешь ихъ только тогда, когда уже будешь въ безопасности... Дай слово!

Джэкъ не отвѣчалъ... Онъ держалъ письма въ своей рукѣ съ такимъ видомъ, какъ если-бы это были раскаленные уголья.

— Дай слово, слабо повторилъ Гамильтонъ.

— Для чего? спросилъ Окгерстъ, выпуская руку своего друга.

— Для того, сказалъ умирающій съ горькою улыбкою: — что если ты прочтешь ихъ раньше, то... придешь къ тому-же... сюда, гдѣ тебя ждетъ... смерть.

Это были его послѣднія слова. Онъ слабо сжалъ руку Джэка... Передъ Окгерстомъ лежалъ трупъ.

IV.

Было около десяти часовъ вечера, мистрисъ Декеръ лѣниво полулежала на софѣ съ романомъ въ рукахъ, между тѣмъ какъ ея супругъ толковалъ о мѣстной политикѣ въ общей залѣ отеля. Ночь была темная, и большое окно во французскомъ вкусѣ, выходившее на маленькій балкончикъ, было полураскрыто.

Вдругъ ей послышался звукъ шаговъ на балконѣ, и

она, слегка вздрогнувъ, подняла глаза отъ книги. Вслѣдъ за тѣмъ окно раскрылось настежь и въ комнату вскочилъ мужчина.

Мистрисъ Декеръ поднялась на ноги и испустила слабый крикъ ужаса.

— Во имя неба, Джэкъ? Не сошелъ ли ты съ ума?.. Онъ вышелъ на самое короткое время и можетъ вернуться каждую минуту. Приходи часомъ позднѣе,—завтра, когда хочешь, какъ только мнѣ можно будетъ отдѣлаться отъ него,—но теперь, милый, уходи скорѣе!

Мистеръ Окгерстъ подошелъ къ двери, заперъ ее на задвижку, и, не говоря ни слова, посмотрѣлъ ей прямо въ лицо. Лицо его было блѣдно, а пустой рукавъ его сюртука висѣлъ поверхъ окровавленной и забинтованной руки.

Несмотря на то, голосъ ея не дрогнулъ, когда она снова обратилась къ нему:

— Что случилось, Джэкъ? Зачѣмъ ты здѣсь?

Онъ растегнулъ сюртукъ и бросилъ ей на колѣни два письма.

— Для того, чтобы возвратить тебѣ письма твоего любовника, чтобы убить тебя, и затѣмъ себя,—сказалъ онъ такъ тихо, что едва можно было разслышать.

Въ числѣ добродѣтелей этой заслуживше й удивленіе женщины, безъ сомнѣнія, была и замѣчательная неустрашимость. Она не упала въ обморокъ, даже не вскрикнула, но, спокойно усѣвшись опять, сложила на колѣнахъ свои руки и спокойно спросила:

— Зачѣмъ же остановка?

Если бы она растерялась, выказала хотя какой нибудь испугъ или замѣшательство, прибѣгла бы къ объясненіямъ и извиненіямъ,—мистеръ Окгерстъ взглянулъ бы на все это, какъ на очевидное доказательство виновности. Но ничто не оказываетъ такого вліянія на мужественные характеры, какъ тоже мужество въ другихъ, подобно тому

какъ отчаяніе не можетъ устоять противъ отчаянія. А способность къ анализу, которою отличался мистеръ Окгерстъ, не была на столько утонченною, чтобы не допустить его смѣшать эту неустрашимость съ нравственнымъ достоинствомъ. Даже подъ вліяніемъ бушевавшей въ немъ злобы, онъ не могъ не любоваться этимъ безстрашнымъ слабымъ созданіемъ.

— Зачѣмъ же дѣло стало? повторила она съ улыбкой.— Ты далъ мнѣ жизнь, здоровье и счастье, Джэкъ. Ты далъ мнѣ свою любовь. Почему же ты не въ правѣ взять все это обратно? Бери же. Я готова!

Она протянула руки съ такою-же безконечною, мягкою граціею, съ какою когда-то протягивала ихъ ему, при ихъ первой встрѣчѣ въ отелѣ.

Джэкъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на нее какъ безумный, опустился на колѣни и, схвативъ полу ея платья, поднесъ ее къ своимъ горячимъ губамъ. Но она была слишкомъ умна, для того, чтобы тотчасъ же не понять своей побѣды, и слишкомъ женщина, для того, чтобы не воспользоваться этой побѣдой. Въ одно мгновенье она поднялась съ своего мѣста, какъ бы въ порывѣ глубоко оскорбленной женщины, и указала на окно повелительнымъ жестомъ. Мистеръ Окгерстъ всталъ въ свою очередь, бросилъ на нее пристальный взглядъ и, не сказавъ ни слова, навсегда удалился изъ ея присутствія.

Когда онъ ушелъ, она затворила окно, заперла его на задвижку и, подойдя къ камину, сожгла на свѣчкѣ оба письма одно за другимъ. Но я не стану увѣрять читателя, что во время этой операціи, она не испытывала никакого волненія. Рука ея дрожала и нѣсколько мгновеній, можетъ быть даже дольше, она чувствовала себя весьма дурно, при чемъ углы ея чувственнаго рта замѣтно опустились. Но когда вернулся ея супругъ, она бросилась къ нему съ такою неподдѣльною радостью и

съ такимъ искреннимъ чувствомъ прижалась къ его широкой груди, что бѣдный малый былъ растроганъ до слезъ.

— Я узнала только-что весьма печальную новость, Эльси, сказалъ онъ послѣ взаимнаго обмѣна ласкъ.

— Не разсказывай мнѣ ничего страшнаго, милый; мнѣ что-то нездоровится сегодня, сказала она кроткимъ, умоляющимъ голосомъ.

— Но это касается Окгерста и Гамильтона...

— Молю тебя!

Мистеръ Декеръ не могъ устоять противъ умоляющей граціи этихъ бѣлыхъ рукъ, этого чувственнаго рта, и заключилъ ее въ свои объятія. Вдругъ онъ пристально посмотрѣлъ и указалъ ей на ея грудь: на бѣломъ платьѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ прикасался къ нему мистеръ Окгерстъ, осталось кровавое пятно.

Это пустяки... она слегка оцарапала руку, притворяя окно. Оно такъ туго прикрывается. Еслибы мистеръ Декеръ не забывалъ, уходя, самъ затворять и задвигать окна, онъ бы избавилъ ее отъ этого.

Это замѣчаніе было сдѣлано съ такою выразительностью и съ такимъ естественнымъ раздраженіемъ, что мистеръ Декеръ почувствовалъ сильныя угрызенія совѣсти. Но мистрисъ Декеръ простила его съ тою граціею, на которую мнѣ неоднократно приходилось указывать въ продолженіи этого разсказа.

Теперь, съ позволенія читателя, мы оставимъ счастливую пару, окруженную этимъ ореоломъ примиренія и супружескаго согласія, и возвратимся къ мистеру Окгерсту.

Спустя около двухъ недѣль послѣ этого, онъ расхаживалъ по своимъ комнатамъ въ Сакраменто, и, по старой привычкѣ, вскорѣ занялъ мѣсто за игорнымъ столомъ.

— Что̀ ваша рука, Джэкъ? неосторожно спросилъ одинъ изъ игроковъ.

Вопросъ этотъ сопровождался улыбкою, которая, однакоже, тотчасъ исчезла, какъ только Джэкъ спокойно посмотрѣлъ на вопрошавшаго и холодно отвѣтилъ:

— Она еще не совсѣмъ свободна въ картахъ, но *стрѣлять* я могу и лѣвою.

Затѣмъ игра продолжалась при той же торжественной тишинѣ, какая всегда отличала игорный столъ, за которымъ предсѣдательствовалъ мистеръ Джэкъ Окгерстъ.

МИЛЛІОНЕРЪ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Ну, ужь теперь сомнѣнія нѣтъ и не можетъ быть: онъ нашелъ золото.

Всего одну минуту назадъ оно мелькнуло передъ нимъ въ видѣ неуклюжаго куска темнаго кварца съ желтыми, металлическими жилками; минеральная порода была настолько мягка, что его остроконечная кирка могла пробить ея золотоносную сердцевину, но настолько тяжела, что не удержалась на кончикѣ кирки, когда онъ пытался приподнять кварцъ съ красной земли.

Все это онъ ясно видѣлъ теперь, хотя и очутился, самъ не понимая, какимъ образомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста своего открытія, съ сердцемъ безумно бьющимся, съ тяжело вздымающеюся грудью. Онъ медленно и безсознательно пошелъ прочь, по временамъ останавливаясь и безсмысленно озираясь. Онъ надѣялся, что инстинктъ или сила привычки поможетъ ему опомниться и, однако, увидавъ сосѣда, работавшаго на смежномъ пріискѣ, попятился назадъ и затѣмъ повернулся къ нему спиной.

И однако всего лишь мгновеніе тому назадъ онъ готовъ былъ бѣжать къ нему и закричать:—«Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! а вѣдь я нашелъ!» Но это мгно-

веніе прошло, и теперь ему казалось, что онъ не въ силахъ крикнуть, а еслибы и крикнулъ, то восклицаніе вышло бы принужденнымъ и искуственнымъ. Не могъ онъ также спокойно подойти къ сосѣду и хладнокровно объявить о своей находкѣ; и вотъ, частію по какой-то диковинной застѣнчивости, частію въ надеждѣ, что если еще разъ взглянетъ на свое сокровище, то придетъ въ нормальное состояніе, онъ вернулся къ своей шахтѣ.

Да, вотъ она! вотъ та жила, которую онъ такъ долго искалъ. Вотъ она тутъ передъ нимъ, наперекоръ насмѣшливымъ отрицаніямъ враговъ; вотъ практическія доказательства его теоріи, награда его упорнаго труда. Тутъ, тутъ она! Но почему-то онъ не только не могъ припомнить первой радости открытія, а испытывалъ какое-то смутное сознаніе отвѣтственности и тревогу. Для человѣка въ его положеніи находка равнялась огромному богатству: быть можетъ, нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ долларовъ, если жилу разработать какъ слѣдуетъ!

Съ рѣшительной тревогой снова вышелъ онъ изъ шахты на солнечный свѣтъ и просторъ. Сосѣдъ все еще виднѣлся на смежномъ пріискѣ; но онъ, очевидно, перестал работать и задумчиво курилъ трубку подъ большой сосной. На секунду онъ позавидовалъ его наружному довольству. Въ немъ проснулось даже и необъяснимое желаніе бѣжать къ нему и смутить его безпечную бѣдность сообщеніемъ о найденномъ кладѣ. Но и это ощущеніе быстро прошло, и онъ снова безсмысленно уставился на окрестность.

Какъ только открытіе его обнародуется, и его цѣнность будетъ опредѣлена, онъ пошлетъ за женой и дѣтьми въ Соединенные Штаты, онъ выстроитъ прекрасный домъ на противоположномъ холмѣ, если она на это согласится, если она не предпочтетъ, ради дѣтей, поселиться въ Санъ-Франциско.

Сознаніе потери независимости, перемѣны въ обстоятельствахъ, лишающей его свободы дѣйствія, начинало тяготить его среди веселыхъ проектовъ. Связь съ другими членами семьи, ослабѣвшая отъ разлуки и его личнаго ничтожества, должна вновь окрѣпнуть. Онъ долженъ помочь сестрѣ Джэнъ, брату Уильяму, бѣднымъ родственникамъ жены. Было бы несправедливо сказать, что онъ думалъ объ этихъ вещахъ съ чувствомъ, чуждымъ великодушія, но все же онъ испытывалъ смущеніе и растерянность.

Тѣмъ временемъ, однако, сосѣдъ докурилъ трубку, выколотилъ изъ нея золу, внезапно всталъ и положилъ конецъ его нерѣшительности, направясь къ нему. Владѣтель клада пошелъ было ему навстрѣчу, но затѣмъ робко остановился.

— Эй, Слиннъ! закричалъ сосѣдъ довѣрчиво.

— Я самый, Мастерсъ, отвѣтилъ слабо Слиннъ.

— Чего вы тамъ застряли? Въ чемъ дѣло?

И вдругъ, замѣтивъ блѣдное и встревоженное лицо Слинна, прибавилъ:

— Вы больны?

Слиннъ готовъ былъ сказать ему о своей удачѣ, но промолчалъ. Тревожный вопросъ подтвердилъ его сознаніе о своемъ физическомъ и умственномъ разстройствѣ, и онъ побоялся показаться смѣшнымъ въ глазахъ товарища. Онъ сообщитъ ему позднѣе. Мастерсу не зачѣмъ знать,—*когда* онъ нашелъ золото. Кромѣ того, въ томъ состояніи смущенія и безпокойства, въ какомъ онъ находился, онъ пугался торопливыхъ, практическихъ разспросовъ, если сообщить это такому человѣку какъ Мастерсъ.

— У меня голова кружится, сказалъ онъ, прикладывая руку ко лбу.

Мастерсъ пристально оглядѣлъ его сѣрыми, зоркими глазами.

— Знаете, что я вамъ скажу, дружище! если вы не бросите эту, Богомъ проклятую, шахту, то рехнетесь! Говорю вамъ, что вы идете на гибель.

Вотъ удобный случай сообщить ему все и оправдать вѣрность своихъ теорій!

Но онъ опять промолчалъ, и къ смущенію его примѣшивалась какая-то странная боязнь умственнаго напряженія, связаннаго съ объясненіемъ. Онъ страдальчески улыбнулся и пошелъ прочь.

— Послушайте-ка, дружище! сказалъ Мастерсъ наставительно,—вамъ слѣдуетъ пропустить рюмочку виски для ободренія. Пойдемте со мной! Чортъ побери! выпьемъ вмѣстѣ въ послѣдній разъ! Не глядите такъ растерянно! Я хочу сказать... я порѣшилъ десять минутъ назадъ бросить эту чортову шахту и взяться за новый участокъ. Мнѣ надоѣло попусту терять время и трудъ. Потому-то я и говорю, что мы выпьемъ въ послѣдній разъ. Вы знаете мою манеру: сказано—сдѣлано.

Это была правда. Слиннъ часто завидовалъ быстротѣ и рѣшительности Мастерса. Но теперь онъ съ чувствомъ облегченія поглядѣлъ ему въ лицо. Онъ *уходитъ*! И ему, Слинну, незачѣмъ объясняться.

Онъ пробормоталъ что-то о недосугѣ. Онъ боялся, что Мастерсъ захочетъ идти въ его шахту.

— Вы, вѣроятно, хотите отправить это на почту, сухо проговорилъ Мастерсъ. Почта отходитъ только завтра утромъ, и вы успѣете то тѣхъ поръ дописать письмо и вложить его въ конвертъ.

Слѣдуя за глазами Мастерса, Слиннъ, къ крайнему своему удивленію, увидѣлъ, что держитъ въ рукѣ недописанное письмо. Откуда оно взялось, когда онъ написалъ это, онъ рѣшительно не могъ сказать; онъ смутно помнилъ, что однимъ изъ его первыхъ движеній было написать женѣ; но что онъ это уже сдѣлалъ, объ этомъ онъ

совсѣмъ позабылъ. Онъ поспѣшно спряталъ письмо въ карманъ жилета съ безсмысленной улыбкой. Мастерсъ глядѣлъ на него полу-презрительно, полу-сострадательно.

— Не положите въ разсѣянности письма въ древесное дупло, замѣтилъ онъ. Ну-съ, а затѣмъ... такъ какъ вы не желаете со мной выпить... счастливо оставаться.

И повернувшись, Мастерсъ ушелъ.

Слиннъ наблюдалъ за нимъ, пока онъ не скрылся изъ вида, а затѣмъ съ облегченнымъ сердцемъ пошелъ своей дорогой.

Онъ былъ теперь одинъ съ самимъ собой и съ своимъ сокровищемъ. Единственный человѣкъ въ мірѣ, знавшій въ точности положеніе его шахты, уходитъ навсегда. Врядъ ли этотъ случайный товарищъ послѣднихъ двухъ или трехъ недѣль вернется въ эту мѣстность. Онъ остается теперь самъ-другъ съ своимъ кладомъ, пока не составитъ плана или не отыщетъ друга, которому могъ бы довѣриться. Замкнутая жизнь, привычка углубляться въ самого себя—создали вокругъ него пустыню. А хотя онъ усидчиво выработалъ теорію нахожденія золота, но никогда не занимался методомъ и способомъ его обработки. И теперь, когда онъ всего болѣе нуждался въ своемъ умѣ, откуда такое странное помраченіе его умственныхъ способностей!

Терпѣніе! Ему нужно только немного отдохнуть, чтобы совсѣмъ оправиться. На большой дорогѣ у поселка стоитъ широкая каменная скамья подъ большимъ деревомъ—тѣнистое убѣжище, гдѣ онъ часто дожидался прибытія почтовой кареты. Онъ пойдетъ туда и когда совсѣмъ отдохнетъ, вернется домой.

Но по дорогѣ онъ завернулъ въ рощу и безъ всякой другой цѣли, повидимому, какъ найти дупло въ деревѣ.

«Дупло въ деревѣ!» Да! объ этомъ говорилъ Мастерсъ; онъ ясно это помнилъ; но что такое надо было

сдѣлать съ дупломъ—этого онъ не помнилъ. Однако онъ сдѣлалъ это—положилъ туда письмо—и какъ разъ во-время, такъ какъ, дойдя до скамьи, повалился на нее какъ пластъ.

И теперь, странно сказать, смущеніе и безпокойство, овладѣвшія имъ съ той самой минуты, какъ онъ открылъ свое сокровище, оставили его, точно бремя, которое ему удалось свалить съ плечъ. Безграничное спокойствіе овладѣло имъ и сквозь него проносились чудныя видѣнія о найденномъ богатствѣ, и они больше не тревожили его, а радовали; онъ создастъ счастіе и благосостояніе кругомъ себя. Не только жену, дѣтей, близкихъ и дальнихъ родственниковъ, но всѣхъ знакомыхъ облагодѣтельствуетъ онъ.

Солнце заходило какъ будто въ розовыхъ лучахъ его счастія. Затѣмъ наступили сумерки и смѣнились ночнымъ мракомъ. Онъ терпѣливо сидѣлъ, какъ бы не замѣчая этого.

Но когда на другое утро, при яркомъ свѣтѣ солнца показалась почтовая карета, при шумѣ проснувшейся жизни, кучеръ неожиданно остановилъ свою рѣзвую четверку около укромной скамьи подъ деревомъ. Почтальонъ слѣзъ съ козелъ и подошелъ къ тому, что казалось какой-то кучею платья.

— Онъ, кажется, не пьянъ, отвѣтилъ онъ на сварливый вопросъ пассажировъ. Не понимаю, что съ нимъ. Глаза у него открыты; но онъ не говоритъ и не шевелится. Взгляните-ка, докторъ.

Грубый, совсѣмъ не профессіональнаго вида, человѣкъ вылѣзъ изъ кареты и, безпечно растолкавъ другихъ пассажировъ, наклонился надъ грудой платья.

— Онъ умеръ? спросилъ одинъ изъ пассажировъ.

Грубый человѣкъ мягко опустилъ обратно безжизненную голову.

— Нѣтъ, къ несчастію для него, онъ не умеръ, проговорилъ онъ коротко. Его хватилъ параличъ... и знатный. Хитро будетъ, коли онъ когда-нибудь теперь пошевелится или заговоритъ.

II.

Когда Эльвинъ Мольреди объявилъ о своемъ намѣреніи сажать картофель и садовые овощи на зеленыхъ скатахъ Лосъ-Гатосъ, золотопромышленники этого округа и жители прилегающей деревушки отнеслись къ этому съ презрительнымъ равнодушіемъ, которые питаютъ всѣ авантюристы ко всякаго рода буколическимъ затѣямъ и стремленіямъ.

Никто не протестовалъ противъ занятія двухъ скатовъ холма, который такъ мало обѣщалъ въ смыслѣ добычи золота, что говорили, что его прежній арендаторъ, Слиннъ, когда-то сошелъ съ ума или впалъ въ идіотизмъ отъ неудачныхъ поисковъ.

Единственный протестъ, страннымъ образомъ, явился со стороны первоначальнаго землевладѣльца—нѣкоего дона Рамона Альваредо, претензіи котораго на семи-верстное протяженіе холмовъ и долинъ, включая цвѣтущіе нынѣ города Савименто и Редъ-Догъ, встрѣчались хохотомъ и насмѣшками всѣхъ рудокоповъ и скуатеровъ.

— Туда же, воображаетъ, что мы пришли сюда за семь верстъ киселя хлѣбать, чтобы его чортова земля давала ему доходы, какъ же! иронически замѣтили они.

Мольреди конечно было извинительно примкнуть къ общественному мнѣнію; но по странному противорѣчію, свойственному человѣку, это не помѣшало ему пойти къ дону Рамону и предложить купить у него землю или же платить ему аренду продуктами.

Говорятъ, что донъ Рамонъ былъ такъ пораженъ

этой уступкою, что не только отдалъ землю, но еще завелъ родъ дружбы съ простодушнымъ земледѣльцемъ и его семействомъ.

Врядъ ли нужно прибавлять, что на эту дружбу золотопромышленники взирали съ тѣмъ презрѣніемъ, какого она заслуживала. Ихъ презрѣніе было бы еще сильнѣе, знай они мнѣніе дона Рамона объ ихъ промыслѣ, которое онъ сообщилъ и Мольреди.

— Они дикари и хотятъ жать, гдѣ не сѣяли; брать изъ земли и ничего не возвращать ей, кромѣ своихъ драгоцѣнныхъ костей; язычники, поклоняющіеся тѣмъ самымъ камнямъ, которые они вырываютъ изъ земли.

— А развѣ не было испанцевъ, которые бы добывали золото? спросилъ добродушно Мольреди.

— Ахъ! были испанцы, были и мавры! отвѣчалъ донъ Рамонъ, сентенціозно; золото добывалось и кавалерами, но добра изъ этого никогда не выходило. Не пристало дворянину пачкаться съ золотомъ, не говоря уже о проклятіи.

— Проклятіе! повторила Меми Мольреди съ дѣвическимъ суевѣріемъ.—что это значитъ?

— Вы не знаете, другъ Мольреди, что когда эти земли были пожалованы моимъ предкамъ Карломъ V, то епископъ Монтерэ наложилъ проклятіе на тѣхъ, кто осквернитъ ихъ. Ну вотъ, слушайте дальше. Изъ трехъ американцевъ, основавшихъ вонъ тотъ городъ, одинъ былъ застрѣленъ, другой умеръ отъ лихорадки—отравленный, понимаете, почвой,—а третій съ ума сошелъ. Даже ученый *), пріѣзжавшій много лѣтъ тому назадъ соглядатайствовать за деревьями и за травами, былъ

---

*) Донъ Рамонъ намекалъ на натуралиста Дуглоса, посѣтившаго Калифорнію до золотой горячки и умершаго отъ удара на Сандвичевыхъ островахъ.

наказанъ за свое святотатство и умеръ неестественной смертью. Но, прибавилъ донъ Рамонъ съ степенной вѣжливостью, это васъ не касается. Черезъ меня *вы* здѣсь у себя, на *своей* землѣ.

И дѣйствительно казалось, что если не быстрое, то вѣрное благосостояніе было результатомъ владѣльческаго покровительства дона Рамона. Картофель и овощи процвѣтали; роскошная почва вознаграждала за труды сторицей и даже солнце смѣялось надъ обычнымъ раздѣленіемъ временъ года, допуская необычайныя и преждевременныя жатвы.

Поселенцы, сидѣвшіе на соленой свининѣ и сухаряхъ, не смотря на презрѣніе къ труду Мольреди, не пропустили случая перемѣнить діэту. Золото, извлекаемое ими изъ земли, переходило въ его карманы взамѣнъ его болѣе скромныхъ сокровищъ. Избушка, пріютившая вначалѣ его семью—жену, сына и дочь—была покинута для болѣе удобнаго и просторнаго дома на противоположномъ холмѣ. Бѣлый заборъ замѣнилъ простую грубую изгородь. Мало-по-малу первые признаки культуры—вывороченные комки красной земли, грудки хвороста, голая пашня и груды камня исчезли и уступили мѣсто зеленому ковру, превратившему въ оазисъ дикую пустыню. Только въ водѣ отказано было новому Эдему—и то количество, какое необходимо было для орошенія полей, привозилось изъ дальняго пруда скупо и съ большими издержками.

Въ виду этого Мольреди задумалъ вырыть артезіанскій колодезь на солнечномъ скатѣ позади своего дома, конечно не безъ серьезной консультаціи съ своимъ испанскимъ патрономъ и сильныхъ возраженій съ его стороны. Съ большой убѣдительностью донъ Рамонъ доказывалъ, что взрывать нѣдра земли было не только преступленіемъ противъ природы, почти равнымъ съ устройствомъ

шахтъ и туннелей, но и нарушеніемъ священныхъ интересовъ:

— Я и мои предки,—Санъ-Діего упокой ихъ души! говорилъ донъ Рамонъ, осѣняя себя крестомъ.—довольствовались колодцами и цистернами, наполняемыми небомъ въ опредѣленное время; скотъ, даромъ что безсловесный, умѣлъ тоже находить воду, которая ему была нужна. Но ты говоришь правду, прибавилъ онъ, вздыхая, что это было раньше, чѣмъ потоки и дождь были осквернены языческими машинами и отравлены ихъ пѣной. Ступай, другъ Мольреди, рой и буравь, если хочешь, но по-христіански, а не посредствомъ грѣховныхъ землятресеній, производимыхъ дьявольскимъ порохомъ.

Послѣ этой уступки Эльвинъ Мольреди сталъ рыть свою первую артезіанскую шахту. Но безъ помощи пара и пороха дѣло медленно подвигалось. Огородъ не страдалъ тѣмъ временемъ, такъ какъ Мольреди нанялъ двухъ китайцевъ ухаживать за нимъ, пока онъ наблюдалъ за прорытіемъ колодца. Это пустое обстоятельство составило эпоху въ общественномъ положеніи фамиліи. М-съ Мольреди сразу получила серьезное значеніе среди сосѣдей. Она говорила про «рабочихъ» мужа; она толковала о «предпріятіяхъ» м-ра Мольреди, разумѣя подъ этимъ колодезь; и обуздывала грубоватую фамильярность своихъ покупателей къ хорошенькой Мени Мольреди, своей семнадцатилѣтней дочкѣ. Простодушный Эльвинъ Мольреди съ удивленіемъ глядѣлъ на то, какъ всходили сѣмена, зароненныя въ женскую натуру и дающія пышный цвѣтъ при первыхъ лучахъ солнца фортуны.

— Послушай-ка, Мальви, ты ужь очень носъ воротишь отъ молодцовъ, что ухаживаютъ за Мени. Точно она имъ не пара.

— Неужели ты хочешь этимъ сказать, Эльвинъ Моль-

реди, отвѣчала м-съ Мольреди съ внезапной суровостью, что думаешь выдать нашу дочку за простаго рудокопа, или же что я позволю ей выйдти замужъ за человѣка не нашего круга?

— Не нашего круга,—безпомощно повторялъ Мольреди, уставясь въ изумленіи на нее и затѣмъ переводя глаза то на сына, то на китайцевъ, копавшихъ капусту.

— О! ты прекрасно понимаешь, что́ я хочу сказать, рѣзко объявила м-съ Мольреди, нашъ кругъ — это Альваредо и его пріятели! Развѣ старый донъ не приходитъ къ намъ ежедневно и развѣ его сынъ не подходящій женихъ для Мемп? И развѣ они здѣсь не первая фамилія... все равно, дворяне? Нѣтъ; предоставь дочь мнѣ и занимайся колодцемъ; еще не родился мужчина, который бы что-нибудь смыслилъ въ этихъ дѣлахъ или зналъ свои обязанности передъ своей фамиліей.

Какъ и всѣ мужчины вообще, Мольреди охотно соглашался съ мнѣніемъ, предоставлявшимъ мелочи жизни въ женскія руки, и пошелъ на свою шахту. Но въ это утро онъ былъ смущенъ. Онъ былъ слишкомъ преданный мужъ, чтобы не гордиться неожиданной проницательностью и сообразительностью жены, хотя, подобно всѣмъ мужьямъ, былъ нѣсколько этимъ озадаченъ. Онъ старался не думать объ этомъ. Но глядя съ холма на свою небольшую усадьбу, постепенно расширявшуюся и процвѣтавшую подъ его управленіемъ, онъ почувствовалъ приливъ такого же честолюбія, какое проявила его дражайшая половина.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ онъ хуже дона Рамона? Но, однако, въ душѣ онъ сомнѣвался, чтобы донъ Рамонъ съ этимъ согласился и вотъ, отравленный женскимъ тонкимъ ядомъ, онъ почти возненавидѣлъ своего стараго благодѣтеля. Онъ глядѣлъ на маленькій Эдемъ, гдѣ его Ева только-что соблазнила его роковымъ плодомъ, и

почувствовалъ, что навѣки утратилъ способность мирно и невинно имъ наслаждаться.

Къ счастію, вскорѣ послѣ этого донъ Рамонъ умеръ. Невѣроятно, чтобы онъ догадывался о любезныхъ планахъ м-съ Мольреди насчетъ его сына, наслѣдовавшаго отцовскому имѣнію, которое жестоко обкарнали родственники и кредиторы.

Миссисъ и миссъ Мольреди присутствовали на похоронахъ въ дорогомъ трауръ, выписанномъ изъ Сакраменто. Даже кроткаго Эльвина облекли въ черный сюртукъ, обличившій его добродушную, но безспорно вульгарную наружность. М-съ Мольреди открыто говорила о своей «потерѣ», объявляла, что старыя фамиліи вымираютъ и внушила женамъ вновь прибывшихъ въ Редъ-Догъ поселенцевъ мысль, что ея собственная фамилія въ родствѣ съ Альваредами и что здоровье ея мужа не особенно крѣпко. Она выказывала материнское участіе осиротѣвшему дону Цезару. Сдержанный по природѣ, какъ и его отецъ, онъ былъ еще церемоннѣе, удрученный своей потерей. И, быть можетъ, изъ застѣнчивости, чувствуя пристрастіе къ Меми Мольреди, онъ рѣдко пользовался любезнымъ гостепріимствомъ ея матери. Но онъ исполнилъ намѣреніе отца, продавъ за небольшую сумму Мольреди участокъ земли, арендуемый имъ. Мысль о покупкѣ земли подана была м-съ Мольреди.

— Такимъ образомъ она останется въ роду, замѣтила эта хитрая особа, и гораздо приличнѣе, чтобы мы были землевладѣльцами, а не арендаторами.

Прошло нѣсколько недѣль, и вотъ разъ утромъ ее поразилъ голосъ мужа, доносившійся съ холма, откуда онъ опрометью бѣжалъ домой. Меми была въ своей комнатѣ, гдѣ надѣвала новое ситцевое платье въ честь ожидаемаго визита юнаго дона Цезара, а м-съ Мольре-

ди подметала и прибирала въ домѣ въ виду того же событія. Что-то въ тонѣ голоса мужа, а также и возвращеніе его домой въ необычный часъ, заставило ее бросить половую щетку и выбѣжать къ нему на встрѣчу изъ кухни. Она увидѣла, что онъ бѣжалъ черезъ гряды съ капустой, съ краснымъ и возбужденнымъ лицомъ и съ такими блестящими глазами, какихъ она не видывала у него уже долгіе годы. Она припомнила, хотя безъ всякаго умиленія, что такимъ именно видѣла она его, когда позвала, въ бытность его простымъ батракомъ на фермѣ ея отца въ Иллинойсѣ, чтобы сообщить о согласіи ея родителей на ихъ бракъ. Воспоминаніе было тѣмъ неудобнѣе, что онъ охватилъ ее обѣими руками и звонко поцѣловалъ въ увядшую щеку.

— Помилосердуй, Мольреди! воскликнула она, сгоняя передникомъ нѣчто въ родѣ румянца, вспыхнувшаго на ея лицѣ,—до того-ли, когда гости могутъ прійдти съ минуты на минуту.

— Мальви! я нашелъ его! и нашелъ здо́рово!

Она высвободилась изъ его объятій равнодушная, и блестящими, но хитрыми и наблюдательными глазами поглядѣла на него.

— Я нашелъ его въ колодцѣ. Ту самую жилу, какой доискивались рудокопы. Теперь ты и Меми богачки: золота видимо-невидимо.

— Подожди минутку.

Она поспѣшно оставила его и, подойдя къ лѣстницѣ, закричала, къ его великому удивленію:

— Меми, сними новое платье.

Послышалось восклицаніе неудовольствія Меми.

— Тебѣ говорятъ! еще строже сказала мать.

Меми стихла. М-съ Мольреди вернулась къ мужу. Перерывъ этотъ какъ-то потушилъ его радость. Онъ сразу угомонился и сталъ ждать, что она скажетъ.

*

— Ты никому еще не говорилъ?

— Нѣтъ. Я былъ одинъ, внизу, въ шахтѣ. Видишь ли, Мальви, я никакъ не ожидалъ...

Онъ опять было развеселился.

— Я копалъ себѣ землю и ни на что не разсчитывалъ...

— Вотъ видишь, я была права, совѣтуя тебѣ купить землю.

Лицо Мольреди омрачилось:

— Я надѣюсь, донъ Цезарь не подумаетъ, началъ онъ, запинаясь,—я думаю, можетъ быть, слѣдуетъ мнѣ вознаградить его, знаешь...

— Глупости, рѣшительно проговорила м-съ Мольреди. Не будь дуракомъ. Ты нашелъ золото и, значитъ, оно твое—таковъ законъ. И ты купилъ землю безъ ограниченій. Кромѣ того, тебѣ и въ голову не приходило это!...

Она умолкла и вдругъ поглядѣла ему въ лицо.

— Или приходило?

Мольреди широко раскрылъ честные, свѣтлосѣрые глаза.

— Что ты, Мальви! вѣдь ты же знаешь, что не приходило, хоть побожиться!

— Не божись и слушай меня, и голосъ ея зазвучалъ повелительно. — Прекрати всякую работу въ шахтѣ, и отошли теперь же работника. Надѣнь сюртукъ и поѣзжай съ первымъ омнибусомъ въ Сакраменто, да захвати съ собой и Меми.

— Меми! слабо повторилъ Мольреди.

— Прежде всего повидайся съ стряпчимъ Коль и съ моимъ братомъ Джимомъ, продолжала она, не обращая вниманія на перерывъ. А Меми нужно провѣтриться и заказать себѣ приличное платье. Остальное предоставь мнѣ. Я скажу что нужно Меми и снаряжу ее.

Мольреди провелъ рукой по спутаннымъ волосамъ. Онъ гордился энергіей и дѣятельностью жены, онъ и не мечталъ сопротивляться ей, но былъ немного разочарованъ. Волшебная радость открытія разсѣялась прежде, нежели онъ успѣлъ порядкомъ ослѣпить жену; или, вѣрнѣе сказать, она вовсе не была ослѣплена. Все вышло такъ практично и дѣловито, что ему стало скучно. И при томъ ему пріятнѣе было бы самому сообщить дочери и видѣть, какъ вспыхнутъ ея щеки и засверкаютъ радостью глаза, чего онъ не видѣлъ у жены.

— Времени терять нечего, сказала она нетерпѣливо, замѣтивъ его колебаніе.

Быть можетъ, ея нетерпѣніе досадило ему; быть можетъ, еслибы она не отнеслась такъ самоувѣренно къ удивительному счастію, достававшемуся ей, онъ бы и не сказалъ тутъ же того, что было у него на умѣ. Какъ бы то ни было, онъ степенно проговорилъ:

— Постой-ка, Мальви, я не все еще сказалъ тебѣ.

— Говори, поспѣшно пригласила она.

— Между обломками кварца я нашелъ кирку, и жила какъ будто была открыта раньше; сбоку у подошвы холма виднѣются какъ бы признаки старой шахты, но только она обвалилась и засыпана обломками.

— Ну такъ что-жъ? презрительно спросила м-съ Мольреди.

— А то жъ, отвѣтилъ ея супругъ, какъ бы недовольно, что похоже, какъ будто кто-то открылъ ее раньше...

— И бросилъ, оставилъ для другихъ! Какъ это похоже на дѣло? перебила жена съ нескрываемой досадой. Всякій знаетъ, что съ этимъ холмомъ не стоило возиться и онъ былъ совсѣмъ заброшенъ, когда мы сюда пріѣхали. Это твоя собственность и ты за нее заплатилъ денежки. Ты, можетъ быть, собираешься вызывать черезъ газеты

владѣльца жилы, Эльвинъ Мольреди? А ужь въ Сакраменто не поѣдешь?

Мольреди вздрогнулъ. Онъ серьезно еще не подумалъ, что дѣйствительно кто-нибудь могъ раньше его сдѣлать это открытіе. Но по добросовѣстности характера немедленно принялъ это въ соображеніе. Да, вѣроятно, она права. Но онъ не сталъ вникать въ то, какъ бы онъ поступилъ, будь жена также добросовѣстна, какъ и онъ самъ.

— Ладно, сказалъ онъ просто. Я сейчасъ отправлюсь въ путь.

— И когда будешь говорить съ стряпчимъ Колемъ и Джимомъ—оставь про себя эти глупыя исторіи про кирку. Нѣтъ никакой надобности внушать другимъ дикія мысли, только потому что онѣ лѣзутъ тебѣ въ голову.

Когда торопливыя приготовленія были окончены и м-ръ Мольреди съ Мемп, въ сопровожденіи молчаливаго и скромнаго китайца, несшаго ихъ немудрый багажъ, пошли по большой дорогѣ, на встрѣчу почтовой каретѣ, отецъ тревожно и выжидательно взглянулъ въ лицо дочери. Ему хотѣлось насладиться свѣжестью и наивностью юношескаго восторга и радости Мемп, и отдохнуть отъ практическаго дальновиднаго реализма жены. На нѣжныхъ щечкахъ дѣвушки игралъ живой румянецъ, полуоткрытый ротикъ дѣтски улыбался, а въ большихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилось радостное изумленіе,—все такіе хорошіе признаки.

— Ну, Мемп, весело быть богатой невѣстой?

— Что?

Она не слыхала вопроса. Нѣжнымъ красивымъ глазамъ рисовались полки съ разнообразнымъ товаромъ на «Дамскомъ Базарѣ» въ Сакраменто; они читали восхищеніе на лицахъ у прикащиковъ; всматривались въ даль большой дороги, не ѣдетъ ли почтовая карета, и оглядывали, хорошо ли сидятъ новыя перчатки: короче сказать—

они были заняты всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ любящихъ взглядовъ человѣка, шедшаго съ нею рядомъ.

Онъ однако повторилъ вопросъ, тронутый ея прелестной разсѣянностью и охватилъ рукой ея тонкую талію.

— Я очень рада, пà!

И ловко высвободилась изъ его объятій, ласково стиснувъ ему локоть, чтобы смягчить свое движеніе.

— Я вчера была увѣрена, что случится *необыкновенное*. Я думаю, я похожа на пугало, прибавила она, но мà такъ торопила меня; она хотѣла, чтобы я уѣхала прежде чѣмъ придетъ донъ Цезарь.

— А тебѣ не хотѣлось уѣзжать прежде, чѣмъ онъ придетъ? лукаво спросилъ отецъ.

— Я бы не хотѣла, чтобы онъ меня видѣлъ въ этомъ платьѣ, отвѣчала Меми просто. Потому, вѣрно, мá и заставила меня переодѣться, прибавила она со смѣхомъ.

— Ну, я думаю, ты для него во всѣхъ нарядахъ хороша, сказалъ отецъ, внимательно наблюдая за ней. А *теперь* ты къ тому же и выгодная невѣста, прибавилъ онъ съ торжествомъ.

— Не знаю. Онъ былъ всегда богатъ, и его отецъ и дѣдъ были богаты, а мы были сначала бѣдны и его арендаторы.

Лицо отца измѣнилось; за удивленіемъ, съ какимъ онъ ее слушалъ, выражались на немъ сначала боль, потомъ гнѣвъ.

— Неужели онъ говорилъ такія глупости? поспѣшно спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Желала бы я, чтобы онъ это сказалъ! Теперь у меня могутъ быть женихи и получше его.

Они нѣсколько минутъ прошли молча, насупившись, и китаецъ могъ бы подумать, что они поссорились. Но вдругъ бѣлые зубки снова засверкали въ полуоткрытыхъ устахъ.

— Слушай, пà! это все не то! онъ меня любитъ и я его; и еслибы только мà не забрала себѣ въ голову новыхъ идей...

Она вдругъ умолкла.

— Какихъ новыхъ идей? тревожно спросилъ отецъ.

— О, ничего! я желала бы, пà, чтобы на васъ были другіе сапоги. Всякій можетъ видѣть, что они смазные; а вы вѣдь больше не огородникъ.

— Что же я такое? засмѣялся Мольреди не то самодовольно, не то смущенно.

— Вы—капиталистъ, какъ *я* говорю; а мá говоритъ, что вы землевладѣлецъ.

Какъ бы то ни было, а новый землевладѣлецъ, когда достигъ скамьи на дорогѣ подъ развѣсистымъ деревомъ, усѣлся на ней, опустивъ голову на грудь и не то задремалъ, не то погрузился въ невеселыя, какъ будто, размышленія. Меми, къ тому времени опять повеселѣвшая, пошла бродить въ нетерпѣніи, что карета не ѣдетъ. Она забрела даже такъ далеко, что каретѣ въ свою очередь пришлось дожидаться, пока она подходила.

Когда наконецъ Меми благополучно усѣлась внутрь кареты, а Мольреди вскарабкался на козлы рядомъ съ кучеромъ, тотъ коротко замѣтилъ:

— Вы таки порядкомъ напугали меня минуту тому назадъ.

— Какъ такъ?

— Да вотъ три года тому назадъ я такъ же подъѣзжаю къ этому мѣсту, а на скамьѣ сидитъ какъ разъ человѣкъ и какъ разъ въ той же позѣ, да и по росту, и по годамъ точь-въ-точь вы. Я соскочилъ съ козелъ и зову его садиться въ карету, а онъ—вотъ провалиться мнѣ!—и не пошевелится и не взглянетъ, и словечка не промолвитъ. Я обругалъ его безъ церемоніи и поѣхалъ дальше. Но на другой день, когда я ѣхалъ назадъ, я увидѣлъ—

вотъ провалиться мнѣ!—что онъ уже сидитъ не на скамьѣ, а валяется какъ снопъ на землѣ. Джимъ соскочилъ и подобралъ его. А докторъ Дюшенъ сказалъ, что это обманувшійся золотоискатель, разбитый параличемъ, и мы доставили его, какъ мертвый пластъ, въ окружную больницу. Съ тѣхъ поръ я какъ-то боюсь этого мѣста и когда сейчасъ увидѣлъ васъ въ такой точно позѣ, съ опущенной головой, какъ у того молодца, такъ меня всего и передернуло.

Въ томъ необъяснимомъ и суевѣрномъ смущеніи, которое овладѣло, лишеннымъ фантазіи, умомъ Мольреди, онъ чуть было не похвастался своей удачей передъ кучеромъ, чтобы доказать, что совсѣмъ не похожъ на того несчастнаго, но во-время удержался.

— Узнали вы, кто это такой? перебилъ одинъ нетерпѣливый пассажиръ.

— Выздоровѣлъ онъ или нѣтъ? прибавилъ другой.

Помолчавъ съ секунду, чтобы выразить презрѣніе къ такому безтактному перерыву, кучеръ продолжалъ, обращаясь исключительно къ Мольреди:

— Я было принялъ васъ за его привидѣніе.

И, снова помолчавъ, безпечно прибавилъ:

— Говорятъ, онъ такъ и не поправлялся съ тѣхъ поръ, хотя бы на столько, чтобы сказать, кто онъ и откуда пришелъ. Его перевезли въ лечебницу для неизлечимыхъ идіотовъ и тамъ онъ и по сіе время.

II.

Когда извѣстіе о томъ, что Мольреди открылъ золото, распространилось, оно произвело волненіе еще небывалое въ исторіи страны. Полнаселенія Редъ-Дога повалило на желтоватые холмы, окружавшіе холмъ Мольреди, и ихъ лагерные костры походили на костры арміи, осаждающей

его мирное идиллическое жилище и готовящейся брать его приступомъ.

Къ несчастію для себя, они нашли, что различные участки уже снабжены подписями: «заняты» для разработки руды отъ имени различныхъ членовъ фамиліи Альваредо. Это дѣловитое распоряженіе придумала м-съ Мольреди, какъ средство успокоить совѣсть мужа и вознаградить Альваредо надеждой на возможное обогащеніе.

Говоря правду, такое униженіе кастильскихъ отцовскихъ принциповъ было не по душѣ дону Цезару.

— Зачѣмъ вамъ самимъ разрабатывать ихъ, убѣждала м-съ Мольреди; вамъ стоитъ только продать тѣмъ, кто захочетъ; это единственное средство помѣшать аферистамъ завладѣть ими, не платя.

Донъ Цезаръ въ концѣ концовъ согласился, не столько, быть можетъ, убѣжденный дѣловыми аргументами жены Мольреди, сколько изъ желанія угодить матери Меми. Короче сказать—онъ получилъ такую сумму денегъ за нѣсколько акровъ земли, которая превосходила десятилѣтній доходъ дона Рамона съ цѣлыхъ семи миль.

Такой же неслыханной и безумной была реализація мѣсторожденія золота въ шахтѣ Мольреди. Говорили, что компанія, наскоро образовавшаяся въ Сакраменто, заплатила ему милліонъ долларовъ, предоставивъ кромѣ того двѣ-трети доходовъ съ рудника. Но съ упорствомъ, доходившимъ до нравственнаго убѣжденія, онъ отказывался включить домъ и картофельное поле въ продажу. Когда компанія уступила и на этомъ пунктѣ, онъ съ такой же настойчивостью не соглашался на самыя безумныя предложенія.

Тщетно м-съ Мольреди протестовала; тщетно указывала она ему, что такое доказательство ихъ первоначальнаго скромнаго положенія въ обществѣ ляжетъ большимъ пятномъ на ихъ карьерѣ.

— Если хочешь удержать землю, застрой ее и сравняй поле.

Но Мольреди былъ непоколебимъ, какъ скала.

— Это единственное, что я самъ заработалъ, надъ чѣмъ потрудился и добылъ изъ земли собственными руками, говорилъ онъ. Я съ этого началъ, да, можетъ быть, этимъ и кончу. Можетъ быть, я радъ буду вернуться сюда современемъ и благодаренъ за то, что могу пропитать себя на этомъ клочкѣ земли.

Но вслѣдствіе непрестанныхъ просьбъ и убѣжденій, Мольреди пошелъ на компромиссъ и согласился, чтобы часть огорода превращена была въ виноградникъ и цвѣтникъ, роскошь которыхъ маскировала общую вульгарность мѣста. Другія усилія этой энергической женщины сгладить первоначальную грубость ихъ происхожденія были менѣе удачны. Ей пришло въ голову утилизировать мягкое произношеніе дономъ Цезаромъ ихъ фамиліи, и «Мольредъ» замѣстилъ было Мольреди на ея визитныхъ карточкахъ.

— Наша фамилія, можетъ быть, испанская, доказывала она; стряпчій Коль говоритъ, что большинство американскихъ фамилій искажены и, почемъ знаешь, что твоя не въ томъ числѣ.

Мольреди, который могъ побожиться, что его предки переселились въ Каролину изъ Ирландіи въ 98 году, не въ силахъ былъ опровергать этого увѣренія.

М-съ Мольреди тотчасъ же усвоила себѣ испанскую вѣжливость, благодаря которой ея мужъ превратился въ «дона Альвино» и иначе не называла его въ его отсутствіе. Но въ присутствіи его низенькой, плотной фигуры, морковно-рыжихъ волосъ, косыхъ сѣрыхъ глазъ и вздернутаго носа, даже эта властолюбивая женщина отбрасывала титулъ. Въ Редъ-Догѣ составилась легенда, что когда одинъ

знаменитый иностранецъ подошелъ къ Мольреди съ обычной формулой:

— Я, кажется, имѣю честь говорить съ дономъ Альвино Мольреди? то этотъ простодушный гидальго отвѣчалъ:—Можете прозакладывать свои сапоги, чужакъ, и не проиграете, я самый онъ.

Хотя м-съ Мольреди предпочла бы, чтобы Меми оставалась въ Сакраменто до тѣхъ поръ, пока ей самой можно будетъ пріѣхать туда и отправиться въ «Штаты», а оттуда въ Европу, она уступила желанію дочери ослѣпить Редъ-Догъ до отъѣзда своимъ новымъ гардеробомъ и развернуть въ родимомъ гнѣздышкѣ изящныя и пестрыя крылышки, на которыхъ она собиралась отлетѣть навѣки.

— Я не хочу, mà, чтобы они помнили обо мнѣ, какъ о дѣвчонкѣ, бѣгавшей въ старыхъ ситцевыхъ платьяхъ, и говорили бы, что мнѣ и одѣться-то не во что, пока я отсюда не уѣхала.

Было что-то до того похожее на мать въ этой тонкой прозорливости дочери, что тронутая родительница поцѣловала ее и согласилась. Результатъ былъ удачнѣе, чѣмъ она ожидала. Въ нѣсколько недѣль своего пребыванія въ Сакраменто молодая дѣвушка совсѣмъ освоилась съ послѣдними модами, превзойдя обычную въ этихъ случаяхъ способность молодыхъ американокъ.

М-ръ Мольреди съ гордостью и страхомъ глядѣлъ на свою дочь. Возможно ли, что это изящное созданіе, казавшееся безконечно выше его, точно отпрыскъ какой-то невѣдомой и старинной расы—его родная дочь? Возможно ли, что она дочь своей матери, которая даже въ молодости никогда не бывала такъ хорошо одѣта?

Поэтому естественно, что вышитое батистовое платье, которое было надѣто на Меми Мольреди въ одно лѣтнее утро, когда она прогуливалась въ Лосъ-Гатосъ, казавшееся слишкомъ дорогимъ и прихотливымъ для критическихъ

женскихъ взоровъ, вовсе не представлялось такимъ парѣ откровенныхъ, насмѣшливыхъ глазъ, обращавшихся на нее по временамъ, въ то время какъ ихъ владѣлецъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, прохаживался около нея. То былъ новый издатель «Туземныхъ Извѣстій», побывавшій нѣсколько разъ въ ихъ домѣ по приглашенію ея отца, познакомившагося съ нимъ на обратномъ пути изъ Сакраменто. М-съ Мольреди не мѣшала его ухаживанію.

— Когда я скажу, что мнѣ жаль, что вы покидаете насъ, миссъ Мольреди, сказалъ молодой человѣкъ шутливо,—то вы поймете мое самоотверженіе, если я откровенно сознаюсь вамъ, что вашъ отъѣздъ будетъ для меня, какъ издателя и мужчины, значительнымъ облегченіемъ. Поэтическій отдѣлъ «Извѣстій» совсѣмъ заваливается стихами, воспѣвающими васъ и, къ несчастію, я не могу отвергать ихъ, будучи самъ вашимъ поклонникомъ.

— Ужасно, когда служишь мишенью для взглядовъ цѣлаго околодка, сказала Мэми, не выражая однако никакого ужаса на лицѣ.

— Они считаютъ, что очень почтительно относятся къ вамъ, когда называютъ васъ Мэми, а нѣкоторые изъ вашихъ поклонниковъ, — люди зрѣлаго возраста и съ средневѣковымъ слогомъ. Я открылъ, что аматеры-стихотворцы не всегда бываютъ юношами. Полковникъ Кашъ также убійственно владѣетъ риѳмой, какъ и двухствольнымъ ружьемъ и такъ же мало бережетъ заряды. Судья Бутсъ и докторъ Вильсонъ оба открыли въ васъ сходство съ Венерой, а въ самихъ себѣ съ Аполлономъ. Но не презирайте этихъ поклонниковъ — миссъ Мольреди, прибавилъ онъ болѣе серьезно; у васъ будутъ ихъ тысячи, куда бы вы не поѣхали, но вы никогда не найдете болѣе честныхъ и почтительныхъ, чѣмъ ваши подданные въ «Редъ-Догѣ»

Онъ умолкъ и затѣмъ прибавилъ еще серьезнѣе:

— Что, донъ Цезарь пишетъ стихи?

— У него есть болѣе интересныя занятія, дерзко отвѣтила она.

— Могу себѣ представить, замѣтилъ онъ насмѣшливо; стихи были-бы блѣдной замѣной другихъ преимуществъ.

— Зачѣмъ вы сюда явились? внезапно спросила она.

— Чтобы видѣть васъ.

— Глупости! Вы знаете, что я хочу сказать. Зачѣмъ вы оставили Сакраменто и пріѣхали сюда? Мнѣ кажется, тамъ для васъ гораздо приличнѣе быть, чѣмъ здѣсь.

— Я, можетъ быть, соблазнился примѣромъ вашего батюшки и захотѣлъ найти золотоносную руду.

— Люди, какъ вы, никогда ее не находятъ!

— Что это, комплиментъ, миссъ Мольреди?

— Не знаю. Но думаю, что вы примете за комплиментъ.

Онъ съ удовольствіемъ поглядѣлъ на нее, точно нашелъ неожиданно симпатичный ему умъ.

— Неужели? Это интересно. Сядемъ.

Въ своей безцѣльной прогулкѣ они дошли до скамьи на большой дорогѣ подъ развѣсистымъ деревомъ. Мэми колебалась съ минуту, оглядѣла дорогу и, наконецъ, съ привычнымъ ей уже равнодушіемъ богатыхъ людей къ тому, что она можетъ запачкать платье, сѣла на скамью, держа зонтикъ на колѣняхъ двумя маленькими ручками. Молодой издатель не то сѣлъ, не то оперся о камень и принялся чертить фигуры на пескѣ тросточкой.

— Напротивъ того, миссъ Мольреди, я надѣюсь нажить здѣсь деньги. Вы уѣзжаете изъ Редъ-Дога, потому что богаты, а мы пріѣхали сюда, потому что бѣдны.

— Мы? повторила Мэми, лѣниво глядя на дорогу.

— Да. Мой отецъ и двѣ сестры.

— Очень жаль. Я могла бы съ ними познакомиться, еслибы мы не уѣзжали.

И въ ту же минуту у нея мелькнула мысль, что если они похожи на него, то могли бы оказаться непріятно независимыми и насмѣшливыми.

— Вашъ батюшка въ какомъ-нибудь дѣлѣ?

Онъ покачалъ головой. И помолчавъ, прибавилъ, какъ бы подчеркивая свои слова тросточкой на мягкомъ пескѣ.

— Онъ разбитъ параличемъ и не въ своемъ умѣ, миссъ Мольреди. Я пріѣхалъ въ Калифорнію, чтобы розыскать его, такъ какъ впродолженіи трехъ лѣтъ мы не имѣли о немъ никакого извѣстія, и нашелъ его всего двѣ недѣли тому назадъ одинокаго, безпомощнаго, никѣмъ невѣдомаго нищаго въ мѣстной больницѣ.

— Двѣ недѣли тому назадъ? Это когда мы поѣхали въ Сакраменто.

— Очень вѣроятно.

— Вы, должно быть, очень огорчились?

— Очень.

— Вамъ, должно быть, очень тяжело?

— Бываетъ.

Онъ улыбнулся и положилъ тросточку на скамейку.

— Вы видите теперь, миссъ Мольреди, какъ необходимо мнѣ богатство, котораго вы считаете меня недостойнымъ. А пока я долженъ устроиться какъ-нибудь здѣсь.

Миссъ Мольреди встала съ мѣста.

— Намъ пора идти, знаете.

— Почему?

— Потому что почтовая карета сейчасъ проѣдетъ.

— И вы думаете, пассажиры насъ увидятъ.

— Разумѣется.

— Миссъ Мольреди, умоляю васъ, останьтесь.

Онъ наклонился къ ней съ такой серьезной мольбой въ голосѣ и жестѣ, что она покраснѣла. Съ минуту она не рѣшалась взглянуть на него, но когда взглянула, то разсердилась. Онъ смѣялся.

— Если вы хоть сколько-нибудь жалѣете меня, то не уходите, повторилъ онъ. Побудьте еще минутку и я—богатъ. Пассажиры разскажутъ въ Редъ-Догѣ, что мы помолвлены. Всѣ подумаютъ, что я пользуюсь довѣріемъ вашего батюшки, и новыя компаніи наперерывъ будутъ приглашать меня въ директоры. Число подписчиковъ «Извѣстій» удвоится, поэзія удалится съ ихъ столбцовъ, и мѣсто ея займутъ объявленія, а я буду получать пятью долларами въ недѣлю больше, если не всѣми семью съ половиной. Не заботьтесь о послѣдствіяхъ для самой себя. Увѣряю васъ, что ихъ совсѣмъ не будетъ. Вы можете на другой же день опровергнуть слухъ; я самъ опровергну его... Мало того: «Извѣстія» опровергнутъ его въ экстренномъ изданіи въ тысячѣ экземплярахъ по десяти центовъ за каждый. Побудьте еще минутку, миссъ Мольреди. Не уходите; о! не уходите еще! Вотъ они ѣдутъ!... Эхъ! это только донъ Цезаръ!

Дѣйствительно, то юный отпрыскъ дома Альваредо, голубоглазый, смуглолицый и сутуловатый, скакалъ по направленію къ нимъ на дикой, почти не объѣзженной лошади, необузданныя и порывистыя движенія которой только сильнѣе выдавали степенное и величавое спокойствіе всадника. Не смотря на свою шутовскую озабоченность, издатель «Извѣстій» не могъ не полюбоваться такимъ превосходнымъ наѣздникомъ. Мэми, самолюбіе которой было такъ задѣто, что она съ наслажденіемъ отдѣлала бы своего спутника, вынуждена была воздержаться отъ этого удовольствія.

Донъ Цезаръ приподнялъ шляпу и поклонился съ

мягкой серьезностью—дамѣ и съ солидной вѣжливостью — кавалеру. Въ то время какъ нижняя часть этого центавра вся дрожала, повидимому, отъ бѣшенства и стучала копытами о землю съ очевиднымъ желаніемъ растоптать юную чету, верхняя половина съ спокойнымъ достоинствомъ поглядывала то на одного, то на другого, какъ бы въ ожиданіи объясненія. Но Меми была слишкомъ умна, а ея спутникъ слишкомъ равнодушенъ, чтобы объясняться. Легкая тѣнь пробѣжала по лицу дона Цезара. Какъ бы для усложненія дѣла, въ этотъ моментъ съ трескомъ и стукомъ проѣхала почтовая карета. Съ женской проницательностью, Меми схватила выраженіе лицъ кучера и почтальона, отраженное въ насмѣшливыхъ глазахъ ея спутника, говорившихъ о томъ, что онъ угадалъ, какое истолкованіе будетъ сдѣлано при видѣ ихъ пассажирами, которые даже оглядывались на юную чету съ очевиднымъ и многозначительнымъ любопытствомъ.

Юный испанецъ, чуждый какъ юмору, такъ и любопытству, пребывалъ невозмутимъ.

— Вы знакомы съ м-ромъ Слинномъ изъ «Извѣстій», сказала Меми,— неправда-ли?

Донъ Цезаръ никогда еще не встрѣчался съ сеньоромъ Эслинномъ. Онъ думалъ, что сеньоръ Робинзонъ издаетъ «Извѣстія».

— О! *онъ* былъ застрѣленъ! отвѣчалъ Слиннъ.—И я занялъ его мѣсто.

— ***Bueno***! Тоже, чтобы быть застрѣленнымъ? Надѣюсь, что этого не случится.

Слиннъ зорко и быстро поглядѣлъ въ серьезное молодое лицо дона Цезара. Онъ, казалось, неспособенъ говорить двусмысленно. Какъ бы то ни было, такъ какъ у него не было серьезныхъ поводовъ желать возбудить ревность въ донѣ Цезарѣ и очень мало охоты быть лишнимъ въ бесѣдѣ втроемъ, и даже, чего добраго, въ тягость мо-

лодой особѣ, онъ простился съ нею. Съ внезапнымъ женскимъ противорѣчіемъ или же по какому-то тайному побужденію, Меми сказала, протягивая руку:

— Надѣюсь, что вы найдете квартиру для вашего семейства неподалеку. Мама желаетъ, чтобы пà отдалъ внаймы нашъ старый домъ. Можетъ быть онъ будетъ для васъ пригоденъ, если недалекъ отъ вашей конторы. Переговорите объ этомъ съ мà.

— Благодарю васъ, непремѣнно, отвѣтилъ молодой человѣкъ съ непринужденной привѣтливостью.

Донъ Цезаръ наблюдалъ за нимъ, пока онъ не исчезъ изъ виду.

— Онъ человѣкъ семейный... этотъ... вашъ соотечественникъ?

Ей показалось страннымъ, что простаго знакомаго называютъ «ея соотечественникомъ»... не въ первый и не въ послѣдній, конечно, разъ. Такъ какъ ни въ манерахъ, ни въ голосѣ дона Цезара не было и слѣда ревности, она отвѣчала кратко, но неопредѣленно:

— Да; это грустная исторія. Его отецъ пропалъ безъ вѣсти нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и онъ только-что нашелъ его... безпомощнаго и разбитаго параличемъ... въ больницѣ, въ Сакраменто. Ему надо содержать его... а они очень бѣдны.

— И такъ, значитъ, они не всегда независимы другъ отъ друга... эти отцы и дѣти американцевъ?

— Нѣтъ, коротко отвѣтила Меми.

Неизвѣстно, почему манеры дона Цезара обижали ее. Его серьезная степенность, при всей мягкости и благовоспитанности, порою раздражали ее сильнѣе даже, чѣмъ непочтительный юморъ Слинна. Она не безъ нетерпѣнія взяла зонтикъ, собираясь уходить. Но донъ Цезаръ уже сошелъ съ коня и привязалъ его къ дереву.

— Вернемся домой черезъ рощу, я приду за лошадью послѣ. Я не былъ бы такъ назойливъ, прибавилъ онъ съ гордымъ смиреніемъ, еслибы ваша матушка не показалась мнѣ очень странной за все это время. Объ этомъ, Меми, я и хотѣлъ съ вами переговорить. Она совсѣмъ перемѣнилась. Можетъ быть, я не понимаю американскихъ матерей; можетъ быть... кто знаетъ?.. Я какъ-нибудь оскорбилъ этикетъ, не соблюдая должныхъ церемоній... Но вы говорили мнѣ, Меми, что вовсе не нужно переговорить *сначала* съ нею, что это не въ американскихъ обычаяхъ...

Меми вздрогнула и покраснѣла.

— Да, заторопилась она, конечно; но мà была дѣйствительно сама не своя въ послѣднее время; быть можетъ, она думаетъ, знаете, что такъ какъ я теперь такая богатая невѣста, то слѣдуетъ посовѣтоваться съ нею на счетъ приданаго.

— Если такъ, то посовѣтуемся съ нею немедленно, милое дитя! А что касается приданаго, то пусть она распоряжается имъ, какъ ей угодно. Упаси Боже, чтобы кто-нибудь изъ Альваредо когда-либо гонялся за приданымъ. Да и на что оно намъ, моя крошка? Довольно того, что донья Мемита Альваредо не уступитъ въ знатности никакой богатѣйшей невѣстѣ.

Меми не забыла, что всего лишь мѣсяцъ тому назадъ, хотя бы даже она была такъ же равнодушна къ этому человѣку, какъ и теперь, слова его наполнили бы ее восторгомъ! Даже и теперь они ее тронули... потому что ей пріятно было сознаніе, что «знатность» была къ ея услугамъ, стоило захотѣть!

— Конечно, мой милый, пролепетала она съ дѣтскимъ удовольствіемъ, придававшимъ ея лицу такое прелестное выраженіе, что оно мѣшало вникнуть въ истинный его смыслъ и значеніе;—конечно, но намъ незачѣмъ говорить объ этомъ теперь, и, быть можетъ, возстановить противъ

себя ма̀. Она не хочетъ слышать о томъ, чтобы я теперь же вышла замужъ, и будетъ противъ нашей помолвки.

— Но вы уѣзжаете?

— Я поѣду въ Нью-Іоркъ *сначала* и въ Европу, знаете, наивно отвѣчала Меми, еслибы даже мы и были помолвлены. Мнѣ надо заказать себѣ приданое? Здѣсь и одѣться нельзя прилично.

Припоминая о розовомъ ситцевомъ платьѣ, въ которомъ она впервые призналась ему въ любви, онъ сказалъ:

— Но вы и такъ прелестны. Для меня вы лучше не станете, и если я доволенъ, малютка, тѣмъ, какъ вы одѣты, то поѣдемъ вмѣстѣ заказывать туалеты, которые должны нравиться другимъ людямъ.

Она не ожидала такой настойчивости. Право же, когда такъ, то ей лучше было бы быть помолвленной съ человѣкомъ, въ родѣ Слинна; тотъ бы понялъ ее. Онъ былъ гораздо умнѣе, и ужъ, конечно, практичнѣе и больше зналъ людей. Когда Слиннъ обращался къ ней свысока, то съ юмористической снисходительностью болѣе опытнаго существа, а не съ дидактическими стремленіями опекуна. Но она этого не сказала, и ея хорошенькіе глазки тоже этого не выразили, какъ не выразили гнѣва, когда она разговаривала съ Слинномъ. Она кротко сказала:

— Я никогда не ожидала, чтобы вы, именно вы, захотѣли, чтобы жена ваша поступала не такъ, какъ требуютъ приличія. Но все равно! Не будемъ больше говорить объ этомъ. Можетъ быть, это васъ такъ стѣсняетъ и затрудняетъ, что лучше совсѣмъ оставить.

Не думаю, чтобы молодая особа намѣренно вывела такое нелогичное слѣдствіе изъ словъ дона̀ Цезара, или чтобы она предвидѣла дѣйствіе своихъ словъ, но ей свойственно было ихъ сказать и воспользоваться ихъ

дѣйствіемъ. При такомъ несправедливомъ обвиненіи гордость его смирилась.

— Ахъ! неужели вы не видите, почему я хочу ѣхать вмѣстѣ съ вами? сказалъ онъ съ внезапной и неожиданной страстью. Вы красивы; вы добры; небу угодно сдѣлать васъ и богатой, но вы дитя по неопытности и сами не знаете своего сердца. Съ вашей красотой, добротой и богатствомъ вы будете привлекать всѣхъ къ себѣ— какъ вы это дѣлаете и здѣсь—потому что это естественно. Но вы будете безпомощны, малютка, если *они* закружатъ васъ и если васъ не будутъ связывать никакія узы.

Замѣчаніе это было неудачно. Слова говорилъ донъ Цезарь; но мысль она слышала уже раньше отъ матери, хотя и съ другимъ выводомъ. Меми слушала дона Цезара съ сверкающимъ, но мечтательнымъ взоромъ. Должно быть, есть правда въ томъ, что онъ сказалъ. Мать говоритъ это; м-ръ Слиннъ, хотя шутя, но допускаетъ это. Передъ нею блестящая будущность! Вправѣ ли она лишить себя ея, поспѣшно и опрометчиво связавъ себя? Онъ самъ сказалъ, что она неопытна. Она знала это; и однако, что же онъ-то теперь дѣлаетъ, какъ не хочетъ воспользоваться ея неопытностью? Если онъ дѣйствительно ее любитъ, то долженъ согласиться на испытаніе. Она отъ него требуетъ того же и готова выйдти за него замужъ, если... вернется свободной.

Въ этой мысли, казалось, было такъ много благородства, что она на минуту увлеклась ею и съ сострадательной нѣжностью улыбнулась ему.

— Вы согласны, Меми? вскрикнулъ донъ Цезарь и торопливо обнялъ ее за талію.

— Нѣтъ, не теперь, Цезарь,—высвободилась она. Я должна хорошенько подумать; мы оба слишкомъ молоды и не должны дѣйствовать опрометчиво, это будетъ нехорошо

относительно васъ; вы слишкомъ мало видѣли дѣвушекъ американскихъ, чтобы жениться на первой, съ которой познакомились. Когда я уѣду, вы больше будете выѣзжать. Вотъ у м-ра Слинна есть двѣ сестры, я не удивлюсь, если онѣ умнѣе и образованнѣе меня...и каково мнѣ будетъ, если я узнаю, что только данное слово удерживаетъ васъ отъ того, чтобы въ нихъ не влюбиться.

Она умолкла и опустила глаза.

То была ея первая попытка къ кокетству, такъ какъ, съ свойственнымъ ей очаровательнымъ себялюбіемъ, она была всегда прямодушна и откровенна.

— Если вы допускаете такую возможность для меня.., то, значитъ, это возможно и съ вами!

Она поняла свою ошибку.

— Можетъ случиться, что мы больше не увидимся наединѣ, спокойно отвѣтила она, не будемъ тратить время на взаимныя обвиненія. Условимся лучше, какъ намъ сообщаться другъ съ другомъ, если что-нибудь помѣшаетъ нашему свиданію. Вспомните, что и сегодня мы встрѣтились случайно. Мама, вѣроятно, уже тревожится. Я должна идти домой. Каждую минуту можетъ кто-нибудь пойти меня разыскивать.

— Но мнѣ надо такъ много сказать. Мы пробыли вмѣстѣ такъ недолго!

— Вы можете написать.

— Но что подумаетъ ваша матушка объ этомъ? съ удивленіемъ спросилъ онъ.

Она покраснѣла.

— Конечно, дома не должны знать, что мы въ перепискѣ. Вы можете какъ-нибудь иначе доставить мнѣ пись-

Постойте! прибавила она съ дѣтской веселостью. Вотъ [illegible] почтовый ящикъ. Поглядите!

Она указала на гнилой стволъ сикомора, росшаго неподалеку отъ тропинки. Въ немъ было дупло, наполнен-

ное орѣховой скорлупой и сухими листьями, показывавшими, что оно служило убѣжищемъ для бѣлки, почему-то ею покинутымъ.

Донъ Цезаръ съ восхищеніемъ поглядѣлъ на нее и хотѣлъ обнять.

— Тсъ! что такое? послушайте!

— Это бѣлка въ вѣтвяхъ, прошепталъ онъ ей на ухо.

— Нѣтъ; это кто-то идетъ! пустите меня! пожалуйста, Цезаръ, милый! Ну вотъ...

Она отвѣтила на его поцѣлуй, высвободилась изъ его объятій и убѣжала.

Донъ Цезаръ со вздохомъ прислушивался къ замирающему звуку ея шаговъ и взглянулъ на дерево, какъ бы желая запечатлѣть его въ своей памяти.

Онъ былъ правъ въ объясненіи причины внезапнаго шороха, помѣшавшаго ихъ свиданію. Пара блестящихъ, милыхъ глазокъ смотрѣла на него съ вѣтки сосѣдняго дерева. То была бѣлка, которая раньше людей собиралась серьезно и дѣловито осмотрѣть дупло, но вѣжливо воздержалась при ихъ появленіи. Теперь, когда они ушли, она привела свое намѣреніе въ исполненіе.

III.

Очевидно, недовольное результатомъ своихъ изслѣдованій, доказавшихъ, что дупло непригодно для храненія запасовъ скромной бѣлки, хотя и могло хранить любовныя посланія отважныхъ людей, маленькое животное принялось немедленно приводить его въ порядокъ. Она прежде всего разбросала пропасть сухихъ листьевъ, смела гнѣздо древесныхъ пауковъ, разогнала колонію муравьевъ, но вдругъ встрѣтила на своемъ пути болѣе серьезное препятствіе, а именно сложенную вчетверо бумагу, съ

которой никакъ не могла справиться. Поэтому она оставила ее на мѣстѣ и только прикрыла свѣжими листьями.

Но каковы же были ея ярость и негодованіе, когда, вернувшись черезъ нѣсколько дней, она нашла въ приготовленномъ ею для себя домѣ другую бумажку, свернутую какъ и прежняя, но только гораздо бѣлѣе и новѣе. Этого бѣлка уже рѣшительно не могла вынести и такъ какъ къ тому же бумажка была меньше первой и не задѣвала за стѣнки дупла, то ей удалось энергическими ударами хвостика вышвырнуть ее изъ дупла и бумажка позорно полетѣла на землю. Тамъ ее замѣтили зоркіе глаза вороны; она немедленно слетѣла съ дерева и схватила бумажку. Бумажка оказалась несъѣдобной, но ворона тѣмъ не менѣе унесла ее въ клювѣ, будучи изъ породы любителей коллекцій. Но усѣвшись на вѣткѣ дерева, она съ обычной разсѣянностью низшаго животнаго забыла о первоначальномъ намѣреніи и равнодушно выронила бумажку изъ клюва. Бумажка попала на сосѣдній кустъ, гдѣ и пролежала до вечера, когда пробѣгавшая мимо дикая кошка, направлявшаяся въ курятникъ къ Мольреди, толкнувъ кустъ, свалила бумажку, и, увидѣвъ, какъ мелькнуло что-то бѣлое, со страху забѣжала въ сосѣдній кустъ.

Но треволненія бѣлки тѣмъ не кончились. На слѣдующій день молодой человѣкъ, сопровождавшій молодую женщину, пришелъ одинъ къ дуплу и бѣлка только-только успѣла изъ него выскользнуть, какъ онъ запустилъ въ него руку и принялся шарить. Восхищеніе, выразившееся на его серьезномъ и тревожномъ лицѣ отъ того, что письмо исчезло и, значитъ, было кѣмъ-то взято, ясно доказывало, что онъ туда его положилъ и, быть можетъ, пробудило смутное воспоминаніе у вороны и даже угрызеніе совѣсти, такъ какъ она даже громко закаркала. Но молодой человѣкъ скоро ушелъ, и бѣлка опять могла занять свое жилище.

Прошла недѣля. Скучное, тяжкое время для дона Цезара, который ничего не слышалъ о Мемн и не видѣлъ ее съ ихъ послѣдняго свиданія. Слишкомъ проникнутый чувствомъ собственнаго достоинства, чтобы идти къ Мольреди послѣ двусмысленнаго поведенія хозяйки дома, и слишкомъ гордый, чтобы бродить около него, подкарауливая случайную встрѣчу съ ея дочерью, какъ бы сдѣлалъ обыкновенный влюбленный, онъ скрывалъ мрачныя мысли въ монастырской тѣни усадьбы Лосъ-Гатосъ, или же находилъ облегченіе въ бѣшеной скачкѣ днемъ и ночью по большой дорогѣ. Не разъ мимо почтовой кареты проносился вихремъ, точно тѣнь, всадникъ, и только огонекъ его сигары показывалъ, что то былъ человѣкъ, а не привидѣніе.

Въ одну изъ такихъ бѣшеныхъ прогулокъ онъ долженъ былъ остановиться раннимъ утромъ передъ кузницей въ Редъ-Догѣ и поручить кузнецу укрѣпить ослабѣвшую подкову, а самъ въ ожиданіи взялся за газету. Донъ Цезаръ рѣдко читалъ газеты, но, увидя, что то были «Извѣстія», сталъ проглядывать ея столбцы. Знакомое имя внезапно бросилось ему въ глаза. Съ сердцемъ бившимся и стучавшимъ въ унисонъ съ кузнечнымъ молотомъ, онъ прочиталъ слѣдующее:

«Нашъ именитый согражданинъ, Эльвинъ Мольреди, эсквайръ, уѣхалъ изъ города третьяго дня, чтобы присутствовать на важномъ собраніи директоровъ Редъдоговой минной компаніи въ Санъ-Франциско. Общество съ сожалѣніемъ услышитъ, что м-съ Мольреди и ея очаровательная дочка, намѣревавшіяся отправиться въ Европу въ концѣ мѣсяца, воспользовались случаемъ сопровождать м-ра Мольреди до Санъ-Франциско по пути на востокъ.

«М-съ и миссъ Мольреди намѣрены посѣтить Лондонъ, Парижъ и Берлинъ и пробудутъ въ отсутствіи три года.

Возможно, что м-ръ Мольреди позднѣе съѣдется съ ними въ одной изъ этихъ столицъ. Весь городъ очень сожалѣетъ, что при такихъ обстоятельствахъ не могъ устроить проводы, достойные уважаемой семьи и той симпатіи, какую къ нимъ питаютъ въ Редъ-Догѣ».

Газета выпала у него изъ рукъ. Уѣхала! не написавъ ни единаго слова! Нѣтъ, это невозможно! Тутъ какая-то ошибка; она написала, да письмо еще не дошло. «Третьяго дня!»—да, онъ могъ еще получить письмо изъ Санъ-Франциско! Ахъ!... а дерево-то!

Конечно, письмо лежало въ дуплѣ, онъ не ходилъ туда уже съ недѣлю. Почему онъ не подумалъ объ этомъ раньше. Онъ виноватъ во всемъ, а не она. Быть можетъ, она уѣхала, подумавъ, что онъ измѣнилъ ей, деревенскій медвѣдь!

— Чортъ васъ возьми! Что, вы намѣрены продержать меня здѣсь цѣлую вѣчность!

Кузнецъ выпучилъ на него глаза. Донъ Цезаръ вдругъ вспомнилъ, что онъ говорилъ, какъ и думалъ... по испански.

— Десять долларовъ прибавки, мой другъ, если отпустите меня черезъ пять минутъ.

Кузнецъ разсмѣялся.

— Вотъ это по-американски. И живѣе принялся за работу.

Донъ Цезаръ опять принялся за газету. Тамъ былъ другой параграфъ, напомнившій ему о послѣднемъ свиданіи съ Меми:

«М-ръ Гарри Слиннъ-младшій, издатель этой газеты, только-что переѣхалъ въ домъ, первоначально занимаемый Эльвиномъ Мольдери, эсквайромъ, и который уже сталъ историческимъ въ околодкѣ. М-ръ Слиннъ перевезъ съ собой отца м-ра Слинна, эсквэйра, и двухъ сестеръ. М-ръ Слиннъ-старшій, страдавшій нѣсколько лѣтъ отъ пара-

лича, медленно поправляется и по совѣту врачей предпочелъ живительный воздухъ здѣшнихъ холмовъ разслабляющему зною Сакраменто».

Дѣло скоро уладилось, размышлялъ донъ Цезаръ не безъ ревности.

Черезъ пять минутъ онъ уже скакалъ къ дереву. Вотъ онъ опускаетъ руку въ дупло. Нѣтъ! письма нѣтъ! онъ роется въ немъ обѣими руками: и... что это?.. бумага хруститъ подъ его пальцами... Радость охватила его душу, но увы! скоро смѣнилась разочарованіемъ.

Вынутое имъ письмо было, очевидно, не къ нему; конвертъ былъ изъ самой простой сѣрой бумаги, имѣлъ грязный, залежавшійся видъ и былъ надписанъ карандашемъ, который почти стерся; при этомъ въ немъ остались какіе-то твердые кусочки, точно руда или металлъ.

Онъ съ трудомъ разобралъ полустертую надпись: «м-съ Меми Слиннъ», да и то только потому, что это имя въ послѣднее время особенно навязывалось ему. Въ своемъ разочарованіи и досадѣ онъ заподозрилъ, что это неприличная шутка Слинна надъ нимъ, шутка, въ которой, быть можетъ, участвовала Меми: эти американцы такіе вульгарные.

Онъ держалъ конвертъ въ дрожащихъ рукахъ. Онъ могъ разорвать его, если хотѣлъ и ознакомиться съ его содержаніемъ; но оно было адресовано не къ нему, а инстинктъ чести былъ въ немъ всесиленъ, несмотря на бѣшенство. Нѣтъ, Слиннъ вскроетъ письмо при немъ и отвѣтитъ за все.

Онъ поскакалъ къ старому дому Мольреди и, привязавъ коня къ изгороди, вошелъ въ домъ. Дверь была гостепріимно растворена, но когда онъ переступилъ за порогъ, то очутился лицомъ къ лицу съ двумя хорошенькими дѣвушками. То были, очевидно, сестры Слинна, о которыхъ онъ совсѣмъ было и позабылъ.

— Мы видѣли, какъ вы подъѣхали, сказала старшая непринужденно. Вы донъ Цезаръ Альваредо. Братъ говорилъ намъ о васъ.

Эти слова привели дона Цезара въ себя и напомнили ему о вѣжливости. Не могъ же онъ ссориться съ красивыми незнакомыми дѣвушками при первомъ свиданіи. Онъ долженъ объясниться съ ихъ братомъ въ другомъ мѣстѣ.

— Братъ уѣхалъ въ Редъ-Догъ, продолжала старшая изъ дѣвушекъ, Эсфирь; онъ будетъ очень жалѣть, что вы не застали его; м-съ Мольреди говорила ему о васъ, вы, кажется, были ихъ домашнимъ другомъ. Вы были, конечно, коротко знакомы съ ихъ дочерью Мемп; говорятъ, она прехорошенькая..

Хотя донъ Цезаръ убѣдился теперь, что Слиннъ не могъ знать о странномъ поведеніи съ нимъ Мемп, его смущалъ этотъ разговоръ.

— Миссъ Мольреди очень хороша собой, сказалъ онъ серьезно и вѣжливо,—какъ и всѣ ея соотечественницы, вообще. Она уѣхала очень неожиданно,—прибавилъ онъ съ притворнымъ спокойствіемъ.

— Они, кажется, разсчитывали оставаться здѣсь дольше, но что-то помѣшало. Я знаю, что братъ былъ удивленъ, когда м-ръ Мольреди сказалъ ему, что онъ можетъ, если хочетъ, тотчасъ же переѣхать, такъ какъ самъ онъ займетъ большой домъ.

Донъ Цезаръ всталъ и раскланялся.

— Вы уже уходите? томно спросила Эсфирь; если такъ, то, проходя по саду, загляните къ бѣдному папà. Онъ тамъ гдѣ-то около рощи, и мы не любимъ оставлять его подолгу одного. Если вы увидите, что ему что-нибудь требуется, кликните насъ, пожалуйста. А у насъ теперь столько дѣла, что самимъ бѣжать къ нему некогда.

Донъ Цезаръ хотѣлъ было извиниться; но внезапное

сочувствіе къ чужому страданію, проснувшееся въ немъ и сопровождающее всякое благородное горе, остановило его. Онъ поклонился въ знакъ согласія и ушелъ. Дѣвушки слѣдили за нимъ, пока онъ не скрылся изъ вида.

— Ну, сказала меньшая, уже теперь меня никто не увѣритъ, что между нимъ и Меми Мольреди ничего не было. Ужь если это не обманутый любовникъ, то у меня нѣтъ глазъ.

— Если такъ, то тебѣ не слѣдовало глядѣть на него такъ нѣжно, точно ты не прочь утѣшить его, уколола ее Эсфирь.

Между тѣмъ донъ Цезаръ отправился на поиски старика Слинна и нашелъ его на скамьѣ подъ развѣсистымъ деревомъ.

Онъ сидѣлъ, положивъ руки на колѣни, и глядѣлъ разсѣянно передъ собой.

Онъ слегка вздрогнулъ, когда донъ Цезаръ остановился передъ нимъ, и перевелъ глаза на него. Молодой человѣкъ былъ удивленъ, увидѣвъ, что бѣдняга былъ вовсе не такъ старъ, какъ онъ думалъ, и что выраженіе его лица было спокойное и даже счастливое.

— Ваши дочери сказали мнѣ, что вы здѣсь, поклонился ему съ ласковымъ почтеніемъ донъ Цезаръ. Я— Цезаръ Альваредо, вашъ близкій сосѣдъ; очень радъ познакомиться съ вами и вашимъ семействомъ.

— Мои дочери? сказалъ старикъ разсѣянно; о, да! онѣ хорошенькія дѣвочки. А сынокъ мой, Гарри? вы видѣли Гарри? миленькій крошка, неправда ли?

— Я радъ слышать, что вы поправляетесь, поспѣшно сказалъ донъ Цезаръ. Богъ да благословитъ васъ, сеньоръ, и возвратитъ вамъ скорѣе здоровье и счастіе.

— Счастіе? съ удивленіемъ сказалъ Слиннъ. Я счастливъ... очень счастливъ. У меня есть все, что мнѣ надо; хорошій воздухъ, хорошая пища, теплое платье.

хорошенькія дѣтки, добрые друзья... Ваше имя... васъ зовутъ Ма...

— Альваредо, поправилъ мягко донъ Цезаръ... Цезаръ Альваредо.

— Вы сказали: Мастерсъ, настаивалъ старикъ съ внезапной сварливостью.

— Нѣтъ, добрый другъ, я сказалъ: Альваредо, серьезно отвѣчалъ донъ Цезаръ.

— Если вы не сказали: Мастерсъ, то почему же я сказалъ? я не знаю Мастерса.

Донъ Цезаръ молчалъ. Черезъ минуту выраженіе счастливаго спокойствія вернулось на лицо Слинна и донъ Цезаръ продолжалъ:

— Ко мнѣ недалеко, отсюда черезъ холмы, хотя по дорогѣ дальше; когда вы совсѣмъ поправитесь, милости просимъ. Вы дойдете до рощи, а тамъ...

Онъ замолкъ, потому что лицо больнаго выразило безпокойство. Частію, чтобы развлечь его, частію по какой-то необъяснимой идеѣ, вдругъ охватившей его, донъ Цезаръ продолжалъ:

— Тамъ есть странное дерево около дорожки, съ дупломъ. И въ этомъ дуплѣ я нашелъ это письмо.

Онъ снова умолкъ на этотъ разъ въ испугѣ. Слиннъ вскочилъ на ноги съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ и глядѣлъ на письмо, которое донъ Цезаръ вынулъ изъ кармана. Мускулы его горла напряглись, точно онъ глоталъ что-то; губы шевелились, но не издавали ни звука. Наконецъ, конвульсивнымъ усиліемъ ему удалось пролепетать нѣсколько словъ едва слышнымъ голосомъ:

— Мое письмо, мое письмо! Оно мое! отдайте его мнѣ! Это мое богатство! все мое! въ шахтѣ... на холмѣ! Мастерсъ укралъ его! укралъ мое богатство! Укралъ все! Видите! видите!

Онъ схватилъ письмо изъ рукъ дона Цезара и ра-

зорвалъ конвертъ: нѣсколько желтыхъ песчинокъ выпало изъ него, величиной съ дробь, и упало на землю.

— Видите, видите, что это правда! Мое письмо, мое золото! моя шахта! Мой... мой... мой Богъ!

Дрожь пробѣжала у него по лицу. Рука, державшая письмо, внезапно упала какъ плеть. Онъ покачнулся и, выскользнувъ изъ рукъ дона Цезара, упалъ на землю.

Донъ Цезаръ поспѣшно наклонился къ нему, но только затѣмъ, чтобы удостовѣриться, что онъ живъ и дышетъ, хотя и недвижимъ.

Послѣ того донъ Цезаръ поднялъ письмо и, пробѣжавъ его сверкающими глазами, сунулъ въ карманъ вмѣстѣ съ образчиками золота. Затѣмъ поспѣшно поглядѣлъ на дорогу. Каждая минута была ему теперь дорога; но онъ не могъ оставить больнаго на большой дорогѣ, не могъ и снести его въ домъ. Но вдругъ онъ вспомнилъ, что лошадь его такъ и осталась привязанной къ изгороди. Онъ пойдетъ за ней и положитъ черезъ сѣдло несчастнаго. Онъ съ трудомъ приподнялъ его съ земли и положилъ на скамью и затѣмъ побѣжалъ къ своей лошади. Онъ не далеко еще ушелъ, какъ услышалъ стукъ колесъ и лошадиный топотъ. То неслась почтовая карета. Онъ хотѣлъ позвать кучера на помощь. Но тотъ привсталъ на козлахъ и хлесталъ изо всей мочи испуганныхъ лошадей, которыя пролетѣли вихремъ мимо скамейки.

Часомъ позже, когда карета подъѣзжала къ гостинницѣ Редъ-Дога, кучеръ сошелъ съ козелъ весь блѣдный, но молчаливый. Когда же онъ проглотилъ рюмку виски залпомъ, то обернулся къ удивленному почтальону:

— Одно изъ двухъ, Джимъ, сказалъ онъ мрачно,— или скамейку снесутъ съ дороги, или меня на кладбище. Я опять *его* видѣлъ!...

IV.

Никакихъ подробностей о вторичномъ припадкѣ у старика Слинна, кромѣ того, что коротко сообщилъ объ этомъ донъ Цезаръ, а именно: что онъ нашелъ его въ безчувственномъ состояніи на скамейкѣ подъ деревомъ,— не было извѣстно. Это никого не удивило. Это согласовалось съ предсказаніями д-ра Дюшена о возможности повторенія перваго припадка. Молодой испанецъ уѣхалъ на другой день изъ Лосъ Гатоса и ушелъ не только изъ рукъ дѣятельнаго издателя «Извѣстій», но и не могъ прочитать благодарственной замѣтки, въ которой сообщалось на слѣдующій день объ его добротѣ и вѣжливости. Предсказанія д-ра Дюшена оправдались однако не вполнѣ: онъ говорилъ, что за вторымъ припадкомъ послѣдуетъ или полное выздоровленіе или смерть. Но старикъ Слиннъ не умеръ, а также не вернулись къ нему и его прежнія умственныя способности. Онъ, повидимому, впалъ въ прежнюю физическую слабость; улучшеніе въ его состояніи, наступившее было за послѣдній мѣсяцъ — было утрачено, а перемѣны въ умственномъ никакой не произошли, кромѣ того, что онъ не помнилъ о припадкѣ и о присутствіи дона Цезара; — и это оказалось обстоятельствомъ благопріятнымъ. По крайней мѣрѣ д-ръ Дюшенъ придавалъ особое значеніе этому симптому, и его разспросы больнаго отличались бо̀льшей чѣмъ обыкновенно настойчивостью.

— Вы увѣрены, что не помните, какъ ходили по саду, прежде чѣмъ заболѣли? Смотрите, подумайте хорошенько. Вы должны это помнить.

Глаза старика безпокойно забѣгали по комнатѣ, но онъ отрицательно покачалъ головой.

— И вы не помните, какъ сидѣли на камнѣ при дорогѣ?

Старикъ съ рѣшимостью уставился глазами въ одѣяло.

— Нѣтъ! отвѣтилъ онъ не безъ твердости въ голосѣ, совсѣмъ для него новой.

Глаза доктора повеселѣли.

— Ладно, старикъ, ладно!

Уходя, онъ сказалъ старшей миссъ Слиннъ, отведя ее въ сторону:

— Онъ поправится; онъ начинаетъ врать.

— Да вѣдь онъ сказалъ только, что не помнитъ?

— Потому что не хочетъ помнить, съ авторитетомъ объявилъ докторъ. Мозгъ работаетъ подъ впечатлѣніемъ или болѣзненнымъ или непріятнымъ, или такимъ неопредѣленнымъ, что онъ не можетъ его формулировать; онъ это сознаетъ и не хочетъ даже дѣлать попытокъ. Все же это лучше, чѣмъ его прежнее самодовольное безпамятство.

Фактъ признанія кучеромъ омнибуса въ Слиннѣ того самаго человѣка, котораго хватилъ параличъ три года тому назадъ, всѣ уже знали. Докторъ пришелъ сіяющій.

— Теперь все ясно, рѣшительно объявилъ онъ. — Второй ударъ произошелъ отъ нервнаго потрясенія, испытаннаго на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ произошелъ первый. Это доказываетъ, что его мозгъ все еще удерживаетъ старыя впечатлѣнія. Первое пробужденіе памяти было для него непріятно, и напряженіе оказалось не подъ силу. Это очень жаль; но это хорошій признакъ.

— И вы думаете, значитъ...

— Я думаю, что дѣятельность мозга все еще существуетъ: онъ старается забыть и избѣгаетъ объ этомъ думать. Вы увидите, онъ будетъ уклоняться отъ всякихъ намековъ и съумѣетъ хитро избѣжать ихъ.

И оно такъ и было. Вѣрна или нѣтъ была гипотеза доктора, но фактъ тотъ, что когда онъ впервые повезъ

кататься своего паціента, тотъ, повидимому, не обратилъ никакого вниманія на скамью подъ деревомъ и отказался на отрѣзъ говорить о ней. Но что было еще многозначительнѣе для Дюшена и, быть можетъ, даже нѣсколько загадочно, это угрюмая разсѣянность паціента, смѣнившая его прежнее безсмысленное довольство и недовѣріе къ окружающимъ. Дочери видѣли порой, что онъ глядитъ на нихъ внимательно и зорко, чтобы не сказать подозрительно, и даже сынъ замѣчалъ скрытую антипатію къ нему отца при свиданіяхъ съ нимъ.

Приписывая это обстоятельство его несчастной болѣзни, дѣти отчасти оправдывали отчужденіе отъ нихъ отца: они очень мало обращали на него вниманія. Они были болѣе пріятно заняты. Обѣ дѣвушки получили въ околодкѣ положеніе, занимаемое прежде Меми Мольреди, и раздѣляли другъ съ другомъ вниманіе жителей Редъ-Дога. Юный издатель «Извѣстій» дѣйствительно достигъ удачи, какъ шутливо предсказывалъ, благодаря короткости съ Мольреди. Исчезновеніе дона Цезара считали уступкой поля дѣйствія болѣе счастливому сопернику; и всѣ думали, что Гарри обрученъ съ дочерью милліонера и довѣренное его лицо. Двѣ или три удачныхъ спекуляціи явились результатомъ магическаго или счастливаго имени Мольреди. По мнѣнію суевѣрныхъ золотопромышленниковъ, главная сила этой удачи заключалась въ томъ, что онъ поселился въ старомъ домѣ.

— Подумать, замѣтилъ одинъ изъ авгуровъ Редъ-Дога, французъ Петъ, болтливый—шутникъ, что когда все это чортово дурачье набросилось на участки земли въ той мѣстности, гдѣ найдено было золото, никому не пришло въ голову залѣзть въ капусту стараго плута!

Послѣднія сомнѣнія въ союзѣ двухъ фамилій были разсѣяны дружбой, возникшей между старшимъ Слинномъ и милліонеромъ, по возвращеніи послѣдняго изъ Санъ-Франциско.

Она началась съ страннаго чувства жалости къ физической слабости человѣка, снискавшаго симпатію Мольреди, громадная сила котораго не была подорвана привычкой къ роскоши, и который все еще могъ показать своимъ рабочимъ примѣръ упорнаго труда; дружба поддерживалась страннымъ и суевѣрнымъ уваженіемъ къ умственному состоянію Слинна, въ силу предразсудка невѣжественныхъ людей, заставляющаго ихъ видѣть особенную духовную мудрость въ полоумныхъ.

Когда физическія силы больного возстановились, Эльвинъ Мольреди удивилъ однажды его семью, принеся цѣлую груду писемъ и счетовъ, и, положивъ ихъ передъ кресломъ Слинна, пригласилъ его разобраться съ этимъ матеріаломъ. Идея эта показалась забавной, пока не выяснилось, что старикъ вполнѣ способенъ исполнять канцелярскую работу и выказываетъ даже необыкновенную умственную дѣятельность и способность къ этого рода занятіямъ. Д-ръ Дюшенъ былъ въ восторгѣ и восхищался какъ успѣхами своего паціента, такъ и догадливостью милліонера.

И есть еще завистливые люди, говорили кругомъ, увѣряющіе, что этотъ человѣкъ, сообразившій, чѣмъ занять слабоумное существо, не утруждая его памяти или разсудка—простой дуракъ! А я вамъ скажу, сэръ, вотъ что: быть можетъ не требуется много ума, чтобы найти золотоносную жилу, и это даръ Провидѣнія. Но сколько ни живу на свѣтѣ, никогда не видалъ, чтобы Провидѣніе награждало дураковъ или проливало свои милости надъ болванами...

Когда м-ръ Слиннъ, при помощи костылей, получилъ возможность ежедневно являться въ великолѣпную контору м-ра Мольреди, ему отвели мѣсто съ роскошной конторкой изъ розоваго дерева, позади кресла самого м-ра Мольреди, какъ довѣренному клерку и личному се-

*

кретарю. Удивленію Редъ-Дога и Савименто при этомъ удивительномъ фактѣ не было границъ; но смѣлость и новизна идеи всѣхъ поражала.

Судья Бутсъ, оракулъ въ Савименто, высказалъ свое заключеніе:

— Онъ выбралъ человѣка, который физически не способенъ убѣжать съ его деньгами и настолько лишенъ памяти, чтобы не удержать его идеи. Ничего лучшаго и не придумать.

Даже родной сынъ. Гарри, увидѣвъ отца на его посту, на минуту проникся сыновнимъ почтеніемъ и впродолженіи одного или двухъ дней снисходительно обращался съ нимъ.

Въ своей новой должности Слиннъ сталъ повѣреннымъ не только всѣхъ дѣловыхъ тайнъ, но даже и семейныхъ отношеній Мольреди. Онъ зналъ, что молодой Мольреди изъ оболтуса превратился въ городскаго прощалыгу съ наклонностями къ пьянству и картежной игрѣ. Черезъ руки старика проходили безумные счеты и векселя, по которымъ приходилось уплачивать отцу; онъ же показалъ разъ Мольреди превосходно поддѣланную его сыномъ подпись.

— Ваши глаза не такъ зорки, какъ мои, сказалъ Мольреди внушительно. Подпись моя, настоящая. Я иногда вывожу такія *у*. Я совсѣмъ забылъ про этотъ чекъ. Не думайте, что вы одни безпамятны, попытался онъ пошутить.

Черезъ руки же Слинна шли всѣ отчеты о расточительности м-съ Мольреди и хорошенькой Мами, равно какъ и хроника объ ихъ фешенебельной жизни и тріумфахъ. Такъ какъ Мольреди уже раньше замѣтилъ, что Слиннъ не довѣряетъ своему семейству, то и не пытался скрывать отъ него эти семейныя подробности.

— Тысяча двѣсти долларовъ хорошая цѣна за платье,

но ужъ я знаю, что Мальвп не ударитъ лицомъ въ грязь въ Тюльери и не захочетъ, чтобы Мемп была хуже одѣта разныхъ тамъ графинь и герцогинь. Она пишетъ, что Мемп говоритъ уже по-французски, какъ француженка. Онѣ встрѣтили дона Цезара въ Парижѣ. Но, кажется, что съ нимъ у нихъ все покончено. И мнѣ непріятно, что она такъ круто повернула дѣло и знаете ли почему? Потому что я думаю, что донъ Цезаръ опасный врагъ.

— Кто такой донъ Цезаръ? спросилъ Слиннъ.

— Человѣкъ, который васъ подобралъ въ тотъ день, какъ съ вами случился припадокъ.

Но Слиннъ непритворно не помнилъ ничего, что съ нимъ было до и во время припадка.

Тѣмъ временемъ дни шли за днями, а Мольреди все богатѣлъ. Деньги точно сыпались на него; самыя рискованныя предпріятія удавались ему. Люди, выше его поставленные, ухаживали за нимъ, равные преклонялись передъ нимъ, а низшіе чуть не молились на него. Но онъ держалъ себя безъ спѣси, и даже безъ всякаго сознанія своего достоинства. Неизбѣжно вынужденный, въ качествѣ директора и предсѣдателя различныхъ акціонерныхъ компаній, принимать участіе въ роскошныхъ пиршествахъ и банкетахъ, дома онъ велъ самую скромную жизнь и довольствовался самой простой пищей. Онъ ничего не пилъ, кромѣ воды. Не получивъ никакого образованія, онъ, однако, рѣдко бывалъ пошлъ и никогда не бывалъ не деликатенъ. Не будучи пуританиномъ въ манерахъ и разговорѣ, онъ, казалось, столь же былъ далекъ отъ пороковъ цивилизаціи, какъ и отъ ея добродѣтелей. Что такой человѣкъ могъ мало дать и мало получить отъ общества женщинъ—это само собой разумѣется. А потому, не пользуясь фактически одиночествомъ, онъ былъ грустно одинокъ, въ сущности, среди людей.

Декабрь мѣсяцъ подходилъ къ концу. Наканунѣ Рождества данъ былъ отпускъ всѣмъ служащимъ въ конторѣ, и м-ръ Мольреди только-что подписалъ многое множество чековъ съ обычнымъ дѣловымъ, не хвастливымъ видомъ, и щедрость его была принята служащими также просто, какъ и была оказана.

Слегка юмористическимъ тономъ проговоренное: «благодарствуйте, сэръ»—должно было доказать и ихъ благодарность, и ихъ независимость.

Всѣ разошлись, но въ конторѣ тѣмъ не менѣе горѣлъ огонь. Въ ней оставались самъ хозяинъ и его личный секретарь.

— Могу себѣ представить, какъ веселится теперь моя старуха и Меми, въ раззолоченныхъ салонахъ Петербурга или Берлина. Брилліанты, которые я заказалъ у Тиффани, онѣ должны уже получить теперь. Меми можетъ отпраздновать Рождество, какъ слѣдуетъ, во всѣхъ своихъ военныхъ доспѣхахъ. Должно быть, это водится въ чужихъ земляхъ—дѣлать подарки на Новый годъ, и я писалъ моей старухѣ, что все, что она подаритъ, должно быть въ калифорнскомъ вкусѣ—не то что какіе-нибудь поддѣльные каменья, да мѣдные вызолоченные часы. Если она захочетъ что-нибудь подарить тамошнимъ важнымъ господамъ, то пусть выберетъ что-нибудь такое, чтобы Савименто не ударилъ лицомъ въ грязь. Я показывалъ вамъ булавку, которую купила мнѣ Меми въ Парижѣ? Это Рождественскій подарокъ мнѣ и должно быть стоилъ не дешево, Желалъ бы я знать, сколько Меми за нее заплатила?

— Вамъ легко это узнать; вотъ счетъ; вы по немъ заплатили вчера, сказалъ Слиннъ.

Въ голосѣ старика не было и тѣни ироніи и точно такъ же не было ея и въ отвѣтѣ Мольреди, спокойно возразившаго:

— Вѣрно; что-то около тысячи франковъ; но французскія деньги, знаете, дешевле американскихъ долларовъ.

Наступило молчаніе и когда Мольреди снова заговорилъ, то сказалъ:

— Кстати, Слиннъ, я придумалъ одну штуку для васъ.

Онъ вдругъ умолкъ; всегда зорко слѣдя, чтобы хилый секретарь его не утомился черезъ мѣру, онъ вдругъ замѣтилъ легкую тѣнь на его лицѣ и продолжалъ безпечно:

— Но мы поговоримъ объ этомъ завтра; одинъ день или два не составятъ для насъ разницы въ этомъ дѣлѣ. Можетъ быть, я зайду къ вамъ. Контору-то запрутъ вѣдь.

— Значитъ, вы куда-нибудь отправляетесь? спросилъ Слиннъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мольреди нетвердо.

Ему вдругъ пришло въ голову, что ему некуда ѣхать, еслибы даже онъ и захотѣлъ, и онъ продолжалъ, какъ бы въ поясненіе:

— Мнѣ, собственно говоря, нечего дѣлать на праздникахъ. Но *вамъ* незачѣмъ сюда приходить.

Онъ помогъ старику встать, помогъ ему надѣть пальто и подалъ ему трость, которою тотъ недавно замѣнилъ костыли.

— До свиданія, старина. Сидите спокойно дома и ждите. Берегите себя.

Онъ слегка потрепалъ его по плечу и вернулся назадъ въ контору. Нѣкоторое время онъ работалъ за конторкой, затѣмъ отложилъ перо, методически свернулъ бумаги и положилъ большой пакетъ на столъ своего личнаго секретаря. Послѣ того отперъ дверь конторы и спустился по лѣстницѣ въ парадныя комнаты дома. Но тутъ было такъ пусто и грустно, что онъ показался здѣсь самому себѣ незванымъ гостемъ. Оттуда онъ направился въ верхній этажъ, на самый конецъ своего новаго вели-

колѣннаго дома, въ ту часть его, которая еще не была отдѣлана, тамъ отперъ дверь, которая вела въ какое-то помѣщеніе, и настежъ раскрылъ ее.

V.

Комната, въ которую онъ вошелъ, была, вѣрнѣе сказать, родъ чердака или кладовой, куда снесена вся прежняя мебель и домашняя утварь семейства Мольреди. Эта утварь напоминала о скромномъ происхожденіи новоиспеченнаго милліонера, и м-съ Мольреди не желала, чтобы кто-нибудь ее видѣлъ, а потому запрятала подальше на чердакъ. Тутъ находились старыя колыбели Абнера и Мемп; тусклое зеркальце, отражавшее ихъ дѣтскія, вымытыя на-чисто мыломъ рожицы и нарядная воскресная шляпа Мемп; старая швейная машинка, отслужившая свой вѣкъ; старый аккордіонъ, подъ звуки котораго Мемп пѣла гимны; старыя картины, книги и старыя дѣтскія игрушки. Въ числѣ картинъ была одна хромолитографія изъ Illustrated London News, изображавшая семейное сборище на Рождествѣ въ старинномъ, англійскомъ деревенскомъ домѣ. Мольреди остановился, поднялъ картинку, примелькавшуюся ему въ былое время, и посмотрѣлъ на нее съ новымъ и страннымъ интересомъ.

Онъ думалъ: увидитъ ли Мемп нѣчто подобное въ Англіи и почему онъ не могъ ничего такого устроить здѣсь, въ своемъ собственномъ великолѣпномъ домѣ и провести Рождество въ кругу семьи и дѣтей? Онъ припомнилъ одно былое Рождество, когда онъ привезъ Мемп ту самую куклу, которая валялась теперь безъ головы въ углу кладовой. Тамъ же стояла и сломанная деревянная лошадка, подаренная имъ Абнеру также въ одинъ изъ Рождественскихъ праздниковъ—Абнеру, который завтра долженъ скакать на кровномъ скакунѣ въ Спрингсѣ!

Какъ все перемѣнилось! Всѣ они разсѣялись по бѣлу свѣту... а вѣдь было-бы гораздо пріятнѣе снова собраться всѣмъ вмѣстѣ здѣсь? Но было ли бы это пріятнѣе *имъ*? Нѣтъ! Однако, надобно ему придумать себѣ какое-нибудь дѣло, чтобы не чувствовать себя завтра такимъ одинокимъ. Но что-же такое ему еще надо? У него есть *дѣло*: управлять своимъ громаднымъ состояніемъ. Чего еще человѣку требуется? Съ его стороны довольно низко желать еще чего нибудь, послѣ того какъ онъ могъ доставить женѣ и дѣтямъ все, чего имъ хочется. Онъ осторожно положилъ картину, обмахнувъ предварительно шелковымъ носовымъ платкомъ пыль съ рамы и стола, и медленно вышелъ изъ комнаты.

Стукъ дождя сопровождалъ его по лѣстницѣ, но онъ старался не замѣчать этого и прогнать изъ головы мысль о непогодѣ вмѣстѣ съ другими мыслями, когда снова отворилъ дверь конторы. Тамъ усѣлся онъ за работу при свѣтѣ потухавшаго дня и работалъ до тѣхъ поръ, пока китаецъ не пришелъ сказать ему, что ужинъ—трапеза, которою Мольреди благоговѣйно замѣнялъ поздній обѣдъ современной цивилизованности -- поданъ въ столовой. Мольреди машинально пошелъ туда, но когда вошелъ въ столовую, то при видѣ одинокаго прибора на пустынной бѣлой скатерти, дожидавшаго его, остановился.

— Принесите мнѣ лучше ужинать въ контору, внезапно сообразилъ онъ.

И тамъ онъ поужиналъ съ обычнымъ здоровымъ аппетитомъ, который не нуждался для поощренія въ компаніи. Онъ только-что кончилъ ужинать, какъ вошла его кухарка ирландка—единственная женская прислуга въ домѣ—и отпросилась въ гости на сегодняшній вечеръ и на весь слѣдующій день.

— Ваша милость, разумѣется, не будете кушать дома

на Рождество? А меня зовутъ двоюродныя сестры и братья къ себѣ въ Савименто.

— Почему вы ихъ не пригласите сюда? спросилъ Мольреди съ новымъ смутнымъ соображеніемъ.—Я готовъ ихъ угостить.

— Боже благослови васъ за это великодушіе! Но имъ и мнѣ хотѣлось бы провести этотъ день у себя дома.

Это было такое естественное желаніе, что Мольреди подавилъ вздохъ, давая требуемое позволеніе.

Онъ могъ самъ приготовить себѣ завтракъ; онъ и раньше дѣлалъ это; и это даже займетъ его. Что касается обѣда, то, быть можетъ, онъ пойдетъ обѣдать въ трактиръ Савименто. Онъ работалъ, пока ночь не наступила. Затѣмъ какое-то смутное безпокойство заставило его отложить въ сторону книги и бумаги. Дождь то лилъ какъ изъ ведра, то мягко стучалъ въ стекла, точно пальчиками ребенка. Это разстраивало его еще сильнѣе, чѣмъ однообразіе тишины, хотя онъ не былъ нервознымъ человѣкомъ. Онъ рѣдко читалъ книги, а мѣстная газета доставляла ему только финансовыя и торговыя извѣстія, касавшіяся его дѣлъ. Онъ зналъ, что не заснетъ, если ляжетъ въ постель. Наконецъ, онъ всталъ, открылъ окно и выглянулъ въ него просто отъ нечего дѣлать. Стукъ колесъ по грязной дорогѣ вдали, и обрывки пьяной пѣсни гуляки, спозаранку уже напившагося для праздника. Ночь была непривѣтливая и не соблазняла на прогулку, но Мольреди вдругъ пришло въ голову навѣстить Слинновъ. У нихъ, конечно, гости, и они будутъ рады его видѣть; онъ разскажетъ дѣвушкамъ про Мемп и про ея успѣхи.

Онъ вернулся въ контору, захватилъ пакетъ, приготовленный для Слинна, накинулъ плащъ на плечи и вышелъ вонъ изъ дому. Дорога была ему хорошо знакома и онъ съ увѣренностью шагалъ въ потемкахъ. Безъ

малѣйшаго страха или сантиментальности припомнилъ онъ, какъ прошлою зимою одинъ изъ *вакуеровъ* дона Цезара, переходя ночью черезъ этотъ холмъ, упалъ въ колдобину, образовавшуюся отъ дождя и былъ найденъ на слѣдующее утро мертвымъ. Донъ Цезаръ долженъ былъ обезпечить семью покойника. Предположимъ, что такой случай былъ бы съ нимъ? Ну что-жъ, онъ уже составилъ завѣщаніе. Жена и дѣти обезпечены, и дѣло его обставлено такъ, что не погибнетъ съ его смертью. Почувствуетъ ли кто его утрату? Будетъ ли оплакивать его жена, или дочь, или сынъ? Нѣтъ. Его вдругъ охватило такое внезапное и подавляющее убѣжденіе въ этомъ, что онъ остановился какъ вкопанный. Нѣтъ! Это истина. Если бы онъ исчезъ на вѣки во мракѣ этой рождественской ночи, никто не пожалѣлъ бы его. Жена позаботилась бы объ Мемп, сынъ позаботился бы о самомъ себѣ... и даже былъ бы радъ, что избавился отъ послѣднихъ слѣдовъ отцовской власти, противъ которой и теперь уже возставалъ. Впервые въ жизни Мольреди почувствовалъ нѣчто въ родѣ отвращенія къ своему семейству, чувство, котораго немогли въ немъ до сихъ поръ пробудить даже расточительность и безпутство сына. Онъ сердито пошелъ впередъ.

Дойдя до стараго дома, онъ постучался. Но тщетно прождавъ отвѣта, снова постучался. Второй стукъ тоже остался безъ всякаго дѣйствія. Тогда онъ толкнулъ дверь, и она оказалась незапертой. Онъ вошелъ въ сѣни и прошелъ въ маленькую комнатку, изъ которой свѣтился огонекъ. То былъ свѣтъ одинокой свѣчи на столикѣ и передъ нимъ, устремивъ глаза въ потухающіе угли очага, сидѣлъ старикъ Слиннъ. Другаго огня или другаго живаго существа не было въ домѣ.

На секунду Мольреди позабылъ собственныя чувства при видѣ безмолвной картины совершенной заброшен-

ности безпомощнаго старика и безъ словъ остановился на порогѣ. Затѣмъ опомнившись, подошелъ къ нему и положилъ руку на его согбенную спину.

— Ободритесь, старина! Нечего вѣшать носъ! Поглядите, я пришелъ къ вамъ по дождю, чтобы скоротать часокъ, другой.

— Я зналъ это, отвѣчалъ старикъ, не поднимая головы. Я зналъ, что вы придете.

— Вы знали, что я приду? переспросилъ Мольреди.

И въ немъ съ новой силой пробудилось чувство благоговѣйнаго страха, которое ему всегда внушалъ недугъ Слинна.

— Да; вы одиноки... какъ и я... совсѣмъ одиноки.

— Ну, а гдѣ же ваши дочери?

— Уѣхали въ гости въ Савименто.

— А сынъ?

— Онъ никогда сюда не приходитъ, когда можетъ повеселиться въ другомъ мѣстѣ.

— Ваши дѣти могли бы посидѣть дома въ Сочельникъ.

— Да и ваши тоже.

Онъ сказалъ это безъ ироніи, но съ нѣкоторымъ разсѣяннымъ убѣжденіемъ, котораго нельзя было принять за колкость.

Мольреди пропустилъ замѣчаніе.

— Ну что жъ, я не вижу причины, почему бы намъ, старикамъ, не веселиться промежъ себя, сказалъ онъ съ напускной веселостью. Мы сейчасъ устроимъ пиръ. Постойте, найдется кто-нибудь у васъ, кого бы послать ко мнѣ въ домъ?

— Они взяли и слугу съ собой, отвѣчалъ Слиннъ коротко. Здѣсь никого нѣтъ.

— Ладно. Я самъ схожу,—не унывалъ милліонеръ. Какъ вы думаете, можете вы достать побольше свѣта и растопить плиту въ кухнѣ, пока я схожу къ себѣ?

Онъ помогъ старику встать съ кресла и какъ-будто вдохнулъ въ него частицу своей энергіи.

И прибавивъ:—смотрите, не садитесь въ кресло, пока я не вернусь, снова пустился шлепать по грязи, въ темнотѣ.

Черезъ четверть часа онъ вернулся съ большимъ мѣшкомъ на плечахъ, котораго не стащилъ бы безъ натуги любой изъ его слугъ, и свалилъ его у ярко растопленной печи на кухнѣ.

— Тутъ припасы, которые старуха запасла для гостей, а они не пріѣхали. Этотъ дьяволъ китаецъ не захотѣлъ идти со мной, прибавилъ онъ со смѣхомъ, потому что, говоритъ онъ, теперь праздникъ и онъ забастовалъ отъ работы. Представьте, Слиннъ, я плачу одного жалованья своимъ наемнымъ людямъ сто пятьдесятъ долларовъ въ день и однако не могъ найти никого, кто бы помогъ мнѣ принести сюда этотъ мѣшокъ.

— Само собой разумѣется, мрачно отвѣтилъ Слинъ.

— Разумѣется, подтвердилъ и Мольреди. Ну что жъ, вѣдь это единственный у нихъ свободный денекъ изъ всѣхъ 365 въ году; и довольно съ меня 364-хъ дней, когда я могу заставить ихъ работать за себя. Я не сержусь, когда человѣкъ проявляетъ свою независимость, продолжалъ онъ, снимая сюртукъ и принимаясь развязывать мѣшокъ — простой, посконный мѣшокъ изъ подъ картофеля. Мы сами вѣдь независимые люди, Слиннъ, не такъ ли?

Хорошее расположеніе духа у него изъ напускнаго опять превратилось въ естественное. Слиннъ, глядя на его блестящіе глаза и разгорѣвшіяся щеки, не могъ не подумать, что онъ больше похожъ на самого себя въ настоящую минуту, нежели въ своей великолѣпной конторѣ, несмотря на всю свою простоту, въ роли милліонера. Менѣе разсѣянный и болѣе внимательный критикъ, чѣмъ

Слиннъ, призналъ бы въ этой способности къ черному труду и практической сообразительности прежняго трудолюбиваго садовника въ свѣжеиспеченномъ милліонерѣ.

— Господи, оборони насъ быть въ зависимости отъ дѣтей! мрачно произнесъ Слиннъ.

— Оставимъ молодежь; они сами по себѣ, а мы сами по себѣ, отвѣтилъ Мольреди, снова заглушая проснувшуюся было отъ этихъ словъ тоску, охватившую его сегодня ночью. Давайте лучше пировать.

— Я не голоденъ, сказалъ калѣка, снова усѣвшійся въ кресло предъ огнемъ.

— И я тоже, да такъ ужъ полагается по времени. Люди никакъ не могутъ веселиться, не жуя чего-нибудь, а мои директора въ Фриско не могутъ и за дѣло приняться, не пообѣдавъ. Выпьемъ прежде всего шампанскаго. Я напишу старухѣ и Мемп, какъ мы вдвоемъ кутили подъ Рождество.

— Одни одинехоньки, замѣтилъ мрачно Слиннъ.

М-ръ Мольреди откашлялся.

— Ну, конечно, одни одинехоньки. Но пили за то ея шампанское, знаете, прибавилъ онъ со смѣхомъ.

— Приготовленное не для васъ, а для кого-то другаго, медленно проговорилъ Слиннъ, глядя въ огонь.

— Эка важность! живо подтвердилъ Мольреди, рѣшивъ, очевидно, не поддаваться меланхолическимъ размышленіямъ.—Слушайте лучше, какой я придумалъ для васъ рождественскій подарокъ.

Онъ вынулъ пакетъ изъ кармана.

— Человѣкъ, какъ вы, сэръ, не нуждается въ акціяхъ или брилліантахъ; вамъ нужно, сэръ, землю, которая бы могла пропитать васъ, и если бы я не далъ клятву не разставаться съ этимъ домомъ и огородомъ, я бы отдалъ ихъ вамъ. Но вмѣсто нихъ, я дарю вамъ четыре акра земли на этомъ холмѣ и выстрою вамъ на нихъ домъ, такой же

большой, какъ этотъ, чтобы вы имѣли пріютъ на старости лѣтъ, а по смерти онъ достанется вашимъ дѣтямъ...

— Нѣтъ, только не имъ, страстно перебилъ старикъ, ни за что, ни за что!

— Потише, старина, потише, какъ же вы говорили, что все забыли и простили?

— Я ничего не забылъ, сказалъ Слиннъ дрожащимъ голосомъ, вставая съ мѣста. Дай Богъ, чтобы я позабылъ, я желалъ бы все позабыть.

Онъ стоялъ теперь, опираясь на столъ. Вино, выпитое имъ, очевидно, лишило его самообладанія, и онъ порвалъ путы, которыми добровольно сдерживалъ себя въ послѣдніе полгода; шампанское сообщило удивительную живость его крови и нервамъ; лицо его раскраснѣлось, но не исказилось; глаза блестѣли, но не изступленно; онъ глядѣлъ такъ, какъ могъ глядѣть на Мастерса, будучи въ полной силѣ, три года тому назадъ, на этомъ самомъ холмѣ.

— Выслушайте меня, Эльвинъ Мольреди, сказалъ онъ, устремляя на него жгучій взглядъ.—Выслушайте, пока у меня есть силы высказаться, и узнайте, почему я научился недовѣрять, бояться и ненавидѣть ихъ! Вы думаете, что знаете мою исторію? Ну, такъ выслушайте отъ м е н я правду, Эльвинъ Мольреди, и не удивляйтесь, что я такой, какъ вы видите:

— Три года тому назадъ я былъ рудокопъ, но не такой какъ вы! У меня былъ опытъ, у меня были научныя знанія, у меня была теорія и желѣзное терпѣніе и энергія привести ее въ исполненіе. Я выбралъ мѣсто; по моимъ соображеніямъ, оно должно было содержать золото, я провелъ туннель и безъ всякихъ указаній, совѣтовъ и помощи, работалъ цѣлыхъ полгода, безъ отдыха, безъ срока, едва давая себѣ время питаться. Ну, я открылъ золото; не такъ, какъ вы, Мольреди, не случайно, зря

или невзначай—я говорю это не въ упрекъ вамъ—но какъ осуществленіе моей теоріи, какъ награду за мой трудъ. То былъ не отдѣльный самородокъ, то была настоящая золотоносная жила... цѣлое состояніе...

— Я не зналъ до того утра, какъ я тяжко трудился; я не зналъ, какія я перенесъ лишенія, пока не замѣтилъ, что не въ состояніи ни думать, ни двигаться. Я съ трудомъ вылѣзъ на открытый воздухъ. Единственное живое существо около меня былъ Мастерсъ, разочаровавшійся аферистъ, у котораго былъ туннель неподалеку отъ моего. Я скрылъ отъ него свою удачу, не довѣрялъ ему... онъ въ тотъ же день уѣхалъ, мнѣ легко было сохранить свою тайну. Я былъ очень слабъ и разстроенъ, но помню, что написалъ письмо женѣ, сообщая о своей удачѣ и просилъ ее пріѣхать ко мнѣ; и я помню также, какъ уѣхалъ Мастерсъ. Дальше я ничего не помню, меня подняли на дорогѣ около скамьи подъ деревомъ...

— Знаю, отвѣтилъ Мольреди,—припоминая разсказъ кучера.

— Говорятъ, продолжалъ Слиннъ, дрожа,—что я совсѣмъ не приходилъ въ себя съ того дня и ничего не понималъ. Это говорятъ, но знаете, Эльвинъ Мольреди, это ложь! Я все помнилъ и понималъ вплоть до той минуты, какъ увидѣлъ у своей постели Гарри съ его холоднымъ лицемѣрнымъ лицомъ. Понимаете ли вы это! Я, владѣлецъ милліоновъ, лежалъ въ больницѣ нищимъ! Брошенный женой и дѣтьми, любопытный сюжетъ для докторовъ и я зналъ это! Я слышалъ, какъ они толковали о моемъ идіотизмѣ, объясняя его виномъ и распутствомъ! Боже мой! а я-то не зналъ ни отдыха, ни покою. Я слышалъ, какъ одинъ проповѣдникъ указывалъ на меня, какъ на человѣка, на которомъ виденъ перстъ Господень! Будь онъ проклятъ!

— Потише, старина, потише, сказалъ Мольреди кротко.

— Я слышалъ, какъ они говорили обо мнѣ какъ о бродягѣ, безъ роду и племени, о преступникѣ, до котораго никому нѣтъ дѣла. И они были правы; никто не навѣщалъ меня; къ другимъ приходили знакомые; къ инымъ пріѣзжали родные и увозили ихъ; нѣкоторые выздоравливали; не многіе счастливцы умирали! Я жилъ, одинокій, заброшенный, всѣми позабытый. Въ первый годъ я молился, чтобы семейные мои розыскали меня. Я ежедневно ждалъ ихъ. Я никогда не терялъ надежды. Я говорилъ себѣ: она не получила моего письма; но наконецъ мое молчаніе испугаетъ ее и тогда она пошлетъ кого-нибудь на розыски. Одинъ молодой студентъ заинтересовался мною и, изучая мой взглядъ, пришелъ къ заключенію, что я не идіотъ и кое-что понимаю. Съ помощью азбуки онъ заставилъ меня сообщить свое имя и родной городъ въ Иллинойсѣ и знаками обѣщалъ написать обо мнѣ моей семьѣ.

— Но не въ добрый часъ я разсказалъ ему про мое богатство и съ этого момента увидѣлъ, что онъ считаетъ меня сумасшедшимъ и идіотомъ. Онъ ушелъ и я его больше не видѣлъ! И однако все-таки надѣялся.

— Но должно быть на второй годъ со мной произошла какая то перемѣна, потому что я сталъ бояться, что вотъ они пріѣдутъ и найдутъ меня такимъ жалкимъ калѣкой. Страшная мысль, что и они также, какъ и студентъ, сочтутъ меня сумасшедшимъ, когда я заговорю съ ними о моемъ богатствѣ, заставила меня молить Бога, чтобы они розыскали меня не прежде, чѣмъ я поправлюсь... Въ одинъ злосчастный день я узналъ, что мой пріискъ открытъ! Вы понимаете? мое сокровище... мой кладъ, стоившій мнѣ столькихъ лѣтъ труда и здоровья, найденъ другимъ, а я... я нищій и забытый калѣка. Говорятъ, что они нашли меня безчувственнымъ на полу, куда я упалъ, когда услышалъ роковую вѣсть—я не помню. Я ничего не помню до того момента, какъ меня нашелъ въ больницѣ сынъ,

газетный репортеръ, случайно забредшій въ больницу. Онъ счелъ меня помѣшаннымъ и идіотомъ. Я не разубѣждалъ его. Я не разсказывалъ ему о моемъ пріискѣ, чтобы не возбуждать его сомнѣній и насмѣшекъ или, хуже того, чтобы онъ не попалъ въ его неблагодарныя руки. Нѣтъ, я ничего не говорилъ. Я дозволилъ привезти себя сюда; этого онъ не могъ не сдѣлать изъ простаго приличія.

— И какое доказательство есть у васъ, что пріискъ точно вашъ? внушительно спросилъ Мольреди.

— Еслибы у меня было мое письмо... еслибы я могъ найти Мастерса, отвѣчалъ неопредѣленно Слиннъ.

— А вы знаете, гдѣ письмо? И гдѣ найти Мастерса?

— Нѣтъ... не знаю... помню только, что гдѣ-то видѣлъ письмо...

Онъ провелъ рукою по лбу и вдругъ хлопнулъ парализованной рукой по столу.

— Я вспомню, гдѣ я его видѣлъ... непремѣнно вспомню.

— Потише, старина, потише.

— Вы спрашивали меня про мои грезы. Ну, вотъ это одна изъ нихъ. Я помню человѣка, показывающаго мнѣ это письмо. Я взялъ его у него изъ рукъ и узналъ, что оно мое по образчикамъ золота, завернутымъ въ немъ. Но гдѣ это было... и когда... и что сталось съ письмомъ— этого я не могу сказать, Но я припомню, навѣрное припомню!

Онъ взглянулъ на Мольреди и увидѣлъ, что тотъ смотритъ на него очень внимательно и серьезно, и съ горечью сказалъ:

— Вы считаете меня сумасшедшимъ? я это знаю. Этого только недоставало.

— Гдѣ вашъ пріискъ? спросилъ Мольреди, не отвѣчая на вопросъ.

Старикъ быстро опустилъ глаза въ полъ.

— Это, значитъ, секретъ?

— Нѣтъ.

— Вы кому-нибудь о немъ говорили?

— Нѣтъ.

— Не говорили тому, кто владѣетъ имъ теперь?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Потому что я не хочу отнять у него пріискъ.

— Почему же?

— Потому что *вы* тотъ человѣкъ.

Такая тишина наступила послѣ этихъ словъ, что слышалось тиканье часовъ. И дождь пересталъ стучать о крыши.

— Значитъ, это въ *моей* шахтѣ и моей землѣ былъ вашъ туннель три года тому назадъ? Это ваша мысль?

— Да.

— Тогда я не понимаю, почему вы не хотите искать своего права?

— Я сказалъ вамъ, почему я не хочу, чтобы оно доставалось моимъ дѣтямъ. Скажу болѣе, Эльвинъ Мольреди, я радъ былъ, что ваши дѣти такіе моты; пусть они промотаютъ это ужасное богатство. Оно было проклятіемъ для меня; пусть будетъ проклятіемъ и для нихъ. Вы сочтете меня озлобленнымъ и жестокимъ, но то, что я увидѣлъ сегодня вечеромъ, раскрыло мнѣ глаза. Вы, владѣлецъ моего богатства, моего клада, не могли купить на свои милліоны любви вашихъ дѣтей, ихъ заботъ и нѣжности, также какъ и я — бѣднякъ — не пріобрѣлъ любви своихъ дѣтей. Вы также заброшены и одиноки, какъ и я. Мы сравнялись въ жизни. Если-бы это проклятое золото провалилось сквозь землю, мы могли бы протянуть руки другъ другу, какъ братья.

*

Мольреди всталъ съ мѣста и послѣ минутной задумчивости взглянулъ на Слинна.

— Выслушайте меня, старина! Вы ничѣмъ не можете доказать истины своихъ словъ. Письмо затерялось неизвѣстно куда; Мастерса здѣсь нѣтъ, да еслибы онъ и былъ, вы же сами говорите, что онъ ничего не зналъ про вашу находку У васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ, что пріискъ вашъ, а не мой. Ни одинъ дѣловой человѣкъ, ни одинъ, даже дружески расположенный къ вамъ, человѣкъ не повѣритъ вашей исторіи и сочтетъ васъ за помѣшаннаго. Слиннъ! я—дѣловой человѣкъ... и я вашъ другъ... и вашъ соперникъ... но я не думаю, что вы помѣшаны и вѣрю, что въ вашемъ разсказѣ есть правда... Но если вы думаете, прибавилъ онъ, помолчавъ съ минуту, что я на основаніи этого уступлю вамъ свой пріискъ, то вы ошибаетесь. Я не могу этого сдѣлать ради жены и дѣтей прежде, нежели вы д о к а ж е т е, что пріискъ вашъ. Я болѣе чѣмъ удвоилъ доходы, которые вы бы имѣли съ него три года тому назадъ. Когда вы докажете мнѣ, такъ или иначе, справедливость своихъ словъ, я вознагражу васъ въ томъ размѣрѣ, какой вы признаете нужнымъ.

— И вы думаете, что я теперь приму отъ васъ деньги? сказалъ старикъ страстно. Вы думаете, что ваша милостыня вернетъ мнѣ покойную жену, три года потерянной жизни, любовь и уваженіе моихъ дѣтей? Или же вы думаете, что ваша собственная жена и ваши дѣти, которыя бросили васъ въ богатствѣ, вернутся къ вамъ въ бѣдности? Нѣтъ! Пусть проклятіе остается тамъ, гдѣ опредѣлила судьба. Мнѣ ничего не надо!

— Потише, старина, потише, отвѣчалъ Мольреди спокойно, надѣвая сюртукъ. Вы возьмете пріискъ—если онъ вашъ, и я оставлю его себѣ—если онъ мой. Если

онъ вашъ, вы дадите случай вашимъ дѣтямъ показать, что они могутъ сдѣлать для васъ, когда разбогатѣютъ, а я... дамъ своимъ случай показать, какъ они поведутъ себя при раззореніи и разочарованіи!

Онъ повернулся и отворилъ дверь. Съ быстрой перемѣной настроенія Слинн схватилъ руку Мольреди и поднесъ ее къ губамъ.

Мольреди улыбнулся, мягко высвободилъ руку и проговорилъ:

— Потише, старина, потише! и затворилъ за собою дверь.

На небѣ сверкали звѣзды. Онъ чувствовалъ, что у него словно бремя свалилось съ плечъ, когда онъ вышелъ на свѣжій воздухъ. Онъ скоро и думать позабылъ объ одинокомъ старикѣ, котораго только-что оставилъ. Онъ думалъ только о женѣ и дочери. Въ эту самую минуту и онѣ думали о немъ въ своей пышной виллѣ на берегу Средиземнаго моря въ Каннѣ, обсуждая возможность для Мени выйдти замужъ за князя Россо-Ингра, если только м-ръ Мольреди заплатитъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ долларовъ карточнаго долга за этого злополучнаго джентльмена.

VI.

Когда Эльвинъ Мольреди вернулся домой, онъ уже не думалъ о своемъ одиночествѣ. Разговоръ съ старикомъ Слинномъ вытѣснилъ воспоминаніе объ этомъ изъ его ума и замѣнилъ новыми размышленіями.

Подъ вліяніемъ этихъ размышленій, онъ опять отправился на чердакъ въ кладовую, гдѣ хранились реликвіи его прошлой жизни. Теперь онъ посмотрѣлъ на нихъ совсѣмъ иными глазами. Неужели возможно, чтобы эти реликвіи снова вышли изъ забвенія на Божій свѣтъ? Практическій смыслъ говорилъ ему: нѣтъ! хотя бы онъ этого

и пожелалъ. Внезапный холодъ охватилъ его. Жена и дочь никогда не подчинятся! Онѣ уѣдутъ отсюда далеко, далеко, гдѣ бы ничто не напоминало имъ ни прежней бѣдности, ни прежняго богатства. Мемп—его Мемп—ни за что не согласится переступить за порогъ дома послѣ дочерей Слинна и занять ихъ мѣсто. Нѣтъ! Да и зачѣмъ ей это дѣлать? Затѣмъ. что нашелся старый, полоумный. злопамятный старикъ!

Онъ вдругъ вздрогнулъ. Переворачивая кипу стараго, заплеснѣвѣвшаго платья, онъ увидѣлъ старую кирку, ту самую, которую онъ нашелъ въ шахтѣ и про которую совсѣмъ было позабылъ! Почему онъ о ней не вспомнилъ раньше? Почему онъ не подумалъ о ней, когда старикъ Слиннъ передавалъ ему свою исторію? Ему стало стыдно, точно онъ намѣренно обманулъ старика. Онъ собирался уходить, какъ вдругъ снова вздрогнулъ...

На этотъ разъ потому, что его окликнулъ какой-то голосъ—голосъ Слинна. Какъ этотъ искалѣченный человѣкъ добрался сюда и что ему нужно? Онъ торопливо отбросилъ кирку, которую въ первую минуту захватилъ было съ собой, и спустился съ лѣстницы.

Старикъ ждалъ его у дверей конторы.

Когда Мольреди подошелъ ближе, то увидѣлъ, что Слиннъ весь дрожитъ и цѣпляется за дверь, чтобы не упасть.

— Я пришелъ, Мольреди, заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, просить васъ забыть все, что я вамъ говорилъ. Выкиньте это изъ головы и побожитесь, что никому о томъ не скажете. Все это не стоитъ счастія, какое я нашелъ въ вашей дружбѣ — дружбѣ хорошаго человѣка— и я почувствовалъ это въ послѣдніе полчаса, когда имѣлъ несчастіе ея лишиться.

— Пойдемъ со мной, отвѣтилъ Мольреди, помогая старику взбираться по лѣстницѣ.

— Узнаете ли вы эту кирку?

— Да, кажется; однако...

— Это ваша кирка?

— Нѣтъ.

— Почему вы въ томъ увѣрены?

— У нея не такая ручка.

— Значитъ, эта кирка не ваша?

— Нѣтъ; у моей ручка была сломана, но мнѣ не на что было купить новую кирку.

— Значитъ, вы положительно утверждаете, что кирка, которую я нашелъ въ моей шахтѣ, не ваша?

— Да.

— Слиннъ!

Старикъ провелъ рукою по лбу, поглядѣлъ на Мольреди и опустилъ глаза.

— Нѣтъ, не моя, просто отвѣтилъ онъ.

— Ладно.

— И вы не будете больше говорить объ этомъ? робко спросилъ старикъ.

— Хорошо; обѣщаю вамъ.

Онъ сдержалъ слово, но не прежде какъ заставилъ Слинна описать ему Мастерса такъ подробно, какъ только тотъ могъ это сдѣлать.

Это описаніе вмѣстѣ съ большой суммой денегъ и обѣщаніемъ еще болѣе щедраго вознагражденія, Мольреди передалъ въ руки своего стряпчаго. Послѣ того старыя отношенія съ Слинномъ возобновились; въ одномъ только произошла разница: переписка отца съ женой и дочерью не проходила больше черезъ руки частнаго секретаря.

Протекло три мѣсяца; дождливый сезонъ прекратился, и скаты холмовъ вокругъ шахты Мольреди запестрѣли цвѣтами. Въ воздухѣ носились слухи о фешенебельномъ бракѣ, и въ «Извѣстіяхъ» глухо упоминалось, что, быть

можетъ, именитый капиталистъ будетъ вскорѣ вызванъ заграницу. Но лицо этого именитаго капиталиста, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ не выражало довольства; напротивъ того, въ послѣднія нѣсколько недѣль казалось встревоженнымъ и озабоченнымъ и совсѣмъ утратило свое обычное спокойствіе. Люди качали головой; нѣкоторые говорили про спекуляціи; всѣ толковали про расточительность его семьи.

Въ одно утро, послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, Слиннъ, глядя на озабоченное лицо хозяина, всталъ и заковылялъ въ его сторону.

— Мы обѣщали другъ другу никогда не возобновлять святочнаго разговора, если только я не добуду доказательства тому, что говорилъ. У меня ихъ нѣтъ и не будетъ, да и не надо мнѣ ихъ вовсе, и если я нарушаю обѣщаніе, то потому только, что не могу видѣть васъ такимъ несчастнымъ и не знать, что̀ тому причиной.

Мольреди сдѣлалъ жестъ отрицанія, но старикъ продолжалъ:

— Вы несчастны, Эльвинъ Мольреди, вы несчастны, потому, что хотите дать за дочерью двѣсти пятьдесятъ тысячъ долларовъ приданаго и не рѣшаетесь тратить деньги, которыя считаете не своими, а моими.

— Кто говоритъ о приданомъ? спросилъ Мольреди съ гнѣвнымъ румянцемъ въ лицѣ.

— Донъ Цезарь Альваредо сказалъ объ этомъ моей дочери.

— Я вамъ скажу вотъ что, старина. Я былъ бы радъ дать это приданое за дочерью и пусть Мэми будетъ княгиней; я былъ бы радъ заткнуть глотку испанцу, но не трону этихъ денегъ... если только вы не дадите мнѣ ихъ взаймы... а я вамъ выдамъ вексель.

— А если я разорву вексель, то это уже не ваше дѣло, замѣтилъ старикъ.

Въ эту минуту слуга пришелъ доложить о приходѣ дона Цезара Альваредо, который желаетъ переговорить о дѣлѣ.

— Просите, сказалъ Мольреди коротко.

Дверь отворилась и вошелъ донъ Цезаръ — прямой какъ тополь, серьезный и важный.

Мольреди не видѣлъ испанца со времени возвращенія его изъ Европы, но даже его неопытный глазъ не могъ не замѣтить, съ какой граціей и ловкостью усвоилъ себѣ юный креолъ стиль и моды старѣйшей цивилизаціи. Можно было скорѣе сказать, что онъ вернулся къ прежнему состоянію, нежели усвоилъ новое.

— Садитесь, пригласилъ Мольреди.

Молодой человѣкъ значительно поглядѣлъ на старика Слинна.

— Говорите при немъ, продолжалъ Мольреди, онъ мой личный секретарь.

— Въ такомъ случаѣ я могу придти въ другой разъ, надменно отвѣтилъ донъ Цезаръ. Долженъ ли я понять ваши слова такъ, что вамъ теперь некогда и я пришелъ не во время?

Мольреди колебался. Онъ привыкъ уважать дона Рамона Альваредо и считать его выше себя по общественному положенію. Теперь очевидно и сынъ претендовалъ на такое же преимущество, хотя чуть было не сталъ его зятемъ. Онъ всталъ, не говоря ни слова, и повелъ дона Цезара въ гостиную.

— Я надѣялся, что синьора Мольреди избавитъ меня отъ необходимости этого свиданія, или по крайней мѣрѣ предупредитъ васъ объ его цѣли. Но изъ того, что вы предложили мнѣ объясняться въ присутствіи несчастнаго синьора Эслинна, я заключаю, что она этого не сдѣлала.

— Не знаю, на что вы намекаете, и какое дѣло м-съ Мольреди до васъ или до Слинна.

— Долженъ ли я понять, что м-съ Мольреди не писала вамъ ничего про то, что я довѣрилъ въ ея руки весьма важное для м-ра Эслинна письмо?

— Письмо? у моей жены есть письмо Слиннъ?

Донъ Цезарь внимательно посмотрѣлъ на милліонера.

— Такъ, такъ. Я этого какъ разъ опасался. Она уничтожила письмо, ни слова не сказавъ вамъ про него. Я бы тоже сохранялъ тайну, но я ищу руки дочери синьора Эслинна и считаю себя обязаннымъ выпросить сперва у нея прощенія за ущербъ, причиненный ея отцу.

— Вы знаете содержаніе этого письма?

— Я снялъ съ него копію.

— Пойдемте, сказалъ Мольреди.

И повелъ дона Цезара назадъ въ контору.

— Донъ Цезарь нашелъ ваше письмо, сказалъ онъ Слинну, и я вамъ его прочитаю вслухъ, чтобы вамъ легче было слѣдить за его содержаніемъ:

«Милая жена, я только-что нашелъ золото въ своемъ туннелѣ, и ты должна тотчасъ же ѣхать сюда съ дѣтьми. Я полгода трудился какъ волъ и теперь очень слабъ... пріѣзжай немедленно... мы теперь богаты. Мы были бы богаты, еслибы даже это была жила, идущая на западъ къ ближайшему туннелю, а не на востокъ, согласно моей теоріи...

— Постойте! закричалъ Слиннъ.

Мольреди взглянулъ на него.

— Невѣрно, что ли? спросилъ онъ тревожно. Надо было сказать на **востокъ** къ ближайшему туннелю?

— Нѣтъ, вѣрно! Но я ошибся, мы всѣ ошиблись!

Слиннъ вскочилъ на ноги и выпрямился, точно здоровый.

— Развѣ вы не понимаете, **что вы нашли туннель Мастерса**? Не мой, а Мастерса! это его и кирка, я теперь ее призналъ.

— А вашъ туннель? а ваша кирка?

— Все тамъ же, гдѣ и были!

И вслѣдъ за тѣмъ Слиннъ бросился вонъ изъ комнаты; за нимъ послѣдовали остальные. Дорога вела мимо шахты Мольреди, и Слиннъ вырвалъ изъ рукъ изумленнаго китайца, рывшаго тамъ землю, заступъ и бросился дальше. Пройдя четверть мили, онъ остановился передъ углубленіемъ въ холмѣ.

— Вамъ нельзя сунуться туда безъ огня, остановилъ его за руку Мольреди.

— Я знаю тамъ каждое мѣстечко наизусть и могу ходить въ потьмахъ, какъ днемъ.

И онъ исчезъ въ черное отверстіе. Вскорѣ онъ вернулся назадъ, прижимая что-то къ груди. Они хотѣли поддержать его. Но и самъ онъ и ноша его—неровный кусокъ золота съ кварцемъ—упали на землю. Слиннъ нашелъ въ себѣ настолько силы, чтобы обратить взоръ на другаго милліонера въ Савиенто, наклонившагося надъ нимъ.

— Вы видите, проговорилъ онъ прерывистымъ голосомъ,—я не... сумашедшій...

Нѣтъ! Онъ не былъ сумашедшимъ. Но онъ былъ мертвъ.

Таинственный призывъ.

Были святки. Докторъ пододвинулъ свое кресло къ камину и бросилъ добрый, но строгій взглядъ на окружавшія его русыя дѣтскія головки.

— Я не желаю,—началъ онъ,—чтобы кто-нибудь прерывалъ меня глупыми вопросами. При первомъ вопросѣ я замолчу, а при второмъ... задамъ всѣмъ по доброй порціи касторки. Если же кто-нибудь изъ васъ пошевелитъ ногой или рукой, я сейчасъ ее отрѣжу: у меня съ собою всѣ инструменты. Дайте-же обѣщаніе слушать смирно.

— Да, да! отвѣчало шесть юныхъ голосовъ, но вслѣдъ затѣмъ посыпались вопросы отъ маленькихъ слушателей.

— Тише, тише! Кто громко перегрызетъ миндалинку или засопитъ, набивая ротъ сладостями, тотчасъ будетъ удаленъ изъ комнаты.

.... Четыре года тому назадъ,—началъ докторъ,—я слушалъ лекціи въ одномъ изъ большихъ городовъ. Мой профессоръ, добрый, хотя немного упрямый человѣкъ, пригласилъ меня провести въ его семействѣ сочельникъ. Я съ удовольствіемъ согласился, такъ какъ мнѣ давно уже хотѣлось увидѣть одного изъ его сыновей, мальчика лѣтъ двѣнадцати, замѣчательно умнаго. Вечеръ у профессора былъ очень веселый. Онъ пригласилъ дѣтей со всего околодка и среди нихъ необыкновенный сынъ хозяина казался какимъ-то уродомъ. Мальчикъ былъ очень слабаго здоровья и рѣдко бѣгалъ или игралъ съ товарищами, а охотнѣе читалъ книгу или писалъ стихи. Хозяиномъ была приготовлена великолѣпная елка и всѣ смѣялись, шутили и старались отгадать,—кому какой приготовленъ подарокъ. Дѣти, казалось, были очень счастливы и выкликали имена другъ друга, обозначенныя на игрушкахъ. Вдругъ кто-то произнесъ съ удивленіемъ:

— Вотъ подарокъ и Руперту—отгадайте, что?

— Письменный столъ?

— Золотое перо?

— Полное собраніе сочиненій Мильтона?

— Словарь рифмъ?

— Да скажите-же, что такое?

Эти вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ.

— Барабанъ!

— Что? спросили мы всѣ въ одинъ голосъ.

— Да, барабанъ!

Дѣйствительно, мы увидали большой, новый, блестящій барабанъ съ мѣднымъ обручемъ и съ надписью: для Руперта Конечно, мы всѣ расхохотались, находя очень веселой эту шутку,—подарить взрослому серьезному мальчику такую дѣтскую игрушку.

— Ты сдѣлаешь много шума въ свѣтѣ, Рупертъ, говорилъ одинъ изъ гостей.

— Это пергаментъ для поэта, шутилъ другой.

— Это послѣднее сочиненіе Руперта въ кожаномъ переплетѣ, прибавлялъ третій.

— Сыграй намъ классическій мотивъ, Рупертъ! восклицалъ четвертый.

Но Рупертъ былъ такъ оскорбленъ, что не могъ произнести ни слова. Онъ поблѣднѣлъ, прикусилъ губу и, наконецъ, горько заплакавъ, выбѣжалъ изъ комнаты. Смѣявшимся раньше надъ нимъ стало стыдно и всѣ спрашивали, кто повѣсилъ на елку барабанъ. Никто не зналъ. (А, вы хотите знать мое мнѣніе? Я вамъ его не скажу и вы не смѣете задавать вопросовъ. Помните уговоръ!) Какъ бы то ни было, Рупертъ не возвратился въ гостиную и мы вскорѣ разошлись.

Докторъ прокашлялся и продолжалъ:

— На слѣдующую весну началась война между Сѣверомъ и Югомъ и я былъ назначенъ врачемъ въ одинъ изъ вновь сформировавшихся полковъ. По дорогѣ въ армію, я проѣзжалъ мимо города, гдѣ жилъ профессоръ, и, конечно, зашелъ къ нему. Мой первый вопросъ былъ о Рупертѣ. Отецъ грустно покачалъ головой.

— Онъ нездоровъ, сказалъ онъ, — онъ чахнетъ съ прошлаго Рождества. Это странный, очень странный случай. Взгляните на него сами; ваше посѣщеніе, быть можетъ, его развлечетъ.

Я нашелъ Руперта на диванѣ, обложеннаго подушками. Вокругъ него валялись книги, а надъ головой висѣлъ

на гвоздикѣ знакомый барабанъ. Лицо мальчика было исхудалое, изнуренное, на обѣихъ щекахъ виднѣлись красныя пятна, и широко открытые глаза ярко блестѣли. Онъ обрадовался мнѣ и, узнавъ куда я ѣду, разспрашивалъ подробно о войнѣ. Я думалъ, что мнѣ удалось отвлечь его мысли отъ болѣзненныхъ страданій, но онъ вдругъ схватилъ меня за руку, привлекъ къ себѣ и сказалъ шепотомъ:

— Докторъ, вы не будете смѣяться надо мною, если что нибудь вамъ скажу?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Вы помните этотъ барабанъ? Нѣсколько недѣль, послѣ Рождества я однажды лежалъ въ постели, какъ вдругъ барабанъ, висѣвшій на этомъ самомъ мѣстѣ, сталъ издавать сначала тихіе, а потомъ все болѣе и болѣе громкіе звуки, такъ что, наконецъ, по всему дому загремѣлъ барабанный бой. Послѣ полуночи онъ снова повторился. На другой день я никому не сказалъ ни слова о случившемся; но съ тѣхъ поръ каждую ночь барабанъ бьетъ надъ моей головой.

Я пристально взглянулъ на него и пощупалъ пульсъ. Глаза его горѣли, пульсъ былъ частый. Возвратясь въ кабинетъ профессора, я высказалъ ему мое мнѣніе. (Вамъ, дѣтки, до него нѣтъ никакого дѣла).

— Ему просто нужны воздухъ, движеніе и трудъ, отвѣчалъ профессоръ, который былъ не дурной человѣкъ и очень умный, но, какъ я уже вамъ сказалъ, упрямый.

Въ тотъ же день я отправился далѣе и совершенно забылъ о маленькомъ Рупертѣ. Но однажды, встрѣтивъ стараго товарища, онъ сообщилъ мнѣ, что бѣдный мальчикъ, совершено сойдя съ ума, бѣжалъ изъ дома во время одного изъ припадковъ.

Вскорѣ послѣ моего разговора съ старымъ товарищемъ случилось одно изъ сильныхъ кровопролитныхъ сраженій всей войны. Часть нашей арміи была истреблена и меня послали на поле сраженія для того, чтобы раздѣлить труды врачей погибшей дивизіи, которые не въ состояніи были одни справиться съ грудами раненыхъ. Прибывъ въ временный лазаретъ, я хотѣлъ перевязать рану одному солдату изъ Вермонта, у котораго были оторваны два пальца, но онъ просилъ меня прежде помочь другимъ, болѣе нуждавшимся въ моей помощи.

— Ради Бога, докторъ, оставьте меня и пойдите къ барабанщику нашего полка. Онъ совсѣмъ еще ребенокъ и умираетъ, если уже не умеръ. Вотъ онъ тамъ лежитъ.

Я тотчасъ пошелъ къ барабанщику, который лежалъ нѣсколько поодаль вмѣстѣ съ своимъ барабаномъ. Съ перваго взгляда я узналъ въ немъ бѣднаго Руперта. И безъ словъ раненаго солдата, и безъ креста, сдѣланнаго мѣломъ другимъ докторомъ на скамейкѣ и доказывавшаго, какъ необходима была помощь больному, можно было сразу сказать, что минуты его сочтены. Холодный потъ, выступившій на его блѣдномъ лбу, совершенно склеилъ его каштановыя кудри. Я позвалъ его по имени. Онъ открылъ глаза и узналъ меня.

— Я радъ, что вы пришли, но едва-ли можете мнѣ помочь, промолвилъ онъ шопотомъ.

Я не хотѣлъ солгать и потому молча пожалъ ему руку.

— Вы увидите отца,— продолжалъ онъ,— попросите у него прощенія за меня. Я одинъ во всемъ виноватъ. Долго я не понималъ, зачѣмъ на елкѣ явился барабанъ и къ чему онъ постоянно билъ. Теперь я понимаю. Я сдѣлалъ свое дѣло и счастливъ. Скажите отцу, что все къ лучшему. Еслибы я остался въ живыхъ, то я только безпокоилъ-бы и сердилъ его, а теперь что-то говоритъ мнѣ: «ты поступилъ хорошо».

Бѣдный мальчикъ умолкъ и нѣсколько минутъ лежалъ тихо. Потомъ онъ схватилъ меня за руку и воскликнулъ:

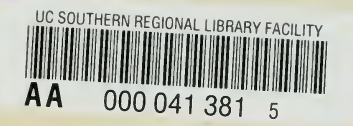
— Слышите?

Я слышалъ только стонъ раненыхъ.

— Барабанъ, промолвилъ Рупертъ едва слышнымъ голосомъ,— барабанъ зоветъ меня. Слышите, продолжалъ онъ, протягивая руку, чтобы схватить свой барабанъ.— Это заря. Войско все въ сборѣ. Смотрите, какъ блеститъ солнце на штыкахъ. На-караулъ! Идетъ полководецъ... но что это... Я не могу смотрѣть на его лицо, оно сіяетъ лучезарнымъ блескомъ... Онъ видитъ меня, улыбается мнѣ... это...

Онъ умолкъ, тихо вытянулся во весь ростъ на деревянной койкѣ— и все было кончено.

Ну, дѣти, довольно. Ни одного вопроса!. Ничего не спрашивать, что сталось съ барабаномъ. Кто хнычетъ? Сейчасъ дамъ касторки...


UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
AA 000 041 381 5